

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

*Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ
СЕРГИЙ, ЕПИСКОП НАРВСКИЙ
ВАСИЛИЙ, ЕПИСКОП КАРГОПОЛЬСКИЙ
ИЛАРИОН, ЕПИСКОП ПОРЕЧСКИЙ**

ТАЙНОЕ СЛУЖЕНИЕ ИОСИФЛЯН

Жизнеописания и документы

Составитель
Л. Е. Сикорская

Москва
БРАТОНЕЖ
2009

УДК 27-36
ББК 86.374
С25

Редактор
И. И. Осипова

С25 Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2009. — 520 с. + [48] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-0420-6

Очередная книга серии продолжает повествование об иосифлянах Петроградской епархии. В книге представлены жизнеописания епископов: Сергия (Дружинина), Василия (Докторова), Илариона (Бельского), архимандрита Клавдия (Савинского), претерпевших мученическую кончину от богоборцев, а также священноисповедников иеромонаха Тихона (Зорина) и священника Михаила Рождественского, осуществлявших тайное служение до наших дней. Кроме того, в издании помещены архивные документы и подробные воспоминания очевидцев о многих других иосифлянских пастырях и их пастве.

УДК 27-36
ББК 86.374

© Л. Е. Сикорская, 2009

Предисловие

Продолжая серию «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти», мы предлагаем читателям третью книгу, посвященную иосифлянам Петроградской епархии. Как уже неоднократно отмечалось, этой епархии принадлежит особое место в церковной истории прошлого века. Именно ее архиереи и пастыри, вдохновленные примером Петроградского митрополита Вениамина (Казанского), претерпевшего мученическую кончину от богоборцев в 1922 году, одними из первых встали на защиту церковной свободы и, возглавляемые преемником священномученика Вениамина по Петроградской кафедре митрополитом Иосифом (Петровых), противостояли той разрушительной политике, о которой предупреждал митрополит Вениамин в своем предсмертном письме¹.

¹ «Его бессмертные слова, написанные в тюрьме незадолго до расстрела и занявшие в церковном предании подобающее место наряду с посланиями древних мучеников, стали заветом и руководством для Русской Православной Церкви в грядущих испытаниях. Написанные поистине не чернилами, а кровью, эти слова вдохновляли всех ревнителей церковной свободы, последовавших по стопам мужественного святителя:

“...Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам,

Действия иосифлян (как их стали называть, по имени митрополита Иосифа) вызвали неоднозначную реакцию в церковных кругах. За свою прямолинейность и строгость они подвергались порицаниям даже со стороны сочувствовавших и близких им по духу, не говоря уже о явных противниках, обвинявших иосифлян в расколе, гордыне и озлобленности.

Однако время расставило все на свои места, и вскоре правота петроградцев стала ясна для многих. Как писал спустя десять лет священномученик митрополит Казанский Кирилл (Смирнов):

«С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что именно с его благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи митрополита Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности»².

Это предостережение было выражено и в устных беседах, и в многочисленных обращениях и письмах, которые вместе с серьезным анализом церковной ситуации того времени содержали глубокие богословские и канонические выводы, не потерявшие актуальности и на сегодняшний день. Многие из этих документов уже опубликованы в различных изданиях,

пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя...»

Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды. / Сост. М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская. — СПб.: Кифа, 2006. С. 7–8.

² Черновик письма митрополита Кирилла от 23 марта 1937 года, изъятый у него при последнем аресте.

зарубежных и отечественных³, но, безусловно, это еще далеко не все иосифлянские документы. Их полное изучение и опубликование — дело будущего, надеемся, не отдаленного, поскольку сейчас как никогда важно услышать из первых уст свидетельства мучеников и исповедников о церковной правде. Донести до читателей их живые голоса — одна из основных целей и нашей серии.

В представленной книге таких документов мало. И живые голоса мучеников-архиереев в основном доносят лишь протоколы следственных дел. Следует учитывать специфичность данного источника: безапелляционный стиль изложения, их заведомую тенденциозность, а порой и искажение показаний обвиняемых. И тем не менее даже такие советские источники не могли скрыть или заглушить мужественные голоса исповедников веры и нередко в точности фиксировали и сохраняли все ими сказанное, словно в обличение себе и в назидание потомкам. В этом плане особенно интересны протоколы допросов епископа Сергия (Дружинина)⁴ и иеромонахов Митрофана (Михайлова) и Филарета (Карзанова)⁵.

Помимо письменных документов существует еще один интереснейший источник, почти не представленный в двух предыдущих книгах по Петроградской епархии, — это рассказы доживших до наших дней иосифлян, лично знавших иосифлянских пастырей, мучеников и исповедников. Этот пробел восполняется подробными воспоминаниями петроградских иосифлян, приведенными в Части III.

³ Во второй книге нашей серии помещена подборка наиболее ярких документов, распространявшихся среди иосифлян и изъятых при первых арестах — «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы». Жизнеописания и документы. / Сост. Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2008.

⁴ В Части I.

⁵ В Приложении I.

В тексте книги цитаты из воспоминаний отделяются от основного текста отступом. Документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИИЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно Игорю Васильевичу Ильичеву. Глубокая благодарность за прекрасные рассказы и сердечное участие в нашей работе — Лидии Павловне Семеновой и Вере Федоровне Сазоновой (Санкт-Петербург).

Особая признательность **Фрэнсису Грину**, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

ЧАСТЬ I

Последние иосифлянские архиереи Петроградской епархии

ГЛАВА I

Епископ Сергей (Дружинин)

Начало

Будущий епископ Сергей родился в деревне Новое Село Бежецкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. По поводу даты его рождения следует отметить, что в следственных документах 1930-х годов сам владыка указывает 1858 год — это и в анкете арестованного от 7 декабря 1930 года, и в протоколе допроса от 7 марта 1931 года. Однако в копии свидетельства о его крещении, сохранившейся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга⁶, указывается иная дата:

«Свидетельство.

В копии метрических книг, хранящихся при Троицкой церкви села Алабузина Бежецкого уезда, за тысяча восемьсот шестьдесят третий год в первой части о родившихся, под № 44 мужского пола написано:

⁶ В фонде Троицко-Сергиевой пустыни дело «Об определении в послушники сей пустыни крестьянина Тверской губернии Ивана Прохорова Дружинина».

“<...>июня 20 дня родился, а 21 крещен Иван”. Родители его: казенного ведомства (ныне Новской волости) деревни Нового Села, крестьянин Прохор Иванов и законная его жена Пелагея Кузьмина, православного вероисповедания. Восприемником при таинстве крещения был: тоя же деревни Флор Кузьмин. Молитвовал и крестил того же села священник Алексей Ефремовский с пономарем Ахматовым.

В чем с приложением церковной печати и свидетельствуем: Бежецкого уезда, села Алабузина священник Иоанн Сперанский.

(Подписал) псаломщик Иаков Душкин
того же села псаломщик Иван Ахматов.
1889 года июня дня (М. П.)»⁷.

Так же спокойно и обстоятельно, как составлялись подобные самые простые и необходимые документы, протекала и жизнь их составителей и получателей. Тяжелый, но благословенный крестьянский труд на земле, суровые будни, радостные праздники, конечно же, церковные. И хотя в пореформенной России уже начал рушиться прежний уклад, и нечто новое и чужеродное вторгалось в веками устоявшийся крестьянский быт, в целом же огромная страна, императорская православная держава, еще продолжала жить своей размеренной жизнью. Революционные толчки заставляли ее содрогаться, но, вопреки всей позднейшей пропаганде об «отсталости», она переживала необыкновенный подъем и расцвет во всех областях жизни, экономической, военной, культурной⁸. Конеч-

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 24. Д. 32. Л. 6.

⁸ За последние два десятилетия опубликовано немало статистических данных об экономическом росте Российской империи в начале XX века, но до подлинного осознания и объективной оценки прошлого еще далеко. «Величественной и грозной была Российская империя — этого не станет отрицать никто. Но мало кто отдает себе должный отчет в том, в какой мере этому внешнему великолепию соответствовало и внутреннее совершенство могущественного аппарата властвования. Еще должным образом не оценены ни русский суд, ни русская бюрократия, ни русское самоуправление, ни

но, разрушительные силы подспудно делали свое дело и, вероятно, поступательное движение страны происходило скорее по инерции. Но сила этой инерции (заложенного веками государственного быта) была еще так велика, что почти два поколения подданных Российской империи, этой «тюрьмы народов», как презрительно называли ее ненавистники-революционеры, смогли еще спокойно прожить свою жизнь «под гнетом царизма», а некоторые из них, дожившие до его ниспровержения, на своем опыте сравнить этот «гнет» с обещанной «свободой», ради которой было пролито столько крови и разрушена великая страна.

Эту «свободу» пришлось вкусить и владыке Сергию — с первых же дней революции 1917 года вместе со всей Церковью претерпевать гонения, быть свидетелем все нарастающего хаоса и, по его словам, «безвозвратной гибели прежней России». Затем подвергаться арестам, издевательствам, провести восьмой десяток своей жизни в тюрьмах и ссылках, в голоде и крайней нужде, и, наконец, быть расстрелянным по ложным обвинениям за одну лишь свою верность Православной Церкви.

Но это все предстояло епископу Сергию на склоне лет, а до той поры его детство и большая часть жизни (более шести десятилетий) протекали в православной стране, где во многих местах еще сохранялся исконный русский быт. Слово, кстати, с трудом поддающееся четкому определению и труднопереводимое, однако как нельзя лучше выражающее сущность жизни рус-

русская администрация, ни наш «приказный» язык, ни совершенство кодификации. Не оценена по достоинству и общая «добротность» всего творимого Российской империей, готового, казалось, стоять веками. Люди были крепки и на слово, и на дело. Так было до реформ, так оставалось и в «пореформенной России». В основе этой крепости слова и дела продолжала лежать крепость духа, веками утвержденная». Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо Русской истории. — Джорданвилль, 1970. С. 91.

ского народа. Это не просто обыденное существование, скучная повседневность, а бытие, обладающее высшим смыслом, хотя и на грешной земле, но пронизанное светом Небесным.

Веками вся жизнь русского человека, от колыбели до гроба, во всех ее, даже самых мельчайших, обыденных, бытовых проявлениях была жизнью церковной. Церковь освящала всю жизнь своих чад. Недаром Россию называли Святой Русью. Это не значит, что все были святыми. Люди есть люди, бывали падения, и падения страшные. Однако было главное — осознание греха и идеала святости, к которому была устремлена вся жизнь. Все было подчинено высшей цели — спасению души и достижению святости. И соответственно выстраивалась вся жизнь, и частная, и государственная. Христианские нормы, уставы Церкви были высшим законом и обязательными для всех, от Царя до последнего простолюдина и нищего. Каждый нес свою службу — земледелец, воин, ремесленник, боярин и сам Царь — и свое дело в жизни воспринимали как обязанность, как своего рода послушание. И вся Россия, от царских палат в Москве до хижины бедняка на побережье Ледовитого океана («Святого моря», как в старину его называли), представляла собой своего рода монастырь, где все жили одной жизнью, по одним церковным законам и где миряне отличались от монахов только тем, что в честном браке воспитывали детей. «“Монастырь твой Россия!” Эти слова Гоголя были патетической фразой в его время, но они выражают природу московского быта»⁹.

Все это, увы, было в далеком прошлом. После петровских реформ в императорскую эпоху цельность русской жизни была нарушена и расцерковление, начавшееся с верхов, постепенно охватило все общество.

⁹ Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч. С. 17.

Однако среди простого народа еще долго держался прежний уклад, отдельные семьи строили свою жизнь по церковным уставам и детей воспитывали в истинной вере и благочестии. Так, очевидно, и был воспитан Иван, сын Прохора Иванова¹⁰. Он не учился в школах, «домашнее» — было записано в графе «образование» при заполнении анкеты арестованного. Очевидно, выучился читать сначала по-церковнославянски и читал молитвы и жития святых. Это было традиционное образование, когда веками «твердили грамоту по Часослову». Как вспоминал архиепископ Никон (Рождественский), знаменитый церковный деятель конца XIX – начала XX века:

«Мы, старики, учились именно по старине: букварь, Часослов, псалтырь Царя Давида. Что до того, что детский ум мало понимал смысл священных слов: ребенку довольно и того, что он обогащает запас памяти. С возрастом у него весь этот запас осветится и смыслом тех или иных выражений и слов. А пока важно и то, что в его душе закладывается прочный фундамент для тех церковных настроений, какими он будет жить потом в сознательной жизни. Помню себя на руках моего родителя, когда он, после долгих моих просьб, принес, наконец, из церкви Часослов: как же я рад был этой книге, как целовал ее кожаный переплет, ея красные строки!.. Тут же, сидя на руках у отца, я дал обещание становиться на клирос, учиться петь, а потом и читать в церкви... Сколько радости, сколько счастья — стать на клиросе, подпевать отцу, а когда усвоишь навык к чтению — прочитать “Ныне отпускаеши”, а потом и шестопсалмие... Знают ли нынешние дети это счастье?»¹¹

¹⁰ Раньше крестьяне не имели фамилии, и даже в документах назывались только имя и отчество, то есть сын такого-то. Фамилии появляются в середине XIX века, как правило, от имени отца или от прозвища, или от места жительства, но употребляются лишь при составлении какой-нибудь справки.

¹¹ Архиепископ Никон с горечью пишет о том, что уходит из жизни это церковное образование, и далее приводит письмо одного пастыря, скорбящего об упадке «грамоты церковной», такой ранее твер-

Иван любил церковные богослужения; когда подрос, стал посещать монастыри. Подобные посещения или, вернее, паломничества по святым местам всегда были распространены в России и являлись своего рода излюбленным отдыхом православного человека. Путешествуя по святым местам, поклоняясь святыням (паломников так и называли — «поклонниками»), православный люд черпал духовные и телесные силы, обретал духовное руководство у опытных монастырских старцев.

Неизвестно, в каких монастырях бывал юный Иван, будущий епископ Сергей. На допросе в 1931 году он показал: *«В семье нашей было много родных, ушедших в монастырь, и я сам с 12 лет стал бывать в мужских монастырях, в которых находились родственники моей матери»*. Очевидно, что эти паломничества имели большое влияние и определили его жизненный путь. Когда Ивану исполнилось восемнадцать лет, *«по совету и настоянию своих двоюродных сестер — монахинь Воскресенского Новодевичьего монастыря»* в Петербурге он поступил послушником в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь. Этот монастырь располагался на одном из самых больших островов Ладожского озера — Валааме, природа здесь отличалась суровостью и диким, негостеприимным видом.

«И нужна была вся неутомимость, вся железная энергия многочисленных поколений Валаамских иноков, чтобы на диких гранитных скалах создать цветущий, кипящий

дой, когда «твердили Часослов»: «Строй песнопений церковных властно царил в душе грамотея. Канон девятопеснец, разделенный на три части, по три песни, и в каждой песне четыре тропаря — среди канона три малых ектений, после них седален, кондак, светилен, — вся эта математическая стройность, в которой светится число Святой Троицы, вводила чтеца в светлые чертоги богослужения, воспитывала, укрепляла волю, интересовала, радовала. Боже мой, все это прошло...» Архимандрит Константин (Зайцев). Пастырское богословие. «Свет Православия», 2002. С. 15–16.

жизнью центр монашества на севере, создать и вознести на недостижимую высоту знаменитую обитель, которая с многочисленным рядом примыкающих к ней скитов по справедливости заслужила название “Северного Афона”¹².

Это была одна из самых прославленных северных обителей. Она, по преданию, основана была в конце IX века и за долгую свою историю неоднократно разорялась шведами. В 1611 году была сожжена до основания и на целое столетие пришла в полное запустение. В XVIII веке монастырская жизнь на Валааме была восстановлена, а трудами назначенного из Саровской пустыни игумена Назария была поднята на небывалую духовную высоту. В обители был введен строгий Саровский устав, старческое руководство. Богослужбное пение стало совершаться, как и в Сарове, старинным столповым распевом (знаменное древнерусское пение). На протяжении XIX века при достойных преемниках игумена Назария не оскудевала молитвенная духовная жизнь монастыря, возрастало и его материальное благосостояние¹³.

¹² Православные русские обители. (Репринт. изд.). — СПб., 1994. С. 103.

¹³ «Еще издали с озера за несколько десятков верст при приближении к Валаамскому монастырю виднеются его величественные храмы с блестящими куполами и обширные монастырские здания. Монастырь расположен на обширной площадке огромной гранитной скалы, куда снизу ведет лестница с 62 ступенями, высеченными в скале. Храмов в монастыре четыре. Главный соборный храм двухэтажный, в честь Преображения Господня... В нижнем этаже этого храма помещается престол во имя Преп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Остальные храмы в честь Успения Пресвятой Богородицы и двухэтажный Свв. Апостолов Петра и Павла. Заслуживает внимания высокая монастырская колокольня 33 саж. в высоту. На ней висит огромный колокол в 1000 пудов, вылитый в честь ап. Андрея Первозванного. Из церкви Успения крытая галерея ведет в замечательную ризницу монастыря. Здесь хранится много предметов, имеющих высокий религиозный и исторический интерес... В библиотеке хранится много старопечатных книг старинной московской печати XVII века; всех хранящихся здесь книг больше 12 000 томов...

Иван Дружинин поступил в обитель в 1881 году и провел там, судя по документам, несколько лет. В то время там настоятельством владыка игумен Ионафан. Молитвенник и опытный духовник, принявший монашество на Валааме и более сорока лет там подвизавшийся, отец Ионафан был ближайшим помощником знаменитого игумена Дамаскина, старца высокой духовной жизни и неутомимого строителя. За тридцать лет его настоятельства были возведены многочисленные храмовые и хозяйственные постройки не только Валаамского монастыря, но и около десятка скитов на окружающих островах. Исполняя должность казначея, отец Ионафан принимал самое непосредственное участие во всех начинаниях своего наставника и успешно продолжал их по вступлении в должность настоятеля. Его трудами были построены на Валааме водопровод, смолевой и кожевенные заводы, огромная монастырская ферма с различными механизированными приспособлениями, второй кирпичный завод, новое парусное судно; устроены подъемные краны на пристанях Валаама и других островов, не говоря уже о множестве мелких построек; проведены большие работы по осушению болот и освоению земель для посевов и покосов. Венцом строительной деятельности игумена Ионафана стал монастырский каменный двухэтажный собор с колокольней.

«Ворота монастыря были гостеприимно открыты для всякого; каждый приходящий к настоятелю с просьбой о благословении пожить в обители видел пред собою убежденного сединами, но еще крепкого и бодрого старца с простым, добродушно улыбающимся лицом и светлым, приветливым взором умных и проницательных глаз; во

При монастыре имеются большая гостиница для богомольцев и странноприимный дом. Обитель посещают всегда множество богомольцев, особенно 28 июня и 15 августа, когда число их доходит до 4000». Православные русские обители. С. 105–106.

всей наружности и речи его чувствовалось что-то отеческое, что сразу располагало и влекло к нему, возбуждая полнейшую симпатию. Он обыкновенно предлагал желающему ряд коротких, но вполне ясных вопросов о его намерениях, предупреждал о строгости устава и вообще о трудности жизни на Валааме, а затем уже благословлял и посылал для испытания терпения на общие монастырские послушания. Для него, как для чадолюбивого отца, никто не был лишним: каждому он находил дело по мере сил и способностей, взамен чего им безусловно требовалось терпение, послушание и смирение; гордости, тщеславию, непослушанию и лености не было места в его семье»¹⁴.

Не осталось свидетельств о том, как протекала жизнь Ивана Дружинина на Валааме и на какие послушания он был послан. В 1931 году епископ Сергей вспоминал, что *«условия послушания в этом монастыре были очень тяжелые»* и ему по *«слабому состоянию здоровья были не под силу»*.

«Не любил добрый настоятель¹⁵ отпускать возвращающихся в мир положивших начало в его обители послушников или переходящих в другие монастыри братий, вполне основательно сознавая в первом случае весь вред соблазнов мирской жизни, заглушающих благие стремления к иночеству, в последнем скорбя сердцем любящего отца о непостоянстве в немощи духа ищущих в другом месте больших и лучших удобств и опасаясь за их дальнейшую жизнь на тяжком пути ко спасению»¹⁶.

Однако Ивану, поскольку он не стал еще насельником общины и уходил не в мир, игумен сам посоветовал перейти в другой монастырь. *«По совету настоятеля перешел я в Сергиеву пустынь около поселка Стрельна»*.

¹⁴ Валаамский монастырь и его святыни. Государственный русский музей. 1990. С. 138.

¹⁵ Отец Ионафан.

¹⁶ Валаамский монастырь и его святыни. С. 143.

В Троице-Сергиевой пустыни

Троице-Сергиева¹⁷ Приморская пустынь располагалась в восемнадцати верстах от Петербурга, в девяти верстах от Петергофа и в двух верстах от станции Сергиево¹⁸, на возвышенном берегу Финского залива. В XVIII веке на этом месте находилась дача Великой княжны Екатерины Ивановны, дочери царя Иоанна Алексеевича, племянницы императора Петра I, впоследствии герцогини Мекленбург-Шверинской. После замужества княжны дача была заброшена, и в 1732 году императрица Анна Иоанновна подарила ее своему духовнику, архимандриту Троице-Сергиевой лавры Варлааму (Высоцкому). В 1734 году он перевез деревянную церковь Успения при загородном доме покойной императрицы Параскевы Федоровны и освятил ее как Сергиевскую. Затем построил несколько деревянных келий для монашествующих и каменные для настоятеля, приобрел пашенные, сенокосные и лесопросячные земли у соседних владельцев. Богослужения совершали монашествующие из Троице-Сергиевой лавры, поскольку новая обитель была приписана к лавре и носила название Приморской дачи лавры.

В 1735 году обитель посетила императрица, причем до нее «4 версты шла пешком, изволила в обители кушать и пожаловала Богослужebные книги». В пустыни было оставлено два иеромонаха, иеродиакон, два подьяка, дьячок и для работ и караулов «нижних служителей без излишества». В 1737 году архимандрит Варлаам отошел ко Господу и по жела-

¹⁷ В документах и литературе употребляются названия как Троице-Сергиева, так и Троицко-Сергиева. До возведения Троицкого собора она называлась Сергиевой.

¹⁸ Примечательно, что в показаниях на следствии владыка Сергей указал, что пустынь располагалась около Стрельны, не упоминая станции Сергиево, которая в то время была переименована в Володарскую.

нию императрицы был похоронен в пустыни. Над его могилой впоследствии была сооружена часовня Тихвинской иконы Божией Матери.

После кончины Варлаама, по описи, в пустыне пребывало тринадцать насельников. Фактически они были оставлены без пастырского руководства и попечения и едва сводили концы с концами. Во второй половине XVIII века положение несколько улучшилось, архимандриты Троице-Сергиевой лавры стали уделять внимание Сергиевой пустыни. В ней была обновлена Сергиевская церковь и построен Троицкий собор, на освящение которого в 1763 году прибыли императрица Екатерина II с сыном Павлом. В 1764 году пустынь поступила в Санкт-Петербургское епархиальное ведомство и при учреждении штатов была отделена от Троице-Сергиевой лавры и возведена во второй класс.

На протяжении десятилетий пустынь продолжала пребывать в стабильном, но все же довольно запущенном состоянии. Ее настоятелями, как правило, назначались ректоры семинарии, ученые монахи, законоучители учебных заведений, для которых управление монастырем было своего рода дополнением к основным обязанностям, посему они и при всем желании не имели ни возможности, ни опыта, чтобы наладить настоящую монастырскую жизнь.

Ситуация изменилась с 1834 года, когда по воле императора Николая I, пожелавшего видеть обитель образцовым монастырем, настоятелем был назначен игумен Игнатий (Брянчанинов). Будучи сам пламенным молитвенником и глубоким мыслителем, отец Игнатий воспитывал монашествующих в подлинно святоотеческой аскетической традиции, и ему удалось создать в обители настоящее высокодуховное монастырское братство.

«Заботам Игнатия Брянчанинова Сергиева пустынь обязана как внешним, так и внутренним благоустройством. Он проводил строго внимательную жизнь, любил монаше-

ство и заботился об обители до такой степени, что, имея при вступлении в настоятели только 12 братий, умножил их при выходе на епископскую кафедру до 55. Из любви к монашеству оставил ему дорогое наследство, сочиненные им пять книг, из коих “Аскетические опыты” — два тома; третий — “Аскетические проповеди”; четвертый — “Приношение современному монашеству”, пятый — “Отечник, или избранные изречения святых иноков и повествования из жизни их”»¹⁹.

Следует добавить, что написанные великолепным слогом духовные труды отца Игнатия стали руководством не только для монашествующих, но и для всех ищущих спасения и стремящихся к высшей цели христианской жизни благочестивых мирян. Они получили широкое распространение в России, неоднократно переиздавались и переиздаются до настоящего времени, а их автор признан в Церкви достойным продолжателем святоотеческой традиции.

За годы настоятельства отцом Игнатием была проведена огромная работа по благоустройению Троице-Сергиевой пустыни: отреставрированы Троицкий собор и другие строения, возведены новые церкви, налажена хозяйственная жизнь монастыря — получен лесной участок, осушены болота и расчищены земли для пашни и сенокоса, куплены лошади и коровы, приведен в порядок монастырский сад. Монастырские земли, ранее сдававшиеся в аренду, стали обрабатываться своими силами и приносить хорошие урожаи, и в скором времени своим хозяйством братия монастыря полностью обеспечивала себя молочными продуктами, овощами и фруктами.

Возобновленная трудами духоносного пастыря обитель процветала²⁰. Благолепное уставное богослу-

¹⁹ Первоклассная Троице-Сергиева Приморская Пустынь. — СПб., 1909. С. 32.

²⁰ Каких сил это стоило святителю Игнатию, можно судить по письмам, опубликованным после его кончины. Так, будучи в отпуске по

жение и прекрасное пение монастырского хора, которое помог наладить знаменитый духовный композитор и гармонизатор древних напевов протоиерей Петр Турчанинов²¹, а также директор придворной певческой капеллы А. Ф. Львов, привлекало массу богомольцев, в том числе и из петербургской знати. Из певчих особенно выделялся друг и сомолитвенник отца Игнатия, схимонах Михаил (Чихачев). «При отличных музыкальных познаниях и превосходном октавистом голосе усердный певец и распорядитель церковного пения²², не оскудевавший в своем усердии и тогда, как тяжкая рана на ноге не давала ему покоя»²³. Происходил он из дворян Псковской губернии, вместе с будущим святителем Игнатием учился в Военно-инженерном училище, где и подружился с

состоянию здоровья, он писал заменявшему его наместнику монастыря в 1847 году: «Бог привел тебя узнать на самом опыте, какую чашу я пил в Сергиевой Пустыни в течение четырнадцати лет»; «Я образовал себя совсем не для такого монастыря и не для такого рода жизни, долженствующей состоять из беспрестанных телесных попечений и занятий с приезжающими, по большей части пустых. Душа в таком месте по необходимости должна сделаться пустою. Относительно тела — мои физические силы и здоровье совершенно не выдерживают трудов, требуемых этим местом, и лишений в хорошей воде и прочем, для слабого здоровья необходимым». Святитель Игнатий Брянчанинов. Письма. — М., 1993. С. 277–278.

²¹ Протоиерей Петр Турчанинов был композитором итальянской выучки, и хотя он старался бережно относиться к гармонизируемым напевам, его опыты не всегда были удачны, что подметил митрополит Филарет Московский в отзыве от 6 мая 1828 года: «Опыты, сделанные находящимся при мне хором, не были удовлетворительны. Следовательно, сие положение пения как неудобоисполнимое, не достигает предположенной цели — поддержать и восстановить древнее церковное пение повсеместно. Другие пьесы, обработанные протоиереем Турчаниновым так неточно с древними образцами, что в них совсем не можно узнать древнего церковного пения». Мартынов В. И. История богослужебного пения. — М., 1994. С. 187.

²² Отец Михаил.

²³ Первоклассная Троице-Сергиева Приморская Пустынь. — СПб., 1909. С. 32.

ним²⁴. Оба юноши стремились к аскетической жизни и по окончании училища, несмотря на то, что перед ними открывалась блестящая карьера, оставили мир и приняли монашество. При поступлении в Троице-Сергиеву пустынь Чихачев пожертвовал в обитель пятьдесят тысяч рублей, все оставшееся ему от родителей состояние, и это во многом помогло отцу Игнатию осуществить необходимые хозяйственные преобразования монастыря.

Преемник святителя Игнатия, его келейник, прибывший с ним в пустынь в 1834 году и с первых же дней разделявший с ним все труды по возобновлению обители, архимандрит Игнатий (Малышев) продолжил традиции своего учителя. При нем сохранялся прежний устав и благочиние и продолжалось благоустройство обители. В 1859 году была совершена перестройка Сергиевского храма по типу древних христианских базилик, а внутреннее убранство храма было сделано по типу знаменитого Свято-Преображенского храма VI века Синайского монастыря. В том числе знаменитый мозаичный пол, созданный по рисункам самого архимандрита Игнатия, принявшего непосредственное участие в его выкладывании. Кроме того, для храмов обители отец Игнатий написал целый ряд икон.

В 1862 году был построен новый каменный братский корпус с надвратной церковью Саввы Стратилата. В 1884 году был завершен величественный собор Воскресения Христова, построенный в византийском стиле и вмещавший до 2500 человек (это был летний храм, богослужения в нем совершались от Пасхи до Покрова). В 1889 году была построена школа для певчих и детей прилегающей слободы, которая содержалась иждивением монастыря. На монастырском иж-

²⁴ Под впечатлением их удивительной дружбы писатель Н.С. Лесков написал свой известный рассказ «Инженеры-бессребреники».

дивении также был инвалидный дом с церковью для престарелых воинов, странноприимный дом. Позднее была построена больница с бесплатной аптекой, также содержащиеся на средства монастыря. В справочнике 1908 года отмечалось, что Сергиева пустынь множеством храмов прекрасного зодчества и великолепными памятниками на кладбище²⁵, а также образцовой стройностью богослужбного чина и «единственным в России по церковной художественности пением привлекает и массы богомольцев, и усердных жертвователей»²⁶.

Вот в эту известную столичную и в каком-то роде привилегированную обитель прибыл Иван Дружинин. 9 сентября 1887 года он был принят и, согласно заведенному порядку, два года прожил в обители как мирянин, усердно посещая богослужения и исполняя различные монастырские послушания. Весной 1889 года Иван принял решение поступить в обитель послушником и просил об этом настоятеля, архимандрита Игнатия. Получив его официальное согласие, 6 апреля 1889 года он отправил в Новское волостное правление прошение следующего содержания:

«Имея от роду 26 лет, будучи холостым, не принадлежа ни к каким вредным и раскольническим сектам и не состоя под судом, следствием и штрафом, я в силу 724 ст. IX тома Свода Закона о сельских обывателях имею честь покорнейше просить волостное правление снабдить меня увольнительным от общества свидетельством на поступление в послушники Троице-Сергиевой пустыни Санкт-Петер-

²⁵ «Монастырское кладбище пустыни со времени императрицы Екатерины II было избранною усыпальницею наших знатных родовых фамилий, подобно Александро-Невской лавре, монастырей Симонова и Донского в Москве». Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. — СПб., 1908. Вып. 1. С. 39.

²⁶ Первоклассная Троице-Сергиева Приморская Пустынь. — СПб., 1909. С. 33.

бургской епархии. Прилагаю при сем свидетельство настоятеля означенной пустыни от 28 марта за № 66 о согласии его на принятие меня в число послушников и свой годовой паспорт марта 28 дня 1889 года.

К сему прошению Иван Прохоров Дружинин руку приложил. Жительство имею в Сергиевой пустыни, Балтийская железнодорожная станция Сергиево».

Получив увольнительное свидетельство из сельского общества деревни Нового Села за подписью волостного старшины от 6 июня 1889 года, а также метрику о рождении и свидетельство о воинской повинности, Иван направляет прошение митрополиту Санкт-Петербургскому:

«Его Высокопреосвященству митрополиту Исидору
крестьянина Тверской губернии Бежецкого уезда
Ивана Прохорова Дружинина

Покорнейшее прошение

Прожив в первоклассной Троице-Сергиевой пустыни вверенной Вашему Высокопреосвященству епархии около двух лет в качестве богомольца, я по сердечной любви к монашеской жизни во весь период этого времени, по силе возможности, старался проходить по совести возлагаемые на меня монашеские послушания, как некоторые испытания своего призвания.

В настоящее время, призвав Бога на помощь, я решился поступить в число братства этой пустыни, а потому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство, благоволите, милостивейший Архипастырь, сделать распоряжение об определении меня послушником означенной пустыни.

При сем имею честь представить следующие документы:

1) Увольнительное свидетельство Тверской Казенной Палаты № 7430 от 11 августа 1889.

2) Метрическое о рождении и крещении меня от 6 июня 1889 за № 42.

3) Свидетельство о явке к исполнению мною воинской повинности от 25 ноября 1884 года за № 2135²⁷.

К этому прошению крестьянин Иван Прохоров Дружинин подписался».

К сему прошению приложено ходатайство настоятеля пустыни:

«Ваше Высокопреосвященство.

Проситель примерного поведения, со дня поступления своего в Сергиеву пустынь исполнял различные послушания, а ныне исполняет послушание помощника буфетчика при братской трапезе. Если благоугодно будет Вашему Высокопреосвященству определить его в послушники, то вакансия имеется.

Троице-Сергиева пустынь. Августа 28 дня 1889 г.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник архимандрит Игнатий».

9 октября 1889 года Иван официально был принят в число послушников, когда был получен указ из Епархиальной консистории.

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из I экспедиции Санкт-Петербургской консистории настоятелю Троице-Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию.

По Указу Его Императорского Величества I экспедиции Санкт-Петербургской духовной консистории слушали прошение крестьянина Тверской губернии Бежецкого уезда Ивана Прохорова Дружинина об определении его послушником Троице-Сергиевой пустыни, на принятие коего ходатайствует и настоятель означенной пустыни, архимандрит

²⁷ «Свидетельство о явке и исполнении военной повинности (бессрочное). Крестьянин Бежецкого уезда Новской волости деревни Нового Села Иван Прохоров являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1884 года и по вынужтом им № четыреста девятому жребия зачислен в ратники ополчения». ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 24. Д. 32. Л. 7.

Игнатий, по вниманию к его хорошему поведению и способности к монастырским послушаниям.

Приказали: Ввиду беспрепятственности к принятию крестьянина Ивана Дружинина в число послушников Троице-Сергиевой пустыни, его, Дружинина, послушником пустыни определить, о чем с возвращением документов Дружинина и послать архимандриту Игнатию указ для должных с его стороны распоряжений.

Октября 4 дня 1889 г.

Подлинный подписали:

Член Консистории протоиерей	Феодор Быстров.
Секретарь	А. Зуев.
Столоначальник	Г. Горский.
С подлинным верно	(Подписи)

Подлинный Указ читал послушник Иван Прохоров Дружинин»²⁸.

Послушник Иван был определен под руководство опытного старца Герасима, в миру бывшего дворянина и богатого помещика, оставившего после окончания университета мирскую жизнь и ушедшего в монастырь. 24 сентября 1893 года Иван был пострижен в монашество с именем Сергей²⁹, в честь преподобного Сергия Радонежского. 20 ноября 1894 года рукоположен в иеродиакона, а 24 апреля 1898 года — в иеромонаха. После кончины старца Герасима в 1899 году отец Сергей перешел под руководство архимандрита Варлаама, затем игумена Агафангела и, наконец, архимандрита Михаила (Горелышева). О его монашеской жизни в эти годы мало что известно. Но, очевидно, он имел хороших наставников, о которых спустя десятилетия твердо заявил на допросе: *«Общее мое с перечисленными руководителями укрепило*

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 24. Д. 32. Л. 10, 4, 4 об., 8, 8 об.

²⁹ В различных публикациях называется 1894 год, однако в книге «Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси» указана другая дата пострига — 24 сентября 1893 года.

меня в истинном православии, монашеской жизни, послушании духовной власти».

Отец Сергей пользовался доверием игумена и после пострига был назначен помощником ризничего, а с 1902 года — ризничим. В его ведении находились все монастырские ценности, за исключением денег, хранящихся у казначея: *«В монастырской ризнице хранились облачения, сосуды, митры, предметы богослужения и прочие ценности на общую сумму около двух миллионов рублей»*³⁰.

25 марта 1901 года иеромонах Сергей был награжден набедренником, а 13 января 1904 года архимандрит Михаил представил его к награждению наперсным крестом. В прошении об этом он писал, что иеромонах Сергей «прилагает попечение о благолепии и благоуукрашении церковном необходимыми принадлежностями, неоднократно жертвуя на сие из получаемого им содержания денежные средства и других побуждая к тому. Вследствие этого при его содействии обитель обогатилась весьма ценными пожертвованиями и приобретениями церковных принадлежностей; между прочим в церквах пустыни на св. престолы и жертвенники устроены мраморные одеяния, для находящихся в обители частиц св. мощей мраморные ковчеги... В надлежащий порядок приведены описи церковно-ризничного имущества... В церквах всюду и во всем — образцовая чистота и опрятность».

Настоятель также отмечал, что иеромонах Сергей отличается «высокопримечательным иноческим образом жизни и усердием в служении» и потому ходатайствовал о награждении его «наперсным золотым крестом, от Св. Синода выдаваемым; дабы этим отличить понесенные труды и примерное усердие его ко храму

³⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-83017. Т. 1. Л. 35 об.

Божию и поощрить к дальнейшему прохождению возложенных на него обязанностей еще с большим усердием и пользой»³¹. В 1910 году король Сербский пожаловал сербские ордена: архимандриту Михаилу — орден Св. Саввы 2-й степени, а иеромонаху Сергию — орден Св. Саввы 3-й степени.

Кроме исполнения монастырских послушаний иеромонах Сергей принимал участие в работе Православного благотворительного общества ревнителей веры и милосердия. Это общество было основано в память о чудесном спасении государя Александра III и всей царской семьи при крушении поезда у станции Борки 17 октября 1888 года. Общество оказывало помощь попавшим в нужду, выплачивало пособия, помогало найти работу, учреждало приюты и убежища для сирот и престарелых, вело миссионерскую деятельность среди иноверцев. В 1890-х годах был построен Дом общества в слободе Александрово близ станции Сергиево³², «в границах Андреевской улицы, части Дмитриевской улицы, части Оболенского проспекта, против Владимирской площади».

На втором этаже Дома благотворительного общества был устроен храм Прмч. Андрея Критского, освященный 1 июня 1903 года. В Доме был организован приют для детей-подростков, открыты классы церковно-приходской школы, устроена богадельня для безродных старушек. Известно, что в 1904 году общество включало в себя 15 почетных членов, 145 пожизненных и 567 действительных. Иеромонах Сергей являлся председателем правления общества³³.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 39. Д. 6. Л. 1.

³² Станция Сергиево располагалась по соседству с Троице-Сергиевой пустыней и первоначально называлась Сергиева Пустынь.

³³ Кояев Н. Талант к Православию. Приходская жизнь (храм во имя Преподобномученика Андрея Критского в поселке Володарский). 2002. С. 24.

Настоятель

Первая мировая война серьезно отразилась на благосостоянии Троице-Сергиевой пустыни, но, несмотря на долги и общий рост цен, в пустыни был открыт лазарет для раненых воинов на двадцать пять кроватей, содержавшийся на средства обитатели. Монастырская больница продолжала оказывать благотворительную врачебную помощь местному населению с бесплатной выдачей лекарств (доктор, фельдшер и служители больницы также содержались на монастырские средства). При пустыни продолжала работать церковно-приходская школа и при ней приют для пятнадцати мальчиков из бедных семей — опять-таки они были на иждивении пустыни. Кроме того, по-прежнему пустынь ежегодно выделяла из своих доходов по тысяче рублей на общие епархиальные нужды.

В 1915 году настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит Михаил (Горелышев) тяжело заболел и направил митрополиту Петроградскому Владимиру прошение уволить его от управления обителью и назначить настоятелем ризничего, иеромонаха Сергия (Дружинина). Митрополит Владимир ходатайствовал об этом перед Св. Синодом, «признавая также и со своей стороны иеромонаха Сергия способным и достойным занятия настоятельской должности в Сергиевой пустыни, где он принял иноческое пострижение и с примерным усердием много лет проходил возлагавшиеся на него послушания»³⁴. Указом Св. Синода от 6 мая 1915 года иеромонах Сергей был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни с возведением в сан архимандрита.

К тому времени пустынь была одним из крупнейших монастырей. Два величественных собора, четыре

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 796. Оп. 200. Д. 3006. Л. 1.

храма, несколько часовень, каменная ограда, каменные настоятельские кельи, ризница, братские каменные и деревянные корпуса, инвалидный дом с церковью, братская больница, монастырская гостиница, школа, библиотека и дом привратника — все это сохранилось в образцовом порядке. Число монашествующих, как сообщал архимандрит Сергей петроградскому губернатору в 1916 году, достигло ста человек, число вольнонаемных рабочих, обслуживающих обширное монастырское хозяйство, — семидесяти. Монастырские огороды на четырех десятинах земли полностью обеспечивали монастырь и его благотворительные учреждения овощами: капустой, картофелем, огурцами, морковью, репой, луком. Четырнадцать десятин засеивались овсом и травой для монастырского скота: лошадей и коров. Ухоженный фруктовый сад приносил большой урожай яблок и вишен, а монастырский пчельник давал прекрасный мед. Сохранился также и большой птичник.

Процветание обители достигалось необычайными трудами настоятелей с насельниками и требовало известной внешней поддержки, о чем писал архимандрит Сергей: «Для постороннего зрителя она *<обитель>* кажется, действительно, благоустроенной и, так выразиться, “всем богата”, но благоустройство ее внутреннее далеко не отвечает действительности, т. е. источник ее доходов далеко не покрывает тех расходов, которые приходится затрачивать на ее содержание». Хотя при этом, отмечал архимандрит Сергей, обитель «вообще всегда и во всем приходит, хотя и в частности, на помощь бедному населению».

В начале 1916 года отец Сергей вынужден был написать о тяжелом положении монастыря, отказав при этом в гостеприимстве епископу Ямбургскому Анастасию, викарию Петроградской епархии, и пяти священнослужителям, которые намеревались провести в монастыре летний сезон. В докладной записке

отец Сергей подчеркнул, что продолжающаяся благотворительная деятельность обители вызвала ее огромную задолженность, ввиду высокой во всем дороговизны во время войны, и это вынудило его, как настоятеля, принять соответствующие меры:

«Так, например, существующую при монастыре странноприемную для престарелых мужчин и женщин вынужден был упразднить, братскую трапезу, хотя и без того довольно скудную, пришлось значительно сократить в пище, как в количестве ея, так и материале-провизии; наем рабочих для обслуживания огорода и сенокоса заменен монастырской братиею и вообще, где только есть возможность, стремимся к сокращению расходов обители, но при всем этом, при дороговизне во всем, расходы монастыря далеко превышают доходы. Дабы слишком много не переплачивать заимодавцам-торговцам, беря в долг товары, монастырь взял из Госбанка 250 000 рублей, имевшиеся в его распоряжении. Деньги эти уже использованы, и теперь приходится опять быть в задолженности, а другого источника в Банке для монастыря нет»³⁵.

Для монастыря, как указывал архимандрит Сергей, вновь пришлось брать в долг товары, рискуя в любой момент получить от торговцев отказ. Вскоре пришлось уже с большим трудом доставать самые необходимые продукты, а в начале 1917 года, в связи с большим дефицитом, отец Сергей предложил братии монастыря назначить специального и способного человека для изыскания продуктов, что и было поручено иеромонаху Павлу с выдачей ему специального письменного свидетельства. К тому времени, как отмечалось на собрании, отец Павел «уже достал муки, крупы и сахара — всего до 200 пудов, за что братство обители искренне ему благодарно»³⁶.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 51. Д. 5. Л. 8.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 6. Л. 9 об.

В трудное время выпало архимандриту Сергию управлять монастырем. Наряду с духовным руководством и окормлением многочисленной братии, он должен был заботиться и о земном, «телесном окормлении». При этом нужно было не только изыскивать средства для поддержания обители, но и всерьез думать об охране монастырской собственности. И уже недостаточно было, как прежде, просто нанимать сторожей, а приходилось их вооружать. В октябре 1916 года архимандрит Сергей обратился к петергофскому уездному исправнику с заявлением, в котором просил выдать «свидетельство на право приобретения пяти револьверов и одного дробного ружья для сторожей и огородников и свидетельство на право хранения этого оружия в монастыре». Очевидно, он не имел никакого понятия о порядке получения свидетельства и пользования оружием.

9 декабря 1916 года он вновь обратился с подобным заявлением, прося выдать свидетельство на три револьвера на имя казначея пустыни, иеромонаха Серафима, у которого они будут храниться, и писал, что не имеет возможности поименно указать сторожей, «так как они в монастыре меняются довольно часто». Получив и на эту просьбу отказ, он, наконец, в заявлении от 21 декабря того же года просил выдать свидетельство на один револьвер и одно охотничье ружье на имя одного крестьянина, служащего у них ночным сторожем. Для охраны монастырского леса, в котором незаконно осуществляли «порубку деревьев воинские нижние чины 2-го пулеметного полка», архимандрит Сергей заключил договор с Сергиевским Спортивным обществом.

Сколько еще разных хлопот было у настоятеля! Рачительный хозяин, он вникал во все, даже самые мелкие вопросы: обращался к железнодорожному начальству с просьбой продать списанные скамейки из вагонов III класса для оборудования нуждающегося в

них монастыря; сообщал в Петергофскую земскую управу о том, что сгорел деревянный дом, принадлежащий пустыни³⁷; просил снять его с обложения земским сбором и указывал на другие здания, сданные в аренду, которые не приносят дохода, поскольку арендаторы не вносят арендной платы. Не забывал позаботиться о времени проведения крестного хода, который ежегодно проводился Александро-Невским обществом трезвости. Так, 16 марта 1916 года в рапорте митрополиту Петроградскому он писал:

«В интересах сохранения от порчи деревьев, травы, овощей и посевов, как монастырских, так и землевладельцев, прилегающих к Петергофской шоссеиной дороге и к монастырю, имею честь почтительнейше ходатайствовать пред Вашим Высокопреосвященством, Милостивейший Архипастырь и Владыко, о назначении совершением крестного хода из Петрограда в пустынь в воскресенье 24 апреля текущего года, так как к тому времени растения пока еще не успеют распуститься. К сему присовокупляю, что о таком моем ходатайстве пред Вашим Высокопреосвященством мною было доложено Его Императорскому высочеству Великому князю Димитрию Константиновичу, и Его Высочество изволил отнестись к этому весьма сочувственно и одобрительно»³⁸.

Как настоятель, архимандрит Сергей постоянно отвечал на запросы самого разного характера. Вот лишь несколько примеров: в январе 1916 года Петергофская земская управа прислала предложение о разведении овощей для обеспечения армии и населения, на что архимандрит Сергей отвечал, что «пустынь располагает площадью земли, приспособленной для разведения овощей лишь для нужд обитателя». В апреле 1917 года ему пришлось давать уже подроб-

³⁷ На пересечении Петергофского шоссе и Монастырской улицы.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 51. Д. 5. Л. 6. Далее по тексту раздела цитаты из этого дела.

ное описание в ответ на предписание вновь образованной Комиссии по огородам Северного областного Союза городов и объяснять, что обрабатываемой земли: четыре десятины — под огороды и четырнадцать — засеваются травой; необработанной земли — двенадцать десятин, и она неудобна из-за множества пней на ней, а в летнее время часто заливается водой со взморья; 147 десятин монастырской земли отданы в аренду Гаднеру, который их обрабатывает своими силами.

Городской судья Петергофа просил «за неимением в настоящее время вакансий в исправительных заведениях» принять в обитель тринадцатилетнего преступника, приговоренного к помещению в исправительно-воспитательный приют³⁹. Архимандрит вынужден был отказать «его Высокородию господину судье, так как в монастыре нет свободного помещения». Петергофское отделение Петроградского Училищного Совета запрашивало объяснения в связи с жалобой на порядки в школе и соответственно на учителей и заведующего, коим являлся настоятель монастыря. Жалоба была подана неким Хрисанфом Ивановым, который поступил в пустынь в качестве певчего, а затем предложил свои услуги как школьного учителя.

По поводу этой жалобы архимандрит Сергей вынужден был давать подробные объяснения. Обычно законоучителей и преподавателей назначали настоятели, но поскольку в этот раз не приехал ожидаемый учитель, с которым была уже договоренность, то архимандрит Сергей назначил Иванова, заинтересовавшись его программой, которую тот «блестяще развил на словах и бумаге». «Дальнейшее оказалось плачевным, — писал архимандрит Сергей. — Хрисанф Иванов, вследствие своего задорного, строптиво-

³⁹ По закону, несовершеннолетние, приговоренные к тюремному заключению, могли быть помещаемы в монастыри их вероисповедания.

го и жестокого характера, а также по причине своего невежества в знании элементарных понятий существа преподавания уроков старшему отделению и жалобы на жестокое обращение с детьми отстранен от должности учителя. Дети подтвердили, что он не занимался тем, что писал в журналах». Отстранив Иванова, архимандрит Сергей поставил его вновь певчим, но тогда же «оказалось нечто поразительное: за вечерней ко мне подошел благочинный и от лица всех певчих усердно просил уволить немедленно Х. Иванова из монастыря». После расспросов и расследования оказалось, что Х. Иванов «вселял раздор среди братии, всех перессорил, занимался сводничеством и непонятною беспричинною клеветою друг на друга».

В тот же день архимандрит Сергей исключил Х. Иванова из монастыря, а тот в ответ стал всячески ругать учителя иеромонаха Игнатия и настоятеля архимандрита Сергея: «Поносил, глумился, передразнивал, пересмеивал, сочинял такие клеветы, которые даже стыдно писать на бумаге». И в довершение подал жалобу на порядки в монастырской школе в Петроградский Училищный Совет, чем доставил немало неприятностей архимандриту Сергию. Кроме объяснения по поводу Иванова ему пришлось подробно отвечать на запрос Совета в отношении самой школы:

«Школа наша существует около 40 лет. Официально стала она именоваться церковно-приходской двухклассной с 1898 года. Впоследствии была взята под Высочайшее покровительство Великого князя Дмитрия Константиновича. Школа наша как монастырская имела характер преподавания и воспитания в ней как семейный, т. е. учили и воспитывали в ней свои же учителя, выбираемые из своей же монастырской среды. Содержалась она на монастырские средства. Школа наша всегда была на высоте своего звания, о чем были лестные неофициальные отзывы. Эта школа дала много хороших людей — граждан Отечеству, а также и своих монастырских деятелей, например архиман-

дрита Михаила, наместника иеромонаха Иоасафа, казначея иеромонаха Серафима и многих других. Так все и продолжало бы свое незаметное существование из года в год, если бы не этот клязник и сутяга — Иванов, который сломал и исковеркал лучшие 1/2 года ученических занятий (с сентября по ноябрь включительно).

Мы не гнались за учеными педагогами, имеющими дипломы, а преподавание из года в год велось людьми, которые сами бы лишь знали тот курс преподавания, необходимый нашей школе.

За все время существования мы никогда не обращались ни за какой помощью в Училищный Совет или в попечительство, а содержали ее на свои средства. Я согласен принять предлагаемые мне Училищным Советом предписания, но и свои выставляю условия, а именно:

Пусть Училищный Совет назначает своих учителей, но я не могу дать им ничего на содержание. Помещения под квартиры учителям у нас тоже не имелось и не имеется, т. к. преподаватели наши — монашествующие — живут в своих келлиях и довольствуются назначенным им малым содержанием, исполняя в то же время и прочие возлагаемые на них обязанности и церковные службы».

Неизвестно, продолжал ли Училищный Совет настаивать на своих условиях, но это уже не имело значения. С февраля 1917 года все прежние проблемы отошли на задний план, а настоятель и обитель были поставлены пред лицом таких проблем, которые грозили уже самому существованию монастыря и жизни его насельников.

Как сообщал архимандрит Сергей в рапорте благочинному монастырей, 28 февраля 1917 года в восемь часов вечера иеромонах обители Мисаил, шедший в братскую трапезную, подвергся нападению: «Против Троицкого собора его нагнал неизвестный воинский нижний чин (солдат) и безо всякого объяснения и повода внезапно нанес ему, иеромонаху Мисаилу, бритвой значительные поранения на голове, лице и шее». После чего скрылся, и никто не знал,

кто это. По-видимому, это был сумасшедший. Иеромонаха положили в монастырскую больницу, потом перевезли в Петроградскую Обуховскую.

В конце апреля 1917 года в пустыни разместился 2-й запасной пулеметный полк. Им была занята монастырская гостиница и часть настоятельских келий. «Определить число лиц названных воинских частей невозможно, так как они часто выбывают и заменяются другими новоприбывшими», — писал благочинному архимандрит Сергей.

Монастырские здания командир полка присмотрел еще ранее. Показательно, что 23 февраля, когда в Петрограде начались уличные беспорядки, положившие начало «великой бескровной революции», он доносил начальнику стрелковой школы, что в монастыре ни одно помещение не занято. Архимандрит Сергей ответил на требование начальника, что в настоящее время у них нет свободных помещений, что «монастырь несет повинность по обстоятельствам военного времени более, чем каждый частный обыватель» и что когда в монастыре более полугода находилась 6-я Воздухобойная батарея Петроградской крепостной артиллерии, то были повреждены луговые и пахотные земли, для приведения которых в порядок теперь требуются огромные затраты. Но это не избавило пустынь от новых постояльцев, доставивших немало неприятностей и скорбей настоятелю и братии.

23 мая 1917 года архимандрит Сергей писал начальнику Старосергиевского Общества Самоуправления⁴⁰ о том, что воинские чины, несмотря на то, что им был безвозмездно предоставлен луг на берегу Финского залива, пасут лошадей на монастырском лугу, который был предназначен для сенокоса. Данную им бочку сломали и самовольно отобрали у монастыря другую, последнюю бочку, которая нужна для мона-

⁴⁰ Как теперь стали называться органы власти на местах.

стыря и особенно для лазарета и больницы. Гоняют на водопой лошадей во время богослужений, когда в монастыре бывают богомольцы с малыми детьми. В ограде монастыря купаются в пруду, раздеваясь донага вблизи часовни, которую посещают богомольцы. В завершение письма архимандрит Сергей просит «оградить монастырь от всевозможных недозволенных действий».

Об этом же просили в своем обращении и обыватели Сергиевской Слободы, отмечая, что воинские чины «с утра до поздней ночи и именно во время совершения в монастыре богослужений играют на гармониках, во всеуслышание произносят бранные “бесцензурные” выражения, ничего не стесняясь, купаются в пруду при проходе богомольцев, оскорбляют наши религиозные чувства, перетащили лодки со взморья и катаются на них по пруду с произношением оскорбительных слов для слуха, задевая прохожих гуляющих, не пускают рыбаков ловить рыбу на берегу Финского залива».

Архимандрит Сергей обращался с теми же жалобами и в Комитет полка, но безрезультатно. Монастырские луга были потравлены лошадьми, и монастырь остался без сена на зиму. Монастырская школа была приведена в безобразное состояние и нуждалась в ремонте. Архимандрит просил Комитет полка возместить убытки и предоставлял две сметы, но, очевидно, также безрезультатно. Более того, Комитет полка отказал ему даже в скромной просьбе отпустить в пустынь рядового 3-го взвода полка для производства починки по дереву и церковных работ, каковые он производил в течение нескольких лет до призыва в армию. Из-за опустошения солдатскими лошадьми лугов пришлось продать осенью большую часть монастырских коров, так как теперь сена не хватало, а ведь продажа молока была хорошим доходом. Можно было бы покупать корм для коров на зиму, но корм

был очень дорог, и получалось, как пояснял архимандрит Сергей братии, что «каждая корова съест больше, чем даст молока». Посему он предложил большую часть коров продать, благо скот был в большой цене, и оставить лишь телят, необходимых для монастыря, которые за зиму съедят корма меньше.

10 июля 1917 года архимандрит Сергей отправил заявление главнокомандующему Петроградским Военным округом, привел перечисленные факты, добавив, что члены полка продолжают еще более хулиганить, «в ночное время врываются в помещения монастырских огородниц-девиц и творят над ними насилие, портят монастырские пасеки, крадут и ломают ульи с медом и пчелами, огороды портят, рвут плети огурцов и картофеля, а огородников, которые препятствуют им в этом, грозят убить» и что «при отъезде из помещений монастырской школы члены полка вывинтили и увезли все замки и ручки из дверей, медные краны и свинцовые трубы». Далее он писал, что «9 июля в начале 9 вечера двумя неизвестными воинскими чинами, по-видимому, того же полка (т. к. других воинских частей в нашей местности не состоит) зарезан в келлии иеромонах пустыни Паисий. Их видели, но не успели задержать». В завершение письма архимандрит Сергей просил оградить монастырь от такого произвола «хотя бы командированием в пустынь нескольких человек воинских чинов для наблюдения за порядком и предупреждения от подобной преступности».

Очевидно, опять не последовало никаких мер, так как в августе архимандрит Сергей вновь обратился с заявлением в Комитет полка и в Штаб Петроградского округа, повторяя, что «воинские чины полка в ночное время опустошают монастырский огород и в то же время портят овощи в самом зародыше», в связи с чем «монастырь рискует остаться без овощей на будущее время». В это же время отец Сергей предложил

братии пустыни создать свою монастырскую милицию из послушников, прошедших воинскую службу, а в помощь им «назначить очередь из монастырского братства». По-видимому, это было осуществлено и монастырский огород стал успешно охраняться, а осенью был собран урожай, причем, по указанию настоятеля, на уборку урожая привлекалась вся братия монастыря (объявление с сообщением об этом было вывешено в братской трапезной, а на уклоняющихся от работ налагались взыскания).

«Ввиду возможной смуты в Петрограде после 20 октября» в обители было учреждено постоянное дежурство насельников в ночное время — «в ограждение монастыря и братии от возможных хищений и других безобразий со стороны разных злоумышленников». Дежурство распределялось с 9 вечера до 6 утра по три человека, в течение трех часов каждой тройкой, — один послушник из числа монастырской милиции и два человека из братии. Кроме того, договорились с местной пожарной дружиной, которая пообещала в случае чего прийти на помощь монастырю для защиты его от злоумышленников как днем, так и ночью. Однако вскоре уже никакие меры защиты не могли оградить монастырь. Злоумышленники стали орудовать не таясь, — настало их время, они были у власти. События того времени ярко запечатлены в архивных документах фонда Троице-Сергиевой пустыни — это своего рода печальная летопись последнего года настоятельства отца Сергия.

9 марта 1918 года архимандрит Сергей получил письмо из Сергиевского Спортивного общества, в котором сообщалось о невозможности выполнения прежнего договора между обществом и монастырем по охране монастырского леса:

«<...> с изданием декрета от 1 декабря 1917 года право частной собственности на землю отменяется навсегда, и вся земля переходит в пользование всех трудящихся

на ней. Вся монастырская земля перешла к Стрельнинской волости, в том числе и роща, что по Монастырскому шоссе. В настоящее время в роще крестьянами Стрельнинской волости производится рубка леса, и Сергиевское Спортивное общество не в силах что-либо предпринять для преобразования, кроме заявления о сем случае Сергиевскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что нами и сделано. Об изложенном Правление Общества имеет честь довести до Вашего сведения».

В апреле 1918 года архимандрит Сергей отправил отчет на запрос нового органа местной власти:

«В Исполком Стрельнинского волостного
Совета крестьянских депутатов

В ответ на отношение Исполнительного комитета от 13 текущего апреля за № 666 настоящим имею честь уведомить Комитет: во вверенной мне Сергиевой пустыни церковей, находящихся в самом монастыре при Слободе Сергиево, — 3, служба совершается в летнее время во всех трех, а в зимнее — за неимением дров для отопления — лишь в одной; просфоры для нужды богослужения выпекает один иеромонах с послушником, приблизительный расход просфор в месяц — неопределенный, т. е. по мере поступления муки: так, например, в феврале месяце расхода просфор, кроме богослужебных, за неимением муки, совсем не было, а в марте израсходовано до 600 штук, полагаю, по 17—18 штук на фунт, стоимость в продаже по 10 коп. за штуку».

25 апреля архимандрит Сергей обратился в тот же исполком с просьбой отпустить для Троице-Сергиевой пустыни десять кулей овса для посева на десяти десятинах земли, которые, вероятно, были оставлены в пользование монастырю.

14 июня архимандрит ходатайствовал в Стрельнинский совет о выдаче материи для ряс и платков и передников для коровниц. Из совета последовал отказ в выдаче материала для ряс.

15 (2)⁴¹ июня архимандрит Сергей в рапорте митрополиту Вениамину Петроградскому сообщил, что монастырь остался положительно без рабочих лошадей, все оставшиеся — старые и неспособные. Подробно происшедшее изложил в следующем документе:

«В Петроградский Съезд Советов Петергофского Уезда
настоятеля Троице-Сергиева монастыря
архимандрита Сергея с братией

Жалоба

14 июня 1918 года в управляемый мною монастырь явился некий Петр Матсон в сопровождении неизвестного мне человека и, предъявив отношение Стрельнинского Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 июня 1918 года о выдаче двух выездных лошадей с упряжью, принадлежащих монастырю, отобрал не только одну лошадь с упряжью, но и коляску, о чем в отношении совершенно не было упомянуто.

При всем своем уважении и подчинении существующей власти я не могу не сказать, что действие Стрельнинского Совета является незаконным. Правда, ст. 19 № 1 Собрания Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства гласит, что вся власть принадлежит Советам, но эта статья совершенно не имеет того смысла, чтобы Советам можно было действовать по своему произволу. Ст. 180 № 12 Собр<ания> Уз<аконений> за 1917 год гласит о правах и обязанностях отв<етчика>. Но эта статья именно менее всего и дает Советам права произвола, и если в этой статье и говорится, что Советы производят реквизиции и конфискации, то это надо понимать так, что местным Советам предоставляется право произвести реквизиции и конфискации только в том случае, если у кого-либо находятся предметы, подлежащие конфискации или реквизиции по постановлению высших властей <...> Никакого распоряжения Высшей Законной власти о производ-

⁴¹ Обратим внимание на то, что обращения архимандрита Сергея в советские органы власти датированы по новому стилю, а церковные документы датированы по старому стилю.

стве реквизиции или конфискации лошадей, упряжи и коляски у граждан на последовало, а посему такое отображение является захватом чужой собственности.

По существу своему это отображение необходимых монастырю предметов является несправедливым. Все лошади работают для нужд монастыря, возят дрова, воду и обрабатывают поля, и только три лица из всей монастырской братии (130 человек) пользуются правом проезда на лошади по делам службы от монастыря до вокзала и не всегда обратно.

Вся братия монастыря в настоящее время живет исключительно трудами своих рук: сами пашут, сеют, грузят и выгружают дрова, обрабатывают огороды и поля, не пользуясь никакими наемными услугами. Упорным физическим трудом занимаются все без исключения, начиная с отца архимандрита и кончая рядовыми монахами и послушниками. Вся братия по роду своей деятельности вполне должна быть приравнена к трудящемуся пролетариату, о котором в особенности призвана заботиться Советская власть.

Находя в силу всего вышеизложенного распоряжение Стрельнинского Совдепа с формальной стороны неправильным и по существу своему несправедливым, прошу произвести по настоящему делу надлежащее расследование указанного события, привлечь виновных к законной ответственности за превышение власти и предписать Стрельнинскому Совдепу немедленно возвратить незаконно забранную лошадь с упряжью и коляску»⁴².

8 июля 1918 года архимандрит Сергей обратился к «господину комиссару Духовных дел» с просьбой ходатайствовать пред высшей правительственной властью о возвращении отображенной у монастыря конной косилки, отображенной по предписанию Стрельнинского Совдепа, объяснив, что «монастырь рискует остаться без корма для скота на будущее зимнее время». В архиве сохранилась копия этого лаконичного документа

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 14. Л. 1–2. Далее цитаты из этого дела.

(распоряжения на изъятие), адресованного на имя настоятеля Сергиевского монастыря:

«Предлагаю Вам выдать косильную машину представителю Земельного Комитета, командируемого для приема вышеуказанной машины.

Что удостоверяется подписью с приложением печати».

И далее:

«Косилку принял от казначея монастыря

Член Исполнительного комитета Стрельнинского Совета крестьянских рабочих и красноармейских депутатов, Заведующий Общественной охраной

Людвиг».

14 (1) июля 1918 года архимандрит Сергей направляет рапорт митрополиту Вениамину о том, что ходатайство к комиссару Духовных дел по поводу косилки не имело успеха. И в тот же день следующий рапорт:

«Стрельнинский Совет самовольно отобрал от монастыря почти весь сенокос в пользу местного сельского населения, оставив ему лишь ничтожное количество травы, так что на будущее зимнее время монастырь вынужден будет остаться совершенно без корма для скота, а покупка сена в продолжение всего зимнего времени при теперешней дороговизне очень тяжело отзовется на бюджете монастыря».

Разумеется, ни косилка, ни сено не были возвращены, а у настоятеля потребовали еще и монастырскую лошадь:

«5 сентября 1918 года.

Стрельнинский Волостной Комиссариат по Военным делам настоящим предписывает Вам немедленно по получении сего предоставить имеющуюся у вас лошадь в Комиссариат по Военным делам».

14 сентября 1918 года монастырь был подвергнут обыску, о чем архимандрит Сергей тотчас же сообщил митрополиту Вениамину в рапорте:

«Митрополиту Вениамину <от>
настоятеля Троице-Сергиевой пустыни
почтительнейший рапорт

Долг имею почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, что 14 сентября (31 августа) сего 1918 года в 10 часов вечера во вверенную мне Троице-Сергиеву пустынь прибыл из Стрельны воинский отряд в числе более чем 100 человек и произвел обыск во всем монастыре, т. е. в помещениях моих, настоятеля, братии, кладовых и др. Обыск производился до двух часов пополуночи. Во время обыска продукты, какие только могли оказаться (для продовольствия братии монастыря и рабочих), были опечатаны и заперты в тех же помещениях. В настоятельских келлиях большая часть мебели, картины и прочее попорчены, двери келий отсутствующей братии взломаны, но в общем хищения большого произведено не было. Цель обыска мне неизвестна, но, по-видимому, искали причины к производству ареста кого-либо из монастыря, но так как ничего не было найдено, служившим причиной к аресту, то воинские чины в третьем часу ночи оставили монастырь, захватив с собою из канцелярии монастыря 2 дела, касающихся патриарших воззваний ко всем чадам Православной Церкви, напечатанных в № 2 журнала “Церковные Ведомости” за текущий год, и постановления Епархиального собрания об оживлении церковной жизни на местах и о разрешении разных вопросов по управлению монастырями; все номера журнала “Церковные Ведомости” за 1918 год и номера три журнала “Петроградский Церковный Вестник” за сей же год, а также прибавление к сему последнему журналу официальной части...

18/5 сентября 1918».

16 сентября 1918 года Волостной Комиссариат предписал настоятелю Троице-Сергиевой пустыни предоставить в его распоряжение пишущие машины сис-

темы «Ундервуд». 17 сентября архимандрит Сергей отвечал, что не может удовлетворить требование, так как у них нет этих машин, а лишь одна машина «Смис-Премьер». Комиссариат «принял» и эту машину, о чем вручил документ на своем бланке с печатью.

Последние документы из монастырской канцелярии были уже написаны от руки.

28 сентября архимандрит Сергей просил Стрельнинский исполком разрешить взять из Госбанка деньги для уплаты штрафа за продажу быка. 30/17 сентября архимандрит послал рапорт митрополиту Вениамину о том, что за продажу монастырского быка наложили штраф в 6000 рублей, в уплату которого под угрозой ареста пришлось взять из монастырского неприкосновенного капитала, заключающегося в процентных бумагах.

15 октября 1918 года Комбед принял монастырскую больницу, о чем был составлен соответствующий акт.

29/16 октября 1918 года архимандрит Сергей отправил рапорт благочинному монастырей:

«28/15 октября 1918 года Старо-Сергиевским Комбедом произведена полная реквизиция и описано все монастырское казенное имущество, в чем бы оно ни заключалось как вообще в монастыре, так и в помещении настоятельских келлий и других зданий, а также всех монастырских овощей, сена, дров и т. п.

Монастырская больница принята на учет, и управление администрацией монастыря отозвано.

Вся братия монастыря, кроме 4 престарелых, вместе со мною, настоятелем, призвана Стрельнинским Комиссариатом на общественные работы, так что в монастыре почти никого не остается для исполнения необходимых богослужений и треб и других послушаний. Когда кончатся названные работы, мне неизвестно.

Исполнить какие-либо срочные донесения епархиального начальства для меня не представляется никакой возможности. Пишущая машинка от монастыря отобрана».

14/1 ноября 1918 года архимандрит Сергей отправил рапорт о том, что отобранены все дома, принадлежащие монастырю и сдаваемые в наем.

21/8 января 1919 года были отобранены все метрические книги, и монастырь лишился права распоряжаться на монастырском кладбище.

Поразительно, что в продолжение всего этого времени обитель продолжала откликаться на призыв епархиального начальства о сборе пожертвований. Так, в мае были произведены сборы на нужды кафедрального Исаакиевского собора; в августе и сентябре — на оказание помощи семьям духовенства, пострадавшего за веру и Церковь; с октября по февраль — на защиту веры и Православной Церкви. Отправляя пожертвования, настоятель на своих бланках указывал ежемесячную сумму, собранную за богослужениями. Примечательно, что на последнем отчете в феврале 1919 года уже стояла подпись «и. д. настоятеля». Это последний лист в деле фонда Троице-Сергиевой пустыни, на этом прервалась ее летопись⁴³. И на этом же окончилось и настоятельство архимандрита Сергия. В начале 1919 года он был изгнан братией из обители, и, вероятно, одной из причин этого явилось его «контрреволюционное прошлое», а именно — на протяжении почти двадцати лет до революции отец Сергий был духовником Великих князей Константиновичей.

⁴³ Фактически заканчивается и ее история. Еще несколько лет теплилась жизнь, и даже назначались настоятели, но это скорее было умирание обители (об этом времени мало сведений). Известно, что к тридцатым годам пустынь опустела, а в 1931 году прекратила существование. На ее территории была организована детская трудовая колония, затем школа переподготовки начсостава, в 1964 году — школа милиции. До основания разрушены Троицкий и Воскресенский соборы, Покровская и Никольская церкви, часовни Тихвинской и Рудненской икон Божией Матери, изуродованы оставшиеся монастырские здания, полностью уничтожено монастырское кладбище со всеми памятниками. С 1993 года началась передача обители Московской патриархии.

Духовник Великих князей

С Великими князьями⁴⁴ Константиновичами отец Сергей познакомился в конце 1890-х годов. Как вспоминал он позднее:

«Великие князья летом обычно жили в Стрельне и со своими семьями часто бывали в Сергиевой пустыни на богослужениях. После служб гости иногда заходили к настоятелю, и мне приходилось их принимать, угощать чаем и “монастырским хлебом”. По выбору и приглашению Великих князей Дмитрия Константиновича и Константина Константиновича я был назначен совершать богослужения во внутренней дворцовой церкви Стрельнинского дворца в течение лета, а с 15 августа по 21 мая — в Павловском дворце. Кроме этой церкви имелись еще церкви при дворцах как в Стрельне, так и в Павловске с отдельными настоятелями. Моя же церковь, которую я обслуживал, помещалась во внутренних апартаментах, и ее посещали только высочайшие особы и ближайшие их служащие».

Очевидно, сколь великая честь была оказана скромному иеромонаху, бывшему деревенскому пареньку. Но мало того, он не только удостоился служить в великолепных дворцах, но и стал духовником Великих князей.

«В течение первых двух лет я совершал только богослужения, переезжая со своей “походной” церковью из дворца во дворец, но по желанию Великого князя Константина Константиновича был назначен духовником всей семьи Константиновичей. Состоялось это в Павловском дворце, перед Пасхой. Ко мне был прислан адъютант Константина Константиновича,

⁴⁴ Титул Великих князей носили дети и внуки императоров.

генерал Ярмолинский⁴⁵, с предложением принять предложение духовника. Я отказался, ссылаясь на свою богословскую неподготовленность, но через полчаса был вызван в церковь, где застал всю семью Великих князей и королевы эллинов с их семьями в парадных платьях и форме. Константин Константинович от лица всех обратился ко мне с просьбой согласиться быть их духовником. Все старшие стали меня также упрашивать дать свое согласие. Я согласился и в течение 18 лет состоял духовником Великих князей Константина Константиновича, Дмитрия Константиновича и королевы эллинов Ольги Константиновны с их семьями»⁴⁶.

Великие князья Константиновичи, о которых идет речь, являлись внуками императора Николая I, детьми его сына Константина Николаевича⁴⁷. Королева эллинов Ольга Константиновна была старшей дочерью Константина Николаевича. Она часто приезжала со своими детьми в Россию, а после кончины супруга жила постоянно. Во время Первой мировой войны работала в устроенном ею госпитале в Павловске⁴⁸.

⁴⁵ На самом деле генерал Ермолинский Н. Н.

⁴⁶ Архив УФСБ СПб ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 36–36 об.

⁴⁷ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — второй сын императора Николая I. Генерал-адмирал Русского флота, председатель Государственного совета. Был женат на Александре Иосифовне (1830–1911), принцессе Саксен-Альтенбургской, у них было четверо сыновей и две дочери: Николай, Ольга, Вера, Константин, Дмитрий и Вячеслав. Старший Николай (1850–1918) вел довольно разгульную жизнь и за скандальную кражу драгоценностей у матери был удален из Петербурга, окончил жизнь в Ташкенте, по видимому был убит большевиками; младший Вячеслав (1862–1879) умер от рака мозга в 16 лет. Ольга (1851–1926) вышла замуж за греческого короля Георгия I (1863–1913); Вера (1854–1912) была замужем за герцогом Вюртембергским Вильгельмом.

⁴⁸ В 1918-м уехала из Петрограда на поезде датской миссии. В 1920-м после кончины внука, греческого короля Александра, стала регентшей Греции, пока ее большой сын Константин, король Греции, не вернулся в Грецию. После отречения Константина жила во

Великий князь Константин Константинович⁴⁹ — второй сын Великого князя Константина Николаевича, незаурядный, разносторонний человек, один из самых талантливых в династии Романовых. Он был женат на принцессе Саксен-Альтенбургской Елизавете Маврикиевне⁵⁰. Ко времени знакомства с отцом Сергием у них было уже шесть детей⁵¹ — это была самая многочисленная из всех Великокняжеских семей. В своих воспоминаниях второй сын Великого князя, Гавриил Константинович, писал:

«Светлый образ отца стоит перед моими глазами. Надо сказать прямо — жизнь его выходила далеко за пределы семьи, основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России.

Строевой начальник, отечески заботившийся до мелочей о своих солдатах, знавший всех унтер-офицеров сперва Измайловского, а затем Преображенского полка по фамилиям; главный начальник, а затем генерал-инспектор военно-учебных заведений, много раз исколесивший Россию в поездках по корпусам и военным училищам; энергичный работник в Комитете трезвости, старавшийся оздоровить Россию; основатель и фактический руководитель Женского педагогического института в Петербурге; долголетний президент Академии наук, связавший свое имя со многими в ней важными начинаниями; создатель при ней Разряда изящной словесности и сам первый свободно избранный почетный академик; организатор известных в свое время “Измайловских досу-

Франции, Англии, затем в Риме у младшего сына Христофора, где и скончалась в 1926 году.

⁴⁹ 1858–1915.

⁵⁰ Родилась в 1865, скончалась в 1927. К большому огорчению Великого князя, супруга не проявляла тяги к православию и оставалась лютеранкой.

⁵¹ Иоанн (1886), Гавриил (1887), Татьяна (1890), Константин (1890), Олег (1892), Игорь (1894). Позднее родились еще трое: Георгий (1903), Наталья (1905), скончавшаяся во младенчестве, и Вера (1906).

гов”⁵²; председатель Русского музыкального общества⁵³, поддерживавший со многими, в частности с Чайковским, деятельную переписку; наконец, видный литературный деятель, неліцемерно признанный всеми поэт К. Р., оставивший, кроме богатого литературного наследства в виде оригинальных произведений, переводы гётевской “Исфигении в Тавриде”, шиллеровской “Мессинской невесты”, шекспировского “Гамлета”, сам воплощавший на сцене их великие образы; оставивший ценнейшие комментарии к этим мировым сокровищам и в конце жизни создавший “Царя Иудейского”, в котором, по общему признанию, глубочайше религиозное чувство соединилось с утонченным изобразительным даром. И во всей этой многосторонней деятельности — кипучая энергия, желание всегда довести до конца начатое.

Однако прежде всего Великий князь Константин Константинович оставался поэтом-лириком⁵⁴: «Призвание поэта для меня высшая и святейшая из обязанностей», — записал он как-то в дневнике, будучи уже зрелым человеком, командующим главным гвардейским Преображенским полком. Гавриил Константинович вспоминал:

«Он не говорил с нами, детьми, о своих литературных работах. С нами он вообще мало говорил, никогда не делился своими литературными впечатлениями. Конечно, в этом была наша вина, так как никто из нас, кроме павшего смертью храбрых в 1914 году брата Олега, литературой не интересовался. С ним отец, пожалуй, был более близок, они больше понимали друг друга.

⁵² Литературные собрания в Измайловском полку, на которых читались произведения русских авторов и устраивались постановки спектаклей.

⁵³ Сам великолепно играл на фортепиано.

⁵⁴ «Многое из поэтического наследства отца осталось еще в рукописях неопубликованным, и обширные указания на это мы находим в переписке отца с сестрой, где он откровенно говорит о “муках творчества” и где целый ряд страниц заполнен стихами, еще не увидевшими света».

Когда на отца находило поэтическое настроение, он думал только о стихах и забывал об окружающем. Бывало, приедет в Академию наук, президентом которой он был, или в Главное управление Военно-учебных заведений и, подъехав, не выходит из экипажа. Мысли его витают вне окружающего, в мире поэзии. Кучер Фома говорит ему: “Ваше императорское высочество, приехали!” Отец возвратится к действительности и выйдет из экипажа⁵⁵.

Стихи Великого князя открывают возвышенность его души, устремленной к Богу⁵⁶. При всем том не стоит идеализировать Великого князя. Темные стороны его души и грехопадения, которым он подвергался, отражают и некоторые стихи, а в особенности дневники⁵⁷, которые Великий князь вел ежедневно с 1870 года до самой кончины в 1915 году, и в которые с присущей ему честностью заносил все свои поступки и самые сокровенные помыслы⁵⁸. Вместе с тем днев-

⁵⁵ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. — СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 11–12, 14–15.

⁵⁶ «Научи меня, Боже, любить
 Всем умом Тебя, всем помышлением,
 Чтоб и душу Тебе посвятить
 И всю жизнь с каждым сердца биением.
 Научи Ты меня соблюдать
 Лишь Твою милосердную волю,
 Научи никогда не роптать
 На свою многотрудную долю.
 Всех, которых пришел искупить
 Ты Своею Пречистою Кровью,
 Бескорыстной, глубокой любовью
 Научи меня, Боже, любить».
 4 сентября 1886.

⁵⁷ 66 толстых тетрадей в кожаных переплетах, их Великий князь завещал открыть через девяносто лет после своей кончины. Но они, как и все документы Романовых, были бесцеремонно открыты после революции 1917 года.

⁵⁸ Из записи от 19 ноября 1903: «Меня называют “лучшим человеком в России”. Но я знаю, каков на самом деле этот “лучший человек”. Как поражены были бы все те люди, которые любят и уважают ме-

ники Константина Константиновича свидетельствуют и о его покаянии. Осознавая свою немощь, он не отчаивался и продолжал духовную брань со своими страстями и порочными наклонностями, из которой к концу жизни с Божьей помощью вышел победителем, и, обретя столь вождеденный душевный мир, отошел в мир иной с чистой совестью, исполненный любви и благодарения ко Господу⁵⁹.

Младший брат Константина Константиновича, Великий князь Дмитрий Константинович⁶⁰, при жизни своей был мало кому известен в России. Человек редких душевных качеств, он был «пожалуй, одним из самых непритязательных из всех Великих князей и жил спокойно и скромно, без скандалов и вражды»⁶¹. По воспоминаниям хорошо знавших его людей, при всей своей скромности Великий князь был всесторонне образованным человеком и интересным собеседником. Великолепный наездник, Дмитрий Константинович служил в Конной гвардии, получил звание генерал-майора и шефа конно-гренадеров. Он прекрасно знал коневодство, в Полтавской губернии основал знаменитый Дубровский конный завод, который завещал государственному коннозаводству, после того как завод

ня, если бы знали о моей развращенности. Я глубоко недоволен собой». Из записи от 15 декабря 1903: «Я продолжаю бороться, говоря себе, что Бог дал мне сердце, разум и силу, чтобы успешно бороться, а все же часто бываю побежден. Беда в том, что мог бы, но не могу бороться. Ослабеваю, забываю страх Божий и падаю». Из записей от 21 декабря 1903: «В голову продолжают приходиться дурные мысли; они особенно донимают меня в церкви. Стыдно признаться, но это правда. Никогда не было так плохо, как в последние шесть месяцев». Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. — М., 1998. С. 236.

⁵⁹ Великий князь Константин Константинович скончался 2/15 июня 1915 года. Он был последним из Романовых, кого похоронили со всеми подобающими Великому князю почестями в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

⁶⁰ 1860–1919.

⁶¹ Чавчавадзе Давид. Великие князья. — Екатеринбург, 1998. С. 166.

стал не только окупаемым, но и начал давать доход. Будучи глубоко верующим христианином, Дмитрий Константинович щедро жертвовал на церкви и благотворительные учреждения. Характерный эпизод приведен в воспоминаниях генерала А. А. Мосолова:

«Однажды Великий князь поручил мне передать довольно значительную сумму на поддержание бедной церкви в деревне, через которую мы проезжали. Я ему заметил:

— При таких щедрых дарах Вам, пожалуй, не хватит Ваших удельных доходов.

— Удельные деньги нам дают не для того, чтобы мы на них сибаритствовали, а для поддержания престижа широкой помощью и добрыми делами, — ответил Великий князь»⁶².

Дмитрий Константинович, не имея своей семьи, проживал часто с семьей брата, который его очень любил и почитал. «Хотелось бы брать пример с Мити, который постоянно ведет один и тот же образ жизни, несмотря ни на какие обстоятельства, всегда ровен и верен самому себе», — записал как-то в дневнике Константин Константинович. Тепло вспоминает «дяденьку», как ласково называли его племянники, князь Гавриил Константинович.

«Каждый день перед тем, как нас укладывали спать, к нам приходил дядя Дмитрий Константинович, младший брат отца. Он тоже жил в Мраморном дворце и служил в то время в Конной гвардии. Мы очень любили дяденьку, бежали к нему навстречу и бросались на шею».

Дмитрий Константинович принимал деятельное участие в воспитании племянников⁶³, он был их наставником не только в военном искусстве, но и в

⁶² Ген. А. А. Мосолов. При дворе последнего Императора. — СПб., 1992. С. 139.

⁶³ Характерен эпизод, о котором упоминает князь Гавриил. Во время Первой мировой войны, когда он с братьями находился в действующей армии, им очень пригодились уроки дяденьки. «Все трое (кня-

ставником не только в военном искусстве, но и в вере и благочестии.

Понятно, что отличавшиеся религиозностью и строгостью нравов Великие князья Константиновичи весьма серьезно должны были относиться к выбору духовника. По-видимому, иеромонах Сергей, скромный и ревностный, произвел на них благоприятное впечатление. А за время его двухлетнего служения они еще более смогли к нему присмотреться и принять столь ответственное решение — ведь они доверяли ему свои души. Прежний их духовник, протоиерей Арсений Двукраев, к тому времени, очевидно, скончался (в начале 1890-х он уже был в преклонных годах). О нем упоминает в своих воспоминаниях князь Гавриил Константинович. В 1892 году, когда родился его брат Олег, они с братом Иоанном надели игрушечные шашки и побежали вниз к родителям:

«В большой гостиной мы застали духовника нашего отца, священника Арсения Двукраева, приехавшего дать молитву Олегу. Это был седой старик в золотых очках, выглядел он очень строгим, и я его побаивался. Когда мы входили в гостиную, он стоял перед большой картиной Распятия испанской школы и внимательно ее разглядывал. Увидя нас, он нас благословил и велел нам почаще смотреть на эту картину. Перед тем как войти к матушке, нам приказали снять шашки. Мы вошли в спальню вместе с отцом Арсением. Как сейчас, я вижу матушку, лежащую в постели, и отца Арсения с Олегом на руках, читающего молитву перед киотом, освещенным лампадой».

Над младшими детьми Великого князя Константина Константиновича⁶⁴ читал молитву уже отец Сергей. Дети в семье Великого князя воспитывались в

зья Иоанн, Гавриил и Константин), мы послали однажды дяденьке телеграмму, что с благодарностью думаем о нем и следуем его советам: ведь два года подряд, живя в Павловске, мы ежедневно ездили с ним верхом в любую погоду и вообще были под его надзором».

⁶⁴ Георгием (1903), Натальей (1905) и Верой (1906).

строгости и благочестии. Как вспоминал князь Гавриил Константинович:

«По вечерам, когда мы, дети, ложились спать, отец с матушкой приходили к нам, чтобы присутствовать при нашей молитве. Сперва мой старший брат, Иоанчик, а за ним и я становились на колени перед киотом с образами в нашей спальне и читали положенные молитвы, между прочим и молитву Ангелу Хранителю, которую, по семейному преданию, читал ребенком Император Александр II. Отец требовал, чтобы мы знали наизусть тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни»⁶⁵

«Позднее, когда мы подросли и уже самостоятельно приходили к отцу здороваться, дежурный камердинер нам говорил, что нельзя войти, потому что “папа молится”».

В воспоминаниях Гавриила Константиновича есть еще одна интересная деталь. Он описывает зиму 1905–1906 года, которую они с братом Иоанном, уже будучи кадетами, провели в Павловске, где жила тогда вся семья:

«Завтракали мы с родителями, дяденькой, сестрой и братьями, и нас садилось за стол человек пятнадцать. Прежде чем сесть за стол, мы пели молитву “Отче всех на Тя, Господи, уповают”, а встав из-за стола — “Благодарим Тя, Христе Боже наш”».

Подобное исполнение элементарных правил благочестия в то время становилось большой редкостью

⁶⁵ «Отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски... В Мраморном дворце мы с братом Иоанчиком помещались в одной и той же детской, устроенной и украшенной в русском стиле. Все наши комнаты носили тоже русские названия: опочивальня, гуляльня, мыльная (ванна). В углу гуляльни висел большой образ Владимирской Божией Матери, а на нем полотенце, расшитое разноцветными шелками и золотом, на концах обшитое старинными кружевами. Пред образом всегда теплилась большая лампада».

даже среди простолюдинов, а уж тем паче в великосветских кругах, и тем более в великокняжеской среде. Тем не менее в семье Константина Константиновича это было естественно. С колыбели дети были окружены атмосферой православной церковности. Это тот самый православный быт, который с младенчества закладывает прочный фундамент веры и благочестия. Трогательный пример благочестия младших Константиновичей приводится в справочном издании 1908 года при описании Троице-Сергиевой пустыни:

«В братской трапезной находится письмо августейших детей Его императорского высочества Великого князя Константина Константиновича настоятелю пустыни. “Петербург 6 мая 1903. Дорогой Батюшка! Узнав от дяденьки, что Вы хотите сделать в трапезной каменный пол, мы собрали сколько смогли из наших карманных денег и просим Вас принять эту лепту и помолиться о болящих Гаврииле и Олеге. Просят Вашего благословения Иоанн, Татиана, Константин, Олег и Игорь”. Письмо это помещено в золоченой металлической раме и хранится пустынью как драгоценность, доказывая ту искреннюю отзывчивость, которую проявили августейшие дети к нуждам пустыни»⁶⁶.

Вероятно, инициатива исходила от старшего брата, Иоанна, который особенно отличался религиозностью. Братья даже по-доброму шутили над ним и говорили, что его сын родится с кадилом в руке. Они специально заказали маленькое кадило, и когда у Иоанна Константиновича родился первенец, Всеволод, они ему вложили кадило в ручку. Так что, по свидетельству князя Гавриила Константиновича, «Иоанчик впервые увидел своего сына с кадилом в руке».

Перед отъездом на войну в 1914 году именно Иоанн предложил братьям причаститься. Как вспоминал князь Гавриил: «Он заказал в Павловской дворцовой церкви раннюю обедню. Служил наш духовник архи-

⁶⁶ Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. — СПб., 1908. Вып. 1. С. 38.

мандрит Сергей. Перед обедней он сделал нам общую исповедь. Церковь была совсем пуста, пришли только Елена Петровна (супруга князя Иоанна), А. Р. и какая-то простая женщина, которая, когда мы причащались, громко плакала и причитала»⁶⁷. В последующие годы, приезжая с фронта, князь Иоанн постоянно посещал богослужения и исповедовался у отца Сергия.

Воспитанные в православном духе, дети Константина Константиновича стали глубоко верующими православными христианами и верными слугами царя и Отечества. Во время Первой мировой войны все пятеро взрослых сыновей Великого князя воевали на фронте. Один из них, князь Олег, пал смертью храбрых. Он был смертельно ранен в бою и умер в страданиях, но со счастливым осознанием исполненного долга. Три его брата — Иоанн, Константин и Игорь — приняли мученическую кончину спустя четыре года и вместе с умученными тогда же Великой княгиней Елизаветой Федоровной, инокиней Варварой Яковлевой, князем Владимиром Палеем и Великим князем Сергеем Михайловичем были причислены к лику святых Русской Православной Церковью за границей⁶⁸.

⁶⁷ Великий князь Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 144, 158.

⁶⁸ 5/18 июля 1918 года они были зверски убиты большевиками под Алапаевском — их сбросили в глубокую шахту живыми, затем бросили гранаты и завалили шахту землей и досками. По свидетельству местных, в ночь убийства вблизи шахты слышно было церковное пение, оно продолжалось и на следующий день. Предполагают, что пели Великая княгиня Елизавета и князь Иоанн, их, вероятно, сбросили в шахту первыми. После освобождения Алапаевска белыми в октябре 1918 года тела убитых были извлечены из шахты: «По словам лиц, участвовавших в извлечении тел из шахты, только на теле Великого князя Сергея Михайловича была огнестрельная рана в задней части головы внизу затылка; все остальные замученные были брошены в шахту живыми и умерли от повреждений, полученных при падении, и от голода. Тело Великой княгини Елизаветы Федоровны, несмотря на то, что все тела находились в шахте в течение нескольких месяцев, было найдено со-

Их дядя, «дяденька» Великий князь Дмитрий Константинович, также без суда и следствия был убит большевиками. Он был расстрелян в Петропавловской крепости 11/24 января 1919 года. Будучи перед расстрелом в тюрьме на Шпалерной, Великий князь Дмитрий сохранял бодрость духа и всячески старался поддерживать находившегося там же в тюрьме племянника, князя Гавриила Константиновича:

«Дяденька ободрял меня, как мог, и как-то написал для меня на клочке бумаги псалом “Живый в помощи Вышнего”, который я и выучил наизусть. Заботы обо мне дяденьки трогали меня, он никогда не забывал передать мне слова бодрости и утешения, даже через сторожа...

Я сильно волновался. Дяденька меня утешал.

— Не будь на то Господня воля, — говорил он, цитируя “Бородино”, — не отдали б Москвы! А что наша жизнь в сравнении с Россией, нашей родиной?

Он был религиозным и верующим человеком, и мне впоследствии рассказывали, что умер он с молитвой на устах. Тюремные сторожа говорили, что когда он шел на расстрел, то повторял слова Христа: “Прости им, Господи, не ведают бо, что творят”»⁶⁹.

Князь Гавриил Константинович чудом избежал расстрела. Благодаря неустанным ходатайствам его жены балерины А. Р. Нестеровской, главным образом через Максима Горького, князь был выпущен из тюрьмы по болезни и вскоре вместе с женой выехал в

вершено нетленным; на лице Великой княгини сохранилось выражение улыбки, правая рука была сложена крестом, как бы благословляющая. Тело князя Иоанна Константиновича тоже поддавалось лишь частичному и весьма незначительному (в области груди) тлению, все остальные тела подверглись в большей или меньшей степени разложению». Алапаевская трагедия // Русская газета. Париж. 1924. № 51. 22 июня. С. 2.

⁶⁹ Великий князь Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 172, 251–253.

Финляндию, оттуда во Францию⁷⁰. Он помнил о духовнике семьи и спустя десять лет, по свидетельству епископа Сергия (Дружинина), передал ему поклон *«через певчего церкви Воскресения на Крови, который ездил за границу вместе с капеллой»*.

В свою очередь епископ Сергей помнил о своих духовных детях и, по его словам, *«питал себя уверенностью, что с гибелью Советской власти я буду опять духовником оставшихся в живых Константиновичей»*. Об этом он прямо заявил на допросе в 1931 году (понятно, какую реакцию вызвала эта фраза у следователя, поспешившего жирно подчеркнуть ее в протоколе).

А владыка и не скрывал, что сблизился с Великими князьями и пользовался их расположением. Он не преминул отметить, что семья Константина Константиновича *«была очень строгих моральных правил»*, и не побоялся сказать: *«Будучи 20 лет духовником Великих князей, я был целиком предан им»*. Более того, владыка не стал скрывать и своего знакомства с Государем Николаем II:

«В семье Константиновичей мне пришлось встречаться с самим царем, бывавшим на семейных торжествах у Великого князя... От облика царя у меня осталось впечатление, что это был человек кроткий, сми-

⁷⁰ Удалось выехать за границу вдове Константина Константиновича Елизавете Маврикиевне с младшими Константиновичами: сыном Георгием (1903–1938), дочерью Верой (1906–2001) и внуками, детьми ее старшего сына Иоанна Константиновича: Всеволодом (1914–1973) и Екатериной (1915–2007). Выехала за границу со своими детьми и старшая дочь Елизаветы Маврикиевны, княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская, овдовевшая в 1915 году (ее муж был убит на фронте). В 1946 году в Швейцарии Татьяна Константиновна приняла монашеский постриг с именем Тамара и уехала в Иерусалим в Елеонской монастырь РПЦЗ. В 1951 году она стала настоятельницей Елеонского монастыря и управляла им до своей кончины в 1970 году.

ренный, удивительно скромный, напоминавший скорее простого офицера, а не самодержца, человек в обращении больше чем деликатный, с прямым взглядом»⁷¹.

С государем владыка Сергей встречался и на официальных приемах придворного духовенства на праздники Рождества и Пасхи. На Пасху с царем христосовались. Это был особый церемониал, который происходил во дворце в продолжение трех дней. Князь Гавриил Константинович описывает христосование на второй день Пасхи, когда в Большой дворец прибывали депутации военных:

«Они подходили к Государю, останавливались и кланялись. Государь протягивал им руку со словами “Христос Воскресе!” Они отвечали “Воистину Воскресе!” — и Государь христосовался с ними. Они опять отвешивали поклон и шли дальше к Государыне, которая стояла позади Государя, в некотором отдалении, и раздавала им яйца, каменные или фарфоровые. При этом ей целовали руку... Христосование продолжалось несколько часов подряд. Я все время был подле Государя и, сознаюсь, порядком устал, хотя и не христосовался. Как мог он выдержать христосование с таким количеством людей! Это было на второй день Пасхи, накануне он также христосовался со множеством народа, и кажется и на третий»⁷².

Прием духовенства осуществлялся на третий день Пасхи. Как вспоминал епископ Сергей на следствии: *«Согласно правилам, монашеское духовенство, даже сам митрополит, с царем не христосовались, но это право было дано настоятелю Сергиевской пустыни, которым я в то время являлся. Последнюю свою встречу с царем я имел на Рождество в 1916 году, когда Государь со мною беседовал довольно продолжительное время».*

⁷¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 26, 36 об.— 37.

⁷² Великий князь Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 60.

Отношение отца Сергия к царю не изменилось и в то время, когда кампания клеветы, связанная с именем Григория Распутина, достигла своего апогея. «Распутинская» тема стала предметом оживленных обсуждений в светских салонах Петербурга с 1909 года, в 1912 году была озвучена с трибуны Госдумы и, наконец, проникла в печать. Гнусные инсинуации о взаимоотношениях царской семьи с Распутиным широко распространялись в обществе и проникали в массы, подрывая авторитет царя и царицы у самых преданных престолу патриотов. Даже близкие родственники царя, если и не верили чудовищным вымыслам о поведении царя и царицы, тем не менее поддались всеобщей истерии в отношении Распутина и его вмешательства в дела государства.

На самом деле никакого влияния на политику Распутин не имел, а вся шумиха вокруг него была создана и умело направлялась антимонархическими и антироссийскими силами и явилась одним из действенных политических инструментов ниспровержения монархии. Не будь Распутина, враги царского престола использовали бы другого человека, близкого царю и царской семье. Епископ Сергей на следствии о Распутине твердо заявил:

«В распутиниаду я не верил. Я имел случай проверить правдоподобность тех слухов и сплетен, какие распространялись вокруг имени Распутина и царицы. Моим духовным сыном был камердинер самого царя, прослуживший у него 24 года, некий Иван Васильевич. Однажды на исповеди я задал ему вопрос, верно ли, что говорят о пьянстве царя, Распутина и царицы. Камердинер мне поклялся, что все это ложь. Этого мне было достаточно»⁷³.

Владыка Сергей не стал более распространяться на эту тему на допросе. Между тем это его заявление

⁷³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 37.

на следствии свидетельствовало не только о его преданности царю, но и о рассудительности и здравомыслии. Очевидно, он не верил чудовищным и нелепым слухам, но тем не менее при случае *«проверил их правдоподобность»*. А ведь у многих высокопоставленных лиц была возможность не просто «проверить», а установить подлинные факты в отношении всех остальных слухов. Однако люди предпочитали верить нелепицам. Это странное явление, этот всеобщий психоз, охвативший Россию в предреволюционные годы, объясняется целым рядом причин, но прежде всего — необратимым процессом упадка монархического сознания в обществе, в результате которого был подорван авторитет царя и царской власти в целом.

«В том-то и была русская трагедия, что гражданский расцвет России покупался ценой отхода русского человека от царя и от Церкви. Свободная Великая Россия не хотела оставаться Святой Русью! Разумная свобода превращалась и в мозгу, и в душе русского человека в высвобождение от духовной дисциплины, в охлаждение к Церкви, в неуважение к царю...

Царь становился с гражданским расцветом России духовно-психологически лишним. Свободной России он становился ненужным. Внутренней потребности в нем, внутренней связи с ним, должного пиетета к его власти уже не было. И чем ближе к престолу, чем выше по лестнице культуры, благосостояния, умственного развития — тем разительнее становилась духовная пропасть, раскрывавшаяся между царем и его подданными. Только этим можно, вообще, объяснить факт той устрашающей пустоты, которая образовалась вокруг царя с момента революции»⁷⁴.

⁷⁴ «Царь не потерял головы при первых признаках революции. При всей своей кротости и незлобии он, как то и раньше бывало по отношению к “крамоле”, готов был проявить необходимую крутость. Однако его схватили за руки. Хуже: его просто покинули. Вместо помощи он нашел не только трусость и измену, как он горестно писал своим близким, а нечто худшее, ибо владело оно теми, кому чужды были и трусость, и измена. Не трусость и измена диктовали

«Каждый действовал по своей логике и имел свое понимание того, что нужно для спасения и благоденствия России. Тут могло быть много и ума, и даже государственной мудрости. Но того мистического трепета перед царской властью и той религиозной уверенности, что царь-помазанник несет с собою благодать Божию, от которой нельзя отпихиваться, заменяя ее своими домыслами, — уже не было. Это исчезло. Как иначе объяснить еще ранее возникшее дружное сопротивление, которое вызвано было решением царя возглавить лично армию? Все думали сделать все лучше сами, чем это способно делать царское правительство! Это надо сказать не только о земцах, которые тяготились относительно очень скромной опекой Министерства внутренних дел, не только о кадетах, мечтавших о министерских портфелях, но и о тех относительно очень правых общественных деятелях, которые входили в прогрессивный блок. Это можно было сказать даже и о царских министрах, которые уж очень легко заключали, что они все могут сделать лучше царя»⁷⁵.

Однако что смогли без царя сделать все эти «гениальные политики» и «радетели о счастье народном», показали дальнейшие печальные события. Как заметил владыка Сергей на допросе: *«Взявшее власть Временное правительство оказалось неспособным управлять таким государством, хотя в его составе были все люди с высшим образованием. Точно так же, как и Государственная Дума, которая 10 лет шумела, кричала, а ничего не сделала»*⁷⁶.

А как ликовали 2 марта 1917 года! С каким восторгом вещали о начале новой эры, о великих переменах, великой свободе и будущем всеобщем народ-

Алексееву и Вел. князю Николаю Николаевичу слова настойчивого убеждения, обращенные к Царю с требованием его отречения. Это было острое проявление того психологического ощущения ненужности Царя, которое охватило Россию». Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. С. 286.

⁷⁵ Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. С. 287.

⁷⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 37.

ном счастье! В этом всеобщем умопомрачении лишь немногие не потеряли головы и, подобно малограмотному (по светским понятиям) архимандриту Сергию, понимали или чувствовали, в какую бездну катится Россия. *«Факт отречения Государя от престола я встретил с огромным сожалением, скорбя за помазанника Божьего»*, — сказал владыка Сергей на допросе. Свои взгляды он не скрывал и открыто заявлял, что без царя, помазанника Божьего, Россия не может существовать, *«только он один может восстановить мир и любовь, только монархический строй может восстановить порядок в разоренной России»*.

Изгнанник

Революция 1917 года не могла не задеть человека подобного умонастроения, как архимандрит Сергей. 13 марта 1917 года в Троице-Сергиеву пустынь прибыл некий господин Мещерский и, объявив себя местным комиссаром, заявил отцу Сергию, что местные обыватели и монастырская братия недовольны его управлением, и потребовал от него прекратить управление монастырем. Он показал бумагу за подписью некоторых лиц из числа местных обывателей Сергиевской слободы, которую собирался предоставить в надлежащее учреждение. На настоятельское место предполагалось поставить иеромонаха Павла, по инициативе которого и была затеяна вся эта история. В случае неподчинения Мещерский грозил арестовать архимандрита Сергия как государственного преступника.

Большинство насельников монастыря встали на защиту своего настоятеля. 15 марта 1917 года они отправили на имя епископа Вениамина, временно управляющего Петроградской епархией, рапорт, в ко-

тором с негодованием сообщили о возмутительном требовании Меццерского, в завершение заявив:

«Мы, вся нижеподписавшаяся братия пустыни, единогласно имеем честь почтительнейше донести Вашему Преосвященству следующее:

1) Настоятель пустыни архимандрит Сергей назначен Св. Синодом, и увольнение его, если то найдено будет нужным, должно исходить от Св. Синода, а никак от произвола частного лица, действие же г. Меццерского является самопроизвольно и незаконно, и в дела монастыря он вмешиваться права не имеет.

2) Монастырь не приходская церковь, так что местные обыватели, требуя увольнения от должности настоятеля пустыни, хотя и побуждаемые к тому, поступают, на наш взгляд, незаконно и неосновательно.

3) Архимандрита Сергия мы, вся братия, знаем очень хорошо и вместо него настоятелем пустыни иеромонаха Павла иметь не желаем, вследствие чего мы все единодушно почтительнейше просим Ваше Преосвященство: во-первых, оградить нас на будущее время своею архипастырскою властью от поползновения каких-либо мелких чиновников, не имеющих никаких законных прав <...>; во-вторых, оставить, как было и до сего, архимандрита Сергия настоятелем пустыни, так как мы все им довольны во всем».

Далее следовали подписи: первая — архимандрита Михаила, прежнего настоятеля на покое, затем игумена Иоасафа, заместника, иеромонаха Серафима, казначея, иеромонаха Иоанна, духовника обители, и целого ряда иеромонахов и иеродиаконов.

В то же время несколько монахов подали на имя епископа Вениамина прошение об устранении архимандрита Сергия с настоятельской должности. Однако после обсуждения с остальной братией они раскаялись в этом и обратились к епископу Вениамину с новым прошением, в котором подтвердили, что «при полном примирении нашем с архимандритом Сергием и с сознанием своей вины пред ним в данном нашем поступ-

ке» единогласно постановили почтительнейше просить — «вышеназванную нашу просьбу оставить без последствий и возвратить ее нам обратно для представления оной архимандриту Сергию в удостоверение того, что мы против него как настоятеля ничего не имеем».

Однако на этом история не окончилась. Еще одна жалоба на архимандрита Сергия была подана обер-прокурору Св. Синода с приложением обвинительных пунктов как причины увольнения его от должности настоятеля. Первый же из этих пунктов, объявлявший архимандрита Сергия «ставленником бывшего Великого князя Димитрия Константиновича, митрополита Питирима и Распутина», был достаточен не только для отстранения от должности настоятеля, но и для тюремного заключения. Братия монастыря вновь заступилась за своего настоятеля, передав в газету опровержение и направив в июне 1917 года обер-прокурору следующее письмо:

«Архимандрит Сергей проживает в названной пустыни с 9 сентября 1887 года, проходя в обители разные послушания. И как честный человек, заслуживающий доверия, 9 января 1902 года по представлению монастырского начальства утвержден епархиальной властью в должности ризничего обители. В этой должности он находился по 5 мая 1915 года, т. е. по день назначения его на должность настоятеля. Личность архимандрита Сергия нам, всей братии, хорошо известна как человека хорошего и безукоризненного поведения. А будучи ризничим, благодаря его неусыпным заботам об обители, им сделано очень много хорошего, как-то: при его содействии была выстроена монастырская каменная больница, произведена реставрация братской трапезной, церкви монастыря украсились разными ценными пополнениями в украшении, а также и Св. Престолы; ризница обогатилась весьма ценными богослужебными принадлежностями. Словом, архимандрит Сергей своими трудами и заботами сделал для управляемой им обители очень много хорошего и полезного.

В настоящее время, как нам известно, над ним, архимандритом Сергием, Св. Синодом предполагается назначить следствие, как над виновным, тогда как мы, братия, живя с ним совместно много лет, ничего преступного за ним не замечали. И нам весьма прискорбно видеть нашего настоятеля невинно осуждаемого, так как мы хорошо знаем, что возводимые на него обвинения не отвечают действительности, вследствие чего мы, братия Троице-Сергиевой пустыни, в интересах сохранения в обители полного мира и неизменно прежнего порядка, до нас введенного <...> единогласно постановили почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство о снятии подсудности с архимандрита Сергия и оставить дело, против него в Св. Синоде возбужденное, без последствий»⁷⁷.

Все разрешилось благополучно, и архимандрит Сергей остался настоятелем. Для управления обителью был создан так называемый Духовный Собор, избираемый из числа братии. Теперь всякие предложения и объявления, касающиеся жизни братии, должны были исходить не от одного из должностных лиц — настоятеля, наместника, казначея — а от Духовного Собора. Тем не менее основное бремя управления обителью по-прежнему лежало на настоятеле. Несмотря на скорби и нужду, в целом жизнь ее протекала в прежнем русле, и в документах не отмечено каких-либо конфликтов между настоятелем и братией.

В июне 1917 года архимандрит Сергей был командирован на съезд представителей мужских монастырей в Сергиев Посад. 29 июля 1917 года архимандрит огласил в братской трапезной в присутствии монашества, послушников и мирян послание Св. Синода о предстоящем открытии Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви в Москве 15 августа 1917 года. Были произведены выборы лиц из братст-

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 5. Л. 1–3.

ва, которые должны были принять участие в избирательном благочинническом собрании, и избраны трое монахов.

Какие-то неприятности могли возникать в обители из-за уклонения монахов от работ на огороде и покое. Еще в июне 1917 года братии монастыря было предложено трудиться на сенокосе в связи с трудностью изыскания рабочих людей и дороговизны. При этом подчеркнуто, что братии «предложено идти добровольно, а не принудительно» и во внецерковное время. В августе Духовным Собором обители вся братия призывалась на рубку капусты и уборку овощей с огорода. 17 сентября настоятель докладывал Собору, что «большинство братии пустыни уклоняются от работ как на огороде по уборке овощей, так и по доставке дров со станции для уборки их в сарай». В связи с этим было принято постановление о привлечении к обязательному хождению на работы, о чем в братской трапезной вывешено объявление, а на уклоняющихся было решено налагать взыскания

В мае 1918 года указом Петроградской духовной консистории, утвержденным митрополитом Вениамином, все монашество привлекались к обязательному физическому труду⁷⁸. Братия Троице-Сергиевой пустыни была извещена следующим объявлением:

⁷⁸ Это решение было принято после рапорта благочинного монастырей епархии архимандрита Виктора (вероятно, Островидова, в то время настоятеля Зеленецкого Троицкого монастыря). В рапорте утверждалось, что «во многих обителях существует одна большая ненормальность, именно: не только старшая братия обители, но и простые монахи, иеродиакон и иеромонахи часто не несут и не желают нести даже клиросное послушание и совершенно уклоняются от какого-либо физического труда на общую пользу обители: для клиросного послушания монастыри вынуждены бывают держать всегда сомнительного поведения прохожих чтецов-певцов, а для хозяйственных работ — значительный штат рабочих. Содержание певчих, без привлечения их к физическому труду, рабочих и служителей в настоящее время является непосильным бременем

«На основании указа Петроградской Духовной Конси­стории от 10/23 мая сего 1918 г. за № 1552, утвержденного митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином и подтвержденного такого благочинным монастырей архи­мандритом Макарием

Настоятель пустыни приглашает братию одной потру­диться на огороде, покосе и на других монастырских рабо­тах по нижеследующим пунктам:

1) На работу выходить свободным от церковных по­слушаний братий, не ожидая назначения, в 9 часов утра до 12 часов дня, следует обед. Потом — с 2-х часов дня до 6¹/₂ часов вечера. Причем в 4 часа чай при помещении огородников с выдачей при этом порции хлеба и одного куска сахара, а по окончании работ по одной селедке ка­ждому.

Примечание: если кто-либо не полное время будет на­ходиться на работе по своим личным делам, то таковой лишается получения хлеба, сахара и селедки.

2) Очередные священнослужители и певчие обязаны выходить на работы с 2-х часов дня до 4-х, причем поль­зуются чаем, сахаром и порцией хлеба, таковой же поряд­ок для служащих заказных обеден.

3) Панихиды и молебны служит один и тот же иеромо­нах с певчими и от работы освобождаются, а свободные от сего обязаны ходить на работы.

4) Без уважительных причин уклонение от общих ра­бот будет считаться как непослушание, и администрация монастыря вынуждена против таких принимать меры по своему усмотрению.

для монастырей, и многие из них вынуждены будут прийти в полное материальное запустение и разрушение, если только не изменят существующего порядка хозяйственной жизни». Соответственно в указе было подчеркнуто, что «отклонение монашествующих от земледельческого труда — явление незаконное, постыдное, ложное, навлекающее справедливые укоризны со стороны мирян, особенно в нынешнее время», и соответственно благочинным монастырей было предписано «ввести рекомендуемые архимандритом Виктором порядок исполнения в монастырях клиросного послушания и ведения монастырского хозяйства во всех отношениях силами самих монашествующих». ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 16. Л. 1–3.

Примечание: повар-иеромонах обязан выходить на работы с 2-х до 4-х часов после обеда, а секретарь канцелярии — с 9 часов утра до 6 1/2 часов вечера. Если окажется какое неотложное дело, то от работы освобождается, но с сохранением всего положенного довольствия.

Настоятель пустыни».

В рапорте благочинному в июле 1918 года архимандрит Сергей сообщал об уклонении от полевых работ некоторых иеромонахов (в том числе Павла, который был инициатором первого февральского бунта). На что последовала следующая резолюция митрополита Вениамина от 25 июля:

«В настоящее тяжелое время братия св. обители должна усугубить молитву и свой труд, а особенно хранить единение в союзе мира и являть свое послушание к распоряжениям духовной власти и своему настоятелю. Речи о. Павла не монашеские. О поведении указанных в рапорте лиц, как они исполняют монашеское послушание, о благочинный по истечении каждого месяца должен мне докладывать»⁷⁹.

Что произошло в Троице-Сергиевой пустыни на рубеже 1918–1919 годов, неизвестно. По-видимому, революционные настроения возобладали и архимандрит Сергей был изгнан из обители. Можно представить его положение — в 65 лет оказаться буквально на улице, и это во время разрухи и гражданской войны. После тридцати лет, проведенных в монастыре, быть изгнанным своей же монастырской братией, которую незадолго перед этим он не пожелал покинуть, хотя имел возможность эмигрировать. Как позднее показал владыка Сергей на допросе: *«Королева эллинов Ольга Константиновна обращалась ко мне и предлагала уехать с ней в Грецию. Я от ее предложения отказался и заявил, что желаю оставаться со*

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 52. Д. 16. Л. 3, 5.

своей братией и в году смуты, а не только в то время, когда мне приходилось ездить на великокняжеских автомобилях»⁸⁰. 17 февраля 1919 года архимандрит Сергей обратился к митрополиту Вениамину:

«Вследствие насильственного отстранения моего от должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни с запрещением проживания в оной я остался в самом тяжелом и затруднительном положении. Не имея, где голову преклонить, и надеясь на любвеобильное сердце Вашего Высокопреосвященства, со дерзновением прибегаю к стопам Вашим, Всеблагостный наш Владыко, и смиренно прошу зачислить меня для временного проживания в Александроневскую лавру»⁸¹.

Архимандриту Сергию было разрешено проживать в лавре и совершать богослужения. В апреле он подал прошение о зачислении в число священнослужителей лавры. В начале 1920 года, после официального увольнения от настоятельства в Троице-Сергиевой пустыни, архимандрит Сергей был зачислен в число братии Александроневской лавры. Тогда же он был приглашен служить в церковь Прмч. Андрея Критского на станции Сергиево — бывший домовый храм Православного благотворительного Общества веры и милосердия, в деятельности которого он принимал активное участие с начала 1900-х годов.

После революции само Общество уже прекратило свое существование, и храм действовал как приходской. Прихожане, жители слободы и станции Сергиево, помнили архимандрита Сергия и относились к нему с большим уважением. Поселился отец Сергей в доме Мельникова на станции Сергиево (к тому времени переименованной в Володарскую). Несмотря на заботы прихожан, ему все-таки приходилось нелегко.

⁸⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 36 об.

⁸¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 11-1919. Д. 16. Л. 5.

Протоиерей Михаил Чельцов, познакомившийся с архимандритом Сергием в 1920 году, позднее писал:

«Он мне казался скромным, тихим, обиженным, забытым. Я возымел к нему большую симпатию и жалость. Во время его постоянных сетований на тяжесть для него приходской работы, на униженность его положения, опозоренного изгнанием из Сергиевой пустыни, на возможность неприятностей — даже до ареста, от его прежних подчиненных из монастырской братии, — я постоянно всячески старался утешать его. Как-то незаметно для себя сблизился с ним и решился помочь ему. Помощь моя в то время могла состоять только в том, что я старался расположить в его пользу покойного митр. Вениамина в целях возможного возвращения его снова к настоятельству в Сергиевой пустыни»⁸².

Во время событий 1922 года, осужденный по делу об изъятии церковных ценностей, протоиерей Михаил потерял связь с архимандритом Сергием. А когда в 1924 году, после выхода из тюрьмы, был приглашен послужить в церкви Андрея Критского, то нашел архимандрита Сергия уже более спокойным и уверенным. Не признав обновленцев, архимандрит вместе со своим приходом остался верен патриарху Тихону, о чем позднее подтвердил на допросе: *«В момент изъятия церковных ценностей я стоял на позициях патриарха Тихона и считал, что достояние церковное должно быть нерушимо и изъятие церковных ценностей явилось актом грубого насилия и произвола со стороны Советской власти»*.

По просьбе отца Михаила, оставшегося по выходе из тюрьмы без прихода, архимандрит Сергей возбудил ходатайство о его регистрации при церкви Андрея Критского, за что отец Михаил ему был благодарен,

⁸² Чельцов Михаил, протоиер. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. Минувшее: исторический альманах. — М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 432

ведь в то время ходили упорные слухи, что советская власть будет высылать всех безработных из Петрограда. Этот факт имел решающее значение в ходе дальнейших событий. Во время служения в церкви Андрея Критского протоиерей Михаил познакомился с инженером Морозовым, глубоко верующим человеком. В мае-июне 1924 года Морозов пришел к нему со следующим предложением: поскольку архимандрит Сергей должен был праздновать какой-то юбилей, возможно, тридцатилетие монашества, то его прихожане и почитатели решили испросить ему награду.

«Я весьма сочувственно отнесся к этой миссии. Но какую награду можно было бы исходатайствовать Сергию? Он все имел. Тут-то Морозов и сообщил мне, что прихожане думают, почему бы не быть архим. Сергию епископом. Эта как бы мельком высказанная мысль Морозова сначала весьма поразила меня своею несбыточностью и странностью: Сергию — человеку без всякого, а не только что без богословского образования, не умеющему совершенно публично говорить, а поэтому и проповедовать, никому не известному и проявившему себя лишь фактом изгнания из монастыря, — и вдруг ему быть епископом... Я это все высказал Морозову и отказался поддержать его мысль. Но Морозов — человек с характером. Дня через два он является ко мне с близким мне по Володарке Константином Николаевичем Цолингером, и оба вместе убедительно и настойчиво начинают упрашивать меня помочь им в хлопотах, наградить архим. Сергия саном епископа. Их неотвязчивость — людей, близких мне и коим я себя считал до некоторой степени обязанным (в моем зарегистрировании меня при церкви в Володарке они оба сильно хлопотали), — меня поколебала, и я перешел на их сторону. Не буду подробно описывать всех хлопот и ходатайств, они были очень длинны и велики; мне хотелось только изложить мотивы и побуждения, заставившие меня стать на сторону ходатаев за архиерейство Сергию»⁸³.

⁸³ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 433–434.

Епископский совет не поддержал этого ходатайства, но протоиерей Михаил повел его дальше, не раз писал Патриарху Тихону, лично ездил к нему в октябре 1924 года и, наконец, убедил его назначить Сергия епископом.

Архиерей

10/23 ноября 1924 года архимандрит Сергей был рукоположен во епископа Нарвского, викария Петроградской епархии. Хиротония была совершена в Москве, и возглавлял ее сам Патриарх Тихон. Очевидно, ходатайства протоиерея Михаила и прихожан архимандрита, собравших несколько тысяч подписей, возымели свое действие. Против хиротонии возражал лишь Епископский совет Петроградской епархии, возглавляемый епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым), который считал, что «нужды в епископе не имеет» и что кандидат «не соответствует своему назначению». Об этом же он направлял специальный доклад Патриарху.

Когда хиротония все-таки состоялась, епископ Венедикт стал вежливо игнорировать нового епископа. Так же вели себя и остальные петроградские архиереи (все они были викарными, епархия оставалась без правящего митрополита после расстрела митрополита Вениамина в 1922 году). Епископа Сергия никуда не приглашали и с ним не сослужили. Так, после его возвращения из Москвы его даже не позвали на праздник св. кн. Александра Невского в лавру 23 ноября/6 декабря 1924 года.

Владыка Сергей продолжал служить в своем храме Прмч. Андрея Критского на станции Сергиево (Володарская). В январе 1925 года настоятелем храма стал священник Василий Вишневский, а владыка Сергей на приходском собрании был избран почетным

членом Приходского совета. С конца 1925 года владыка стал служить и в других храмах епархии. К тому времени Епископский совет епархии прекратил свое существование — трое епископов были арестованы: Венедикт (Плотников), Иннокентий (Тихонов) и Серафим (Протопопов). Остался один епископ Шлис-сельбургский Григорий (Лебедев), он-то и стал направлять епископа Сергия на служение. Это отметил в своих воспоминаниях отец Михаил Чельцов:

«Под видом своего благоволения и нужды в епископах он поспешил реабилитировать Сергия, епископа Нарвского. Доселе он не только не признавал его, но ни разу не принял с визитом, лукаво избегая его и до дерзости грубо отзываясь о нем. Теперь, чтобы себя скрыть, затенить, он особым в деликатных фразах составленным письмом предложил ему служить, где он пожелает и куда его будут просить».

В это же время по рекомендации епископа Григория был рукоположен епископ Димитрий (Любимов). Вместе с ним Григорий как бы делил дела, предоставив последнему бракоразводные неприятности и отдаленные — Гдовский и Ладожский — уезды.

«Епископ Сергий также по-прежнему оставался лишь с правом священнодействовать, только теперь это право расширено было: Сергий служил всюду, где его приглашали, нередко командировался Григорием, куда последнему не хотелось или почему-либо казалось неудобным ехать»⁸⁴.

Владыка Сергий стал служить во многих храмах епархии. В своих показаниях на следствии он отмечал: *«Совершал я службы в Синодальном подворье, в церкви на Боровой улице и в целом ряде других храмов»*. Владыка также не скрывал и даже особо подчеркнул, что *«служил в полковом соборе лейб-гвардии*

⁸⁴ Чельцов Михаил, протоиер. Указ соч. С. 438, 439.

Измайловского полка, шефом которого был в свое время Великий князь Константин Константинович, а в последние годы в этом же полку служил офицером его сын, Константин».

Вскоре в епархии возникли новые проблемы. Весной 1926 года вернулись из ссылки два викарных петроградских архиерея Николай (Ярушевич) и Алексей (Симанский). С самого начала сложились довольно напряженные отношения между ними и епископом Григорием. Алексей как старший по хиротонии претендовал на первенство и управление епархией. Отправившись в Москву к митрополиту Сергию (Старгородскому), Николай и Алексей вернулись от того с резолюцией о назначении Алексея правящим. Однако большинство священнослужителей стало противиться ему, по свидетельству протоиерея Михаила Чельцова, который первый «определенно и категорически высказался против него (Алексия), не имея сил и права признать его за его величайшую вину против Церкви и митрополита Вениамина и за его громадную услугу обновлению»⁸⁵.

Еще более возбудило недовольство сближение епископа Алексея (Симанского) с группой духовенства во главе с протоиереем Николаем Чуковым, которую все считали сочувствующей «обновлению» и готовой «объединиться с ним на самых льготных для него условиях». Переговоры о легализации Епархиального управления, которые эта группа повела с ОГПУ по благословению епископа Алексея, еще более оттолкнули от него духовенство и мирян. Ничего доброго для Церкви от советской власти не ждали, а тем более от переговоров с такими лицами. Тем не менее:

⁸⁵ Имеется в виду снятие запрещения в священнослужении с одного из лидеров обновленчества, протоиерея Александра Введенского. Протоиерей Михаил Чельцов подробно повествует об этом в своих записках. См.: Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 441–442.

«Алексий, ведомый группой о. Чукова и К^о, дело по сношению с советской властью о легализации решил провести при общем участии всех епископов и даже через решение его только одними епископами. Для этого он пригласил к себе на квартиру всех епископов. Григорий на приглашение не дал никакого ответа и не приехал. Димитрий сначала предполагал ехать, и Григорий ему советовал ехать. Сергей Нарвский, польщенный таким для него неожиданным привлечением в среду епископов, побывал у меня и у еп. Димитрия и с нашего общего совета был на собрании. Три епископа собрания не дали. Алексий и Николай, оба сочувствующие этой легализации и ее сильно желавшие, не могли считать Сергея себе равнополночным, а поэтому без тех двух считали совещание не состоявшимся. Сергей тоже говорил о необходимости собрания всех епископов, но привнес пожелание привлечь в это совещание и некоторых из городских протоиереев. Собрание кончилось ничем. Но для обоих епископов — Алексия и Николая — ясно было, что Григорий и Димитрий не с ними, против них».

«Ярко обозначились два кружка: Алексий с Николаем и Григорий с Димитрием. Сергей, в силу его близости к Верхожскому и ко мне, также более примыкал к кружку Григория, хотя лично имел большие основания враждовать с Григорием и тянуться к Николаю с Алексием. Григорий долгое время не признавал епископства Сергея, не принимал его лично, откровенно называл архиереем-мужиком, невеждой. С Николаем же, в бытность его в ссылке, Сергей был в переписке, иногда посылал ему кое-что туда и пользовался от него заметной ответной благосклонностью. Казалось, и теперь в этом епископском раздвоении Сергей должен был быть на стороне Николая, но практическая смекалка и близость к кружку лиц, не признающих Алексия, поставила Сергея в ряды Григория»⁸⁶.

На первый взгляд эта борьба между двумя группами петроградского духовенства представляется обычными конфликтами на почве личных симпатий и

⁸⁶ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 447.

антипатий к тем или иным архиереям. Но на самом деле она имела более глубокие причины, о которых позднее на следствии показал протоиерей Василий Верюжский:

«Алексия Симанского и Николая Ярушевича считали склонными к обновленчеству и чуть ли не агентами власти. Вот в этой боязни проникновения безбожной власти в Церковь, в особенности через Алексия Симанского, сделавшегося правящим епископом, и крылась причина борьбы, поднятой против него»⁸⁷.

Таким образом, возникновение двух групп архиереев — Григорий/Димитрий и Алексей/Николай — и размежевание между ними были связаны не с взаимоотношениями личного характера, а с принципиальными церковными вопросами. И в «ряды» первой группы архиереев поставила епископа Сергия, вопреки личным симпатиям, не столько «практическая смекалка», сколько верность истинному православию, что и подтвердили все последующие события, которые также ясно показали, что разделение петроградского духовенства на упомянутые группы и их противостояние явилось разделением и противостоянием двух церковных направлений: строго церковного, бескомпромиссного — и полубновленческого, соглашательского.

В августе 1926 года по ходатайству лиц первой группы, и прежде всего настоятеля кафедрального собора Воскресения на Крови, протоиерея Василия Верюжского, епископ Алексей был перемещен на правах управляющего Новгородской епархией, а митрополитом Петроградским был назначен Ростовский архиепископ Иосиф (Петровых). Его назначение, по словам отца Михаила Чельцова, было встречено «с большой, даже восторженной радостью». Надеялись,

⁸⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 260.

что умный и авторитетный архиерей, горячий молитвенник, истинный монах, добрый человек, отзывчивый к нуждам и горестям людским, будет настоящим владыкой для епархии, наведет порядок и наладит епархиальную жизнь.

«Так мы думали, и наивно думали, мы забывали ужасного нашего врага: советскую власть, которая не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии»⁸⁸.

После первой службы митрополит Иосиф выехал за вещами в Новгород, но обратно его власти уже не пустили. Владыка был вызван в Москву к Тучкову, где ему было отказано во въезде в Ленинград и предписано выехать в Ростов. На время своего отсутствия митрополит Иосиф назначил временным управляющим Петроградской епархией епископа Гавриила (Воеводина), мало кому известного, жившего на положении частного лица у родных и до той поры не служившего.

В это время епископ Алексей (Симанский), переведенный в Новгород, добился себе права остаться жить в Ленинграде. Поддерживаемый группой Чукова, он стал служить в церквях своих друзей, а потом и пассивно-безразличных настоятелей. Архиереи Григорий и Димитрий противились этому служению и получили от митрополита Иосифа письмо с запрещением иноепархиальным архиереям (т. е. Алексею) совершать богослужения без разрешения епископа Гавриила. Однако Алексей на это не обращал внимания и продолжал служить. Духовенство волновалось. Пошли слухи, что владыка Иосиф больше не вернется и что епископ Алексей будет назначен митрополитом.

В начале Великого поста 1927 года был арестован и посажен в тюрьму епископ Григорий (Лебедев), а в конце поста и сам Гавриил (Воеводин). Митрополит

⁸⁸ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 452.

Иосиф уже был в ссылке в Устюжне, но его имя как правящего приносилось за богослужением. И как вспоминал протоиерей Михаил Чельцов:

«Произношению его имени за богослужением все мы придавали большое значение, — значило оно, что у нас все-таки есть правящий епископ, а поэтому все поползновения друзей Алексея и К^о провести Алексея к нам в митрополиты должны были оставаться в области лишь мечтаний: назначить на место удаленного нельзя и удалить митр. Иосифа тоже нельзя»⁸⁹.

Временным управляющим епархии должен был стать старший по хиротонии епископ, каковым в тот момент являлся Николай (Ярушевич). В апреле 1927 года он поехал в Москву и получил от митрополита Сергия право управлять епархией на время отсутствия митрополита Иосифа. Епископы Димитрий Гдовский и Сергей Нарвский держались от него в стороне, памятуя прошлогоднюю его дружбу с Алексием (Симанским). Вернувшийся с Соловков епископ Серафим (Протопопов) также держался в отдалении от Николая. А тот в свою очередь особенно и не старался сблизиться и, напротив, действовал по отношению к своим собратьям архиереям властно и бесцеремонно.

Желая подкрепить себя епископом, близким к нему, епископ Николай попытался добиться рукоположения во епископа Детскосельского архимандрита Сергия (Зенкевича), но этому активно воспротивились епископы и многие священнослужители. Тогда Николай добился, чтобы был уволен за штат, на покой епископ Сергей Нарвский. Несмотря на ходатайство других епископов об оставлении епископа Сергия в его первом звании, Указом заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) в августе 1927 года епископ Сергей был уволен на

⁸⁹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 452.

покой и лишен кафедры. С тех пор он именовался в документах епископом Копорским.

Тогда же, в августе, стало известно пресловутое послание митрополита Сергия от 16/29 июля (в дальнейшем известно как Декларация). Оно всколыхнуло жизнь епархии, о чем подробно рассказал позднее протоиерей Михаил Чельцов:

«Вышедшее послание поразило громадное большинство верующих. Против трех основных мыслей его — о необходимости легализации церковного управления, о ответственности для нашего заграничного духовенства отказаться от резких выступлений против советской власти и о желательности созыва Поместного Всероссийского Собора — возражать было нечего, это все принималось почти всеми. Но тон послания — какой-то угоднический и нецерковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства.

Виделось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчинила себя ему, теряя свою свободу. И за что же? Пока только за учреждение и легализацию митрополита Сергия и при нем состоящего Синода. Но что это за Синод? Имена членов его никому из нас ничего доброго не предвещали: все это имена викариев или неизвестных епископов. А нахождение среди них имени Алексия, бывшего нашего викария, а теперь архиепископа Хутынского, настраивало громадное большинство из нас против Синода».

«Не знаем, с каким препроводительным наказом было передано из Москвы нашему Николаю (Ярушевичу) послание, будто бы — как потом сам Николай говорил у нас на празднике в сентябре — на усмотрение настоятелей храмов: хотят — читают, не хотят — не читают. Хорош наказ! Настоятель — к ответу, а митрополит Сергей — в стороне. Николай также молчаливо распространял по церквам это послание; он его без письма и без слов пересылал с благочинным: как хотят, так и поступают. Так, наш благочинный, придя на квартиру, увидел у себя на столе это послание — по количеству церквей его округа, — принесенное и оставленное какой-то женщиной.

Благочинные приняли и разослали — опять без всяких слов — на усмотрение и ответственность настоятелей. Надлежащий порядок вещей — настоятель руководствуется и наставляется от епископа, а здесь епископ — в стороне, лишь наблюдает, что сотворит настоятель и что потом с ним сотворят прихожане или власть.

Один из благочинных — о. Сергей Тихомиров с Петроградской стороны — послание отослал назад к Николаю и отказался от благочиния. Первым обнародователем этого послания явился о. Николай Чуков. После всенощной он повел беседу на тему обстоятельств церковной жизни, вызвавших это послание, и, Боже мой, какой шум и гвалт поднялся в церкви! Громадное большинство было против чтения и по существу против послания. Досталось и бедному Чукову... С таким же раздражением приняли послание во Владимирском соборе.

Такой прием посланию, естественно, заставил многих из нас быть более осторожными в обнародовании его. Его или не стали совсем читать, или с большими выпусками, или передавали на рассказ своими словами. И это стали делать после распоряжения Николая о необходимости прочтения его по церквям. Такое распоряжение было вызвано инсинуациями со стороны обновленцев — и против митр. Сергия, выпустившего-де послание с целью замазать рот большевикам, и против питерского духовенства, в своем контрреволюционерстве доходящего-де до послушания своего митрополита.

Читали ли послание или не читали его где-либо, настроение против митрополита Сергия и в значительной степени против нашего Николая у питерцев было резко отрицательное. Православие их, особенно первого, было взято под сильное подозрение, доверие к ним было подорвано. Духовенство наше, если и читало послание, все было против него. Викарии также не сочувствовали ему»⁹⁰.

О послании-декларации митрополита Сергия епископ Сергей узнал от священника Сергия Тихомирова, который был его духовным сыном. Как заявил

⁹⁰ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 456–457.

владыка Сергей на допросе: «Сергий Тихомиров приехал ко мне на исповедь на ст. Володарскую и рассказал про действия Сергия, заявляя, что с митрополитом Сергием никакого общения иметь нельзя, так как он предатель Церкви и Иуда, который продал Христа»⁹¹. Неизвестно, когда это было сказано, сразу же по выходе Декларации или позднее, когда стало очевидным, что она является основанием церковной политики, которая разрушительна для Церкви, и митрополит Сергей не желает от нее отказываться.

Хотя Декларация сразу повлекла за собой протесты, но причиной дальнейшего их усиления, вплоть до отделения от митрополита Сергия целого ряда архиереев, послужила не столько она сама, сколько церковная политика, на ней основанная. Сначала многие надеялись, что Декларация останется только бумагой, что написана она, как в свое время и покаянные заявления Патриарха Тихона в 1923 году, «не для нас, Церкви, а для них — властей». Старались даже не замечать ключевых слов Декларации или истолковывать их в ином смысле. Однако в скором времени действия митрополита Сергия убедили в их самом однозначном толковании и подтвердили изначальные опасения, что митрополит «капитулировал перед ГПУ, принял все условия “легализации” и ныне последовательно проводит их в жизнь»⁹².

⁹¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 37 об.

⁹² Эти опасения возникли весной 1927 года, когда митрополит Сергей был выпущен из тюрьмы и неожиданно собрал в Москве Синод. «Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими.

В то время, как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство, митрополит Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым пра-

«Первые месяцы существования “легализованного” Церковного Управления протекали под знаком колоссального перемещения личного состава иерархии. При этом митрополит Сергей осуществлял совершенно ясно принцип Тучкова: ссыльные епископы в большинстве увольнялись на покой, возвращающиеся из ссылки за отбытием срока или вообще “малонадежные”, с точки зрения Соввласти, — назначались на кафедры на далекие окраины. Что же касается наиболее влиятельных и центральных кафедр, то туда назначались либо новые люди, либо те, кто во всеуслышание выражал свою готовность на принятие всех условий и на верность принципам Декларации митрополита Сергея, т. е. принципам услужения Советской власти»⁹³.

Это же случилось и с Петроградской кафедрой. Митрополита Иосифа власти не пускали в епархию с осени 1926 года. 12 сентября 1927 года указом Синода митрополита Сергея владыка Иосиф был перемещен в Одессу и удален от своей паствы. Он не принял этого перевода, считая его незаконным, и слух об этом встревожил Петроградскую епархию. Когда епископ Николай (Ярушевич) сделал в конце сентября распоряжение о прекращении поминать имя митрополита Иосифа, а возносить имя его, Николая, как правящего, это вызвало сильное волнение.

«Взволновались и духовные, и миряне. Прежде всего, стали обсуждать то, почему Иосифа не хотят пускать в Питер и кто не хочет? Сошлись на одном казавшемся бесспорным утверждении, что Иосифа не пускает советская

вом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, в капитуляции митрополита Сергея перед советской властью не могло быть больше сомнений». Обзор главных событий церковной жизни России за время с 1925 года до наших дней. / Выписки из журналов Архиерейского Синода (РПЦЗ), переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 10.

власть совместно с Сергием и его Синодом. Причина: общее желание ввести у нас обновление. Советской власти-де во что бы то ни стало хочется насадить у нас обновление. Сергей с Синодом, сами не без сочувствия этому делу, не могут противиться советской власти после их послания»⁹⁴.

Епископы Димитрий, Сергей и Серафим встали на сторону митрополита Иосифа. Выпущенные из тюрьмы епископы Григорий и Гавриил также поддержали митрополита Иосифа. Более того, епископ Григорий, по словам протоиерея Михаила Чельцова, «в тиши своей кельи стал настоящим объединителем всех недовольных еп. Николаем, митр. Сергием и его Синодом». Епископ Николай в свою очередь обострял ситуацию: он не считался с мнениями других епископов, о всяких слухах старался доносить митрополиту Сергию, «как бы нарочно желая их выставить противниками его, возмутителями церковного настроения».

Разделение

«Образовались в Питере два церковных центра: Николая и Григория. У Григория не раз собирались епископы Гавриил, Димитрий, Серафим и Сергей, с ними нередко бывали и некоторые из видных протоиереев. Все их суждения сводились к одному: стоять за возвращение митр. Иосифа, не поминать Николая, в свою очередь о том, что им не нравилось в делах Николая, докладывать митр. Сергию»⁹⁵.

Епископ Николай, как временный управляющий Петроградской епархией, отправил доклад митрополиту Сергию о нестроениях в епархии. На заседании Синода 12 октября перемещение митрополита Иосифа на Одесскую кафедру с предписанием немедленного

⁹⁴ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 457–458.

⁹⁵ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 462.

прекращения возношения его имени в Петроградской епархии было подтверждено. Постановление об этом направлено 19 октября митрополиту Иосифу, епископу Иннокентию (назначенному в Ростов) и епископу Николаю — в Ленинград.

21 октября 1927 года митрополит Сергей издал Указ о поминовении за богослужением советской власти и об отмене поминовения всех епархиальных архиереев, находящихся в тюрьмах, лагерях и ссылках, что вызвало еще бóльшую волну возмущения среди духовенства и прихожан по всей России.

30 октября митрополит Иосиф направил в адрес митрополита Сергея второе письмо, в котором указал, что не он виноват в тех нестроениях, которые возникли в Ленинграде и Ростове. Он подчеркнул, что «его связь с петроградской паствой не искусственная, о чем свидетельствует горячая любовь к нему пасомых». Когда митрополит Киевский Михаил (Ермаков) запросил митрополита Иосифа телеграммой, намерен ли он прибыть на свою кафедру в Одессу, тот ответил: «Перемещение противоканоническое, недобросовестное, угождающее злой интриге, мною отвергнуто»⁹⁶.

Нестроения в Петроградской епархии увеличивались. Митрополит Сергей, полагаясь на свой авторитет, решил взять на себя управление епархией, о чем было объявлено в конце ноября 1927 года. До послания (Декларации) его авторитет у петроградцев действительно стоял высоко и, по свидетельству отца Михаила Чельцова, «имя его произносилось с почтительностью и уважением, он был чист от всяких подозрений». Теперь былого авторитета в Ленинграде митрополит Сергей не имел, но все же «приезда его ждали к Александрову дню с большими надеждами». Когда же он, вопреки ожиданиям и обещаниям, не при-

⁹⁶ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х годов XX столетия. — Сортавала, 1993. С. 205.

ехал — власти не выпустили его из Москвы, — авторитет его совершенно пал в глазах большинства:

«Какое же ждать улучшение в церковных делах и успокоение в общецерковной и епархиальной смуте, коли он по рукам и ногам связан советской властью, коли она его держит как пленника или заложника?! И пошли о митрополите Сергии большие разговоры. Вот тут, копаясь повсюду и во всем, вспомнили о почти что забытом послании июльском его. Его стали читать и растолковывать, находить всякие отступления от чистоты Православия, угодничество пред советской властью, скрытую дверь в обновление и т. п. Вокруг послания образовался большой разговор людей ответственных и энергичных, чего не было в августе, когда был лишь бабий шум... В связи с этим старались многие все дальше и дальше отойти от митр. Сергия и все более резко и требовательно говорить о возвращении митр. Иосифа»⁹⁷.

«Церковная атмосфера все больше и больше накалялась. Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, смущаемые разными церковными распоряжениями митр. Сергия и Синода, отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления, прекратили приглашать на богослужения епископа Петергофского Николая, как сторонника сергиевской политики, а многие верующие в знак протеста перестали посещать те храмы, где возносилось имя Заместителя за богослужением. Волна недовольства все увеличивалась, причем коснулась она не только простых верующих, но и низшего духовенства.

Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия. Они не согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви. До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр. Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их мнению, отри-

⁹⁷ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 468.

цательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного недовольства видны были самые очертания его величины и широты»⁹⁸.

Группа духовенства и мирян, желая предотвратить неминуемо надвигавшийся раскол, решила, если возможно, убедить митрополита Сергия изменить наметенный курс церковной политики. Протоиерей Василий Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митрополиту Сергию, в котором указал основные пункты, являвшиеся причиной разделения, и просил его для предотвращения раскола и установления мира в епархии немедленно предпринять следующие меры:

«1) Отказаться от намеченного курса порабощения Церкви государством;

2) Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов;

3) Поставить временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его утверждении в смысле совещательного органа, чтобы распоряжения исходили только от имени заместителя Местоблюстителя;

4) Удалить из состава Синода пререкаемых лиц;

5) При организации епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата;

6) Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых);

7) Отменить возношение имени заместителя Патриаршего Местоблюстителя;

8) Отменить распоряжение об исключении из богослужения молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть.

⁹⁸ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 210.

Содержание обращения важно в том отношении, что оно яркими красками рисует нам не только морально-религиозное состояние церковного общества, и особенно в Ленинградской епархии, но и с достаточным основанием вскрывает главные причины, породившие иосифлянский раскол. Судя по обращению профессора Верюжского, церковная смута в Ленинграде была вызвана не митрополитом Иосифом, а политикой, проводимой в жизнь митрополитом Сергием»⁹⁹.

Общecerковная и епархиальная ситуация горячо обсуждалась на собраниях духовенства. Епископ Сергей (Дружинин) принимал участие в некоторых из них, хотя и не играл решающей роли. В начале декабря 1927 года на одном из собраний было принято решение, не дожидаясь ответа митрополита Сергия на обращение протоиерея Василия Верюжского, отправить в Москву делегацию в составе представителей от епископата, духовенства, ученых кругов Ленинграда и простых мирян. Были избраны соответственно епископ Димитрий (Любимов), отец Викторин Добронравов, профессор Иван Михайлович Андреевский и Сергей Алексеев¹⁰⁰.

Встреча петроградской делегации с митрополитом Сергием состоялась 12 декабря 1927 года. На встрече митрополиту Сергию были вручены: обращение, подписанное шестью архиереями Петроградской епархии, обращение духовенства и мирян и письмо от верующих ученых Академии наук и профессуры ленинградских

⁹⁹ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 210–211.

¹⁰⁰ В показаниях на следствии протоиерея Никифора Стрельникова в 1931 году указан как участник делегации некий Сергей Федоров, мирянин, сапожник, один из близких епископу Димитрию людей, «крайнего религиозно-фанатического и нетерпимого к Советской власти контрреволюционного настроения», рукоположенный владыкой Димитрием в священнический сан в 1928 или 1929 годах. К сожалению, по имеющимся в нашем распоряжении источникам не удалось уточнить эти данные и найти какие-либо дополнительные сведения ни о Сергее Федорове, ни о Сергее Алексееве.

институтов, составленное профессором Военно-юридической академии С. С. Абрамовичем-Барановским¹⁰¹. Под обращением епископов стояла и подпись епископа Сергия (Дружинина). Встреча делегации с митрополитом Сергием имела решающее значение и явилась поворотным пунктом в дальнейшем развитии событий¹⁰².

О результатах поездки делегации епископ Сергей узнал от священника Сергия Тихомирова, который рассказал, что *«архиепископ Димитрий Любимов ездил к митр. Сергию, пытался его уговорить взять обратно свою декларацию»*, что митрополит Сергей *«отказался пойти на уступки Димитрию Любимову и его группе мирян и заявил: “Вы исповедники, а я политик”»*. Отец Сергей Тихомиров, занимавший непримиримую позицию по отношению к безбожной власти и политике митрополита Сергия, горячо убеждал епископа Сергия *«стоять на такой же непримиримой позиции»*. Присоединиться к оппозиции убеждали также Сергия и беседовавшие с ним владыка Димитрий, протоиереи Феодор Андреев и Василий Верюжский. Позднее на допросе владыка Сергей покажет:

«Я считал, что Церковь Советская власть стремится уничтожить, разрушает и издевается над святынями, что Православная Церковь не может оставаться безучастным зрителем всех этих мероприятий со стороны Советской власти, а скорбит и должна бороться за свое существование».

¹⁰¹ «О чем писали епископы и ученый мир, нам доподлинно неизвестно: их письма не сохранились. Но письмо от группы священников и мирян сохранилось. Оно было составлено прот. Феодором Андреевым, б<ывшим> доцентом Московской духовной академии и магистром богословия». Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 212.

¹⁰² Запись беседы делегации Петроградской епархии с митрополитом Сергием полностью опубликована: «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы». — М., 2008. С. 84–90.

«Митрополит Сергей в своей декларации поддержал Советскую власть и повел Церковь Христову по ложному пути на погибель. Нужно было как-то спасти Православную Церковь, и я после нескольких бесед с архиепископом Димитрием Любимовым, священником Никитиным, Верюжским и умершим Андреевым сознательно перешел к этой группе духовенства, чтобы вместе с ними встать на защиту истинного православия и, если потребуется — умереть»¹⁰³.

После возвращения делегации Петроградской епархии из Москвы и обсуждения результатов беседы с митрополитом Сергием было принято решение об официальном отложении от него и Синода.

«Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: епископ Димитрий (Любимов) и епископ Сергей (Дружинин). Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения его представителю Московской патриархии.

Когда все уже было подготовлено, тогда епископ Димитрий пригласил к себе на квартиру епископа Сергия, епископа Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников, и епископа Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временно управляющего Ленинградской епархией митрополита Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Димитрий и Сергей — заявили епископу Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа,

Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1,12),
непозволительно нам долее, не погрешая против уставов

¹⁰³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 15 об., 22 об.

Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, митрополитом Нижегородским, и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним.

Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение (“и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия” — из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя Апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет, и впредь до суда, “совершенного собором местности”, то есть с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния пред Святой Церковью самого митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет “да не преступаются правила отец”... и да не утратим помалу неприметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех чело­веков (из 8-го правила III Вселенского Собора). Аминь.

Подписи: Епископ Сергей
 Епископ Димитрий

Декабря 13/26 дня 1927 г.»¹⁰⁴.

Подпись владыки Сергия стоит первой, как старшего по хиротонии.

17/30 декабря на внеочередной сессии Временного Синода митрополита Сергия был заслушан письмен-

¹⁰⁴ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 219, 228–229.

ный доклад епископа Петергофского Николая (Ярушевича) «о церковных нестроениях в г. Ленинграде» и единогласно принято Определение № 208:

«1) потребовать в трехдневный срок по получении сего от преосвященных епископов Дмитрия и Сергия в письменной форме точный и определенный ответ: считают ли они себя пребывающими в молитвенно-каноническом общении с митрополитом Сергием как Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и Временным Патриаршим Священным Синодом или нет, и подчиняются ли они всем распоряжениям законной Высшей Церковной Власти. Впредь до получения от них и обсуждения означенного ответа преосвященных Гдовского Дмитрия и Копорского Сергия на основании 13–15 правила Двукратного Собора запретить в священнослужении.

2) Предоставить преосвященному Петергофскому Николаю на протоиереев Василия Верюжского, Никифора Стрельникова и других клириков, порвавших молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и Временным при нем Патриаршим Священным Синодом, наложить запрещения в священнослужении впредь до их раскаяния.

3) Ввиду того, что невозможность участия в богослужениях в Александро-Невской лавре имени митрополита Сергия производит смущение среди верующих, давая повод считать ее участницей в движении против законной высшей Церковной Власти, предписать преосвященному Шлиссельбургскому Григорию, наместнику Александро-Невской лавры, по получении сего немедленно ввести с возношением имени Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра поминация митрополита Сергия»¹⁰⁵.

После этого определения епископ Сергей поколебался и, как было сказано в следующем постановлении Синода митрополита Сергия от 12/25 января 1928 года, дал «обещание отмежеваться от раздорников и быть верным и послушным сыном Православ-

¹⁰⁵ «Дело митрополита Сергия». ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

ной Церкви и высшей церковной иерархии»¹⁰⁶. Возможно, именно к этому эпизоду относятся показания владыки Сергия впоследствии на допросе о том, что он «сначала смалодушествовал», а потом, после бесед с протоиереями Феодором Андреевым, Василием Вержужским и владыкой Димитрием, примкнул к «истинно-православным».

Однако вскоре было получено письмо или резолюция митрополита Иосифа от 25 декабря/7 января 1928 года следующего содержания:

«Для осуждения и обезврежения последних действий митр. Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. — М. — С. 565.

¹⁰⁷ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. В 2-х ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. Репринт. — М., 1992. С. 5.

Одобрение митрополита Иосифа укрепило епископа Сергия, он не подчинился постановлению митрополита Сергия и продолжил священнодействовать.

12/25 января 1928 года митрополит Сергий собрал новую внеочередную сессию своего Синода, на которой было принято упомянутое выше постановление, в котором объявлялось об увольнении с кафедры епископа Димитрия (Любимова), запрете его в священнослужении и предании каноническому суду. А в отношении епископа Сергия было решено лишить его титула Копорского, оставив на покое под запрещением, и предать его каноническому суду. От епископов Григория Шлиссельбургского и Серафима Колпинского, не поминавших митрополита Сергия, было потребовано незамедлительно ввести поминовение и заявить всенародно об осуждении епископов Димитрия и Сергия. Епископ Серафим подчинился постановлению, а епископ Григорий по-прежнему не поминал Сергия, однако и к отделившимся не присоединился.

Так во главе оппозиции, которая стала именоваться по имени митрополита Иосифа «иосифлянской», в Петрограде осталось два епископа — Димитрий (Любимов) и Сергий (Дружинин).

В иосифлянской оппозиции

Владыка Сергий продолжал служить в своем приходе церкви Прмч. Андрея Критского на станции Володарской. Однако после отхода от митрополита Сергия (Страгородского) ему пришлось выдержать борьбу. Как он показал позднее на следствии:

«В церкви Андрея Критского до перехода ее к группе истинно-православных служил Вишневецкий Василий вместе со мной. С моим переходом к истинно-православным я предложил Василию Вишневецкому пе-

реходить к нам или уходить. Вишневский сначала выразил согласие, но вскоре, укрепив свое положение в приходе, переходить в группу истинно-православных отказался. Приход разделился: часть была за Вишневского и часть за меня. Было назначено собрание прихода, я боялся, что верх возьмет Вишневский со своими прихожанами, а чтобы это не случилось, я на это собрание пригласил первого тогда выступившего на защиту истинного православия священника Измаила Рождественского, который пришел на это собрание не один, а с прихожанами Стрельнинской церкви. Таким образом, мне удалось церковь Андрея Критского оставить в истинном православии»¹⁰⁸.

Приглашенный епископом Сергием настоятель Спасо-Преображенской церкви на станции Стрельна, отец Измаил Рождественский — замечательный пастырь, вдохновенный проповедник, был одним из самых ревностных иосифлян. Недаром в чекистских документах того времени он именуется *«наиболее фанатичным представителем оппозиции»*, а в следственном деле 1930–1931 годов характеризуется как *«человек, враждебно настроенный к Советской власти и монархист по убеждениям»*, и как яркий проповедник *«привлекал в свою церковь массу посетителей из простонародья, главным образом пришлого из города»*. Влияние протоиерея Измаила было огромным, недаром он был арестован одним из первых еще в феврале 1928 года.

После ухода священника Василия Вишневского настоятелем храма Прмч. Андрея Критского стал протоиерей Феодор Романюк, который, по-видимому, разделял взгляды епископа Сергия или, по крайней мере, не высказывал возражений¹⁰⁹. Владыку Сергия

¹⁰⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 22 об.

¹⁰⁹ Примечательны следственные показания иерея Феодора, который проходил по одному делу с епископом Сергием. Так, он сказал, что в 1927 году жил бесприходным священником в Ленинграде у

полностью поддерживало большинство прихожан храма (даже перед закрытием храма в конце 1931 года в приходе было зарегистрировано 1400 верующих)¹¹⁰. В материалах следствия отмечалось, что церковь Андрея Критского *«служила кафедрой епископа Сергия, при ней жившего, с которым и была непосредственно связана; вела пропаганду “истинного православия” среди местного населения, составляя противовес сергианской Сергиевой пустыни»*.

Владыка Сергей продолжал также по праздникам служить в кафедральном соборе Петроградской епархии — храме Воскресения на Крови на Екатерининском канале. (В достоинство кафедрального храм был возведен Патриархом Тихоном в 1924 году за твердую исповедническую позицию его духовенства в борьбе с обновленчеством.) Этот храм рассматривался властями как опасный *«контрреволюционный центр»*, во-

своей сестры, а до этого был священником Николаевского прихода в Лебедине на Харьковщине и пребывал в ведении ВЦС архиепископа Григория Свердловского. По его словам, он был судим собором семи епископов и запрещен в священнослужении. Лебединское духовенство его порицало, и он уехал в Ленинград к сестре. *«Исключительно потому, что у меня было тяжелое материальное положение, я поступил в церковь Андрея Критского, принадлежащую к к.-р. организации истинных. Ввиду моей природной слабости доверился безотчетливо всем без исключения, мне и в голову не приходило, что церковная каноническая основа иосифлянского направления вырастет в контрреволюционную, монархическую организацию. По своему личному социальному существу не могу быть монархистом. При царизме, когда еще в Петербурге за нищенство (1907 г.) был захвачен жандармами, которые избили меня, и сидел после этого в тюрьме 20 дней, после этого опять за нищенство пойман и этапным порядком — на родину в Седлецкую губ. Факт был для меня достаточный, чтобы тогда еще проникнуться к царскому строю презрением. От замыслов к.-р. организации истинных я в стороне и категорически от них отмежевываюсь»*. Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 3. Л. 687 об. — 688.

¹¹⁰ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб., 2006. С. 107.

круг которого группировалось «наиболее реакционное духовенство». В 1925–1927 годах, по определению чекистов, «храм Воскресения стал центром самого крайнего, реакционного направления среди духовенства “тихоновской” ориентации», а после опубликования Декларации митрополита Сергия — «центром контрреволюционной организации церковников»¹¹¹.

По версии следствия, когда храм Воскресения на Крови был зарегистрирован «в районном административном отделе за группой, последовавшей за митрополитом Иосифом», началась «открытая контрреволюционная деятельность иосифлян»¹¹². Храм был зарегистрирован за иосифлянами 20 января 1928 года, и этому предшествовала напряженная борьба, поскольку часть духовенства и «двадцатки» храма отказались последовать за своим настоятелем, протоиереем Василием Верюжским, прервавшим общение с митрополитом Сергием. Как об этом подробно сообщалось в секретном донесении из Ленинграда в Москву 24 января 1928 года:

«Церковная оппозиция в Ленинграде растет, причем с ее стороны был допущен захват тихоновского кафедрального собора в свои руки — церковь Воскресения на Крови. В этой церкви до создания оппозиции состоял настоятелем священник Верюжский; после того как Верюжский выявил себя ярым оппозиционером, двадцатка потребовала от него признать Сергия или оставить настоятельство церкви. Верюжский признать Сергия отказался, а для того, чтобы остаться в церкви, в один день ввел 60 новых членов в “двадцатку”, преимущественно женщин, и в результате — старая

¹¹¹ В первом групповом деле 1929–1930 годов она называется «к/р. монархическая организация церковников “иосифлян”», а в деле 1930–1931 годов — «церковно-административным центром всесоюзной монархической организации церковников “истинно-православных”».

¹¹² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 147 об.

двадцатка, стоявшая за Сергия, осталась в меньшинстве, а Верюжский — настоятелем. Это торжество оппозиция отпраздновала торжественным богослужением при двух оппозиционных епископах¹¹³ и девяти священниках. После этого колебавшиеся церкви в Лесном, Полюстрове и на станции Володарская всецело примкнули к оппозиции»¹¹⁴.

В дальнейшем чекисты вели пристальное наблюдение за храмом, который постепенно приобрел «все-союзное значение»:

«Так как митр. Иосиф считался ленинградским митрополитом, то церковно-административный центр в Ленинграде превратился во всесоюзный, руководящий всей практической к.-р. деятельностью филиалов организации, раскиданной по всей территории Союза ССР»¹¹⁵.

«В этот образовавшийся в Ленинграде церковно-административный центр организации тайком потянулись со всего Союза самые реакционные, изуверские, черносотенные элементы, видевшие в этой вновь возникшей организации возможность оказать сопротивление победоносному социалистическому наступлению в стране. Контрреволюционно настроенные монахи и монашки из закрытых и разгромленных монастырей, бродячие, безместные попы, юридические и бесноватые, руководители кулацких — церковных, черносотенных группировок — весь этот темный к/р. элемент, заслышав о существовании центра “Истинно-православия”, устремлялся в Ленинград к храму “Воскресения”»¹¹⁶.

¹¹³ Имеются в виду архиереи Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин).

¹¹⁴ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы... С. 371.

¹¹⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 6–7.

¹¹⁶ «Обвинительное заключение» по следственному делу Н-7377 в 11 томах — дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников “Истинно-православная церковь”». Далее именуется — «Дело ИПЦ».

Духовенство храма Воскресения во главе с архиепископом Димитрием (Любимовым) рассматривалось как «руководящее ядро центра контрреволюционной организации». В числе лиц, входящих в это «ядро», в материалах следственных дел непременно назывался и епископ Сергей (Дружинин). Примечательно, что в начале «Обвинительного заключения» по первому делу архиепископа Димитрия и других иосифлян имя епископа Сергия стоит первым:

«В центр организации вошли следующие лица, преимущественно состоящие из профессоров Духовной академии и придворного духовенства: епископ Сергей Дружинин, свящ. Феодор Андреев, свящ. Василий Верюжский, архиепископ Димитрий Любимов, священники — Прозоров Николай, Тихомиров Сергей, Тихомиров Александр и Белавский Петр»¹¹⁷.

Однако об активной роли епископа Сергия ничего не говорится в показаниях обвиняемых, и в дальнейшем его имя в «Обвинительном заключении» не упоминается. Судя по всему, он сначала не играл ведущей роли в иосифлянском движении, непосредственное руководство которым осуществлял заместитель митрополита Иосифа епископ Гдовский Димитрий (с декабря 1928 архиепископ)¹¹⁸. Основными помощниками владыки Димитрия были упомянутые в «Обви-

¹¹⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 479

¹¹⁸ Из показаний митрополита Иосифа: «Первое время епископ Димитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам с ним был согласен на то, чтобы всем обращающимся к нему за руководством он давал советы. Сам епископ Димитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивая у меня, как у своего митрополита, советов и руководства»; «Я был главой нашей организации в чисто церковном смысле, практически действовал по моему доверию архиепископ Димитрий». ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 332, 340.

нительном заключении» священники. Протоиерей Феодор Андреев являлся главным советником и секретарем, о нем высоко отзывались и сам владыка, и многие иосифляне. «Первым лицом в организации» назвал протоиерея Феодора ключарь храма Воскресения протоиерей Никифор (Стрельников). Отмечая также и «центральную» роль протоиерея Василия Верюжского, он подчеркивал: *«Вместе с Андреевым они влияли на еп. Димитрия Любимова, подчиняя своему влиянию епископа Сергия Дружинина и других членов организации»*. Это подтвердил на допросе и сам владыка Сергей:

«Помню, что священник Феодор Андреев, отличавшийся большими познаниями в богословских науках и своим непримиримым отношением к Сов. власти, говорил, что “Сов. власть является властью безбожной, разрушающей храмы и оскверняющей святыни, что Церковь не может стоять в стороне от политики, а должна бороться с Сов. властью”. Законной же властью, по словам Ф. Андреева, является та власть, которая стояла на защите православия, т. е. царская власть. Преосв. Димитрий (Любимов) внушал мне мысль “стоять в правоте Православной Церкви”, отвергал Сов. власть, как власть безбожную, сатанинскую, с которой необходимо Православной Церкви бороться, и придерживался тех же взглядов, что и священник Андреев в вопросе о законной власти, т. е. считал, что понятия “Православие” и “Русь” неотделимы и законной властью может быть только царская власть. Аналогичных взглядов придерживался и священник В. Верюжский, который со мной еще беседовал о “неканоничности” поведения митрополита Сергия»¹¹⁹.

Как бы ни была незначительна роль епископа Сергия, тем не менее он часто принимал участие в совещаниях духовенства. По свидетельству настоятеля

¹¹⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 15 об.– 16.

храма Воскресения на Крови, протоиерея Василия Верюжского, оба епископа (Димитрий Гдовский и Сергей Нарвский) служили в его храме в воскресные и праздничные дни, а после литургии по обыкновению приглашались на чай в его квартиру. Присутствовали и священники, причем непременно приглашались протоиереи Феодор Андреев, Иоанн Никитин и Никифор Стрельников. Эти чаепития особенно отмечены в следственных документах и представлены не иначе как *«собрания руководителей ядра контрреволюционной организации»*. Примечательно, что сам протоиерей Василий фактически свидетельствовал об этом в своих показаниях (очевидно, в соответствии со сценарием следователя). Показывая, что чаепития он стал устраивать у себя еще с весны 1926 года, когда переехал на жительство к храму, отец Василий подчеркивал, что помимо служивших в храме священников и архиереев Димитрия Гдовского и Сергея Нарвского на них приглашались и наиболее надежные и проверенные из мирян:

«За чаепитием говорили не только по деловым церковным вопросам, но прежде всего по вопросам современности, в антисоветском, враждебном современности духе».

«Моя квартира была местом нелегальных сборищ, штабом всей руководящей верхушки наиболее реакционной части так называемой Тихоновской церкви».

А после отхода от митрополита Сергия:

«Под видом “чаепитий” это были тайные собрания руководящего актива нашей организации “истинно-православных”. За “чаем” советовались по делам нашего движения и нашей организации. Темы разговоров были разные. Например, из области практической — об увеличении кадров духовенства храма через воздействие на влиятельных членов “двадцатки”, о привлечении епископов и т. п., из области идеологической — о прин-

ципиальных обоснованиях “немоления за власть”, о большевизме и т. п.»¹²⁰.

Собрания духовенства происходили также и на квартире епископа Димитрия, в одном из таких собраний в феврале 1928 года принимал участие и епископ Сергей. Тогда же присутствовало двенадцать священников¹²¹ и трое мирян, в том числе известный церковный деятель из Москвы Михаил Александрович Новоселов. Он часто бывал в Петрограде и принимал активное участие в собраниях иосифлян, где ему, по свидетельству протоиерея Василия Верюжского, *«принадлежала в общем ведущая роль»*. В целом влияние М. А. Новоселова, как и его друга, отца Феодора Андреева, на развитие антисергианского движения было значительно. Недаром в следственных документах они именуются *«идеологами иосифлянства»* и *«организаторами движения “истинно-православных”»¹²²*. На упомянутом собрании епископ Димитрий предложил М. А. Новоселову принять епископский сан. Судя по свидетельствам очевидцев, это было не первое предложение, но М. А. Новоселов, как и прежде, его отклонил.

На этом же собрании владыка Димитрий объявил всем о получении официального согласия митрополита Иосифа *«о возглавлении им всех отошедших от митрополита Сергия»*, а также и о снятии *«запрещений, наложенных на духовных лиц митрополитом Сергием»* и зачитал текст, написанный митрополитом

¹²⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 259, 266.

¹²¹ Феодор Андреев, Иоанн Никитин, Сергей Тихомиров, Василий Верюжский, Алексей Кибардин, Сергей Баташев, Викторин Добронравов, Николай Прозоров, Филофей Поляков, Димитрий Крапиров, Михаил Рождественский, Александр Советов.

¹²² Основополагающие иосифлянские документы, составленные протоиереем Феодором Андреевым и М. А. Новоселовым, см.: «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы...» С. 297–378.

Иосифом, очевидно, на рапорте петроградского духовенства:

«Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской области отделились также от митрополита Сергия и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделение части ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же другим, желающим последовать доброму решению ревнителей Христовой истины. Молю Господа, да сохранит всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новом испытании»¹²³.

Все участники собрания были воодушевлены и надеялись, что теперь за митрополитом Иосифом пойдет большая часть духовенства и создастся серьезное противодействие «сергианству». Вскоре владыка Иосиф еще раз подтвердил свое благословение, и об этом стало известно властям. 29 февраля 1928 года в Москву было передано секретное сообщение: *«По сведениям нашего осведомителя, митрополит Иосиф проездом в Устюжну заезжал в Ленинград, где убеждал всех крепко стоять за него, ни в коем случае не каяться перед митрополитом Сергием (наоборот, говорил Иосиф, митрополит Сергей должен перед нами каяться). “Пусть я буду сослан, казнен, — говорил Иосиф, — но не покину тех, кто идет за мной”»*¹²⁴.

¹²³ Польский Михаил, протопресв. Указ. соч. Ч. II. С. 8.

¹²⁴ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. — М.: изд-во ПСТБИ, 2003. С. 336.

По свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, после того как митрополит Иосиф официально возглавил «организацию иосифлян», у «руководителей» ее являлись предположения и надежды о массовом присоединении епископата и духовенства.

«Однако эти предположения не сбылись. Даже ленинградские епископы — архиепископ Гавриил (Воеводин), еп. Григорий Лебедев, еп. Серафим (Протопопов) не присоединились к митр. Иосифу, несмотря на то, что когда ездила делегация к митр. Сергию, они обещались отойти от него, в случае неисполнения митр. Сергием их просьбы повернуть церковную жизнь на старый контрреволюционный в отношении власти, “Тихоновский” путь».

Далее протоиерей Никифор показал, что владыка Димитрий в алтаре храма говорил с протоиереями Василием Верюжским и Феодором Андреевым о необходимости создания тайного епископата.

«В дальнейшем, однако, оказалось, что этот проект о тайном епископате не осуществился. Как я впоследствии услышал от прот. Верюжского, что состоялся лишь один случай тайного посвящения во епископа — Максима. Тайное посвящение его совершилось, как я узнал от Верюжского, в загородной маленькой церкви, в отсутствие народа, в будний день в Пантелеймоновской Пискаревской церкви».

О тайной архиерейской хиротонии Максима Жижиленко осенью 1928 года в своих показаниях указывает протоиерей Василий Верюжский:

«Посвящение было произведено епископами Димитрием Любимовым и Сергием Дружининым в Пискаревской церкви. Я участвовал в служении при этом посвящении. “Тайным” епископ Максим оставался недолго. Вскоре он был назначен епископом Димитрием уже в

качестве явного епископа в Серпухов, в противовес сергианскому серпуховскому епископу Мануилу Лемешевскому»¹²⁵.

В мае или июне 1928 года епископ Сергей предложил рукоположить в архиерейский сан священника Алексея Шишкина, старого знакомого и ученика протоиерея Феодора Андреева по Московской духовной академии, прибывшего с юга. Это происходило на собрании в квартире протоиерея Никифора Стрельникова, также проживавшего неподалеку от храма Воскресения¹²⁶. По словам отца Никифора, конечно же в изложении следователя:

«Епископ Димитрий и протоиерей Феодор Андреев привели, помнится, после службы в соборе священника Алексея Шишкина, “ярого контрреволюционера”, и епископ Димитрий поручил ему “быть главным вождем и организатором контрреволюционных ячеек (приходов) в Харьковской губернии”».

«Присутствовал тогда, помнится, на собрании и епископ Сергей Дружинин, который поднял вопрос, что Шишкина, так как он не женатый, можно бы поставить в епископы, на что Шишкин отвечал, что ему неоднократно и много архиереев предлагали быть епископом, но что он от этого отказывается, т. к. считает, что его деятельность должна быть тайной от Власти и что жить открыто на одном месте легально он не желает, а предпочитает скрываться».

Позднее у епископа Сергия был разговор с архимандритом Никоном (Катанским) о необходимости архиерейских хиротоний:

«Для того чтобы не остаться без епископов, ввиду последних арестов нужно производить тайных еписко-

¹²⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 159, 281–282.

¹²⁶ По адресу: ул. Набережная реки Мойки, дом № 1–7, квартира 42.

пов. В кандидаты в епископы были назначены архимандрит Никон, как окончивший два высших учебных заведения, архимандрит Александро-Невской лавры Терешихин Алексей, архимандрит Клавдий Савинский. Архимандрит Макарий в епископские кандидаты был назначен митрополитом Иосифом».

Неизвестно, были ли осуществлены эти хиротонии, хотя в исторической литературе упомянутые лица порой именуются архиереями, но убедительных документальных подтверждений об их рукоположении пока не найдено. В различных следственных делах они все проходят как архимандриты, нет указания на их епископство и в воспоминаниях иосифлян. Возможно, как тайные епископы, они не разглашали о своем епископстве даже среди близких и, тем более, не стали говорить об этом врагам. Тайные хиротонии рассматривались властями как *«увеличение кадров контрреволюционной организации»*, то же отмечалось и в отношении тайных монашеских постригов:

«Политические мотивы введения тайного монашества заключались в стремлении увеличить кадры надежных для Церкви лиц, которые были ценны уже тем, что не могли изменить ей; и, во-вторых — они с большей безопасностью и более незаметно могли распространять “истинное православие” и работать в духе контрреволюционных установок организации, в духе борьбы с безбожной властью.

Происхождение тайного монашества объяснялось отчасти и эсхатологическими взглядами на современность, свойственными организации. В последние времена, близость которых предполагали, должно прекратиться видимое священство и совершение служб, отсюда возникала мысль о тайном священстве, о тайном епископстве и монашестве»¹²⁷.

¹²⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 149–149 об., 27, 281.

Постриги проходили на квартирах и иногда, во внебогослужебное время, без прихожан — в храмах. Игумен Клавдий (Савинский), которому епископом Димитрием было поручено духовное окормление монашествующих закрытых монастырей, в течение двух лет постриг тридцать четыре монахини. Тайные постриги совершал и епископ Сергей, причем владыка и ранее уже постригал тайно. Так, он посвятил в тайное монашество Ольгу Ивановну Репину, духовную дочь протоиерея Сергия Тихомирова, который, очевидно, ее благословил и направил к владыке. Позднее на допросе Ольга Ивановна показала:

«Тайное монашество я приняла в 1925 году, посвящал меня епископ Сергей у себя на квартире на ст. Володарская. Имя было дано "Ия"... Посвящение происходило так: перед посвящением епископ Сергей говорил, что ты принимаешь малый образ, т. е. быть тайной монахиней — нужно отойти от мирской жизни; помни, что тебя ждет смерть, и чтобы предстать перед Христом, нужно быть чистой, все муки и невзгоды придется нести. Кроме этих напутственных слов епископ Сергей читал выдержку из Евангелия, где говорилось, что человек должен защищать истинную веру какими бы ни было трудными путями. Потом отрезал маленькую прядь волос с головы, надел крест, прочел молитву, дал кушак, апостольник, свечу зажженную, крест в руки. Потом прочел благодарственный молебен, дал имя тайной монахини Ия».

На этом же допросе монахиня Ия не побоялась заявить:

«Принадлежу к группе иосифлян, т. к. иосифляне стоят на правильном и православном пути. Не могу радоваться разрушению церквей и гонению, а также преследованию веры Христовой, как радуется митр.

*Сергий, не могу допустить, чтобы дом молитвы закры-
вали»¹²⁸.*

Монашество в документах следствия характеризовалось как наиболее «фанатичный» и «крайне контрреволюционный элемент», которому руководители иосифлян уделяли особое внимание, считая его «опорой иосифлянской организации».

«К контрреволюционной организации истинно-православных вскоре же после зарегистрирования за ней собора Воскресения стали быстро притекать в качестве посетителей богомольцев монашествующие из разных закрытых и разогнанных больших монастырей. Они уже приносили с собою готовое, контрреволюционное настроение, представляя недовольный, антисоветский элемент вследствие того, что лишились обеспеченного ранее положения. При атмосфере, создаваемой ядром организации, это настроение у них подогревалось разговорами и шептанием с посетителями храма. Они распространяли иногда самые нелепые антисоветские сплетни, нанося моральный подрыв Соввласти и сея недовольство среди масс населения».

«Кроме этих бывших монашествующих, которые вели в разных местах антисоветскую работу в массах, организация истинно-православных имела на услугах и лиц из тайного монашества»¹²⁹.

Монашествующие становились «своеобразными миссионерами истинного православия», например новгородский иеромонах Гавриил (Владимиров) «по-

¹²⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 416 об., 271 об. Матушка Ия, будучи инвалидом 2 группы, была приговорена к 3 годам концлагеря, после отбытия срока проживала в Новгороде и до самой своей кончины в 1978 году окормлялась у тайных иосифлянских священников. О встрече с ней рассказывала Л. П. Семёнова. — См. ниже в ее воспоминаниях.

¹²⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 176 об.– 177.

средством бесед и листовок распространял "истинное православие" в пределах Новгородского и Псковского края. Принимавшие тайные постриги порой продолжали оставаться на своей светской работе и там, по мнению следователя, *«распространяли антисоветские идеи и выполняли задание руководителей»*. Так, например, тайная монахиня Анна Васильевна Перфильева работала машинисткой в секретном отделении административного отдела при Ленинградском областном исполкоме, была арестована одной из первых в конце 1929 года и проходила по одному делу с владыкой Димитрием (Любимовым). В «Обвинительном заключении» отмечалось, что Анна Васильевна, используя служебное положение, *«информировала организацию (иосифлян) о всех мероприятиях Соввласти, участвовала с Тихомировым в распространении заграничных к./р. документов, вербовала в организацию новых членов, одновременно ведя антисоветскую агитацию»*¹³⁰. Таким образом, работая в секретном отделе, Анна Васильевна вела беседы с сотрудниками о вере и Церкви, а также, вероятно, печатала церковные документы! Недаром ее приговорили к десяти годам концлагеря, наравне с руководителями *«иосифлянской организации»*¹³¹. Точно неизвестно, кто постригал Анну Васильевну, но вполне вероятно, что владыка Сергей, также по рекомендации протоиерея Сергия Тихомирова.

К сожалению, о других монашеских постригах, совершенных епископом Сергием, нет сведений. На допросах он лишь признал факт совершения постригов и хиротоний, но отказался называть имена посвященных им, ссылаясь на свою «забывчивость»: *«Сколько и кого посвящал, не помню»*.

¹³⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 509.

¹³¹ Дальнейшая судьба Анны Васильевны неизвестна.

Во главе иосифлян

В конце ноября 1929 года начались массовые аресты в Ленинграде по первому групповому делу иосифлян. Были арестованы архиепископ Димитрий (Любимов) и целый ряд священнослужителей, в том числе настоятель храма Воскресения на Крови отец Василий Верюжский, священники Иоанн Никитин, Сергей и Александр Тихомировы, Петр Белавский, Николай Прозоров. Владыка Сергей оставался на свободе еще чуть более года, и ему пришлось взять на себя общее руководство иосифлянами. Об этом он позднее дал показания на допросе, записанные в соответствующем стиле:

«После ареста епископа Любимова Димитрия я вступил в управление и стал продолжать руководить организацией т. н. “иосифлян” совместно с епископом Докторовым Василием. В управление руководителя я вступил по указанию митрополита Иосифа Петровых. От митрополита Петровых я получал все указания и инструкции. Ко мне со всего СССР приезжали члены нашей организации с просьбой посвящения их в сан священника или архимандрита для того, чтобы они на месте могли, будучи священниками, создать и укрепить наши церковные ячейки»¹³².

Епископ Каргопольский Василий (Докторов), приехавший в 1928 году в Ленинград, руководил по благословению митрополита Иосифа духовенством Каргопольского уезда Архангельской губернии, а в Петрограде совершал монашеские постриги.

С петроградскими иосифлянами были в непосредственном контакте прервавшие общение с митрополитом Сергием следующие архиереи: Глазовский Виктор (Островидов), Яранский Нектарий (Трез-

¹³² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 12 об.

винский), Козловский Алексей (Буй), Никольский Иерофей (Афонин), Майкопский Варлаам (Лазаренко), Старобельский Павел (Кратиров), Бахмутский Иоасаф (Попов).

В июле 1930 года к иосифлянам присоединился и епископ Ижевский Синезий (Зарубин), отошедший от митрополита Сергия после известного интервью митрополита об отсутствии гонений на Церковь в СССР. Епископ Синезий приехал в Ленинград, виделся с епископом Сергием за воскресным богослужением в храме Воскресения на Крови, а также и с епископом Василием (Докторовым) в храме Михаила Архангела. Позднее он выехал к митрополиту Иосифу в Моденский монастырь. Вернувшись в Ижевск, владыка Синезий собрал священников и членов приходских советов местных церквей и, как показали позднее на следствии арестованные, убедил их *«подписать об отделении от митрополита Сергия и присоединении к митрополиту Иосифу»*. Вскоре епископ Синезий возглавил около ста приходов Нижегородской, Вятской и Оренбургской областей.

Связь с петроградским «центром» «периферийные» антисергианские общины и приходы продолжали сохранять и после арестов своих архиереев. В целом у петроградских иосифлян были установлены обширные связи с большим количеством приходов и общин из разных областей страны. В самой Петроградской епархии было шестьдесят семь иосифлянских приходов, в том числе двадцать один приход в самом городе. К иосифлянам присоединились также Старо-Ладожский женский монастырь, Свято-Троицкий Зеленецкий, Макарьевская пустынь под Любанью, Перекомский монастырь под Новгородом. Общее число иосифлянских, вернее, антисергианских приходов по стране могло достигать 2400–2700¹³³.

¹³³ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. С. 15.

Епископ Глазовский Виктор (Островидов), прервавший общение с митрополитом Сергием еще в декабре 1927 года, одним из первых установил связь с петроградцами. За ним последовала часть духовенства Вятки, Ижевска, Яранского, Котельнического, Слободского районов. К епископу Виктору также перешли несколько приходов и Усть-Клюкинский монастырь Пермской епархии. В следственных протоколах «викторовцы» неизменно назывались в числе первых лиц, состоящих в контрреволюционной организации «истинно-православных» или «иосифлян», непосредственно связанных с петроградским центром. Весной 1928 года, после ареста епископа Виктора, его вятские приходы перешли под управление епископа Димитрия, как и «викторовцы» Яранского, Кикнурского, Котельнического и целого ряда районов Нижегородской области.

«Связь с епископом Ленинградским Сергием и Димитрием была письменная. В 1929 году я писал епископу Димитрию о священнике села Гостева, которого община удаляла с прихода за нетвердость в ориентации, на мое письмо епископ предложил Фролову искать другой приход» (из показаний И. А. Попова).

«Постоянным епископом нашего округа является епископ Глазовский Виктор. После его ареста нашим округом руководили епископы Димитрий Гдовский, Сергий Нарвский. В настоящее время руководит благочинием свящ. Галицкий» (из показаний Н. С. Прахова¹³⁴).

По свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, к епископу Сергию (Дружинину) *«приезжали преимущественно из Вятской губернии, из приходов лица, находившиеся под руководством своих благочинных»* и от них привозили просьбу о посвящении.

¹³⁴ Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Следственное дело Касьянова. 1932.

Владыка Сергей совершал постриги и рукоположения посланцев разных общин. В июне 1930 года он рукоположил во священника присланного из Углича протодиакона Михаила Зеленцовского. Регент Николо-Песоцкой церкви Иван Мельников подтвердил позднее на следствии, что он 15 мая 1930 года *«писал прошение от имени общины о посвящении протодиакона Зеленцовского в иереи и назначении его в Николо-Песоцкую церковь»*. При аресте в 1931 году у священника Михаила Зеленцовского и архимандрита Власия (Щербакова), настоятеля Угличского Покровского монастыря, с 1928 года управлявшего Угличским викариатством по благословению высланного архиепископа Серафима (Самойловича), была изъята переписка с епископом Сергием (Дружининым).

Владыка Сергей рукоположил во иеромонаха еще одного угличского посланца, монаха Геннадия Крылова. Рукоположение было произведено летом 1930 года в храме Воскресения на Крови. Во время следствия иеромонах на вопрос, почему он поехал посвящаться в Ленинград, ответил: *«Потому что я принадлежу к Истинно-Православной Церкви, епископ которой живет в Ленинграде. К Истинно-Православной Церкви принадлежит все духовенство г. Углича и района, и кроме ленинградского епископа и высланного епископа Угличского Серафима мы никого не признаем. Рукополагаться в Ленинград меня направила община Алексеевского монастыря»*¹³⁵.

Из Костромской области епископ Сергей рукоположил монаха Серафима (Борисова). Восемнадцатилетним юношей тот в 1924 году поступил в Железно-Боровский монастырь Буйского района, существовавший тайно под видом местной Железно-Боровской общины, духовником насельников был иеромонах Ио-

¹³⁵ Государственный Архив новейшей истории Костромской области. Д. 10706с. Т. 1. Л. 63 об.

асаф (Сазонов). В 1929 году монастырь был разорен, монахи арестованы и высланы из пределов губернии. Иеромонах Иоасаф из ссылки скрылся и перешел на нелегальное положение. Монах Серафим после закрытия монастыря поехал в Ленинград и поступил псаломщиком в Свято-Троицкую церковь в Лесном. В 1930 году епископ Сергей рукоположил его в сан иеродиакона. В ноябре 1931 года иеродиакон Серафим привез иеромонаха Иоасафа в Лесной, и тот после беседы с отцами присоединился к иосифлянам¹³⁶. В 1932 году иеродиакон Серафим на допросах подтвердил:

«О задачах Истинно-Православной Церкви я узнал из личных бесед с Димитрием Гдовским, с коим меня познакомил архимандрит Макарий (тоже находится в ссылке), от коего я и узнал о существовании так называемой “ИПЦ”».

«Я лично слышал от Димитрия Гдовского и еп. Сергея Дружинина, что к ИПЦ примыкает Вятская епархия, где имеется до ста приходов нашей ориентации, об этом мне также рассказывал иеромонах Варсонофий из Вятки. В Костромской епархии наших приходов как будто бы нет, но отдельные последователи имеются. За Иоасафом, по его словам, шло до 300 человек»¹³⁷.

Обращались к епископу Сергию и московские иосифляне после ареста епископа Серпуховского Максима (Жижиленко). По рекомендации настоятеля церкви Никола Большой Крест в Москве, иерея Измаила Сверчкова, к владыке Сергию приезжал иерей Александр Поспелов из поселка Сходня, когда там

¹³⁶ Иеромонах Иоасаф погиб в декабре 1931 года в Ленинграде — попал под поезд (сбит с ног потоком воздуха между двумя поездами). Похоронен на Богословском кладбище, отпевал, вероятно, отец Анатолий Согласнов.

¹³⁷ Государственный Архив новейшей истории Костромской области. Д-5662с. Т. 2. Л. 32–32 об., 33 об.

был закрыт храм. Владыка благословил отца Александра перейти на служение в московский иосифлянский храм. Летом 1930 года владыка Сергей рукоположил во священника тверского диакона Василия Шишканова и направил его в Троицкий собор Серпухова.

В это же время из Харькова епископ Павел (Кратиров) присылал к епископу Сергию двух кандидатов на рукоположение в священство. Вполне вероятно, что одним из них был иеродиакон Назарий (Конюхов), который впоследствии после неоднократных арестов продолжал тайное служение на протяжении нескольких десятилетий вплоть до 1975 года¹³⁸. Сохранилась ставленническая грамота о рукоположении иеродиакона Назария от 23 июня 1930 года, подписанная епископом Сергием: «Известного ради свидетельства яко он на степень иеромонашества рукоположен и нами благословлен, дадеся сия наша архиерейская грамота, рукою нашею подписанная и печатью нашею утвержденная».

Владыка Сергей также назначал священников на приходы. Так, архимандрит Никон был послан им в Красное Село на место арестованного священника Николая Телятникова. В Тайцы владыка направил иеромонаха Варсиса на место арестованного в ноябре

¹³⁸ Иеромонах Назарий позднее принял схиму с именем Никодим. В миру Конюхов Нестор Стефанович, родился в 1890 году в селе Луговка Писаревского уезда Харьковской губ. (ныне Сумская обл.). Был духовным чадом знаменитого киевского старца Алексея Голосеевского, пострижен им в мантию с именем Назарий. В 1926-м после закрытия Голосеевской обители поселился на родине. Не признал декларации митрополита Сергия. Окормлял общины в Сумской и Харьковской областях Украины. 17 января 1931-го арестован по «делу Харьковского филиала ИПЦ», приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. Позднее не раз арестовывался и отбывал сроки заключения за принадлежность к ИПЦ. На тайных богослужениях поминал Первоиерархов РПЦЗ. 13 февраля 1975-го скончался в возрасте 85 лет.

1929 года священника Петра Белавского. В село Уторгоши Лужского уезда послал иеромонаха Варсонофия. Сельским приходам владыка Сергей уделял особое внимание. По его словам, положение в деревне у них неоднократно обсуждалось с архиепископом Димитрием и священниками Василием Верюжским, Николаем Прозоровым, Иоанном Никитиным, и они скорбели, что там очень мало иосифлянских приходов. Решено было как можно больше вести работу в деревенских церквях *«для объединения вокруг них и воспитания крестьянства в нашем истинно-православном духе»*, поскольку *«почва для этой работы есть, т. к. проводимые в деревне раскулачивание и коллективизация, закрытие церквей, непосильные налоги породили среди крестьян озлобленное отношение к Советской власти»*. Для этого решили *«посылать стойких пастырей, главным образом монахов, которые бы своей праведной жизнью, не щадя себя, могли бы объединить вокруг церкви преданных Церкви людей»*.

Однако, по словам владыки Сергея, на такую работу *«охотников было мало, боялись арестов»*. Так, рукоположенный владыкой для Вологодской губернии иеромонах Нил отказался туда поехать. Случалось всякое, например *«за получением прихода»* приехал к владыке Сергию некий иеромонах Василий, *«тип "юродивого" странника, родом из крестьян Пензенской губернии»*:

«Посвятил его в иеромонахи проживающий в Казани в высылке епископ Нектарий, который тоже вошел в общение с митр. Иосифом. Я, по указанию епископа Сергея Дружинина, обучал его службам, также и Сергей Боголюбов летом 1930 года, но ввиду полной его умственной неспособности для какой-либо роли в контрреволюционной организации — ему было отказано в приходе епископом Сергием, и этот "иеромонах" Василий уехал к себе на родину, насколько помню, в го-

род Козлов Пензенской губ.» (из показаний протоиерея Никифора Стрельникова)¹³⁹.

Совершал владыка Сергей и хиротонии священников для тайного служения. Так, в сентябре 1930 года в Стрельнинской церкви Спаса Преображения был посвящен в сан «негласного» священника Никифор Стефанов. Служил он, по его словам, *«один раз в пятидневку, т. е. в выходной день от службы на Октябрьской железной дороге при стройконторе 3-го класса в качестве сторожа»*. На службе не знали, что он священник, так как свой сан иерей Никифор *«тщательно скрывал»*.

Тогда же, осенью 1930 года, епископ Сергей рукоположил в иеромонаха Иоанна Шустина, уроженца Петербурга, принявшего монашество еще до революции, в Оптиной пустыни. В своих показаниях на допросе Иоанн Шустин подтвердил: *«После рукоположения определенного места не получил, а был предназначен служить тайно. Совершал тайные богослужения, молебствия, приобщал больных и т. д. у граждан в разных местах города и его окрестностей. Ни одного адреса и лиц не помню... В общем, не скажу, т. к. это наша тайна... Одним словом, куда меня звали, туда я и шел выполнять свой долг служителя Церкви истинного православия»¹⁴⁰.*

И все же, несмотря на все эти рукоположения и назначения, при епископе Сергии, как показал на следствии протоиерей Никифор Стрельников, не было уже такой *«рьяной деятельности»* иосифлянской организации, как *«во времена епископа Дмитрия»*:

«Контрреволюционные кадры организации пополнялись, но не увеличивались. Новых воссоединений отдельных контрреволюционных приходов или отдельных

¹³⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л.166, 183–184, 186.

¹⁴⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 4. Л. 877 об.

лиц при епископе Сергии и через него не было, кто воссоединялся, те ехали к самому митрополиту Иосифу. За разрешением каких-либо вопросов из других мест обращались уже не в Ленинград, а к самому митрополиту Иосифу, иногда к его доверенному лицу протоиерею Советову».

Так, представитель киевских священников Андрей Бойчук в марте 1930 года ездил к митрополиту Иосифу, а в Питере только «мельком заходил в собор, не оставшись в нем служить с еп. Сергием, считая его “красным”». Так же себя повел иеромонах Фотий (Солодов) из Твери. Такое положение объясняется отчасти тем, что не признавала епископа Сергия часть петроградских иосифлян. Это был серьезный конфликт, возникший сразу же после ареста архиепископа Дмитрия. Вот что рассказал об этом Никифор Стрельников на допросе в 1931 году:

«Крайние элементы организации потянули ее в подполье. Как среди посетителей храма, так и в среде духовенства произошло расслоение на настоящих “истинных” и на готовых к измене и отхождению. Сразу же в соборе Воскресения послышалась агитация, что теперь все православие погибло, что собор теперь уже “красный”, что епископ Сергей Дружинин “предатель”, что с ним оставшееся служить духовенство собора — я, прот. Сергей Боголюбов, прот. Василий Тулин, прот. Александр Советов, архимандрит Клавдий — “красные”, что в соборе благодати теперь нет, что молиться надо только на домах, что теперь “истинных” в церквах уже нет, т. к. все оставшиеся служат открыто “предались” и соединились с безбожниками. Такая агитация велась главным образом некоторыми монашками, приверженцами и почитательницами группы духовенства, отошедшей от епископа Сергия Дружинина и состоящей из прот. Викторина Добронравова, священника Николая Ушакова, прот. Алексея Вознесенского, священника Георгия Сафонова, священника Николая Васильева. Проводниками такой агитации яв-

лялись близкие к епископу Димитрию лица — Павел Морозов, Сергей Федоров (сапожник), которые сразу же прекратили ходить в собор, также служивший сторожем в соборе бывший иподиакон епископа Димитрия Петр Сазонов. Агитация на эту антисоветскую — под видом церковной — тему поддерживалась и президиумом членом «двадцатки» собора из сторонников и близких к епископу Димитрию лиц Колобкова, Сазонова, Ругина и Шенца. В этом отношении крайне антисоветски настроенные люди в организации стремились повлиять и на митрополита Иосифа, чтобы он поддержал тенденцию их уйти в подполье и своим духовным авторитетом одобрил этот конспиративный путь организации, отвлек массы от храмов, где они могут все-таки подвергаться действию советского наблюдения»¹⁴¹.

Следует с большой осторожностью относиться к этим показаниям протоиерея Никифора Стрельникова. И тем более к его показаниям в отношении протоиерея Александра Советова, назначенного настоятелем храма Воскресения вместо арестованного протоиерея Василия Верюжского. По словам Стрельникова, отец Александр якобы поддался вначале крайним тенденциям и в переписке с митрополитом Иосифом настроил владыку «*дать позволение крайним элементам отходить от епископа Сергея Дружинина*». Протоиерей Никифор также утверждал, что митрополит Иосиф епископа Сергея десятью «*особыми заповедями-запрещениями лишил церковного управления*».

На самом деле, судя по приобщенным к материалам следственного дела письмам, митрополит Иосиф действительно написал десять заповедей, которыми, однако, не «*лишил*», а ограничил епископа Сергея в церковном управлении¹⁴². Правда, в первых же «запо-

¹⁴¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 180–181.

¹⁴² Как записал следователь показания митрополита Иосифа на допросе 9 октября 1930 года: «*После ареста архиепископа Димитрия Любимова к управлению по моему благословению вступил*

ведях» было указано: «1. Не управляйте епархией и не создавайте никакого в ней управления. 2. Только служите и молитесь, а сверх сего — ничесоже». Очевидно, здесь было разное понимание самого «управления». Так, в десятой заповеди митрополит указал: «Если будут обращаться к Вам благословить то или другое намерение, решение духовенства или верующих, благословляйте — не как управитель, а как Святитель и молитвенник о спасении всех пастырей и верующих». Вероятно, владыка Сергей, в силу ли своего характера или по каким-то иным причинам, допускал не «святительские» методы управления¹⁴³, кроме того, он вызывал много нареканий награждениями, какими-то обещаниями и угрозами запрещений¹⁴⁴.

Как видно, заповеди, при исполнении которых, по мнению митрополита Иосифа, должно было все уладиться между епископом Сергием и недовольными им, относятся лишь к личным качествам владыки и не касаются никаких других принципиальных вопросов. Что касается «*позволения отходить от епископа Сергия*», которое, по словам Никифора Стрельникова, митрополит Иосиф «*сначала дал крайним элементам*», то это явно не соответствовало действительности. 16 июля 1930 года в официальном ответе пастве владыка Иосиф писал¹⁴⁵:

Сергий Дружинин, но на него вскоре стали поступать жалобы на его взбалмошный характер, и я в десяти заповедях на имя епископа Сергия предложил ему ограничить свои права в управлении». ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 329.

¹⁴³ В четвертой и пятой заповедях записано: «Не бранитесь вслух в храме Божиим. Не оскорбляйте достоинства пастырей в глазах верующих громкими криками и распоряжениями, предусматривая все заранее».

¹⁴⁴ О чем было изложено в остальных заповедях. Полностью письмо митрополита Иосифа приведено в Приложении 2.

¹⁴⁵ Копия этого письма под заголовком «Ответ на вопросы А. С.» (вероятно, ответ на вопросы протоиерея Александра Советова) приобщена к материалам следственного дела.

«Исконный враг рода человеческого, ищущий нашей гибели, посеял среди нашего малого стада злое семя смуты и разделения.

К утверждению и наставлению сомневающихся, колеблющихся и не могущих разобраться в потёмках посеянного раздора, отвечая на вопросы, ко мне обращенные, сообщаю ясно и определенно:

1. Никого я не благословлял, не благословляю и не могу благословлять ни на какие раздоры и разделения, обособленные от наших храмов Богослужения.

2. Ни в малейшей степени не следует считать достойнейших моих собратий Еп. Сергия (Нарвского) и Василия (Каргопольского) отступившими в чем-либо от чистоты православия. Я — с ними, и они — со мною. Значит: те, кто не с ними, те и не со мною.

3. Храм Воскресения на Крови и другие ему единомысленные считаю единственно достаточными и благодатно действенными для сообщения со Христом Спасителем нашим, в Котором единственная в мире сем сладость, мир, радость и утешение».

А в личном письме кому-то из протоиереев еще весной 1930 года, сообщив о передаче епископу Сергию десяти заповедей, митрополит Иосиф подчеркнул:

«Мой совет и смиреннейшая просьба ко всем Вам: после принятия Владыкой Сергием этих заповедей прекратите всякую травлю на него. Служите и молитесь с ним, простив его погрешности и за свои испросив у него прощения».

Владыка Сергий в ответном письме митрополиту писал:

«Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко
Митрополит Иосиф,

Получил сегодня Ваше письмо. Подчиняюсь Вам во всем. Свой долг пред св. Церковью исполнил до конца. Со спокойной совестью, согласно Вашего повеления и благословения, отхожу теперь в сторону от всех церковных

дел... Дай Господи, чтобы это только послужило на пользу. Если же смута церковная не уляжется, то я пред Богом чист, а за всю разруху пред св. Церковью и народом ответят те, кому Вы вверились.

Испрашивая Ваших святых молитв, с глубоким моим высокопочитанием имею честь пребывать Вашего Высокопреосвященства милостивого Архипастыря нижайший послушник

Сергий Дружинин
Епископ Нарвский»¹⁴⁶.

Однако очевидно, что не только личные качества владыки Сергия были основной причиной отхода от него той части духовенства и мирян, о которых говорил протоиерей Никифор Стрельников. Митрополит Иосиф в своих показаниях 23 сентября 1930 года упоминает о приезде к нему вдовы протоиерея Феодора Андреева, Натальи Николаевны, которая была удручена последним расколом, происшедшим в связи с регистрацией «двадцаток», *«вследствие чего духовенство в лице Викторина Добронравова, Алексея Вознесенского, Николая Ушакова, Николая Васильева и других отошли от епископа Сергия Дружинина и Василия Докторовца и прекратили служение в церквях, принявших регистрацию»*¹⁴⁷. Протоиереи Викторин, Алексей и Николай сами приезжали к митрополиту Иосифу по этому вопросу и, как показал владыка, *«получили упрек за излишнюю ревность не по разуму и совет — не упорствовать в своем самочинии, останавливать своих духовных чад от распространения слухов о храме Воскресения, который будто бы нельзя посещать, как зарегистрированный, и самим не удаляться от него и служащих в нем»*. Далее он продолжал:

¹⁴⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л 312–312 об., 313, 305–305 об.

¹⁴⁷ Регистрация приходских советов в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года.

«В своих разговорах они хотели меня убедить осудить перерегистрацию “двадцаток”, но я был против их предложения и говорил, что раз эту регистрацию требует гражданская власть, то ее нужно производить, и был более согласен с предложением Марии Петровны Березовской, которая, приехав ко мне по этому же делу, в пункты регистрации внесла оговорки, и я тогда же эти оговорки одобрил. Отказ от благотворительности Церкви может быть допущен только в противоречии с нашими церковными правилами»¹⁴⁸.

Мария Березовская, председательница «двадцатки» храма Воскресения, дважды — в марте и июле 1930 года — ездила к владыке Иосифу в Моденский монастырь, привозила и письмо Никифора Стрельникова. 15 июля 1930 года епископ Сергей поручил протоиерею Никифору Стрельникову отправить протоиерею Викторину копию приведенного выше письма митрополита Иосифа с ответами на вопросы. Отправляя письмо отцу Викторину, протоиерей Никифор написал следующее:

«Ваше Высокопреподобие,
Глубокоуважаемый Дорогой Батюшка Викторин!

Получено письмо от владыки митрополита Иосифа, касающееся Вашего отношения к православным храмам, единомысленным с Кафедральным собором Воскресения Христова на Крови, их клирам и двум преосвященным нашей ориентации, Сергию (Нарвскому) и Василию (Каргопольскому).

Содержание письма владыки митрополита Иосифа обязывает как лично Вас, так и Вашу группу дать определенный и окончательный ответ относительно дальнейшего Вашего отношения как к самому владыке митрополиту Иосифу, так и всем единомысленным с ним и им окормляемым.

По благословию преосвященного епископа Сергия (Нарвского) содержание письма владыки митр. Иосифа,

¹⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 313, 335.

<неразб.> чьи копии при сем и прилагаются. При сем также по его просьбе я присовокупляю, что нежелание Вашего примирения с ним и евхаристического общения в святой молитве с ним (еп. Сергием) и со всеми, не порывающими с еп. Сергием канонической общности, а также — молчание Ваше и игнорирование последнего слова самого владыки митрополита Иосифа (письма его при сем прилагаются в копии) будет после сего последнего предупреждения понято как полное и окончательное нежелание иметь с Вашей стороны единомысленного во Христе братства, любовного о Господе единства как с главою нашим владыкою митрополитом Иосифом, так и со всеми нами, кои им окормляются.

Ближайшим сроком Вашего отношения к письму владыки митр. Иосифа преосв. Сергей благословляет определить недельный срок со дня получения сего письма, после коего, в случае Вашего игнорирования воли владыки митроп. Иосифа о прекращении церковного раздора пред православными верующими христианами нашей ориентации будет открыто отношение к Вам владыки митрополита Иосифа на основе его сего письма».

«* * *

Дорогой Батюшка Викторин!

С глубокою скорбью писал я Вам вышеизложенные строки официального делового письма.

А теперь по-братски, от всей души, преданной Вам глубоко и духовно, уважающий Вас и постоянно в убогих молитвах пред Господом благодарно воспоминающий Вас и желающий впредь всегда и всегда навеки духовно не расторгаться, а еще проникновеннее родниться и единиться во Господе и Спасителе нашем Сладчайшем, хочется от всего существа убогой любящей Вас души попросить погасить раздор, примириться и не делать распрей.

Да поможет Вам Господь в этом.

Любящий Вас о Господе

Протоиерей Никифор Стрельников.

1930 г. июля 15 дня»¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 309–310 об.

Неизвестно, достигло ли своей цели это письмо, и ответил ли на него протоиерей Викторин, так как 19 сентября 1930 года он был уже арестован. На допросах он подтвердил, что после того, как была закрыта его Никольская церковь на Петровском острове, он служил в церкви на Пискаревке. Но в апреле 1930 года он ушел из нее, так как «*двадцатка*» не слушала своего настоятеля Николая Ушакова в деле перерегистрации прихода».

«Я был против того, чтобы “двадцатки” регистрацию проводили без оговорок, изданного на этот счет Советской властью узаконения. Пискаревская церковь, в которой я служил после закрытия церкви на Петровском, слишком поспешно приняла регистрацию без всяких оговорок изданного узаконения. Я и другое духовенство поэтому и прекратили в ней служение»¹⁵⁰.

«В подполье уходить не собирался. До сего дня жду и буду ждать впредь, что ходатайство прихожан нашего храма на Петровском будет удовлетворено в положительном для них смысле (обещано ВЦИК'ом в конце сентября или в начале октября сего года пересмотреть ходатайство об открытии церкви)»¹⁵¹.

Вопрос о перерегистрации встал еще при архиепископе Димитрии и незадолго до его ареста был предметом обсуждения на последнем собрании духовенства в конце сентября или начале октября 1929 года. На этом собрании, состоявшемся на квартире владыки Димитрия, присутствовали: священники Василий Верюжский, Иоанн Никитин, Алексей Кибардин, Сер-

¹⁵⁰ В своих письменных ответах от 23 сентября 1930 года о. Викторин пояснил свою позицию по поводу новой регистрации таким образом: поскольку она ставит условием признание закона о церковных объединениях от 8 апреля 1929 года, то следовало бы оговорить некоторые пункты закона, касающиеся церковного имущества, ограничения района деятельности пастырей, запрещения благотворительности.

¹⁵¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 202. Т. 6. Л. 314 об.

гий Тихомиров, Никифор Стрельников, Михаил Рождественский, Сергей Баташев, Филофей Поляков, Димитрий Кратиров, Викторин Добронравов, Николай Прозоров. Позднее к собравшимся присоединились члены президиума «двадцатки» храма Воскресения на Крови Михаил Иванович Сазонов, Николай Александрович Колобков и Иван Дмитриевич Ругин. После прочтения текста закона большинство присутствующих высказалось за перерегистрацию. Возможно, протоиерей Викторин и тогда не вошел в это «большинство», а возможно, потом изменил свое мнение.

Интересно отметить, что на том же последнем собрании у архиепископа Димитрия обсуждался вопрос о конфликте в среде иосифлян. Владыка Димитрий прочитал тогда письмо митрополита Иосифа, который, по свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, *«призывал всех членов организации объединиться и прекратить всякие раздоры... Конкретной мерой к объединению и прекращению ссор внутри... иосифлянской организации протоиереем Верюжским было указано на необходимость примирения членов президиума «двадцатки» с епископом Сергием (Дружининым), которого указанные члены «двадцатки», почитатели архиепископа Димитрия, лишали возможности служить в соборе Воскресения»*. Протоиерей Иоанн Никитин также говорил о необходимости прекращения конфликтов, и все присутствующие согласились с ним.

Таким образом, уже тогда были какие-то серьезные разногласия у владыки Сергия с частью иосифлян. Из-за чего они возникли, непонятно. Серьезное столкновение членов «двадцатки» с епископом Сергием вновь произошло после ареста архиепископа Димитрия. Об этом они сообщили митрополиту Иосифу в письме, которое отвезла ему Наталия Андреева, вдова протоиерея Феодора Андреева. На допросе председатель Приходского совета Михаил Сазонов показал:

«Я писал, что епископ Сергей Дружинин нарушает каноны, что он перестает сохранять истинное православие и намерен служить в тех церквях, в которых нарушили правила нашей группы, т. е. выбрали патент на продажу свечей. Наша же группа от выборки патента отказалась, т. к. считает, что выборкой требуемого Сов. властью патента церковь превращается в дом торговли¹⁵². О предполагаемой поездке епископа Сергея служить в одной из таких церквей, а именно на Охте в Грузинской церкви, я и Колобков, узнав об этом, потребовали от епископа Сергея, чтобы он продолжал вести линию, взятую епископом Димитрием, и ни в коем случае не нарушал взятого епископом Димитрием направления. Епископ Сергей был с нами груб, вследствие чего я вместе с Шенец и Колобковым составили письмо, собрали денег и послали к митрополиту Иосифу Наталию Николаевну Андрееву»¹⁵³.

Вероятно, вопрос о патентах на продажу свечей был принципиальным. Интересно, как ответил на него митрополит Иосиф на допросе 5 октября 1930 года:

«Распоряжения Советской власти и ее мероприятия в отношении церковной политики (налоги на духовенство, выборка патентов и т. п.) считаю для себя обязательными, как гражданский долг, поскольку они не простираются на существо веры. Если в вопросе о выборке патентов у меня одно время были колебания, то они объяснялись большими смущениями среди верующих, эти смущения вызывали у меня опасения увеличить их и произвести большой соблазн в народе. Долгое время я держался в стороне от этого

¹⁵² Таково же было мнение архиепископа Димитрия. Так, на допросе 13 декабря 1929 года он показал: «Относительно продажи свечей я говорил, что выборкой патента церковь приравнивается к лавочке, и был против выборки патента». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 85 об.

¹⁵³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 307 об.– 308.

вопроса, предоставляя его решать самим верующим. И тогда, когда эти верующие без соблазна среди себя приходили к решению выбирать патенты, я не возражал и не считал их за это нарушившими чистоту веры»¹⁵⁴.

Однако при этом же митрополит написал письмо священнику Николаю Ушакову, который ушел из своей церкви Грузинской иконы Божией Матери на Охте, отказавшись служить именно из-за того, что Приходский совет выбрал патент на свечи. На допросе по поводу письма, в котором владыка Иосиф благодарил отца Николая *«за твердую и решительную борьбу со всякими “уклонами” и “покраснениями”*», митрополит объяснил: *«“Покраснение” — это нарушение устоев Церкви, и обновленцев, и сергиевцев я считаю “красными”*».

Тем не менее позиция митрополита Иосифа была чужда крайностям. Он проявлял рассудительность и индивидуальный подход в каждом отдельном вопросе. Вероятно, невероятно трудно было найти правильное решение во множестве самых разнообразных ситуаций, которые возникали у иосифлян. И сколько нужно было мудрости, чтобы, с одной стороны, не отступить и сохранить истинное православное исповедание пред лицом наступающего безбожия, а с другой — не поддаться неразумной ревности, не скатиться к сектантству и не подавать повод для обвинений в контрреволюции со стороны богоборческих властей. Митрополиту удавалось разрешать возникавшие между иосифлянами разногласия, улаживать конфликты, грозившие серьезными разделениями и расколами. Вероятно, причиной разногласий были не только личные столкновения, но и до конца не разрешенный вопрос о взаимоотношении Церкви и советского государства.

¹⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 327.

Между двумя крайними позициями — всецелого одобрения и благословения безбожной власти и полного ее неприятия, как власти антихристовой, — были разные степени «политической лояльности», из-за которых и могли возникать разногласия и распри. Иосифляне, занимавшие крайнюю позицию категорического «неприятия», вызывали неодобрение у тех из них, кто не был согласен с этой позицией. А в свою очередь эти «крайне категоричные иосифляне», по определению протоиерея Никифора Стрельникова, «поклонники» архиепископа Дмитрия, подозревали несогласных «в недостатке твердости». И хотя эти подозрения впоследствии подтвердились в отношении некоторых из клириков, но в целом разногласия возникали в большей степени по недоразумению.

Так было и с владыкой Сергием (Дружининым). Как показал на допросе диакон Кирилл Иванов: *«После ареста архиепископа Дмитрия все были удивлены, что аресту не подвергся епископ Сергей Дружинин, считали, что он проданся ГПУ. Поведение еп. Сергия еще больше усиливало это подозрение. Однажды, будучи у нас на Петровском Острове, он сказал, что он несколько раз был вызываем в ГПУ, и тут же стал настойчиво просить Добронравова быть его помощником. Все стали подозревать, что это он делает по подсказке ГПУ, и его стали бояться»*¹⁵⁵. Таким образом, владыку Сергия не просто подозревали «в недостатке твердости», но даже считали «предателем», а некоторые называли его «красным» и не пускали служить. Однако вскоре все недоразумения рассеялись. После ареста, в тюрьме, владыка проявил такое мужество, что смелостью и откровенностью на допросах превзошел самых рьяных своих бывших противников.

¹⁵⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 4. Л. 1136.

В тюрьме под следствием

Епископ Сергей был арестован 7 декабря 1930 года по стандартным обвинениям «*в контрреволюционных преступлениях*»¹⁵⁶. Несомненно, владыка ждал ареста. К тому времени гонения все нарастали, многие храмы, в том числе и храм Воскресения на Крови, были закрыты, аресты иосифлянского духовенства и мирян производились по всей стране. Арестовали владыку в доме Мельникова на станции Володарской, где он проживал последние годы, и доставили в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице (ДПЗ). Обстоятельства ареста и дальнейшего пребывания владыки в тюрьме неизвестны. Но представление об этом можно составить по воспоминаниям других арестованных. Вот яркое свидетельство молодой иосифлянки Валентины Ждан, арестованной и осужденной по тому же делу. В течение последних месяцев 1930 года, узнавая о новых арестах, она понимала, что дни ее сочтены. Ощущая свою обреченность, Валентина дорожила каждой возможностью побывать на службе в оставшихся незакрытыми последних иосифлянских храмах. Так и тем декабрьским вечером:

«Возвращаясь после всенощной и еще поднимаясь по лестнице, я вдруг остро ощутила, что и мой час настал. Я спешно поставила греть воду, чтобы помыть голову, но было уже поздно. Звонок в дверь, обыск, “черный ворон” — и меня увезли... внутренняя тюрьма при ГПУ на

¹⁵⁶ По статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР:

«58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой».

Шпалерной улице (теперь улица Воинова). Там принимала меня казавшаяся очень сердитой и крикливой надзирательница, прозванная “бабкой”. Когда она дежурила, ее крик раздавался во всех коридорах. Последовал обычный при приеме тщательный обыск, во время которого раздевают догола. “Снимай крест”, — скомандовала она. Я взмолилась: “Оставьте крест”. “Снимать, не разговаривать”, — сердито закричала она. Кончив записи, бабка повела меня, как будто забыв про крест, и я вошла в ворота тюрьмы, ликую, что крест остался на мне.

Привели меня в общую камеру, рассчитанную на 15—17 человек, в которой находилось 45 арестантов. В камере была своя староста, и соблюдалась строгая дисциплина при размещении людей. Новички укладывались на небольшом свободном участке возле унитаза и потом, по мере освобождения мест, продвигались дальше, старожилы достигали кровати. Я добралась до кровати, вернее, доски, положенной на выступы между двумя кроватями, через два с половиной месяца, перед переводом в одиночку. Но не это было страшным. Страшным было горе и страдание невинных людей, матерей, оставивших дома грудных детей, людей, виновных только в том, что они родились у неподходящих родителей. Сидели в камере и уголовники, но их было меньшинство, а в основном там томилась петроградская интеллигенция, люди большой культуры духа, в присутствии которых, несмотря на их обычную сдержанность и непритязательность, уголовники и малокультурные обитатели не смели ни выругаться, ни хамить, чувствуя их духовное превосходство и невольно подчиняясь ему»¹⁵⁷.

Через два с половиной месяца Валентину перевели в одиночную камеру, и после этого начались допросы. Судя по материалам следственного дела, и епископа Сергия после первого допроса в день ареста также почти два месяца не допрашивали. Лишь 13 января 1931 года ему было объявлено постановление «О мере

¹⁵⁷ Валентина Яснопольская. Счастливый случай: воспоминания / Мирносицы в эпоху ГУЛАГа // Сост. П. Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004. С. 525–526.

пресечения». В качестве «меры пресечения способов уклонения от следствия и суда» указывалось «содержание под стражей в ДПЗ по I категории», то есть владыка содержался в одиночной камере¹⁵⁸. То же самое было принято в отношении епископа Василия (Докторова), который также был арестован 7 декабря 1930 года, правда, допрошен на следующий день и еще 9 декабря. Но затем и его допросы возобновились лишь в феврале 1931 года.

В это время раскручивалось следствие по новому групповому делу иосифлян. В «Обвинительном заключении» оно значилось как *«дело по обвинению Дружинина Ивана (Сергия) Прохоровича, Докторова Владимира (Василия) Ивановича и др. в числе 75 человек»*. Вместе с владыками Сергием и Василием по этому делу было арестовано 89 человек, из них более сорока клириков и двенадцать монашествую-

¹⁵⁸ Вот свидетельство о пребывании на Шпалерной в одиночке: «В камере мокро и темно. Каждое утро я тряпкой стираю струйки воды со стен и лужицы — с полу. К полудню — пол снова в лужах... Около семи утра мне в окошечко двери просовывают фунт черного малосъедобного хлеба — это мой дневной паек — и кружку кипятку. В полдень — блюдечко ячкаши, вечером — тарелку жидкости, долженствующей изображать щи, и то же блюдечко ячкаши. По камере можно гулять из угла в угол — выходит четыре шага туда и четыре обратно. На прогулку меня не выпускают, книг и газет не дают, всякое сообщение с внешним миром отрезано. Нас арестовали весьма конспиративно — и никто не знает и не может знать, где мы, собственно, находимся. Мы — т. е. я, мой брат Борис и сын Юра. Но они — где-то по другим одиночкам. Я по неделям не вижу даже тюремного надзирателя. Только чья-то рука просовывается с едой и чей-то глаз каждые 10-15 минут заглядывает в волчок. Владелец глаза ходит неслышно, как привидение, и мертвая тишина покрытых войлоком тюремных коридоров нарушается только редким лязгом дверей, звоном ключей и изредка каким-нибудь диким и скоро заглушаемым криком. Только один раз я явственно разобрал содержание этого крика: “Братишки, на убой ведут...”» Иванъ Солоневичъ. Россія въ концлагере. III издание. Издательство “Голосъ Россіи”, Софія, 1938.

щих, осуждено 74 человека, в отношении одиннадцати человек дело было прекращено за отсутствием состава преступления¹⁵⁹, в отношении двоих — за их смертью во время следствия, в отношении еще двоих — материалы дела были выделены в особое производство.

Первыми были арестованы еще в августе 1930 года — настоятель единоверческого Никольского храма Алексей Шеляпин и в сентябре — протоиерей Викторин Добронравов. Основные аресты духовенства Петроградской епархии были произведены 27–28 декабря. Как значилось в «Обвинительном заключении»: *«Полномочным Представительством ОГПУ в ЛВО был вскрыт и 27-го декабря 1930 года ликвидирован существовавший с 1928 года в Ленинграде церковно-административный центр Всесоюзной монархической организации церковников “Истинно-православных”»*¹⁶⁰ — и отмечено, что «частичная ликвидация» этого центра была проведена в 1929–30 годах. Имелось в виду первое групповое дело, по которому были арестованы архиепископ Димитрий (Любимов) и другие клирики и миряне.

В январе 1931 года к следствию по делу были привлечены клирики церкви села Лебяжье, иерей Иван Лебедев и диакон Андрей Драгунов, клирики со станции Вырица — Пафнутий Акиншин и Георгий Преображенский, клирики из Стрельнинской церкви: Варсис Виноградов и Никифор Стефанов, а также служивший в разных иосифлянских храмах архимандрит Александр (Пляшкевич), прибывший из Ростова

¹⁵⁹ Интересно отметить, что среди освобожденных были диакон Кирилл Иванов, служивший с отцом Викторином Добронравовым, и священник Василий Вишневский, служивший с епископом Сергием в приходе Прмч. Андрея Критского на Володарке, но перешедший к сергианам.

¹⁶⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 3. Далее цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

по приглашению епископа Сергия. 22 апреля 1931 года проведены последние аресты — в ДПЗ на Шпалерную были доставлены настоятель Александро-Невской церкви в Тайцах иеромонах Никодим (Лаврешов) и еще большая группа иосифлянских, по выражению чекистов, «бесприходных и бродячих попов», а также монахов и мирян из разных социальных слоев. Все они обвинялись как «участники контрреволюционной монархической церковной организации “Истинно-православные”». Целью этой организации, как утверждало следствие, было следующее:

«Организация, состоящая из светских и церковных лиц, ставила своей задачей решительную борьбу с Сов. властью с целью ее свержения и восстановления монархического строя.»

История организации излагалась по стандартному образцу. Приведем выдержки из «Обвинительного заключения»:

«Борьба против Соввласти со стороны Православной Церкви с начала Октябрьской революции нашла прежде всего свое отражение на деятельности церковного Собора 1917—18 годов. Контрреволюционные силы пытались еще на Поместном Соборе использовать Церковь в борьбе с пролетарской революцией.»

На избранного на Соборе Патриарха к.-р. церковники смотрели не только как на главу Церкви, как на церковный центр, но и как на главу нации, пытаясь под знаменем патриаршества объединить к.-р. силы.

Эта борьба сказалась в первый период деятельности Патриарха Тихона и особенно в период изъятия церковных ценностей в 1921—22 годах.

Внутри так называемой “Тихоновской” Церкви сохранились наиболее непримиримо настроенные к Соввласти круги мирян, духовенства и иерархов, монархистов по убеждениям и связанных с к.-р. монархическими организациями, которые пытались и после покаяния

и осуждения Патриархом Тихоном своей к.-р. деятельности сохранить прежнее к.-р. направление церковной политики, не мирились с происшедшей социальной революцией и пытались толкнуть Церковь на путь борьбы с Соввластью.

Одной из таких влиятельных церковно-монархических групп являлась часть ленинградского духовенства и мирян, объединенных вокруг собора Воскресения на Крови, который в период времени 1923–27 годов приобретает в Ленинграде значение центра самого крайнего, реакционного направления среди духовенства “Тихоновской” ориентации.

Еще до возникновения организации “Истинно-православных” группа пыталась сдвинуть в настроении части духовенства Ленинграда в духе идей, выраженных митр. Сергием в его Декларации 1927 года, возвратиться на контрреволюционную “Тихоновскую” платформу. Один из видных впоследствии деятелей организации священник ВЕРЮЖСКИЙ, занимавший в группировке руководящее положение, пытался единоличной поездкой в 1926 году к митр. Сергию добиться назначения в Ленинград митр. Иосифа (ПЕТРОВЫХ), как одного из реакционнейших иерархов. Предполагалось, что митр. Иосиф в Ленинграде сыграет роль преграды прогрессивным настроениям духовенства.

Выступление митр. Сергия с его Декларацией (1927 г.) послужило только толчком к отколу от него и от возглавляемой им Церкви этой наиболее непримиримой, агрессивно-антисоветски настроенной части иерархов, духовенства и мирян и к ее последующему оформлению в виде к.-р. монархической организации церковников “Истинно-православных”.

Из упоминаемой выше группы ленинградского духовенства сложился вскоре церковно-административный центр организации, так как в Ленинграде, в кафедральном соборе Воскресения на Крови имели место своего пребывания временно митр. Иосиф и постоянно архиепископ Димитрий ЛЮБИМОВ, епископы Сергей ДРУЖИНИН и Василий ДОКТОРОВ — церковные вожди к.-р. организации “Истинного православия”».

Интересно отметить, что *«история возникновения организации»* почти дословно совпадает с текстом *«Обвинительного заключения»* по центральному делу *«Всесоюзной контрреволюционной монархической организации “Истинно-православная Церковь”»*, которое в это же время разрабатывалось в Москве. По этому центральному делу были привлечены к следствию митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Димитрий (Любимов), епископ Алексей (Буй), киевский священник-иосифлянин Анатолий Жураковский, ряд московских священников и активных мирян из научной интеллигенции. Одну из ведущих ролей в этой организации чекисты отводили М. А. Новоселову, являвшемуся, по их определению, *«одним из идеологов и организаторов движения “истинно-православных”»* и создателем политического центра организации в Москве, а затем и церковно-административного центра в Ленинграде:

«В Ленинграде НОВОСЕЛОВ вступает в тесную связь с группировкой “Тихоновцев”, объединяемых храмом Воскресения на Крови”, подчиняет своему влиянию наиболее агрессивно-антисоветски настроенных представителей этой группировки, убеждает их встать на путь нового к.-р. выступления под флагом Церкви и “духовного” возглавления к.-р. монархической организации церковников “истинно-православных”».

Приводимая далее в *«Обвинительном заключении»* по Ленинградскому делу характеристика основных руководителей церковно-административного центра также дословно повторяется позднее в материалах центрального дела:

«Руководители московского политического центра создали в Ленинграде влиятельный, спаянный общей ненавистью к Соввласти и готовый к борьбе за восстановление самодержавия церковно-административный центр организации “Истинно-православных”».

Вставшие во главе этого церковного центра иерархи являлись мажорными монархистами: митроп. Иосиф (ПЕТРОВЫХ), чьи церковно-политические взгляды ярко выражены в изданном им дневнике "В объятиях отчих", напоминающем творения Иоанна Кронштадтского, церковного апологета монархизма; архиеп. Дмитрий (ЛЮБИМОВ), по показаниям самих обвиняемых, чтитель Иоанна Кронштадтского и его идеалов "Св. Руси", православия и самодержавия; епископ Сергей (ДРУЖИНИН), бывший настоятель Сергиевой, придворной пустыни, бывший духовник в течение восемнадцати лет семьи Великого князя Константина Константиновича и королевы эллинов Ольги Константиновны — человек, преданный престолу и ненавидящий большевиков за расстрел царской семьи, и епископ Василий (ДОКТОРОВ), такой же монархист по убеждениям.

Остальной руководящий состав церковно-административного центра состоял из бывшего петербургского духовенства, приверженцев славянофильских идей и заложенных в их основах — самодержавия и православия».

Очевидно, что при составлении «Обвинительного заключения» следствие использовало главным образом рукописные признания протоиереев Василия Верюжского и Никифора Стрельникова. Причем, помимо того, что их показания постоянно цитировались дословно, некоторые фразы из показаний протоиерея Василия приводились без кавычек в основном тексте документа. По свидетельству Валентины Ждан, следователь как-то сказал ей во время допроса: «Из всего привлекаемого по вашему делу духовенства только один Василий Верюжский еще может быть полезен»¹⁶¹. А о методах работы следствия заметил: «В каждом групповом процессе следователи ОГПУ сначала изучают всех привлекаемых по данному делу, на-

¹⁶¹ Валентина Яснопольская. Указ. соч. С. 535.

щупывая слабое звено, потом ударяют по этому звену, и тогда вся цепь рассыпается»¹⁶².

Валентина предполагала, что из всех привлекавшихся по делу сочли таким слабым звеном ее, и поэтому первый удар на нее и направили. Молодая двадцатипятилетняя девушка окончила экономический институт, изучала Маркса, жила в «главном штабе», как называлась у следователей квартира протоиерея Феодора Андреева, в Ленинград приехала из Киева, где у нее были связи с общиной протоиерея Анатолия Жураковского. Но, очевидно, не только она была «слабым звеном».

Следствию нужны были показания, подтверждающие основные обвинения в антисоветской контрреволюционной деятельности организации, и от обвиняемых требовали написать «роман» под названием *«Монархическая контрреволюционная организация “Иосифляне”»*.

«Надо было написать, как собирались представители духовенства и интеллигенции, планировавшие реставрировать монархию, как готовились они пригласить из-за границы членов или родственников бывшей царской семьи. Следователь поучал меня: “Представьте себе, что на белом коне, под звон колоколов въезжает в Ленинград какой-нибудь Кириллович или Владимирович. Так вот, я не говорю о тех, кто будет организовывать их приезд или встречать их, — это явная контрреволюция; ни о тех, кто побоятся встречать, но будет радоваться их появлению, сидя дома, — это тоже контрреволюция; но даже тех, кто не будет ни радоваться, ни встречать, но не выйдет, чтобы не допустить такого въезда, — политически грамотно в данный момент назвать контрреволюционерами”.

Исходя из таких соображений, создавались искусственные процессы с целью уничтожения духовенства, аристократии, интеллигенции — истинных носителей духовной культуры русского народа...».

¹⁶² Валентина Яснопольская. Указ. соч. С. 535.

«На все мои отказы от написания требуемого “романа”, следователь грозил: “Мы вас штурмом возьмем”. И начался штурм. Вызывали каждую ночь, иногда по несколько раз. Требовали подтверждения диктуемых показаний. Тяжело вспоминать. Хочу только сказать, что нельзя осуждать людей, которые выдают друзей, клеветают на себя. В застенке меняется психика. А ведь я была “молодежь”, к которой, по словам следователя, у нас “чуткое отношение”.

В то время уже арестовали моих отца и мать; шантажируя, чекисты говорили, что арестован и брат, грозя “изничтожить” его на торфяных работах. Убеждали, что судьба всех моих родных зависит от меня, и это было самое страшное. Я чувствовала, что, если они будут на этом играть, я не выдержу, но нельзя было показать, как это для меня страшно. И в один из таких моментов, когда мне говорили: “Пожалейте своих родных, они погибнут из-за вас”, я собрала все свои силы и цинично ответила: “Что мне их жалеть? Вы их взяли, вы их и жалейте”, и они отступили с родными. На себя я была готова принять все, что угодно, и говорила: “Спрашивайте обо мне, я вам все расскажу”, а мне отвечали: “О вас мы будем спрашивать у других, а вы должны дать сведения о ваших знакомых. У нас такой метод”. Требовали отказа от моих религиозных убеждений.

Я помню, в одну из таких ночей меня вели на допрос по каким-то подвалам. В здании шел ремонт. Бегали крысы. А я думала: лучше бы были пытки, тогда в физических страданиях можно было бы забыть о моральных муках, вызванных угрозами родным и чтением убийственных показаний друзей. Возвращаясь в камеру, я не в силах была добраться до кровати и падала на каменный пол. Моя соседка Ольга Степановна¹⁶³ всегда дожидалась меня и нежно уговаривала: “Ушат крови тех людей, которых вы защищаете или не хотите назвать, не стоит одной вашей слезы”. Вот ее любимая присказка: “Апостол Петр отрекся, а потом покаялся и был принят. Вы можете уступить им, отказаться от своих убеждений, а потом покаяться. Вы что,

¹⁶³ Как выяснилось позднее, специально подсаженная к ней в камеру.

считаете себя сильнее апостола Петра? Где же ваше христианское смирение?»».

На одном из допросов следователь сказал Валентине:

«Если бы вы знали, как хорошо ваше дело улеглось в наши планы, мы сами не ожидали такого успеха. Мы не верим ни в Бога, ни в черта, и нам не нужно, чтобы за нас молились, но нам надо было изъять “лучшую”, с вашей точки зрения, и наиболее опасную для нас часть духовенства. Мы понимали, что это опасное для нас духовенство не согласится с Декларацией митрополита Сергия. Результаты превзошли все наши ожидания. Мы выполнили план на 300 процентов. Мы изъяли почти все тело Церкви, оставили только костяк. Подождем, когда он обрастет, и изыдем опять».

«Во время одной из ночных бесед следователь сказал: “Мы умеем уважать врагов. Вот епископ Сергей Дружинин прямо говорит: “Я не верю вам. Счастливой жизни на земле вы без Бога не постройте”. Вот таких врагов мы уважаем”»¹⁶⁴.

Показания владыки Сергия действительно поразительны. Следует отметить, что на первом допросе он повел себя более чем осторожно. Сразу заявил, что *«не сочувствовал»* тому, что *«иосифо-дмитриевская организация»* превратилась в антисоветскую, и что не отходил от нее только в силу *«своей личной привязанности к епископу Димитрию и митрополиту Иосифу»* и по каноническим причинам. При этом признал, что вначале все входящие в организацию говорили о расхождении с митрополитом Сергием по каноническим причинам, а впоследствии *«уже обвинения шли в том, что он, Сергей, приспосабливается к Советской власти, власти безбожной, с которой надо всячески бороться, а не приспосабливаться к ней»*.

¹⁶⁴ Валентина Яснопольская. Указ. соч. С. 530–531; 535.

Однако спустя полтора месяца епископ Сергей не стал скрывать, что и сам разделяет подобные умонастроения. На допросе 17 февраля 1931 года владыка прямо заявил:

«Причинами, побудившими меня примкнуть к организации “истинно-православных”, возглавляемых митроп. Иосифом Петровых, явились мои взгляды в оценке политики Сов. власти по церковному вопросу. Оговариваюсь, что “истинно-православными” или защитниками истинного православия называли сами себя лица, примкнувшие к этой наиболее непримиримой церковной группировке. Я считал, что Церковь Советская власть стремится уничтожить, разрушает и издевается над святынями и что сама Православная Церковь не может оставаться безучастным зрителем всех этих мероприятий со стороны Сов. власти, а скорбит и должна бороться за свое существование. Однако сразу же после выступления группы иерархов Церкви против митрополита Сергея Нижегородского я не примкнул к ним, т. к. смалодушествовал».

Здесь, вероятно, владыка Сергей имел в виду свое колебание после запрета его в священнослужении Синодом митрополита Сергея 17/30 декабря 1927 года.

«После этого некоторые лица, как, например, св. Феодор Андреев, св. Василий Верюжский, архиепископ Димитрий Любимов, зная мое прошлое, мои взгляды, твердость в вере и православии, уговорили меня примкнуть к этой новой оппозиции. В этих беседах со мной означенные лица высказывали мне точку зрения “истинно-православных” на положение Церкви, взаимоотношение Церкви и Сов. власти и перспективы развития православия. Помню, что св. Феодор Андреев, отличавшийся большими познаниями в богословских науках и своим непримиримым отношением к Сов. власти, говорил, что Сов. власть является властью безбожной, разрушающей храмы и оскверняющей святыни, что Церковь не может стоять в

стороне от политики, а должна бороться с Сов. властью. Законной же властью, по словам Ф. Андреева, является та власть, которая стояла на защите православия, т. е. царская власть. Преосв. Димитрий (Любимов) внушал мне мысль “стоять в правоте Православной Церкви”, отвергал Сов. власть как власть безбожную, сатанинскую, с которой необходимо Православной Церкви бороться, и придерживался тех же взглядов, что и св. Андреев в вопросе о законной власти, т. е. считал понятия “Православие и Русь” неотделимыми, и законной властью может быть только царская власть. Аналогичных взглядов придерживался и св. В. Верюжский, который со мной еще беседовал о “неканоничности” поведения митроп. Сергия. В результате этих уговоров и по собственному убеждению я примкнул к организации “истинно-православных” в конце 1927 года»¹⁶⁵.

На другом допросе спустя неделю владыка Сергей добавил:

«К “истинно-православным” я примкнул сознательно и вот почему: Советская власть безбожная, а раз она безбожная, она недолго просуществует. Поддерживать безбожную власть — это стать самому безбожником. Митрополит Сергей в своей декларации поддерживал Советскую власть и повел Церковь Христову по ложному пути на погибель. Нужно было как-то спасти Православную Церковь, и я после нескольких бесед с архиепископом Димитрием (Любимовым), священниками Никитиным, Верюжским, умершим Андреевым сознательно перешел к этой группе духовенства, чтобы вместе с ними встать на защиту истинного православия и, если потребуется, — умереть.

Истинное православие может существовать только при монархе. Только он один может восстановить мир и любовь, только монархический строй может

¹⁶⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Далее цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

восстановить порядок в разоренной России и возможность Церкви процветать на погибель всех гонителей Православной Церкви. Своих убеждений я не скрывал и старался в этом духе воспитывать верующих».

Можно представить, как удивляли и вместе с тем радовали следователей подобные откровенные заявления. Владыка не писал «роман», а просто высказывал свои убеждения, но они как нельзя лучше укладывались в чекистский сюжет «контрреволюционной монархической организации». Недаром в «Обвинительном заключении» подчеркивалось, что «о политическом лице организации достаточно исчерпывающе говорят сами обвиняемые», и далее дословно приводились показания епископа Сергия. Более того, владыка как будто специально давал повод для обвинений. Так, на упомянутом допросе 23 февраля 1931 года он добавляет:

«Будучи несколько лет духовником Великих князей (Константиновичей), я питал себя уверенностью, что с гибелью Советской власти я буду опять духовником оставшихся в живых Константиновичей. Года три тому назад я получил от Гавриила Константиновича из-за границы поклон. Поклон он передал через одного певчего церкви Воскресения на Крови, который ездил за границу вместе с капеллой. Не отрицаю того, что, говоря о скорой гибели Советской власти, я говорил своим духовным чадам: "Терпеть осталось недолго, вернется время, когда мы вновь будем разъезжать на царских автомобилях".

Листки о пришествии антихриста я действительно давал читать, раздавая, я говорил, что настали времена гонений на веру православную, что переживаемое нами время — время гонений и антихриста. Листки эти сохранились старого дореволюционного издания у меня среди книг».

Казалось бы, к чему так откровенничать с заклятыми врагами? Не лучше ли было скрыть свои взгляды?

ды и тем самым избежать обвинения в политических преступлениях? Но владыка Сергей, вероятно, понимал, что бесполезно доказывать свою аполитичность или лояльность к безбожной власти, для которой само существование верующих людей, и тем более священнослужителей, уже являлось яркой контрреволюцией, то есть политическим преступлением. Возможно, в преодолении своей осторожности на первом допросе, которую владыка мог расценивать как проявление «малодушия» пред богоборцами, он решил не кривить душой и говорить им все, что он о них думает. Особенно примечателен допрос владыки 3 марта 1931 года¹⁶⁶.

«Будучи 20 лет духовником Великих князей, я был целиком предан им. Государя я считал и считаю помазанником Божиим, который всегда был с нами, с нами молился и вместе с нами вел борьбу с хулиателями Церкви.

За его убийство, за убийство наследника я ненавижу большевиков и считаю их извергами рода человеческого. За кровь помазанника Божьего большевики ответят.

За все то, что большевики совершили и продолжают совершать, за расстрелы духовенства и преданных Церкви Христовой, за разрушение Церкви, за тысячи погубленных сынов Отечества большевики ответят, и русский православный народ им не простит. Я считаю, что у власти в настоящее время собрались со всего мира гонители веры Христовой.

Русский православный народ изнывает под тяжестью и гонениями этой власти.

Стремление Советской власти посредством коллективизации, устройства колхозов спасти свое положение не пройдет. Крестьянство политикой Совласти недобольно. О настроениях крестьянства я знал от приезжающего в Ленинград духовенства для посвящений.

¹⁶⁶ На первой странице протокола допроса в верхнем углу сделана приписка: «Несколько последних протоколов (наиболее интересных) переслать в Москву т. Тучкову».

В наши задачи входила обязанность разъяснять верующим, что Советская власть, как власть безбожная, недолго просуществует. Я и мои единомышленники считали, что истинное православие чрез Церковь приведет разоряемую большевиками <Россию> к нашей победе, к победе над врагами и гонителями веры православной».

На последних допросах владыка Сергей подробно рассказывал свою биографию, также не скрывая свои симпатии к Великим князьям и императору Николаю II. Он подчеркивал, что *«факт отречения государя встретил с огромным сожалением, скорбя за помазанника Божьего»*. Также и в отношении Октябрьской революции он прямо заявил:

«Я воспринял ее как тягчайшее бедствие для страны, означающее безвозвратную гибель прежней России. Со всеми антисоветскими выступлениями Поместного Церковного Собора 17–18 гг. и Московской патриархии я был солидарен. В момент изъятия церковных ценностей я стал на позиции Патриарха Тихона и считал, что достояние церковное должно быть нерушимо и изъятие церковных ценностей явилось актом грубого насилия и произвола со стороны Соввласти.

Мне жаль было Тихона за его раскаяние пред Соввластью, и я считал, что Тихон проявил больше уступчивости, чем полагалось. Я считаю, что если бы после смерти Тихона был созван второй Поместный Собор в целях избрания нового Патриарха, то этот собор, как и собор 1917–18 гг., должен был бы заявить во всеуслышание, что Церковь Православная Советскую власть не намерена признавать, как власть безбожную».

Подобное неприятие безбожной власти, конечно же, ею расценивалось как тягчайшее преступление. И хотя по законам (даже советским) наказывались не настроения, а конкретные практические действия, тем не менее епископ Сергей был обвинен как опас-

ный политический преступник, а «конкретные действия» были по обыкновению выдуманы и приписаны. Из церковных общин и приходов чекисты умело создавали «повстанческие контрреволюционные организации».

В «Обвинительном заключении» по делу епископ Сергей охарактеризован как один из основных руководителей организации «истинно-православных» (конечно же, его имя следует первым по списку). Он и епископ Василий Докторов, а также протоиереи Никифор Стрельников и Викторин Добронравов обвинялись в том, что, *«являясь членами к.-р. монархической церковной организации “Истинных”, под руководством политического центра создали в Ленинграде церковно-административный центр, группируя вокруг себя все реакционные силы духовенства и враждебно настроенный к Соввласти элемент города и деревни, и руководили деятельностью отделений и ячеек на территории Союза ССР»*. Причем следствием особо отмечалось, что они *«формировали ячейки-приходы из погромно-черносотенного монархического элемента с целью подготовки к открытому выступлению против Соввласти, свержения ее и восстановления монархии»*.

8 октября 1931 года всем обвиняемым был вынесен приговор. Епископы Сергей и Василий были приговорены к пяти годам тюремного заключения, протоиереи Никифор и Викторин — к десяти годам концлагеря, тринадцать священников¹⁶⁷ вместе с монахом Алексием (Карцевым) и двумя активными членами «двадцатки» — к пяти годам концлагеря, три-

¹⁶⁷ Никольский Сергей Владимирович, Экало Иван Федорович, Пронин Василий Михайлович, Кратиров Димитрий Димитриевич, Шеляпин Алексей Васильевич, Тулин Василий Федорович, Боголюбов Сергей Ильич, Савинский Константин Сафронович (игумен Клавдий), Романюк Федор Филиппович, Кибардин Алексей Алексеевич, Сафонов Георгий Капитонович.

дцать семь человек — к трем годам концлагеря, остальные семнадцать — к 3–5 годам высылки в Северный край. Владыка Сергей вместе с епископом Василием были отправлены в Ярославский политический изолятор, куда прибыли 7 декабря 1931 года.

В каких условиях содержался владыка в этой тюрьме, неизвестно. Не сохранилось никаких свидетельств, кроме приобщенных к материалам следственного дела кратких служебных записок и запроса гражданки Матрены Ивановны Степановой от 11 апреля 1932 года, в котором она *«покорнейше просит дать справочку о местонахождении епископа Сергия»*. Еще ранее, 3 мая 1931 года, Матрена Ивановна обращалась за помощью в Политический Красный Крест к Екатерине Павловне Пешковой и просила сообщить о местонахождении владыки, который содержался ранее в тюремном лазарете и был выслан из Ленинграда 29 ноября 1931 года. Матрена Ивановна писала:

«Сказали, что владыку в Ярославль отправили, куда я немедленно и поехала, но там его не оказалось, потом посоветовали поехать мне в Свердловск, но туда не было возможности ехать, да еще, наверное, неизвестно, там ли он? И вот до сих пор, к моему великому прискорбию, я ничего не знаю про него, даже возможно, что он, бедный, уже не жив, так как он все время тяжело болел. Как я была бы благодарна Вам, если бы Вы навели насчет него справочку и немедленно мне сообщили, жив ли он и что с ним, бедным, случилось? Даже если бы Вы сообщили мне очень грустную весть про него, я была бы Вам за все очень признательна, очень тяжело находиться в полной неизвестности насчет него. Простите, что я осмелилась Вас беспокоить своей просьбой (нас много, а вы одна). Вся надежда на Вас. Буду с нетерпением ожидать ответа по адресу: Ленинград, улица 3 июля, д. 8, кв. 21. Матрене Ивановне Степановой.

По неграмотности Матрены Ивановны Степановой написалась А. Федорова»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 796. Л. 219.

20 июня 1932 года Матрене Ивановне ответили, что епископ Сергей Дружинин содержится в Ярославском политизоляторе. Самоотверженная женщина, вероятно, сразу же выехала туда в надежде свидеться с владыкой, а потом отправляла ему посылки, за что и сама вскоре пострадала: ее арестовали и выслали на три года в Казахстан¹⁶⁹. Получал ли владыка посылки после этого, неизвестно. Возможно, что еще оставались на свободе его духовные чада, которые продолжали ему помогать, подвергаясь риску в любой момент быть арестованными.

В январе 1935 года епископ Сергей был отправлен в Москву в Бутырский изолятор для помещения в больницу. В приобщенной к делу справке из санчасти Бутырского изолятора НКВД указано, что владыка поступил в больницу 22 января 1935 года с жалобами на головные боли и головокружение. По поставленной медкомиссией диагнозу было принято заключение: «По состоянию здоровья нуждается в больничном лечении в течение месяца». В апреле 1935 года владыка

¹⁶⁹ В конце 1933 года Матрена Ивановна Степанова направляет в ПКК заявление, вернее, мольбу о помощи. Она сообщает, что ей присудили три года высылки, которые она «не заслуживает, потому что с Дружининым С. П. никакой связи не имела, а лишь только помогала ему как он человек очень старый и беспомощный, и что у него нет никого, так что я уделяла от своих детей и посылала ему». Матрена Ивановна просит Е. П. Пешкову помочь, так как двое ее несовершеннолетних детей остаются совсем без присмотра и средств к существованию. Муж Матрены Ивановны умер в мае 1933 года, и она одна работала, чтобы прокормить детей. «Екатерина Павловна, — пишет она, — Вы сами посудите, какие могут быть у меня деньги. И вот ОГПУ меня посылает, и чтобы я ехала на свои деньги, и вот я должна к 7 января 1934 года выехать из Ленинграда. Я тогда должна с детей снять последние пальтишки и кое-какие вещи, лишь бы собрать денег на дорогу. И если Екатерина Павловна, если можете, то я Вас очень прошу помочь моему горю. Как только получите мое письмо, дайте ответ, как можно скорее, потому что я 7-го должна уже покинуть своих детей». ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1233. Л. 93–94 об.

Сергий был возвращен в Ярославский политизолятор. 7 декабря 1935 года кончался его пятилетний срок тюремного заключения. Примечательна характеристика владыки, подписанная начальником политизолятора 15 сентября 1935 года:

«За время пребывания Дружинина в Ярославском политизоляторе, за таковым ничего предосудительного установлено не было, его поведение было в политизоляторе удовлетворительное, это объясняется весьма возможно тем, что Дружинин слаб здоровьем».

Однако немощного, больного старика не отпустили на свободу. 7 октября 1935 года Особое Совецание при НКВД СССР постановило отправить епископа Сергия в ссылку в Марийскую автономную область.

Последние годы

Владыку отправили с первым отходящим этапом в город Йошкар-Олу в распоряжение Управления НКВД Марийской автономной области. Можно представить, что значило это для сердечника после пятилетнего тюремного заключения. Этап — часть наказания. Толпа заключенных под строгим конвоем либо пешком гонится к поезду, либо доставляется в «воронках», битком набитых, где люди стоят, плотно прижатые друг к другу¹⁷⁰. Потом их грузят в так назы-

¹⁷⁰ В. Д. Пришвина, осужденная по «делу ИПЦ» в 1932 году в Москве, писала в своих воспоминаниях: «Нас грузят в “черного ворона”. Мужчин — в отдельные без окон кабины, женщины стоят, плотно прижавшись друг к другу. На улице — сияющий жаркий день, мы видим его в узкие зарешеченные щели. Черная машина долго стоит на солнце, прежде чем тронуться в путь, может быть, умышленно ее накаляют, становится нечем дышать. Екатерине Павловне дурно, у нее большое сердце. Она теряет сознание, но так плотно зажата между нами, что не падает, и масса наших тел

ваемые “столыпинские” вагоны с зарешеченными окнами, типа купейных, только без дверей, вместо них решетки. Людей набивают плотно, так что они сидят или лежат впрытык друг к другу¹⁷¹. И здесь все вместе, и уголовники, и политические. Духота, грязь, долгий путь с бесконечными остановками и стоянками на путях, пересыльные тюрьмы, в которых заключенных перегоняют с поезда, — как правило, выгрузив из вагонов, велят во избежание побегов опуститься на землю в грязь, пересчитывают, ведут к тюрьме. Так до места назначения доставляли неделями. Конечно, от Ярославля до Йошкар-Олы расстояние было невелико (все-таки не в Сибирь везли). Но и здесь этап должен был следовать не один день.

придерживает ее на весу... Наконец машина трогается. В низко расположенные щели я вижу мелькающие тротуары, между ними иногда зеленую траву, идут бесчисленные ноги — женские, мужские, ноги свободных счастливых людей. Но люди эти не сознают своего счастья, как совсем недавно не ценила его и я. Они не знают, что ходить и дышать свободно — вот все, что надо для человека! Я должна это помнить, если только ко мне это счастье снова вернется!

“Ворон” останавливается. Но и тут проходят бесконечные минуты, пока открываются его двери и становится возможным дышать. “Дышать” — это первый шаг к счастью. Мы вытаскиваем Екатерину Павловну и приводим ее в чувство. Открываются кабины мужчин. Александр Васильевич <муж Пришвиной> почему-то из своей не выходит. Его выводят оттуда конвоиры, оказывается, он тоже потерял сознание от духоты. Там было еще труднее». Пришвина В. Д. Невидимый град. — М., 2002. С. 438.

¹⁷¹ Валентина Яснопольская, отправленная этапом в конце 1931 года, вспоминала: «В первое купе поместили меня и еще двух женщин — членов церковной “двадцатки”. В остальные — повели мужчин. Их было так много, что, вероятно, и сидеть им приходилось по очереди. Это были лица духовного звания. Все в священнических одеждах. Это была Петроградская Церковь. Вероятно, никто из них не вернулся. По крайней мере, из тех, кого я знала, не вернулся никто. Когда поезд тронулся, они запели Великое славословие. Но их быстро заставили замолчать». Валентина Яснопольская. Указ. соч. С. 535.

По прибытии на место приговоренных к ссылке оставляли на произвол судьбы, притом под строгим надзором властей — им объявляли, что они свободны, только обязаны еженедельно являться в местный НКВД для регистрации. Но устраиваться высланные должны были сами — искать жилье и средства к существованию. Понятно, что это было сделать нелегко, так как ссыльных боялись и не хотели принимать ни на постой, ни на работу. Так и епископ Сергей был «выгружен» в Йошкар-Оле в декабре 1935 года. Позднее он сообщал в письме в Политический Красный Крест, как ему удалось устроиться там:

«Прислали меня сюда на три года, но, видно, еще Господь ко мне милостив. Дала мне уголок одна бедная монашенка, и вот за мной она ухаживает. Я сам ничего не могу, руки мои мне служат плохо. На дороге меня всего обобрали, и я чуть не замерз без одежды теплой. Спасибо, нашлись добрые люди и проводили меня до церкви. А случайно я встретил в Казани епископа Авраамия¹⁷², который ехал в Архангельск в ссылку из этого города, и он мне дал адресат. Вот потому я и добрался, а то бы валялся где-нибудь, как замерзлый чурбан. Ну, будь на все Господня Воля»¹⁷³.

В конце письма владыка Сергей просил Е. П. Пешкову о помощи. Это было его второе письмо, первое он отправил в августе 1936 года. Оно также сохранилось в архиве ПСКК — небольшой тетрадный листочек с неровными карандашными строками, с трудом выведенными дрожащей старческой рукой:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, не забыл вашу доброту. Екатерина Павловна, к вам с просьбой, не будет ли милости вашей к безродному болящему старику.

¹⁷² Вероятно, епископ Авраамий (Чурилин), с 1931 по 1935 год на Йошкар-Олинской кафедре.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1495. Л. 84–85.

Помню вашу доброту, когда я лежал в вашей больнице, меня вы очень успокаивали, как родного сына тогда держали. Я теперь очень нуждаюсь во всем. Не будет ли милости, помогите мне,

нищий Е. Сергей Дружинин.

Помогите, если можете, пожалуйста. Просит вас нищий, все меня забыли.

г. Йошкар-Ола, ул. Волкова 94 а.
Камелиной Анне Михайловне»¹⁷⁴.

Сотрудники ПЖК ответили кратко, что за неимением средств не могут оказать материальную помощь, но сразу же сообщили Матрене Степановой в Ленинград о положении епископа. 27 августа 1936 года она ответила, что «очень огорчилась, узнав, в каком состоянии находится С. П. Дружинин», но ничего не может сделать, так как сама выслана на три года в Среднюю Азию за то, что «ему посылала посылки и ездила». Срок ее еще не окончился, но она уже находится на 101-й версте от Ленинграда, без паспорта, нигде не прописана и, по ее словам, «скитается между небом и землей». Тем не менее Матрена просила Е. П. Пешкову «ради беззащитного старика переговорить с тов. Андреевой, так как она была у него и знает его состояние» и походатайствовать перед властями, чтобы той разрешили посылать владыке Сергию посылки и деньги.

Неизвестно, получено ли было разрешение, но очевидно, что осенью 1936 года владыка продолжал пребывать в крайне тяжелом положении и потому в ноябре посылает следующее письмо Е. П. Пешковой, которое под его диктовку написал один из ссыльных стариков:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,
Будьте здоровы.

Шлю Вам свой сердечный привет и добрые пожелания, и главное, от Бога доброго здоровья и душевного спасения!

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1495. Л. 82.

Помня Вашу неописуемую добродетель, оказанную мне в гор. Москве в больнице и в Ярославле в тюрьме, я вновь решил прибегнуть к Вам с просьбой о помощи и в нескольких словах сообщаю Вам о своем несчастном положении. Нахожусь в гор. Йошкар-Оле, как административно ссыльный, живу в бедном домике двух старых монашек. Питаюсь исключительно подаванием добрых людей и при таких неблагоприятных условиях жизни все время болею; нервы расшатаны, ноги и руки болят, и плохо владею, голова от ломоты разваливается на части. Долгое время от болезни ног не мог ходить один без посторонней помощи, но теперь благодарю Бога, с палкой в руках могу по комнате пройти один.

Затем с прискорбием на душе обращаюсь к Вам как к благодетельнице с просьбой о помощи. У меня не имеется подушечки и простыни. И нуждаюсь в белье и теплой одежде. Если есть возможность, помогите мне болящему, чем премного обяжете.

Остаюсь болящий Сергей Дружинин

Ноябрь 10 дня 1936 г.

Адрес мой: Йошкар-Ола, Марийская обл. ул. Волкова, д. 94. Анне Михайловне Камелиной с передачей мне»¹⁷⁵.

Не дождавшись ответа, владыка Сергей в декабре написал еще одно письмо, на которое уже получил почтовую карточку из ПКЖ от 17 декабря 1936 года:

«В ответ на В<аше> обращение сообщаем, что оказать материальную помощь, к сожалению, мы не имеем возможности за отсутствием средств.

Е. Пешкова»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Далее ссыльный Григорий Рыбаков пишет о себе: «Настоящее письмо по просьбе болящего Сергея писал несчастный по судьбе человек Григорий Дементьевич Рыбаков, 70 лет от роду, происх. из гор. Сергача Нижегородской губернии.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, простите. Я, не зная Вас, позволяю себе беспокоить Вас, административно ссыльный, безработный, имею крайнюю нужду в белье, если имеете возможность, благоволите ссудить одной парой белья и парой носков, чем премного обяжете. Послать можно в одной посылке с Сергиевой». ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1495. Л. 88–89.

Несмотря на отрицательный ответ, сотрудники ПКК, очевидно, связались с кем-то из духовных чад владыки, и помощь ему была оказана. В феврале 1937 года из Йошкар-Олы пришло письмо от владыки Сергия:

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Денежный перевод на тридцать рублей, посланный от 2 февраля 1937 г. за № 706, получил.

Приношу искреннюю благодарность за оказанную помощь.

Остаюсь благосклонный

Е. Сергей Прохорович Дружинин.

1937, 10 февраля»¹⁷⁷.

Лишенные всех прав и самого необходимого в повседневной жизни, ссыльные не теряли присутствия духа, молились и, уповая на помощь Божию, сами становились опорой и поддержкой для окружающих. Так и немощный, едва передвигавшийся старец-епископ, доведенный властью до предела нищенского существования, продолжал свое архипастырское служение, совершал богослужения и духовно окормлял православных христиан. Это, естественно, не ускользало от «всевидающих» и «всеслышающих» органов НКВД и было тщательно зафиксировано, а затем отражено в материалах следственных дел, бережно хранящихся в ведомственном архиве. Ведь предназначались они ни много ни мало, а для... «вечности»! На многих папках следственных дел в графе «хранить» так и написано — «вечно»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1495. Л. 85.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1603. Л. 137.

¹⁷⁸ Прошедший «мясорубку» следствия по делу «антисоветской церковной организации, ставящей своей целью свержение советской власти и восстановление монархии в стране» А. П. Арцыбушев по окончании следствия получил возможность ознакомиться со всеми материалами своего дела: «Вносят двадцать томов, двадцать

Так и следственное дело № 566¹⁷⁹, начатое в Йошкар-Оле 28 июля 1937 года и законченное в рекордный срок, спустя полтора месяца, сохранило свидетельства о последних годах жизни епископа Сергия. Владыка совершал богослужения, конечно же, тайные, в доме монахини Анны Комелиной¹⁸⁰, у которой проживал. В июле 1934 года она была арестована, но позднее была освобождена под подписку о невыезде. Приведем выдержки из ее показаний на допросах 1934 года:

«Живу я сейчас в одной квартире с бывшей игуменьей монастыря Магдалиной Большаковой¹⁸¹, кроме меня с ней живут монашки Стефанида Сметанина, Антонина Шахматова»; «Магдалина живет очень плохо и питается исключительно милостыней, живет очень грязно, одежды никакой не имеет, так как, что было, продала и проела».

пухлых папок. На всех — “хранить вечно”. “Читайте, завидуйте, я гражданин — Советского Союза!” (Если бы не застрелился, то читал бы!..)»; «На одном безобидном, добром, сострадательном человеке, не имеющем и не несущем зла, а одно добро, веру и молитву, следствие накрутило двадцать душ, двадцать преступников, ставящих себе целью “свержение” и “восстановление”...»; «Следователи получали свои “гонорары” за каждую привязанную душу, ордена и кресла за “организации”, “партии” и всевозможные “подполья”, ставящие своей целью “свержение власти”. Высасывая из пальцев обвинение, строились многотомные дела с красной надписью по диагонали — “Хранить вечно”! Вот как оно, это зло, намеревается существовать — не долго, а вечно!» Арцыбушев А. П. Милосердия двери. — М., 2005. С. 188–189.

¹⁷⁹ «По обвинению Дружинина Ивана Прохоровича, епископа Сергия, Пойдо Харитона Ивановича, Комелиной Анны Михайловны и других в числе 19 человек». Ныне в Государственном архиве Марий Эл. ГА РМЭ. Ф. Р-1086. Оп. 7. Д. 909. Далее, кроме отмеченных особо, цитаты из этого дела.

¹⁸⁰ Комелина Анна Михайловна, родилась в 1887. С 1906 — насельница Богородице-Сергиева монастыря, с 1918 после его закрытия проживала в Йошкар-Оле, работала в качестве прислуги и сторожихи.

¹⁸¹ Игуменья Магдалина, в миру Евдокия Архиповна Большакова, родилась в 1850. Приняла монашеский постриг с именем Магдалина. С 1900 — настоятельница Богородице-Сергиева монастыря. С 1921 после закрытия монастыря проживала в Йошкар-Оле.

Судьбы игуменьи Магдалины и монахини Стефаниды неизвестны, что касается Антонины Шахматовой, то в 1937 году она проживала в том же доме и была арестована вместе с монахиней Анной, и также проходила по делу владыки Сергия, как одна из активнейших участниц его «к.-р. группы». Кроме Анны и Антонины в богослужениях принимали участие и другие монахини, проживавшие в Йошкар-Оле, а также и крестьяне из ближних деревень. Конечно же, эти богослужения рассматривались властями как собрания «контрреволюционеров». Подробные сведения о них в соответствующем стиле изложены в свидетельских показаниях священника Семеновской церкви:

«Дружинин Сергей с первого времени нахождения в политической ссылке в г. Йошкар-Ола окружил себя наиболее реакционной частью духовенства и монашествующих — церковно-сектантским элементом и, начиная с 1935 года по настоящее время, ведет активную к.-р. организационно-практическую работу по сколачиванию и объединению к.-р. групп церковников, последователей ИПЦ, используя для этого свой прошлый "авторитет" епископа, духовника дома Романовых... Проживая в гор. Йошкар-Ола у монахини Комелиной Анны Мих<айловны>, Дружинин Сергей систематически в ее доме по улице Волкова, 94 собирает и проводит к.-р. нелегальные сборища».

Далее свидетель перечислял участников «нелегальных молитвенных сборищ», состоявшихся 14 и 19 января 1937 года: епископ Сергей, монахини Анна Комелина и Антонина Шахматова, жившие по соседству¹⁸² монахини Вера Бахтина и Устиния Бажнина, верующие Мария Портных¹⁸³, Ирина Зиновьева, Анна Ямщикова, Екатерина Шарикова, крестьянка Мария Булыгина.

¹⁸² Проживавшие по адресу: ул. Волкова, дома 93 и 93 а.

¹⁸³ Проживавшая по адресу: ул. Волкова, дом 74.

«На этих обоих к.-р. сборищах проводились богослужения, т. е. “всенощная”, после богослужения среди участников велся к.-р. разговор о непримиримости к Сов. власти. И особенно к этому призывал Сергей Дружинин, который ставил вопрос перед присутствующими о необходимости разъяснить это среди верующих».

Свидетель подробно рассказал и о связях епископа Сергия с другими «контрреволюционными» группами:

«Дружинин Сергей связался со всеми периферийными к.-р. группами ИПЦ на территории МАССР и Кировской области и, используя свой сан епископа и ссыльно-го “мученика” от Сов. власти, взял периферийные к.-р. группы под свое руководство и примерно с начала 1936 года руководит ими чрез бродячее духовенство попов, монахов и других служителей культа».

Далее свидетель перечисляет эти «периферийные к.-р. группы “ИПЦ”» и называет их руководителей:

Табашинская и Макманурская группа в Оршанском районе — священники Николай Виноградов и Харитон Пойдо;

Шабашинская и Гаринская группа в Ронгинском районе — священник-нелегал Владимир Попов;

Козьмодемьянская группа — епископ Иларион (Бельский);

Цибикнурская группа — мирянин Осип Петров;

Ежовская группа — иеромонах Малх;

Кучкинская группа в Кировской области — иеромонах Иннокентий.

А затем свидетель дает очень важные для следствия показания против владыки Сергия:

«Перечисленные выше к.-р. группы, начиная с 1935 года, систематически вплоть до последнего времени имеют связь с Дружининым Сергием, и при мне лично неоднократно им инструктировались в к.-р. духе, в духе неприми-

римой борьбы с Сов. властью, как властью “сатаны и антихриста”.

Всем своим приближенным Сергей Дружинин дает прямые установки не ходить в колхоз, не платить государственные налоги, отказываться от всякой помощи “антихристовой” Сов. власти и при этом всячески оскорблять т. Ленина и других руководителей партии и правительства).

«Для более широкой популяризации своей “святости” Дружинин Сергей часто фотографируется и эти свои фотографии рассылает по знакомым в Ленинград, Кировскую обл., в Ижевск и здесь в МАССР».

Переписка, изъятая при обыске у епископа Сергея, действительно свидетельствовала о его связях и с петроградской паствой, и с другими общинами. В числе первых в следственном деле — письмо бывшего старосты Федоровского собора в Царском Селе Ивана Кирилловича Корнилова. Будучи сосланным в Архангельск, он пишет владыке, что узнал о его положении случайно от епископа Авраамия, и просит владыку сообщить свой точный адрес его жене в Детское Село и написать, что нужно ему выслать. Письмо это Иван Кириллович передал с иеромонахом Малхом, с которым они жили на одной квартире в Архангельске.

В апреле 1936 года к владыке приезжала Екатерина Киселева¹⁸⁴, она была задержана во время обыска 27 апреля и на допросе показала:

«Я прибыла из г. Ленинграда в г. Йошкар-Ола 16 апреля 1936 года для того, чтобы навестить ссыльного епископа Сергея Прокопьевича¹⁸⁵ Дружинина, последний проживает на квартире у Комелиной Анны по ул. Волкова 94, поэтому я у нее и остановилась. Сегодня хотела уехать, но по случаю обыска в квартире Комелиной я от поездки отказалась».

¹⁸⁴ Киселева Екатерина Аверьяновна, родилась в 1867. Проживала в Ленинграде, по адресу: ул. Кирочная, дом 48, кв. 2.

¹⁸⁵ На самом деле — Прохоровича.

«Считая Сергия Дружинина своим духовным отцом, и, <так как> он находился в заключении в г. Ярославле, то я поддерживала с ним письменную связь, потом в конце 1935 года из г. Ярославля его, Сергия, выслали, но куда, я не знала, поэтому была вынуждена обратиться в г. Москву в Красный Крест, откуда некая Пешкова, руководительница Красного Креста, известила, что Сергей Дружинин выслан в гор. Йошкар-Ола, где проживает. Зная, что еп. Сергей имеет престарелый возраст, я решила его посетить в г. Йошкар-Ола. К Сергию меня никто не делегировал, я приехала по своему желанию».

Очевидно, в это же время из Ленинграда некая Евдокия прислала владыке антиминос и облачение. В письме она просила: «Как-нибудь сохраните, чтобы не попало в руки врагов». Она посылала материал на ватные штаны и на подкладку и писала, что не знала размер, что если некому будет сшить, «то пошлите с мерками материал обратно, здесь сошью».

К епископу Сергию приезжали священники и монашествующие из разных районов Марийской АССР и Кировской области. Они обращались за благословением и руководством, присылали помощь. Вот, например, конверт с короткой запиской:

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Сергию
Прошу Вашего благословения,
греш. Иннокентий
Посылаю 10 р. и 2 просфоры
Помолитесь
Иннокентий».

Из поселка Беляевское Кикнурского района Кировского края владыке пишет Михаил Яковлевич Демаков, который подписывается как «любящий духовный сын». Он передает владыке приветствия от некоего батюшки Филарета, схимонахини Серафимы и ее послушницы Наталии, которые посылают владыке

пять рублей, а также сообщает, что «батюшка устроился и просит Вас, если можно, пошлите, о чем он Вас просил, а когда кто от Вас пойдет к нам, то сначала зайдет ко мне».

Иерей Александр Тумбасов в письме спрашивает владыку, может ли он совершить литургию и отпевание своей матери с согласия местного священника в «сергиевском» храме, при этом не допуская этого священника до службы с ним:

«Если Вы благословите так, то прошу Вас, Ваше Преосвященство, на этом же письме написать только “благословляется”. Я об этом никому не скажу, как будто сам так выдумал, но все же я тогда буду спокоен, что совершил все сам. Земно Вам кланяюсь, Ваш нижайший послушник иерей Александр Тумбасов».

Владыка ставит свою резолюцию: «Благословение Божие посылаю на Вас».

С владыкой Сергием общался и епископ Иларион (Бельский), проживавший в ссылке в Козьмодемьянске. Это был один из непримиримых противников Декларации митрополита Сергия. Во время пребывания в Соловецком лагере в 1928–1931 годах он участвовал в тайных богослужениях с иосифлянскими архиереями. После освобождения из лагеря в конце 1933 года поселился в Козьмодемьянске. В следственных показаниях арестованных по групповому делу есть упоминание о том, что епископ Иларион приезжал к епископу Сергию летом 1937 года. 24 августа 1937 года владыка Иларион был арестован в Козьмодемьянске и через четыре дня приговорен к расстрелу. 31 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение¹⁸⁶.

Упомянутый выше свидетель, священник Семёновской церкви, давший нужные следствию показа-

¹⁸⁶ См. подробнее об епископе Иларии (Бельском) ниже в отдельной главе.

ния, привел также слова одного христианина Митрофана Нестерова¹⁸⁷: «У нас в Козьмодемьянске и Йошкар-Оле есть епископы Сергей Дружинин и Иларион Бельский, они нами руководят, они ставят новых священников». А также и слова Марии Булыгиной¹⁸⁸: «У нас есть хорошие люди, это Дружинин Сергей, ссыльный, Харитон Пойдо и епископ Иларион Бельский, которые не советуют идти в колхоз, говорят, что он создан антихристом, и я верю, что идти в колхоз, это значит соединиться с сатаной». В показаниях от 21 августа 1937 года свидетель показал:

«Квартира Булыгиной за последние годы превратилась в штаб-квартиру для беглого, скрывающегося от репрессий духовенства. У нее часто бывают беглые попы Харитон Пойдо и Владимир Попов, которые, бывая у Булыгиной, проводят нелегально в ее доме молитвенные сборища, на которых собираются монашки города Йошкар-Ола, названные мною в предыдущих показаниях, и на этих собраниях ведутся к.-р. разговоры».

Очевидно, за домом Булыгиной была установлена слежка, и 28 августа 1937 года здесь были арестованы сама хозяйка и священник Харитон Пойдо¹⁸⁹, которого разыскивали давно. Еще в конце 1936 года были арестованы его прихожане в Горно-Марийском районе, которые не скрывали своей принадлежности к

¹⁸⁷ Нестеров Митрофан Степанович проживал в деревне Сидорово.

¹⁸⁸ Булыгина Мария Степановна проживала в деревне Коряково.

¹⁸⁹ Согласно анкете арестованного: Пойдо Харитон Иванович, родился в 1883 в селе Днепрово-Каменка Лиховского уезда Днепропетровской губ., в семье крестьянина-середняка. До революции жил и работал в Святогорском монастыре и Троице-Сергиевой лавре. Во время Первой мировой воевал на фронте, в 1915-м попал в плен, в 1919-м освобожден из концлагеря в Германии, вернулся в Россию. В 1920-м арестован и приговорен к трем месяцам колонии «за обновление икон» (очевидно, за свидетельство о чуде обновления икон, которое после революции происходило повсеместно). До 1927-го служил псаломщиком, затем священником.

истинно-православным и отрицательного отношения к безбожной власти. Так, например, один из арестованных, Егор Стенькин¹⁹⁰, заявил:

«Отказывался и отказываюсь от выполнения всех законов Советской власти, потому что я истинно-православный христианин, а Советская власть создана не Богом, а сатаной, является безбожной властью, продажной антихристу. Такую власть мы, “истинно-православные христиане”, по своему религиозному убеждению поддерживать не можем, наоборот, всеми путями стремимся как не признавать Советскую власть неисполнением законов, неуплатой налогов, отказом от всех услуг Советской власти, так и ослабить ее мощь и ожидать падения».

Или мирянин Федор Яшпатров¹⁹¹ показал:

«Советская власть является безбожной, грабительской властью, созданная не Богом, и такую власть я поддерживать отказываюсь, налоги не платил и платить в дальнейшем не буду. От выполнения законов Советской власти отказываюсь, детей своих пускать в советскую школу не буду, потому что там учат безбожию. Никакие государственные работы, как лесозаготовки, дорожное строительство, выполнять не буду, на советских документах расписываться где-либо не буду».

При этом арестованные утверждали, что никаких активных действий они не предпринимали, никаких политических вопросов не обсуждали, а лишь вели разговоры о религии. Так, Кузьма Мидяшкин¹⁹² показал на допросе:

¹⁹⁰ Егор Ильич Стенькин, родился в 1887. Проживал в деревне Важнангер Мало-Сундырского уезда. Бывший староста Мало-Сундырской церкви.

¹⁹¹ Яшпатров Федор Степанович, родился в 1899. Проживал в деревне Томилкино Мало-Сундырского уезда.

¹⁹² Мидяшкин Кузьма Яковлевич, родился в 1893. Проживал в деревне Носелы Мало-Сундырского уезда.

«Никаких активных действий против Сов. власти мы не намечали, например, оружия нам, истинно-православным христианам, брать нельзя. Все наши действия против Советской власти заключаются в неподчинении ей, непризнании и неуплате налогов, т. е. в экономическом и материальном ослаблении. Безбожная Советская власть на Христа и на христианскую веру устраивает гонения, и мы, православные христиане, по своему религиозному убеждению считаем, что власть, созданная не Богом, долго существовать не будет. А мы ожидаем такую власть, которая бы поощряла религию, например, раньше царская власть для нас была приемлема, но какая будет в дальнейшем власть, сказать не могу».

Арестованные признали, что их группа образовалась в 1932 году, когда был арестован их священник, настоятель Мало-Сундырской церкви, Александр Игнатов:

«С момента ареста нашего православного священника все мы в церковь не ходим, молимся дома, потому что Мало-Сундырская церковь перешла в “сергиевскую” ориентацию, которую, по своему убеждению, мы считаем отошедшей от православия, продажной Советской власти».

«Никакой договоренности среди нашей группы не было, нас, “истинно-православных христиан”, не подчиняться законам власти, не признавать ее, как безбожную власть, и не поддерживать материально учит закон Божий, которому мы, “истинно-православные христиане”, верим и его выполняем».

С 1934 года эта группа верующих имела письменную связь с архиепископом Угличским Серафимом (Самойловичем), сосланным в Архангельск, и священником Харитоном Пойдо. Отец Харитон с 1927 года находился в ссылке в Марийской АССР, а в 1930 году был там арестован и отправлен на 3 года в

лагерь. Впоследствии он еще не раз подвергался арестам и в анкете арестованного в 1937 году написал: *«Как православный христианин живу в безбожном Советском Союзе, как пленник по вере православной».*

В мае 1934 года отец Харитон побывал в Козьмодемьянске у епископа Илариона (Бельского) и получил благословение на служение во Всехсвятской церкви города Тюмени. Неизвестно, как протекало его служение, очевидно, там ему недолго довелось служить, если вообще довелось. В 1935 году отец Харитон вернулся в Марийскую область и совершал тайные богослужения по домам: так, в августе он был в доме Егора Стенькина и причащал его семью; осенью служил в доме Федора Яшпатрова в деревне Томилкино; служил, очевидно, и в других деревнях. В показаниях арестованных называются имена жителей из четырех деревень Малосундырского сельсовета и отмечается, что истинно-православные церковники имеются и в соседних сельсоветах — Кузнецовском, Виловатовском, Красноволжском, Кожволжском.

После ареста отец Харитон был допрошен 2 сентября 1937 года. Протокол допроса краток, в своих ответах отец Харитон был предельно лаконичен:

«Являясь православным христианином, верующим в Бога и Его Соборную апостольскую Церковь, я был и есть противник Сов. власти. Являясь идейным врагом Сов. власти, я в течение более десяти лет вплоть до последнего времени вел и веду борьбу с Сов. властью путем учения и защиты Православной Церкви и учения Христова. Учил христиан, чтобы христиане не входили в колхозы, не верили в учение Сов. власти и не подчинялись бы ей. Я разъяснял крестьянам, что колхозы и Сов. власть являются “безбожными, антихристовыми”. Учил крестьян, чтобы они не верили советским законам и оказывали бы сопротивление в их выполнении, т. к. советские законы я считаю безбожными, несовпадающими с духом Православной Церкви».

На два вопроса следователя: «о совместной к.-р. работе с еп. Сергием» и «о встречах с ним в доме Комелиной» — отец Харитон отвечать отказался. На повторном допросе на вопрос: «Признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст. 58-10 ч. II» — он также отвечать отказался по религиозным убеждениям, заявив: «Я уже сказал, что я верю только Богу, а Советской власти я не верю и ее не признаю. Я как православный христианин боролся с безбожной Советской властью и бороться буду и в дальнейшем».

В «Обвинительном заключении» отец Харитон был назван «руководителем к.-р. организации “ИПЦ”»¹⁹³, а также единомышленником, близким соратником и сподвижником епископа Сергия. Они оба обвинялись в том, что вели «активную борьбу с Советской властью за восстановление монархического строя», используя «контрреволюционные кадры монашек». Епископу Сергию вменялась организация в Йошкар-Оле группы этих монашек, которые «среди населения города и окружающих деревень вели к.-р. пораженческую агитацию, распространяли слухи о скорой войне и гибели Советской власти, систематически агитировали отсталую среду колхозников за выход из колхоза и роспуск последних». Видимо, эта деятельность была успешной и потому вызвала беспокойство властей — колхозники отказывались работать и стремились выйти из колхозов.

Монахини были арестованы, очевидно, в течение августа 1937 года. Все они, бывшие насельницы Богородице-Сергиева монастыря, проживали в Йошкар-Оле, некоторые из них — по соседству с Анной Комелиной. Все были довольно пожилыми: Ирина Зиновьева, пятидесяти двух лет, Марфа Кожевникова, пяти-

¹⁹³ Вероятно, имелась в виду Малосундырская группа его духовных чад и, возможно, другие группы в соседних районах.

десяти шести, Вера Бахтина, пятидесяти восьми лет, остальные — от шестидесяти четырех до семидесяти двух лет. Анна Комелина, пятидесяти лет, была самой молодой из всех арестованных.

Как *«участницам к.р. группы»*, монахиням было предъявлено стандартное обвинение в том, что, *«являясь враждебно настроенными к Советской власти»*, они вели *«совместно (или под руководством) Дружинина Сергея и Харитона Пойдо борьбу против Советской власти»*, *«главным образом, против колхозного строительства»*. Некоторых из монахинь обвиняли, как Анну Комелину, *«в пораженческой агитации путем запугивания верующих колхозников Страшным Судом и антихристом»*, других, как Анну Шахматову, *«в активной к.р. монархической агитации, направленной к срыву весеннего сева и уборочной кампании в колхозах»*. Анастасию Задворову обвиняли в том, что она, показывая картинки в религиозной книге, *«доказывала скорую гибель Сов. власти, запугивая колхозников Страшным Судом и вечными мучениями»*. А Евдокии Стародубцевой добавили обвинение и в том, что она *«одновременно хранила портреты Николая и всего Романовского двора, показывая его колхозникам, как защитника крестьянства»*.

Епископ Сергей был арестован 7 сентября 1937 года. В материалах дела содержится написанный на скорую руку протокол единственного его допроса, произведенного в день ареста:

«Вопрос: Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, проводимой Вами в городе Йошкар-Ола. Признаете ли Вы это?»

Ответ: Виновным себя не признаю.

Вопрос: Вы лжете, следствию известно, что Вы организовали вокруг себя монашек и с ними вели активную борьбу против Советской власти за восстановление монархии в Советском Союзе.

Ответ: Нет, не признаю.

Вопрос: *Вы признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении от 24 августа 1937 года по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР?*

Ответ: *В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.*

Записано с моих слов верно, мне прочитано, в чем и росписуюсь».

Тем же числом, 7 сентября 1937 года, датировано «Обвинительное заключение». Несмотря на то, что все обвиняемые, как и епископ Сергей, не признали себя виновными, следствием утверждалось, что они «*изобличаются свидетельскими показаниями и документами, имеющимися в деле*», посему дело их считается законченным, «*виновность проходящих по нему доказанной*», поэтому дело передавалось «*на рассмотрение Тройки НКВД МАССР*».

Через три дня, 11 сентября 1937 года, был вынесен приговор. Тринадцать монахинь¹⁹⁴ приговорили к 10 годам концлагерей; мирянку Марию Булыгину — к 8 годам; епископа Сергия, священника Харитона и монахинь Анну, Евдокию и Анастасию¹⁹⁵ — к расстрелу. Согласно выпискам, находящимся в материалах дела, расстреляны они были 17 сентября.

Стандартный машинописный текст на полоске бумаги с неровно оторванными краями, время и имя заполнены от руки:

¹⁹⁴ Бажнина Устиния Марковна, Бахтина Вера Павловна, Грязева Прасковья Демидовна, Зиновьева Ирина Платоновна, Кожевникова Марфа Степановна, Комелина Анна Михайловна, Портных Мария Ивановна, Шарикова Екатерина Сергеевна, Шарнина Степанида Семеновна, Шихалева Пелагея Ивановна, Ямщикова Анна Андреевна. В следственном деле имеются извещения о кончине Бажниной У. М. и Шариковой Е. С. в 1942 году в Устьвымском лагере и постановление об освобождении Бахтиной В. П. от 19 мая 1940 года. Дальнейшая ее судьба и судьба остальных монахинь неизвестны.

¹⁹⁵ Шахматова Анна Ивановна, 72 лет, Стародубцева Евдокия Ивановна, 64 лет, и Задворова Анастасия Нестеровна, 66 лет.

«ВЫПИСКА ИЗ АКТА

**Постановление Тройки НКВД МАССР от 11...IX...37
о расстреле Дружинина Ивана Прохоровича — епископа Сергия
приведено в исполнение 17 сентября 1937 года в 19 часов.**

Нач. УНКВД	<i>подпись</i>
Комендант НКВД	<i>подпись</i>
Ст. Пом. Прокурора по спец. Дела	<i>подпись».</i>

Такие же выписки — на каждого расстрелянного. Расстрелы производились во внутреннем дворе НКВД (на углу улиц Коммунистическая и Советская), в одноэтажном каменном здании. Отец Харитон был расстрелян, очевидно, одновременно с владыкой Сергием в 19 часов, все монахины — в 20 часов. Точное место их погребения неизвестно, вероятнее всего на «Мендурском полигоне смерти».

Расстрелянных в Йошкар-Оле закапывали в общих ямах на Березовском и на Марковском кладбищах, но во второй половине 1937 года места там уже не хватало, и тела стали вывозить за город. Там, в нескольких верстах от города по старому Кокшайскому тракту, в светлом сосновом бору, неподалеку от чистого лесного озера, в 1937 году было заранее вырыто несколько десятков стандартных ям¹⁹⁶, куда по ночам свозили тела убитых, сваливали в эти ямы и наспех засыпали землей. Позднее местные жители как-то узнали об этих местах, и в последующие годы верующие, в том числе из катакомбной паствы владыки Сергия и других пастырей, приходили туда, у могильных холмов поминали усопших и молились мученикам.

¹⁹⁶ Их было вырыто очень много, так что часть из них даже не успели заполнить. Пунктуальные исполнители в Йошкар-Оле работали с перевыполнением плана и, получив из Москвы разнарядки на расстрельные приговоры в 1937 году, решили предусмотрительно заготовить ямы на несколько лет вперед.

На протяжении последних двух десятилетий силами энтузиастов местного отделения Международного «Мемориала» удалось сохранить эти места, предназначенные для военного полигона. И теперь там установлены кресты, мемориальные доски и ведутся исследовательские работы. Одна из общих могил в начале 1990-х была вскрыта, и по чудом сохранившейся справке на имя одного из расстрелянных удалось идентифицировать останки через много лет. Было выяснено, что в этой могиле захоронены приговоренные к расстрелу 164 человека, осужденные по одному групповому делу в августе 1937 года, среди них было три священника и двое монашествующих. Вполне возможно, что и жертвы сентябрьских расстрелов 1937 года захоронены где-то поблизости. И, если будет на то Божья воля, они еще могут дать о себе знать, и здесь будут обретыены их святые мощи.

ГЛАВА II

Епископ Василий (Докторов)

Епископ Каргопольский Василий (Докторов) вместе с епископом Сергием (Дружининым) оставался во главе иосифлян после ареста архиепископа Димитрия (Любимова). Чуть больше года прослужил владыка Василий в Петроградской епархии и в декабре 1930 года был арестован вместе с епископом Сергием и другими иосифлянами.

Епископ Василий — наименее известен из иосифлянских архиереев. Материалы следственного дела содержат весьма краткие сведения из его биографии. Мирское имя — Владимир Иванович. Родился в 1872 году в селе Губачево Кондаковской волости Угличского уезда Ярославской губернии. О семье его ничего не известно, кроме того что *«отец имел крестьянское хозяйство»*¹⁹⁷. В анкете арестованного за 1930 год в графе «о составе семьи» владыкой Василием ничего не сообщено, возможно, что к тому времени из его родных никого в живых не осталось.

¹⁹⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 48 об. Далее цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

«В 14 лет я ушел от отца в Никандрову пустынь», — показал владыка на допросе. Очевидно, ушел тайком, а чтобы не нашли и не вернули, отправился довольно далеко от дома — за несколько сот верст. Вероятно, будучи много наслышан о чудесах преподобного Никандра¹⁹⁸, юный Владимир захотел попасть в монастырь, основанный на месте его подвигов. А возможно, Владимир уже бывал в Никандровой пустыни на праздниках с отцом, поскольку эта обитель пользовалась широкой известностью на всем Северо-Западе. Правда, в справочнике монастырей Российской Православной Церкви за 1910 год описание пустыни предельно кратко:

«Никандрова Благовещенская пустынь в Порховском уезде. Расположена она в 10 верстах от уездного города Порхова, в довольно живописной местности на берегу реки Демянки. Основана в XVI веке преп. Никандром, постриженником Крыпецкого монастыря. Он здесь скончался, и мощи его, по освидетельствовании, положены в церковной стене 29 июня 1687 года. Этот день доселе празднуется в обители и привлекает в нее множество богомольцев. 15 мая здесь бывает крестный ход в город Порхов. Монастырь малолюдн. Управляет архимандрит»¹⁹⁹.

Известно, что в Никандровой пустыни к концу XIX века подвизалось более тридцати монахов и око-

¹⁹⁸ Преподобный Никандр родился в 1507 в селе Виделебье Псковской губ. Юношей удалился в глухие леса между Порховской и Псковской дорогами. Позднее принял монашеский постриг в Савино-Крыпецком монастыре и возвратился в уединение. В 1581-м отошел ко Господу, в 1585-м на месте подвигов преподобного основан монастырь. В 1665-м монастырь разорен поляками, а спустя два года были уничтожены пожаром все его церкви. В 1678-м при строительстве нового собора обретены нетленными мощи преп. Никандра. Известно множество случаев чудесной помощи преподобного всем обращающимся к нему с молитвой.

¹⁹⁹ Православные Русские обители. (Репринтное воспроизведение.) — СПб., 1994. С. 172.

ло тридцати послушников. В монастыре были пятиглавый собор Благовещения Пресвятой Богородицы и церковь Св. Геннадия, патриарха Константинопольского, колокольня со знаменитыми боевыми часами над св. воротами. У стен монастыря располагался проезжий двор с гостиницей, избами, конюшней, близ него находился ярмарочный гостиный двор с большим количеством купеческих лавок. На ярмарки, приуроченные к праздничным дням монастыря 29 июня и 24 сентября, приезжало много народа. Как отмечалось в местной газете за 1874 год:

«Монастырь год от года приходит все в более цветущее состояние. Болота, окружающие монастырь, деятельно осушаются и превращаются в сенокосные луга; скотный двор и пашня находятся в отличном состоянии; на месте ветхих братских келий воздвигнуты громадные каменные здания. Ярмарочные лавки, представлявшие когда-то вид никуда не годных лабазов, превратились в соответствующие торговому назначению места; временный ярмарочный трактир вновь перестроен со всеми удобствами; пролегающее по монастырским землям шоссе находится в отличном состоянии»²⁰⁰.

Однако, конечно, не ярмарки главным образом привлекали народ в Никандрову пустынь. Скорее именно из-за того, что в пустынь приходило много народу, предприимчивые купцы и стали проводить ярмарки у ее стен. А народ шел к св. мощам преподобного Никандра, находя утешение в скорбях и исцеление в болезнях. Доброй славой пользовались несколько святых источников, целебные воды которых по вере приходящих избавляли от разных недугов. Богомольцы получали духовное руководство у монастырских старцев, которые славились аскетической жизнью и духовной мудростью. Считалось, что сам

²⁰⁰ «Мирское слово», 1874, № 51. С. 614.

преподобный Никандр помогает им, дает советы и наставления, не оставляя и по смерти место своих подвигов и незримо присутствуя в пустыни, являясь небесным покровителем всех ее насельников и усердных богомольцев. В окрестных селениях веками хранились и передавались рассказы о чудесах и явлениях преподобного. В память о чудесном спасении Порхова и окрестностей от эпидемии холеры, благодаря предстательству преп. Никандра, с середины XIX века ежегодно 15/28 мая совершался торжественный крестный ход с иконой преподобного.

К сожалению, никаких более подробных сведений о жизни пустыни и ее насельниках не осталось. После революции все было уничтожено: храмы обители взорваны, стены разрушены, св. мощи преподобного Никандра, вероятно, увезены²⁰¹, а территория заросла густым лесом. Вся четырехвековая история обители погрузилась во мрак забвения, который не рассеян и до сих пор, даже после ее восстановления и возведения в ней храмов в начале XXI века.

Ничего мы не можем сказать и о жизни в пустыни юного послушника Владимира. По его словам, *«на 30-м году меня отправили в Казанскую духовную академию»*, то есть в 1901 году. Кто отправил? Старцы пустыни? Весьма необычное дело, чтобы простой крестьянский мальчик попал в академию, да еще из послушников. Конечно, в академию принимались лица из любых сословий, но они должны были выдержать вступительный экзамен и обязательно окончить семинарию или гимназию. В семинариях обучались шесть лет, принимались в них мальчики с четырнадцати лет, окончившие духовное училище (четыре года обучения). Получившие домашнее образование должны были перед приемом в семинарию сдавать экзамен.

²⁰¹ Как сказано в недавно изданном его жизнеописании: «След их теряется в 1919 году».

Очевидно, Владимир перед поступлением в академию должен был пройти первые ступени духовного образования и, по крайней мере, обязательно окончить семинарский курс. Вероятно, он проявлял выдающиеся способности, если из послушников скромного монастыря его отправили учиться. И возможно, у него сразу проявилась склонность к миссионерской деятельности, посему и направили его в Казанскую духовную академию, где помимо богословского и церковно-исторического отделений были организованы два миссионерских — для подготовки священников-миссионеров среди восточных народов: татарское и монгольское.

В программу обязательных учебных дисциплин духовных академий входили: введение в богословие, Священное Писание и библейская история, догматика, нравственное богословие, гомилетика, пастырское богословие и педагогика, церковное право, история Вселенской Церкви, патристика, церковная археология и литургика, философия. Предметы, которые студенты могли изучать по выбору, делились на две группы: в первую входили теория языка и история зарубежной литературы, русский и церковно-славянский язык с палеографией и историей русской литературы, древнееврейский язык и библейская археология, один древний и один новый язык; во вторую группу — история и анализ западных исповеданий, история и критика русского раскола, всеобщая светская история, история России, один древний и один новый язык.

Студенты Казанской академии на миссионерских отделениях соответственно освобождались от дополнительных предметов по выбору, за исключением одного древнего и одного нового языков, но в дополнение к основным предметам на татарском отделении изучали: 1) историю и критику ислама; 2) этнографию татар, киргизов, башкир, чувашей, черемисов, вотяков и

мордвы; 3) историю распространения христианства среди этих народов; 4) арабский и татарский языки с общим филологическим обзором языков и наречий названных народов. В программу монгольского отделения входили: 1) история и критика ламаизма; 2) этнографии монголов, бурят, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков и др.; 3) история распространения христианства среди названных народов; 4) монгольский язык с диалектами и общий филологический обзор языков и диалектов.

Очевидно, Владимир Докторов учился на татарском отделении, поскольку впоследствии служил в Киргизской миссии, но никаких сведений о его учебе в Казанской духовной академии опять-таки нет. В показаниях на допросе он упоминает, что окончил академию «на 33-м году». Образование в академиях было четырехгодичное, хотя по Уставу 1869 года учебный курс был рассчитан на три года, по его окончании студенту присваивалась степень кандидата богословия. На четвертый курс допускались лишь студенты, получившие отличные отметки на заключительном экзамене, и в течение года они писали магистерскую диссертацию. По уставу 1884 года учебная программа была уже рассчитана на четыре года, и последний курс не имел прежних особых задач.

Скорее всего, владыка ошибся и ему уже исполнилось тридцать три года, когда он окончил академию, и учился он соответственно с 1901 по 1905 год. Хотя он и не застал там епископа Антония (Храповицкого)²⁰², который за годы своего ректорства в Московской духовной академии²⁰³ и впоследствии — в Казанской академии²⁰⁴ сумел воспитать целую плеяду блестящих учеников, ставших потом замечательными архиерея-

²⁰² Владыка Антоний был назначен на Уфимскую кафедру во второй половине 1900 года.

²⁰³ С 1890 по 1895 год.

²⁰⁴ С 1895 по 1900 год.

ми, священниками-миссионерами, преподавателями. Но в академии еще живы были традиции, заложенные вдохновенным ректором, и студенты старших курсов хранили добрую память о своем великом учителе. Для понимания духовного облика будущего пастыря важно осознать ту основу этих традиций, о которой позднее владыка Антоний писал своим выпускникам:

«Мое учебное делание не было системой по строго определенным принципам. Это была самая внутренняя жизнь моя, это было самое дыхание моей духовной жизни; это не было человеческим добрым отношением, каковы взаимные отношения ближайших родственников, нет, это было мое хождение перед Богом, низведение и созерцание Его всесильной благодати, которая и была действующей силой в том нравственном возрождении и одушевлении юношества, о котором вы упоминаете в своем прощальном слове... Люди везде жаждут братской любви, но любовь бежит от них, когда они тщатся ее создать на человеческих отношениях, и вот взамен любви и доверия возникают или бешеная злоба неудовлетворенных и соревнующих самлюбий, или лживая угодливость и взаимная потачка страстям, лесть и общение в пороках. Но там, где наши отношения основываются на вере в благодать Божию и на устранении своей славы, там любовь Божия богато изливается в сердца наши Духом Святым, а где любовь, там и взаимное доверие, там и свободное послушание, там и общая готовность к подвигу... Любя вас не обычной человеческой любовью, но прозирая каждого из вас в борьбе с грехом и порождаемыми грехом сомнениями, в его постепенном восхождении к совершенству, я вдохновлялся не только надеждою вашего собственного спасения, но через вас, как благовестников Евангелия, чувствовал свое единение со всею Кафолическою церковью, со всею вселенною, ибо для верующего сердца она вся предназначена к приятию проповеди спасения многими в каждом народе»²⁰⁵.

²⁰⁵ Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. I. Нью-Йорк, 1971. С. 208–209. Интересно ответное послание владыки Антония

Владыка Антоний вдохновлял молодых людей к церковному служению, многие, по его примеру, принимали монашество, всей душой отдавались пастырской и миссионерской деятельности. Очевидно, и Владимир Докторов не мог не испытать на себе влияние такого великого архипастыря и гениального педагога, если и не напрямую, то через его ближайших учеников, в частности, архимандрита Андрея (Ухтомского), который был духовным чадом и постриженником владыки Антония. С 1899 года архимандрит Андрей являлся наместником Спасского миссионерского монастыря в Казани, и будущий епископ Василий (Докторов) какое-то время служил под его началом иеродиаконом, о чем позднее показал на допросе 7 марта

студентам выпуска 1903 года, бывшим на первом курсе Казанской академии в последний год его ректорства. Владыка был тронут любвеобильным письмом студентов, которым он менее других мог уделять внимание, поскольку в последний год ректорства должен был замещать отбывшего в Синод архиепископа Казанского и не имел ни времени, ни сил для общения со студентами, как в прежние годы. Он писал: «Но видно не напрасно говорится: “Сердце сердцу весть подает”. Вы чуяли и оценили мою настроенность по отношению к вам, мою заботу о том, чтобы вы не уклонялись с пути истинного, а напротив, обогащались всякою добродетелью, как сказал блаженный Иаков: “До ревности любит дух, живущий в нас” (IV, 5).

И вот когда душа моя расширяется полнотою всего пережитого с вами и прежними моими учениками духовного общения, то ей открываются новые великие созерцания, которыми и заключу мое последнее спасибо за вашу память и любовь. Созерцания эти состояли в том, что не на земле должно быть высшее сокровище нашего сердца, ибо здесь даже самое великое и священное чувство духовной любви взаимного сотрудничества на святом деле христианского просвещения не дает полного удовлетворения душам нашим. Ибо здесь горечь разлуки и сопряженного с нею внутреннего изменения многих друзей научает нас ожидать иной жизни, где уже не будет ни разлуки, ни изменений, где священнейшие мгновения и часы познания нами истин Божиих и святых решений бывают уже не мгновениями и часами, а нескончаемой вечностью». С. 209–211.

1931 года: *«В революцию 1905 года я был в Казани диаконом²⁰⁶ в Спасском монастыре».*

Назвав эту революцию *«бунтом против царя небольшой кучки людей, забывших Бога»*, владыка Василий вспомнил довольно примечательный факт того времени: *«В Казани был погром евреев, и духовенство по распоряжению епископа Андрея Ухтомского ходило по Казани с иконами и портретами государя и старалось, где это было возможно, предотвратить погром. Я также ходил по Казани с иконами, будучи диаконом».* Следует уточнить, что, скорее всего, это было не распоряжение, а инициатива владыки Андрея, ведь будучи третьим викарием Казанской епархии, едва ли он мог *«распоряжаться»*. Кроме того, если указанное событие относится к 1905 году, то в это время он еще и не был в архиерейском сане. Но то, что именно архимандрит Андрей это делал и был инициатором, — несомненно. В Казани и в Казанской епархии он имел огромный авторитет как искренний пастырь и миссионер.

Будучи назначен наблюдателем Миссионерских курсов при Казанской академии, архимандрит Андрей состоял членом совета Братства Святителя Гурия. В 1907 году он был возведен в сан епископа Мамадышского, викария Казанской епархии²⁰⁷. Владыка пользовался уважением среди крещеных татар, чувашей и других народов. По его инициативе печатались книги на инородческих языках, открывались школы, были основаны монастыри. Подобно своему духовнику и учителю, владыка Андрей горел пламенной верой и был исполнен духом истинной пастырской любви. Он воспламенял сердца своих пасомых, и его пример ревностного, бескорыстного служения привлекал к

²⁰⁶ Очевидно, иеродиаконом, и монашеский постриг он должен был принять или во время учебы в академии, или сразу по окончании.

²⁰⁷ Это викариатство был учреждено именно с миссионерскими полномочиями в виду усилившегося мусульманского прозелитизма.

миссионерскому поприщу и других искренних пастырей и их помощников. Сколько продолжалось служение иеродиакона Василия под руководством архимандрита Андрея, неизвестно. После служения в Спасском монастыре он был назначен миссионером в Семипалатинск в Киргизии, где, по его словам, «*состоял при центральной миссии монахом*»²⁰⁸.

Киргизская миссия была образована в составе Алтайской. История этих миссий восходит к началу XIX века, когда в 1828 году Святейший Синод принял решение создать специальные миссии в составе Тобольской епархии для просвещения туземцев Сибири и обратился с призывом к миссионерам поехать на Восток. Первым откликнулся архимандрит Глинской пустыни Макарий (Глухарев). Примечательно, что изначально отец Макарий хотел проповедовать киргизам²⁰⁹ Кокчетавского округа, однако по каким-то причинам генерал-губернатор Западной Сибири отказал ему в пропуске за Петровскую линию.

Тогда архимандрит Макарий поехал в район Алтайских гор и начал проповедь среди алтайских народов — так было положено начало Алтайской миссии. За время ее существования с 1830 по 1919 год были крещены тысячи алтайцев, построено тридцать миссионерских станом, сорок церквей и девяносто школ с библиотеками. Миссионеры проповедовали христианскую веру, обучали местное население грамоте, ремеслам и огородничеству. Они всячески помогали своим подопечным, защищали от произвола чиновников, оказывали врачебную помощь. В целом самоотверженные труды архимандрита Макария, а также его сподвижников и последователей, справедливо названных «апостолами Алтая», имели великое значе-

²⁰⁸ Очевидно, все-таки иеромонахом.

²⁰⁹ До революции «киргизами» называли казахов, поэтому когда речь идет о Киргизской миссии, то это была именно Казахская миссия.

ние для алтайских народов. Ими была создана алтайская письменность, осуществлен перевод Священного Писания, богослужебных книг. Благодаря бережному отношению миссионеров к языку и национальной культуре местных народов сформировался литературный алтайский язык, что способствовало становлению национальной культуры (они не только осуществляли переводы, но и записывали народные сказания, легенды). Все представители первого поколения алтайской интеллигенции были исключительно воспитанниками миссионерских школ.

Алтайские миссионеры обращали внимание и на живших по соседству казахов. Так, в составе Алтайской миссии было учреждено Черно-Ануйское отделение, которое главным образом имело дело с перекочевавшими в район села Черный Ануй казахами. С 1875 года это отделение миссии возглавлял иеромонах Филарет (Синьковский), он перевел на казахский язык основы православной веры, молитвы, Евангелие от Матфея. В 1880 году начальник Алтайской миссии архимандрит Владимир (Петров) объехал район Семипалатинска и доложил Св. Синоду о необходимости миссионерства среди казахов. В 1882 году была открыта Киргизская (Казахская) миссия как часть Алтайской, и постепенно действие миссии распространилось с Алтая в юго-восточную часть Казахстана.

В 1894 году встал вопрос о самостоятельности Киргизской миссии и переносе ее центра в Семипалатинск²¹⁰. К тому времени Семипалатинск был уездным городом и довольно крупным для тех мест торговым центром, куда съезжались киргизы (казахи) со всех концов необъятной степи. На левом берегу Иртыша располагались две слободки, из которых образовалась так называемая Заречная слобода. В 1879 году там

²¹⁰ Семипалатинская крепость была заложена в начале XVIII века. Первый каменный Знаменский собор Семипалатинска был построен в 1777 году.

проживало 2749 человек, из них 2702 — мусульмане и 47 — православные. Именно здесь было решено построить здания для центрального миссионерского стана. Местное население проявило сочувствие, и казахи трудились на добыче бутового камня, который предназначался для строительства. Необходимые средства были собраны главным образом от пожертвований отдельных лиц, причем одним из первых жертвователей стал обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, приславший на строительство храма три тысячи рублей из своих личных денег.

31 января 1895 года Киргизская миссия была объявлена самостоятельной и подчинена Омской епархии²¹¹, начальником миссии был назначен архимандрит Сергей (Петров)²¹². 12 июня состоялась закладка миссионерской Благовещенской церкви. Кроме этой церкви был построен также дом начальника миссии с домовою церковью во имя святых апостолов Петра и Павла. Деятельность Киргизской миссии протекала по примеру Алтайской: строились отдельные миссионерские станы с церквями и школами; на казахский язык переводились богослужения; дети и взрослые обучались основам православия и серьезно готовились

²¹¹ Эта епархия как самостоятельная была выделена в том же году из Томской и Тобольской епархий.

²¹² Петров, в миру Степан Алексеевич, родился в 1864, был из донских казаков. Окончил духовную семинарию. Пережив тяжелое разочарование и охлаждение к вере, приехал в Томск к родному дяде, епископу Владимиру (Петрову), замечательному миссионеру, возглавлявшему в свое время Алтайскую миссию. Вернулся к вере, окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1890-м прослушал лекции на миссионерских курсах и поступил сотрудником в Алтайскую миссию. В 1892-м пострижен в монашество, затем рукоположен во иеромонаха. С 1895 по 1899 управлял Киргизской миссией, затем рукоположен во епископа Бийского, с 1901-го епископ Омский и Семипалатинский, с 1903-го занимал Одесскую и Сухумскую кафедры, с 1919-го — Новороссийскую, с 1920-го в эмиграции. Участник соборов Русской Зарубежной Церкви. В 1935-м скончался в Сербии.

к крещению. В школах миссии ученики обучались грамоте, Закону Божию и основным предметам.

Однако в целом о Киргизской миссии известно очень мало, ее история, в отличие от истории Алтайской миссии, фактически совершенно не изучена, а после революции память о ней словно канула в Лету. Посему, как протекала жизнь отца Василия в миссии, трудно что-либо сказать. Поскольку он был назначен в центральный стан, то, вероятно, служил в Семипалатинске и преподавал в церковно-приходской школе. Известно, что будущий епископ Мануил (Лемешевский) служил в этой миссии с 1912 по 1916 год, сначала законоучителем и заведующим церковно-приходской школой, затем помощником начальника. Прибыл он иеродиаконем, в миссии был рукоположен во иеромонаха епископом Семипалатинским Киприаном (Жомаровским)²¹³, который возглавлял Киргизскую миссию с 1906 года²¹⁴, и, очевидно, оставался ее начальником до самого закрытия.

Миссия была закрыта в первые же годы после революции²¹⁵. Где находился в то время отец Василий, неизвестно, из его показаний на первом допросе явствует, что он до 1923 года пребывал в Семипалатинске,

²¹³ Родился в 1876 в Самарканде, в католической семье. В 1899 окончил Казанскую духовную академию, иеромонах-миссионер Шульбинского стана Киргизской миссии. С 1901 — помощник начальника, с 1906 — начальник миссии. В 1911 возведен в сан епископа Семипалатинского, викария Омской епархии. До 1922 пребывал на кафедре, затем уклонился в обновленческий раскол, но позднее покаялся. В 1923 арестован, приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. С 1927 после освобождения из лагеря занимал различные кафедры. Член временного Синода при митрополите Сергии. В 1937 расстрелян в Кирове.

²¹⁴ Сначала в сане архимандрита, а с 1911 — в сане епископа.

²¹⁵ Благовещенская церковь еще какое-то время действовала как приходская, в 1930-х разрушена, камень пошел на строительство шерстоюлки, оставшийся подвал использовался под овощехранилище.

в том же году выехал к Патриарху Тихону, который в 1924 году хиротонисал его во епископа. Правда, на другом допросе владыка Василий упомянул, что во время Февральской революции 1917 года он был в Москве в Донском монастыре и *«один раз говорил проповедь»*. Но в Москве отец Василий мог бывать неоднократно по делам миссии, и если имел знакомых в Донском монастыре, то после закрытия миссии как раз и мог туда приехать в 1923 году. О доверительном отношении к иеромонаху Василию настоятеля Донского монастыря можно судить по следующим показаниям отца Василия:

«Патриарх Тихон, который, будучи арестован домашним арестом в Донском монастыре, с террасы своей кельи кричал епископу Андрею Ухтомскому: “Владыко, посвящай больше архиереев”. Также впоследствии и всем епископам, проходящим к нему и хиротонисующим им, говорил, что “большевики хотят всех архиереев, священников перестрелять”, чтобы Церковь не осталась без епископата, а также епископы чтобы посвящали и постригали в священство и монашество. Это говорил мне в 1924 году настоятель архимандрит Донского монастыря»²¹⁶.

Епископ Василий не скрывал своей церковной позиции и заявил на следствии, что Поместный Собор Русской Церкви 1917–1918 годов он рассматривал как *«собрание лучших пастырей и мирян, которые стремились спасти Церковь, анафематствование большевиков одобрял и считал, что все, которые шли и идут против Бога и Церкви, должны быть преданы анафеме»*. Владыка также полностью разделял позицию патриарха в вопросе об изъятии церковных ценностей в 1922 году: *«Церковные ценности являются*

²¹⁶ Очевидно, архимандрит Алексий (Палицын). В 1926 рукоположен во епископа Можайского.

неотъемлемым имуществом Церкви, изъятие их на нужды государства, которое разорено большевиками, допускать не следовало бы. Противостоять этому нужно было и необходимо, и действия Патриарха Тихона в этом отношении я оправдываю». Соответственно в 1922 году отец Василий активно не поддерживал бывшего начальника Киргизской миссии епископа Семипалатинского Киприана, уклонившегося в обновленчество, и сохранил верность Патриарху Тихону, что подтвердил позднее на допросе: «Все время находился в общении с патриаршей Церковью, в 1924 году я был посвящен Патриархом Тихоном в епископы и назначен епископом Каргопольским».

Согласно дневниковым записям иподиакона Николая Кирьянова, хиротония во епископа Каргопольского архимандрита Василия была совершена 16 (29) августа 1924 года Святейшим Патриархом Тихоном с прочими архиереями в московском храме Св. Иоанна Предтечи у Крестовской заставы²¹⁷. Однако в тех же записях Николая Кирьянова есть свидетельство о том, что спустя полтора месяца Патриарх рукоположил в епископа Каргопольского архимандрита Илариона (Бельского):

«1924. Октябрь. 1-ое. Покров Пр. Богородицы. Святейший совершал в сослужении архиереев литургию в храме Покровского монастыря. Хиротония во епископа Каргопольского архимандрита Илариона»²¹⁸.

Об этом же говорил в своих показаниях на допросах и сам епископ Иларион²¹⁹. Кроме того, в списке канонических архиереев, также составленном Н. Кирья-

²¹⁷ История Иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 883.

²¹⁸ История Иерархии Русской Православной Церкви. С. 884.

²¹⁹ См. ниже, в следующей главе.

новым на октябрь 1924 года, с поправками самого Патриарха Тихона, отсутствует епископ «Василий Каргопольский», зато есть внесенный рукой Патриарха епископ «Иларион Каргопольский», а в числе трех епископов с именем Василий имеется «епископ Горно-Алтайский», причем титул опять-таки исправлен рукой Патриарха. Очевидно, это и был титул епископа Василия (Докторова), поскольку Патриарх решил направить его на Алтай в качестве викария митрополита Алтайского Макария (Невского).

Дело в том, что еще в 1920 году святителю Макарию в честь пятидесятилетия его миссионерских трудов был присвоен почтенный титул митрополита Алтайского. Поскольку старенький митрополит, которому шел уже восемьдесят девятый год, был очень болен и не мог поехать к своей пастве, то в сентябре 1924 года было образовано Горно-Алтайское викариатство, а только что рукоположенный епископ Василий (Докторов) назначен викарием и заместителем Алтайского митрополита. Что было дальше, не совсем понятно: в некоторых публикациях упоминается, что «по обстоятельствам времени» владыка Василий не смог прибыть на Алтай; а в одном документе, напротив, указано, что с 1925 по 1927 год он находился в ссылке в Барнауле²²⁰. Однако об этом нет упоминаний в его анкете арестованного 1930 года, и в графе — *«привлекался ли к ответственности по суду или в административном порядке»* — стоит прочерк.

По данным Губонина М. Е. и митрополита Мануила (Лемешевского), после Горно-Алтайской кафедры епископ Василий получал назначения: в 1925 году — на Пинежскую кафедру (Архангельское викариатство), затем в том же году — на Яранскую (Вятское ви-

²²⁰ «Список православных епископов, подвергавшихся гонениям до 1 марта 1930 г.». Из Синодального архива Русской Православной Церкви за границей. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 73–89. Цит.: История Иерархии Русской Православной Церкви. С. 889.

кариатство), а в 1926 — на Вытегорскую (Вологодское викариатство) и, наконец, вновь на Каргопольскую с 1927 по 06/19 февраля 1928 года. Откуда эти сведения, непонятно. В своих показаниях на допросах епископ Василий ничего об этом не сказал. На первом допросе он просто упомянул, что был назначен Каргопольским епископом, *«каковым и пробыл до 1928 года»*, а на одном из последующих допросов показал, что проживал в Каргополе и Петрозаводске.

В то время в Каргополье действовало еще много церквей. Население этого удаленного от промышленных центров края главным образом составляли крестьяне, живущие традиционным укладом, причем в некоторых волостях они даже не отходили на промыслы и продолжали по старинке заниматься подсечным земледелием. Однако постепенно и сюда проникало растлевающее безбожие. Советская власть неуклонно вела наступление на Церковь. Так, в 1919 году была отбрана собственность Спасо-Преображенского монастыря в Каргополе и принято решение *«проживающим в монастыре монахам предложить переселиться в Ошевенский монастырь»*²²¹. Спасо-Преображенский монастырь с 1911 года был местом проживания Каргопольского епископа после учреждения Каргопольской кафедры в составе Петрозаводской и Олонецкой епархии. С 1913 года епископом Каргопольским был назначен Варсонофий (Вихвелин)²²². По-видимому, невыносимые

²²¹ Новикова А. К истории Спасо-Преображенского монастыря. / Каргополь. Летопись веков: Труды Каргопольского музея. — М.: Каргополь, 2004. С. 213.

²²² Епископ Варсонофий (Василий Васильевич Вихвелин) родился в 1863 в Санкт-Петербурге, в семье чиновника. Окончил гимназию. В 1886 по благословению св. прав. Иоанна Кронштадтского поступил в Троице-Сергиеву пустынь, в 1897 — в Духовную академию, по окончании ее назначен помощником смотрителя Слуцкого духовного училища. В 1901 принял монашеский постриг. В 1903 назначен инспектором Архангельской духовной семинарии. В 1907 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Артемиева Веркольского

условия после закрытия последних монастырей (в скором времени и Ошевенский монастырь был закрыт) заставили владыку просить о переводе. В сентябре 1921 года по указу Патриарха Тихона он был назначен епископом Никольским, викарием Вологодским, а в сентябре 1923 года — временным управляющим Архангельской епархии²²³.

Таким образом, Каргопольская кафедра ко времени назначения епископа Василия (Докторова) пустовала уже несколько лет, Петрозаводская и Олонецкая епархия также оставалась без правящего архиерея с 1924 года, а с 1926 по 1928 год она не имела даже временного управляющего. Поэтому понятно, что владыка Василий окормлял многие приходы Петрозаводской епархии: *«Будучи Каргопольским епископом, я ездил по приходам совершать службы»*. Для Каргопольских и Петрозаводских приходов из присылаемых общинами кандидатов он рукополагал священнослужителей, о чем позднее упоминал на допросах:

«Присылали с приходов своих избранных, иногда почти малограмотных; чтобы заместить приходы, мне приходилось этих малограмотных ставить, иначе приходы и церкви закрывались. Например, в 1925 году прислали старика около 70 лет, полуглухого диакона с села Ошевенского Каргопольского уезда, посвящаться в священника: или в 1926 году из села Ольховца того же уезда прислали парня лет 30-ти, только умевшего читать по-славянски; или в 1927 году прислали диакона, старика 60 лет из села в 30 верстах от Ошевенска; или в 1928 году прислали матерого старика посвящаться во священники из села, от города Петрозаводска в верстах около 80».

монастыря. В 1910 рукоположен во епископа Кемского, с ноября 1913 — на Каргопольской кафедре.

²²³ По проискам обновленцев уже в ноябре того же года владыка Варсонофий вместе с православным духовенством города был арестован и выслан на три года в Нарымский край.

Владыка Василий, проживая в Каргополе и посещая Петрозаводск, поддерживал постоянную переписку с Иваном Евграфовичем Большаковым, прихожанином и активным членом Приходского совета церкви Грузинской иконы Божией Матери на Большой Охте, получая от того подробную информацию о церковных событиях в Питере²²⁴. После выхода Декларации митрополита Сергия Иван Евграфович писал владыке Василию, что *«митрополит Сергей проданся большевикам, выпустил воззвание и указ о молитве за власть»*.

Первое известие об отделении митрополита Иосифа и возглавлении им истинно-православных в Ленинграде епископ Василий получил от архимандрита Трифона²²⁵, настоятеля Кирилло-Челмогорской пустыни Каргопольского уезда²²⁶. И. Е. Большаков также

²²⁴ Епископ Василий познакомился с И. Е. Большаковым ранее по рекомендации лаврского монаха Платона (Юргенсона), и когда приезжал в Питер, то останавливался у него в доме на ночлег. Иван Евграфович родился в 1877, до революции был крупным торговцем, тогда у него «были хлебные лабазы, ворочал он миллионами пудов хлеба, но впоследствии разорился и в революцию от реквизиции совершенно обнищал». 7 декабря 1930 арестован и приговорен к 3 годам концлагеря.

²²⁵ Архимандрит Трифон (в миру Кирилл Георгиевич Пилуга), родился в 1876 в деревне Петровици Игуменского уезда Минской губ. В 1894 поступил в Сяндемскую Успенскую пустынь, с 1894 насельник Александро-Свирского монастыря, пострижен там в монашество. С 1914 служил в Красном Кресте, в 1915 рукоположен во иеродиакона, в 1916 — во иеромонаха. Назначен и. о. настоятеля Кирилло-Челмогорского монастыря, в августе 1917 — указом Св. Синода утвержден настоятелем обители.

²²⁶ Примечательно, что Кирилло-Челмогорская обитель действовала до конца 1920-х годов, в то время как все монастыри Олонецкой епархии были уже закрыты. В 1929 году пустынь зафиксирована в списке населенных мест Лекшмозерской волости как выселок, и только в начале 1930-х пустынь была ликвидирована. Впоследствии эта древнейшая обитель Каргополья была полностью разрушена, не осталось даже следов от каменных зданий и ограды. Сейчас это глухое место с остатками сельского кладбища и ги-

подробно писал ему об этом и присылал документы, «написанные в защиту отхода от митрополита Сергия многих епископов и духовенства», предупредил владыку не входить в общение с митрополитом Сергием и присоединиться к митрополиту Иосифу. Хотя владыка Василий не мог сразу во всем разобрататься, но все же прекратил поминовение митрополита Сергия:

«Я, не зная сущности отхода, все же по присланным документам и письмам Большакова прекратил поминовение за службой митрополита Сергия и поминал только Петра Крутицкого».

Опасение лишиться за это кафедры привело владыку к решению «создать автокефалию с подчинением только Петру Крутицкому, то есть фактически перейти на сторону истинно-православных». О таких его действиях стало известно митрополиту Сергию, и тот, по показаниям владыки Василия, «указом от Управления епархии меня отстранил и прислал на мое место епископа Артемия»²²⁷. За поддержкой епископ Василий выехал в Ленинград, остановился там у И. Е. Большакова и по его совету отправился к протоиерею Василию Верюжскому, настоятелю церкви Воскресения на Крови.

Во время долгой беседы протоиерей Василий разъяснил владыке Василию «относительно разделения между митрополитом Сергием и Иосифом, упирая на нарушение митр. Сергием канонов». Далее протоиерей утверждал, что именно они, иосифляне, «стоят на защите истинного православия, идут за Церковь в тюрьмы и готовы за веру православную пострадать».

гантской елью. Лишь недавно на месте алтаря разрушенного храма установлен крест.

²²⁷ Артемий (Ильинский) был назначен на Петрозаводскую кафедру 22 апреля 1928 года, Каргопольская кафедра упразднена 6/19 февраля 1928 года.

Вероятно, владыка Василий неоднократно бывал у отца Верюжского, во время одной из встреч виделся с приехавшим из Москвы профессором М. А. Новоселовым, который рассказал ему, что и в Москве *«есть люди, которые идут против Сергия»*, и они уверены, что *«правда на стороне истинно-православных»*, поэтому они *«будут нас поддерживать»*, и утверждал, что *«за истинное православие эти люди готовы умереть»*.

Епископ Василий не сразу был принят иосифлянами, в течение года не служил, по его словам, *«целый год ходил только в церковь и, стоя в алтаре, молился»*. В этом сыграли роль, во-первых, непримиримость епископа Димитрия (Любимова), а во-вторых, неуступчивость самого епископа Василия. Причина была в том, что по приезду в Ленинград епископ Василий посетил Александро-Невскую лавру, где у него были знакомые, и там с ними вместе участвовал в богослужении — *«служил в лавре вместе с сергиевцами»*. Об этом узнал епископ Димитрий, и, когда И. Е. Большаков представил ему епископа Василия, тот, по словам владыки Василия, *«предложил мне перед народом сказать, что я заблудился, и истина здесь только в вашем храме»*. Епископ Василий еще был *«мало посвящен и, не зная за собой вины, спросил епископа Димитрия, в чем же каяться»*. Владыка Димитрий направил его для подробного разъяснения их позиции к Е. И. Большакову, при этом заявил, как показал епископ Василий, так:

«Мы не поминаем Соввласть, потому что она безбожная, а раз она безбожная, мы хотим ее какими-нибудь средствами уничтожить. Нас должно быть как можно больше, и мы всемерно стараемся агитировать среди верующих свои идеи против власти».

Понятно, что показания владыки Василия изложены следователем, тем не менее протокол им подписан, так же как и протоколы других допросов с по-

добными же *«антисоветскими показаниями»*. Судя по всему, владыка Василий полностью разделял мнение архиепископа Димитрия и других руководителей иосифлян и не стал скрывать этого на допросах. Но почему они не смогли найти взаимопонимания с владыкой Димитрием при первой встрече — непонятно. Покаяния владыка Василий, судя по его словам, так и не принес и остался в Питере без служения, в неопределенном положении. Служить его никто не приглашал, так как он при владыке Димитрии, по его словам, *«находился на проверке»*, и ему даже *«не доверяли работу по его Каргопольской епархии»*, куда, помимо него, *«посылали всевозможную литературу, которая в то время распространялась организацией»*. Лишь арест архиепископа Димитрия и большой группы священнослужителей изменил положение епископа Василия, и по разрешению митрополита Иосифа он *«был допущен до совершения богослужения»*. Владыка Василий сам ездил к митрополиту, который благословил его *«на управление Каргопольской епархией»*.

После этого епископ Василий служил вместе с епископом Сергием (Дружининым), который ему полностью доверял, он же передал в ведение епископа Василия каргопольское духовенство, которое, судя по его показаниям, *«приезжало в Ленинград за инструкциями, литературой и указаниями»*.

«Сначала оно, приехав в Ленинград, шло в церковь “Воскресения на Крови” к епископу Сергию Дружинину или настоятелю Советову, откуда последним направлялось ко мне, как бывшему Каргопольскому епископу».

Владыка Василий посвятил в игумены приехавшего с Лекшмозерского прихода Каргопольского уезда монаха Иоанна, *«а епископ Сергей Дружинин тогда же в архимандрита»*. Очевидно, речь шла о иеромонахе Иоанне, настоятеле церкви Петра и Павла в селе Лекшмозеро, о судьбе его ничего не известно, церковь

же, где он служил, сохранилась, хотя и в запущенном состоянии²²⁸. С некоторыми представителями каргопольского духовенства епископ Василий состоял в переписке. Так, например, благодаря письмам владыки примкнул к иосифлянам протоиерей Ольский, летом 1930 года он приезжал в Ленинград и владыка Василий наградил его митрой.

Писал владыка и Петру Вихвелину, стороннику митрополита Сергия, призывая его *«перейти на нашу сторону»*, но тот ответил, что *«переходить к нам по-ждет»*. Примечательно, что владыка Василий называет брата Петра Вихвелина — епископа Варсонофия — *«одним из епископов нашей организации»*. Это единственное свидетельство о принадлежности епископа Варсонофия (Вихвелина) к иосифлянам, в показаниях других арестованных его имя не упоминалось. Вероятно, епископ Варсонофий, хотя и сочувствовал иосифлянам, но от активной деятельности устранился и вел уединенный образ жизни. Причем сведения о его жизни после сибирской ссылки противоречивы. В справочных изданиях обыкновенно указывается, что с марта 1929 года он был на поселении в Вологодской области, а осенью переехал в Ленинград. В 1930 году он был там арестован и выслан на три года в Северный край, где и скончался в 1934 году. Однако, по другим сведениям, с 1928 по 1932 год владыка Варсонофий проживал в Каргополье у Кирилло-Челмогорского монастыря, в доме крестьянина Макария Егоровича Пономарева, и принимал участие в тайных богослужениях. В 1928 году он возвел в сан архимандрита настоятеля монастыря, иеромонаха Трифона (Пилюгу), и постриг его в схиму с именем Кирилл²²⁹.

²²⁸ Так эта иосифлянская церковь Каргополья и стоит на берегу Лекшмозера нетронутой со дня ее закрытия в начале 1930-х годов.

²²⁹ Н. Варшавская. Ведомость Кирилло-Челмогорского монастыря XIV–XX вв. 2006 г. http://kargopolie.ru/karta_prihodov/pudozhskij-trakt/kirillo-chelmogorskaja_pustyn.ved_mon.doc.

В сентябре 1932 года епископ Варсонофий, схиархимандрит Кирилл и последние насельники обители²³⁰ были арестованы как «участники контрреволюционной группировки духовенства иосифлянского толка под руководством Вихвелина, занимавшегося антисоветской агитацией». Все они проходили по одному делу с владыкой Варсонофием и получили лагерные сроки²³¹. Очевидно, владыка Варсонофий и последние насельники Кирилло-Челмогорской обители были единомысленны и поддерживали постоянную связь с петроградскими иосифлянами, в том числе и с епископом Василием (Докторовым).

По поручению епископа Сергия владыка Василий также посвящал в монашество. Судя по его показаниям на допросах, он успел посвятить около двадцати человек. Очевидно, он был согласен с мнением архиепископа Димитрия о монашестве как опоре иосифлян, о чем дал показания на следствии, изложенные в протоколе допроса в стандартном чекистском стиле:

«Епископ Димитрий Любимов в разговоре со мной о делах нашей организации говорил: “Нужно особо обратить внимание на старое кадровое монашество. Монашество — это наша опора, т. к., будучи враждебно настроенными против Соввласти за разоренные монастыри и подворья, они не меньше нашего ненавидят Соввласть и ждут ее гибели. Будучи религиозно оз-

²³⁰ Архимандрит Афанасий (Кузьмичев), игумен Василий (Лебедев), иеромонахи Варсонофий (Солодягин) и Дорофей (Мусихин). Также арестовали прихожанок: монахиню Анну (Мишину) и мирянку Дарью Новинкину.

²³¹ Епископ Варсонофий был приговорен к 8 годам концлагеря, с заменой затем высылкой на тот же срок. 6 августа 1934 владыка скончался. Известно, что из осужденных в 1932 году вернулись в родные места архимандриты Трифон и Афанасий, монахиня Анна. В 1937 вновь арестованы и приговорены к расстрелу двое: архимандрит Афанасий и монахиня Анна.

лобленными против Соввласти, они помогают нам разяснять верующим, что только мы стоим на защите истинного православия. Нужно обращающихся к нам за новыми пострижениями не отталкивать, а постригать, научать их и закреплять их в борьбе с антихристовой властью».

Важно отметить, что владыка Василий был сначала *«противником того, чтобы монашки вместо молитвы в церкви распространяли брошюры, мешая православным молиться».* Но после разговора с протоиереем Феодором Андреевым, который на его протесты заявил: *«Монашки являются верными нашими помощницами в распространении наших идей»*, очевидно, изменил свое мнение. Ближайшими советниками владыки Димитрия, по словам епископа Василия, были монахини Анастасия (Куликова) и игуменья Вероника²³², а также жена умершего отца Феодо-

²³² Игуменья Вероника (в миру Пелагея Николаевна Романенко) родилась в 1874. В 1890 вступила в Леушинскую обитель, с 1900 — в Иоанновском монастыре на Карповке. В 1922 посвящена в игуменьи и назначена настоятельницей Воронцовского монастыря, затем — Благовещенского монастыря в Холмском уезде Псковской губ. В начале 1924 после закрытия монастыря прибыла в подворье монастыря в Петрограде, в 1927 присоединилась к иосифлянам. С 1929 скрывалась от властей, жила в деревне Орлово Холмского уезда, в Петрограде бывала наездами. Весной 1932 арестована, на допросе 4 мая заявила: *«Начиная с 1927 года, т. е. с того момента, когда старая Патриаршая (Тихоновская) Церковь раскололась на два лагеря, я примкнула к тому лагерю, вернее, к той целостной Истинно-Православной Церкви, архипастыри, пастыри и настоящие последователи которой избрали путь свержения существующей мирской власти и восстановления монархии»; «Господь всемогущ — проповедовать в каких угодно условиях Имя Господне, и настанет такое время, когда расточатся “врази” Его, т. е. отойдет в область преданий безверие, и рассыпется существующая власть — это ужасное страшлище, от которого мне самой пришлось скрываться целых три года».* Шкаровский. М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб., 2006, С. 538.

ра, Наталья Андреева, и *«все важные поручения, переписка писем проходила через этих лиц»*. На монахиню Веронику была возложена обязанность *«производить новые пострижения, посещать монашеские общежития и укреплять их в идейной борьбе с нарастающим безверием»*. Впоследствии владыка Василий с монахиней Вероникой однажды провел пострижение в монашество в церкви Моисея на Пороховых, при этом *«пострижено было две монашки и две приведены в рясофор»*. Из них одна монахиня была пострижена для церкви Моисея, а вторая была послана Вероникой для работы в деревне; *«одна рясофорная была послана в церковь в Полюстрово, а вторая в церковь на Пискаревку»*. Последующие пострижения владыка *«производил с монахиней Димитрией из Шестаковского подворья, проживающей при подворье на Кирилловской улице»*²³³.

После постригов обыкновенно устраивались чаепития, представленные следствием как сборища, где *«вновь посвященные монашки получали информацию о целях и задачах истинного православия»*, и где их убеждали, что с этого момента они должны, *«не страшась смерти, всячески помогать делать одно общее дело — уничтожать безбожную власть как власть антихриста»*. О посвящениях в монашество епископом Василием упоминал в своих показаниях и протоиерей Никифор Стрельников, при этом он отметил, что им были пострижены молодые люди из семей интеллигентов.

²³³ Шестаковское подворье Шестаковского Вознесенского монастыря Тверской епархии, расположенного близ села Боженок в 70 км к северу от Кашина. Храм подворья в Петербурге был заложен св. прав. Иоанном Кронштадтским, главный придел был освящен в 1900 году. Во дворе был построен флигель для богадельни и сестер, в 1914 году их было 25 человек. Сведения о монахине Димитрии найти не удалось. Епископ Василий упоминает в своих показаниях, что она *«исполняла обязанности псаломщика в Моисеевской церкви на Пороховых»*.

Совершались и тайные хиротонии, так, монах Иннокентий *«был посвящен во иеромонаха в скрытой обстановке в будний день без народа епископом Василием и служил в единоверческом храме в Ленинграде на улице Марата»*. Предполагались также тайные посвящения не только монашествующих и иереев, но и архиереев (об этом свидетельствовал в своих показаниях епископ Сергей (Дружинин)). Владыка Василий не сомневался в важности таких посвящений, в чем был совершенно согласен с архиепископом Димитрием, и привел на допросе его слова о том, что *«для сохранения истинного православия придется уйти в подполье»*, и для этого нужно создать *«новые кадры служителей»*, а чтобы они не подвергались арестам, *«нужно производить тайные посвящения»*.

Примечательно свидетельство владыки Василия о хиротониях иоаннитов. По его словам, одно время у духовенства иосифлян вызывало немалое смущение, что владыка Димитрий (Любимов) благоволил иоаннитам, против их причащения особенно был протоиерей Феодор Андреев, он *«отталкивал их от чаши, считая их не православными за то, что они, иоанниты, Иоанна Кронштадтского считают за Бога. Епископ Димитрий отрицал возводимое на иоаннитов такое обвинение и говорил, что они являются стойкими борцами за истинное православие, ведут праведную жизнь и так, же как и мы, ненавидят Соввласть, и отталкивать их от себя не следует»*.

Епископ Василий и сам не раз убеждался, что иоанниты *«своей преданностью Церкви, своей горячей верой в Бога помогли нам вести борьбу с врагами Церкви Христовой»*, активно распространяя через своих книгоношей религиозно-нравственные брошюры и книги, а также все письма и брошюры иосифлян. И на следствии владыка подтвердил: *«Я считал и считаю, что из их среды могут быть стойкие право-*

славлю пастыри и обращающихся ко мне с просьбой посвятить их в иеромонахи посвящал тайно у себя на квартире». Из иоаннитов были, очевидно, и диакон Павел Морозов, и мирянин, сапожник Сергей Федоров, впоследствии посвященные архиепископом Димитрием в священники. Епископ Василий подтвердил на допросе, что считал их «верными преданными советниками» владыки Димитрия²³⁴.

После ареста архиепископа Димитрия и расстрела священников Сергия Тихомирова и Николая Прозорова *«среди верующих стали распространяться слухи, что Соввласть будет арестовывать всех верующих, что молиться и ходить в церковь в обычные для служб положенные часы небезопасно». С этого времени «стали производиться тайные ночные службы по квартирам и церквям», одну такую службу владыка Василий сам совершил в единоверческой церкви на улице Марата. Богослужение прошло с двенадцати часов ночи до пяти утра при закрытых дверях. Как показал позднее владыка: «Присутствовали на этой службе неизвестные мне, исключительно женщины в белых платочках, они же и пели». С епископом Василием служил тогда иеромонах Игнатий (Астанин), затем они пили чай в доме присутствовавшей на этом тайном богослужении жены Алексия Шеляпина, к тому времени арестованного настоятеля церкви.*

²³⁴ Подробных сведений об этих лицах не сохранилось, среди арестованных по групповым делам иосифлян их нет. В некоторых публикациях указан в качестве арестованного в ноябре 1929 года «*диакон Павел Морозов*», но это ошибка: во-первых, Павел Морозов владыкой Димитрием был к тому времени посвящен во иерея, а во-вторых, другие обвиняемые показали, что Павел не был арестован. Так, протоиерей Василий Смирнов подтвердил, что в Тайцах познакомился с секретарем владыки Димитрия Павлом Морозовым и тот «*после ареста Димитрия куда-то исчез*». Иподьякон Петр Сазонов также подтвердил, что знал Павла Морозова, но «*куда он скрылся, не имею представления*». Никаких других сведений о Павле Морозове и его дальнейшей судьбе нет.

В заключение своих показаний епископ Василий прямо заявил, что коллективизацию иосифляне рассматривали как *«общее бедствие для крестьян и Православной Церкви»*, поэтому старались убедить крестьян в колхозы не вступать. Они разъясняли им, что *«через коллективизацию будут уничтожены в деревне церкви и верующие крестьяне будут лишены возможности молиться, церкви будут заняты под клубы, в которых вместо службы будут производить дьявольские пляски»*. Крестьянам разъясняли это главным образом монахини и иоанниты, что и подтвердил владыка: *«Об этом я знал и никаких мер против этого не принимал потому, что как монашки, так и иоанниты скорбели за гибель Церкви вместе с нами, и задачи их были нашими задачами — вести борьбу с врагами Церкви»*. Об этих «задачах» владыка Василий показывал откровенно и подробно:

«Цели и задачи организации, чтобы бороться с безбожием и насаждать истинно-православную веру среди безбожного мира и колеблющихся христиан, а главное — против безбожной власти, которая уничтожает и разрушает св. храмы и оскверняет их, делая из них публичные увеселительные места. Причины, побудившие меня вступить в организацию: видя и слыша поправление Св. Веры Христовой богоотступниками, решил твердо и согласен страдать с людьми Божьими. Даже до крови, готов ради Христа на смерть».

После таких откровений епископ Василий (Докторов) наряду с епископом Сергием (Дружининым) был признан в «Обвинительном заключении» одним из основных руководителей иосифлян. 8 октября 1931 года он был приговорен к пяти годам тюремного заключения и 29 ноября вместе с епископом Сергием был отправлен в Ярославский политизолятор.

Верующие не оставляли владыку без помощи и так же, как епископу Сергию, отправляли ему послыл-

ки и навещали в тюрьме. Так, в фонде ПКЖ сохранилось заявление Ольги Дмитриевны Суворовой с просьбой разрешить «свидание с братом Докторовым Василием (он же Владимир) Ивановичем, арестованным 7 декабря 1930 г. в Ленинграде и высланным 29 ноября 1931 г. в гор. Ярославль, политизолятор, камера № 15»²³⁵. Ольга Дмитриевна не была родственницей владыки и выдавала себя за сестру, так как разрешение на свидание могли получить только близкие родственники. Она и ее муж, Василий Павлович Суворов, будучи горячо верующими людьми, помогали многим заключенным. А в их квартире по адресу: Лиговская улица, дом 167, квартира 6, была устроена тайная домовая церковь, где хранились облачения и церковная утварь владыки Василия и еще нескольких арестованных иосифлянских священнослужителей. Осенью 1933 года сами супруги Суворовы были арестованы, привлечены к следствию по групповому делу иосифлян и осуждены²³⁶.

В сентябре 1933 года епископ Василий был переведен в восьмое Соловецкое отделение Беломорско-Балтийского комбината (Белбалтлага) и там, в соответствии со специальным указанием ОГПУ, содержался на тюремном режиме в специзоляторе, не привлекаясь на работы. В сентябре 1934 года из Управления Белбалтлага был послан запрос в Москву «о порядке освобождения з/к ДОКТОРОВА Василия Ивановича». Позднее в характеристике, сопровождавшей повторный запрос, отмечалось, что заключенный — хорошо поведения, «дисциплинирован, внутренний распо-

²³⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 842. Л. 10.

²³⁶ По этому групповому делу проходили тридцать иосифлян, среди них иерей Алексей Колесов, тайно служивший в квартире Суворовых и в других местах, иерей Павел Гайдай, приехавший из Киева, диакон Филимон Юдин, монахиня Иоанновского монастыря Иоанна Лежоева и другие монашествующие и миряне-иосифляне.

рядок соблюдает». Однако большего не сообщала, вследствие того, что по нему «не имелось осведомления». Заметим, что отсутствие более подробных сведений о заключенном объяснялось тем, что «агентурной проработки по изолятору, согласно указаниям 3-го Отделения ГУЛАГа, не требовалось». Из Москвы последовало разрешение на освобождение заключенного по окончании срока наказания²³⁷. 7 декабря 1935 года владыка Василий был освобожден и, согласно справке из Управления Белбалтлага, убыл в город Мариуполь Донецкой области.

О последних годах жизни владыки Василия ничего не известно. На запрос о его судьбе получен ответ из Министерства внутренних дел Украины, что «в учетных документах МВД и ГУМВД Украины в Донецкой области нет сведений об осуждении и применении репрессий к Докторову Владимиру (Василию) Ивановичу, 1872 г. р.». В Главном Информационном Центре МВД РФ есть сведения о репрессированном Докторове Василии Ивановиче, но 1870 года рождения и уроженце Ленинграда. Он был арестован 2 января 1940 года в Виннице с паспортом на чужое имя — Ефимов Василий Иванович — и привлечен к следствию по групповому делу. 30 июля 1940 года Докторов Василий Иванович по постановлению Винницкого областного суда был приговорен к высшей мере наказания²³⁸ и 19 ноября 1940 года расстрелян.

²³⁷ С применением к нему паспортного режима в порядке циркуляра ОГПУ № 124 от 1933 года.

²³⁸ По статьям 54-10, 54-11 и 80-1 УК УССР.

ГЛАВА III

Епископ Иларион (Бельский)

В материалах следственного дела 1937 года епископа Сергия (Дружинина) неоднократно упоминается имя епископа Илариона (Бельского), как единомышленника и *«соратника»* владыки Сергия в *«активной контрреволюционной борьбе против Советской власти»*. Епископ Иларион с 1933 года проживал в ссылке в Марийском городе Козьмодемьянске. Родом из Петербурга, он, однако, с владыкой Сергием не был знаком и там не встречался. Их пути пересеклись в последние годы жизни, и они оба приняли мученическую кончину в Йошкар-Оле в 1937 году.

Жизненный путь владыки Илариона

1. Архиерейская хиротония и первый арест

Сведения о жизни епископа Илариона довольно скудны. По материалам следственного дела известно, что он родился в Петербурге 20 марта 1893 года в се-

мье священника Владимирской церкви на Владимирской улице, Иоанна Иаковлевича Бельского. В крещении был наречен Иваном. В 1927 году отец епископа Илариона еще был жив²³⁹, видимо, с ним же проживала и сорокалетняя сестра владыки, Елена Ивановна. Спустя семь лет, при заполнении анкеты 1934 года, на вопрос о наличии родственников владыкой Иларионом был дан отрицательный ответ, так что следователем в этой графе был поставлен замысловатый знак «Z».

Иван окончил Олонецкую семинарию и с 1917 года работал воспитателем в Петрозаводском духовном училище. Затем приехал в Петроград и поступил в Александро-Невскую лавру, где 12 августа 1919 года был пострижен в монашество с именем Иларион. В 1922 году он был рукоположен в священнический сан и направлен для служения в Борисоглебскую церковь на Калашниковской набережной Петрограда, при этом он также исполнял и обязанности правителя дел Духовного Собора лавры.

После ареста митрополита Вениамина (Казанского) отец Иларион был арестован по делу иеромонаха Александро-Невской лавры Льва (Егорова), возглавлявшего православное братство. Власти были недовольны деятельностью братств и различных православных обществ, которые стихийно возникали повсюду. Еще 22 апреля 1922 года в «Известиях» появилась хлесткая статья, в которой с негодованием отмечалось: «В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ. Духовенство обрабатывает этим путем молодежь».

Ранним утром 1 июня 1922 года несколько насельников лавры были арестованы и подвергнуты усиленным допросам. 3 июня в четыре часа утра в

²³⁹ Он проживал по адресу: Кузнечный переулок, дом 1, квартира 14.

лавру вновь явились чекисты и предъявили ордер на обыск и арест отца Льва, но найти его не смогли. Это же повторилось и на следующую ночь. По подозрению в укрывательстве задержали иеромонаха Илариона (Бельского) и в течение двух месяцев допрашивали, а затем освободили без предъявления обвинения, дело было прекращено.

Осенью 1924 года отец Иларион был вызван в Москву Святейшим Патриархом Тихоном и 1 октября хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии, причем его хиротонию возглавил сам Патриарх. В 1925 году Патриарший Местоблюститель митрополит Петр Крутицкий перевел владыку Илариона в Смоленск с назначением епископом Поречским, управляющим Смоленской епархией²⁴⁰.

19 июня владыка Иларион прибыл в Смоленск и в течение трех лет, до своего ареста, успешно управлял епархией. Он активно боролся с обновленческим расколом, способствуя укреплению православия, о чем позднее на следствии показал так: *«По прибытии в гор. Смоленск я по приглашению церковных советов служил по церквям гор. Смоленска, рукополагал в сан диакона и священника по просьбе общин, по добровольному желанию некоторого духовенства принимал таковых в общение с Православной Церковью из обновленческого раскола»*²⁴¹.

По просьбе общин владыка награждал священнослужителей соответствующими наградами — так, он возвел в игумена иеромонаха Троицкого монастыря Смоленска, а 13 июня 1926 года наградил саном игумены монахиню Серафимовского монастыря Раису

²⁴⁰ Об этом показывал владыка Иларион на допросе. По некоторым данным, в Смоленск епископ Иларион был выслан.

²⁴¹ Отдел спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 24362. Т. 1. Л. 157 об. Далее, кроме отмеченных особо, цитаты из данного дела.

(Синкевич) из города Сычевки²⁴². Последнее сыграло для него роковую роль. 5 февраля 1927 года епископ Иларион был арестован по обвинению в связях «с активными членами Сычевской монархической группировки», оказывавшими «содействие лицам, выдававшим себя за членов семьи быв. царского дома Романовых».

На допросе владыка Иларион подтвердил, что возвел монахиню Раису (Синкевич) в сан игуменьи, причем с письменного разрешения митрополита Сергия (Страгородского), но категорически отрицал какие-либо разговоры с ней на политические темы, а относительно слухов о царских детях заявил, что «вообще ни от кого и никогда об этом не слыхал». На самом деле, монахиня Раиса, действительно, по своей простоте доверилась авантюристам, выдававшим себя за членов царского дома, Великих князей. Познакомилась она с ними еще в августе 1925 года во время поездки в Великий Устюг к епископу Иринарху. Судя по ее показаниям, на станции Вятка к ней подошла незнакомая гражданка и спросила, живо ли духовенство в Москве, затем, разузнав у матушки, кто она и куда едет, спросила адрес и дала свой: «г. Свердловск, монастырский собор, игуменье Феонии»²⁴³. В ноябре 1925 встреченная матушкой гражданка приехала в Сычевку с молодым человеком. Представлялись они как Мария Николаевна, царская дочь, или Муся²⁴⁴, и

²⁴² Раиса Иосифовна Синкевич, родилась в 1879 в крестьянской семье. Получила домашнее образование. Монахиня Серафимовского монастыря, учрежденного из Сычевской женской общины в 1913 году (община была основана в 1903). После закрытия монастыря служила псаломщицей кладбищенской церкви.

²⁴³ Хиония Беляева, игуменья Екатеринбургского Новотихвинского монастыря.

²⁴⁴ Чеснокова Евдокия, родилась в 1903 в Польше в дворянской семье. Получила начальное образование. С малолетства проживала в селе Макарьевское Новиковского уезда Бийского округа (Алтай). С 1924 выдавала себя за Великую княжну Марию.

Андрей Владимирович — Великий князь²⁴⁵, позднее прибыл якобы спасшийся царевич Алексей²⁴⁶.

Монахиня Раиса довольно быстро поверила «Великим князьям» и вскоре рассказала о них игумену Кириллу (Сычеву), Василию Костылеву²⁴⁷ и другим надежным людям. Игумен Кирилл позднее на следствии показал, что когда Раиса Синкевич представила ему Ковшикова и Чеснокову как Великих князей, то он, *«дабы удостовериться в подлинности их княжеского происхождения, совместно с Синкевич и монашкой Федоровой Натальей сличал личности “князей” с портретами царских фамилий в календаре, причем убедились, что действительно есть большое сходство»*.

А Василий Костылев, хотя и сомневался с первой же встречи в подлинности «Великого князя Андрея Владимировича», который говорил *«слишком грубо, а не как интеллигент»*, однако все-таки принимал их всех у себя, предоставлял им квартиру и деньги, устраивал встречи с ними²⁴⁸. Позднее на следствии он показал, что *«принимал их из жалости, как детей, оставленных и оказавшихся после революции на произвол судьбы»*, при этом не мог скрыть своих сомнений и разочарования, ведь так хотелось ему *«ви-*

²⁴⁵ Некий Ковшиков, крестьянин из Тверской губернии.

²⁴⁶ Шитов Алексей Иванович, родился в 1905 в Орловской губ., в крестьянской семье. Получил начальное образование. Проживал в Бийске. Согласно его показаниям на следствии, в его царском происхождении его «уверили» соседки в 1924 году, говорили, что он *«напрасно скрывается»* и им *«отлично известно его отчество как сына и наследника царя Николая II»*.

²⁴⁷ Костылев Василий Александрович, родился в 1869 году. До революции занимался крупной торговлей, был членом Союза Русского народа.

²⁴⁸ По версии следствия, это был *«банкет, на коем распивалось вино с провозглашением тостов за здравие царского дома, присутствовавших князей и наследника российского престола Алексея Николаевича»*.

деть их, как детей царского дома, чистыми и нравственными».

Подобные случаи появления якобы спасшихся членов царской семьи происходили нередко в после-революционные годы в разных областях бывшей Российской империи и за границей²⁴⁹. Независимо от того, чем руководствовались самозванцы, власти жестоко репрессировали их и всех, кто им верил и помогал. Так случилось и на сей раз. Доверчивость и наивность монахини Раисы, желавшей помочь мнимым князьям, погубили не только ее, но и многих людей, с которыми она общалась.

Осенью 1925 года, когда из Великого Устюга прибыл епископ Иринарх²⁵⁰, Раиса рассказала ему, что у них *«появилась “княжеская семья”*», на что владыка заявил: *«Этого не может быть, так как царской семьи нет в живых, а это шарлатаны, и гоните их вон»*. К сожалению, Раиса не послушала этого мудрого совета и продолжала до самого ареста всячески помогать *«Великим князьям»*: через знакомого из церковного совета достала для них, не имевших документов, но желавших выехать за границу, четыре паспортных бланка с печатями, а у диакона — метрические выписки. Вместе с *«царевичем»* Алексеем Шитовым и *«княжной»* Евдокией Чесноковой посетила бывший Казанский монастырь возле Сычевки, где представила их игумену Серафиму (Себекину) и он, по

²⁴⁹ Явление самозванцев — своеобразный феномен русской истории. В смутные времена всегда находились авантюристы и проходимцы, которые, пользуясь неясностью общей политической обстановки и наивностью народа, играли на исконных русских чувствах преданности и любви к царям. Так и в XX столетии отмечено немало случаев подобного «самозванства».

²⁵⁰ Иринарх Синеоков-Андреевский, с 1917 — епископ Березовский, с 1922 — временно управляющий Якутской епархией. В 1924 выслан в Смоленск, с 1925 — в Великом Устюге. В 1925 к нему и ездила игуменья Раиса, когда на обратном пути встретила *«Великих князей»*.

ее словам, «из-за сожаления и бедности в настоящее время “Марии Николаевны”, купил ей ботинки с га-лошами»²⁵¹. По ее инициативе монахини среди крестьян деревни Ходыкино собирали материальную помощь для бывших «князей и княжон».

Игуменья Раиса, как ей казалось, «хранила тайну», тем не менее с весны 1926 года по Сычевке стали циркулировать слухи о темных личностях, которых она опекает. Тогда Раиса отправила Ковшикова и Чеснокову во Ржев, где они также нашли приют у верующих и священнослужителей, даже были тайно обвенчаны священником Покровской церкви и затем уехали на родину Ковшикова, в деревню Новое Село Бежецкого уезда под Тверью.

С июля 1926 года по делу «алтайских самозванцев» начались аресты: сначала в Барнауле были арестованы Алексей Шитов и его покровители; в Сычевке аресты были произведены в январе 1927 года и продолжались до июня 1927 года²⁵²; в феврале 1927 года в Тверской области были арестованы Ковшиков и Чеснокова; тогда же произведены аресты во Ржеве, — всего к следствию по делу было привлечено сорок два человека. Обвинения были очень серьезные,

²⁵¹ Игумен Серафим на следствии категорически это отрицал: «Никаких князей не знаю и о таковых никогда не слышал, а в особенности о проживании какой-то царской семьи, царских детей в г. Сычевке. Никаких ботинок никому не справлял. Меня как монаха посещают многие лица, но кто они таковые — не знаю, так как у них на лбу ничего не написано. По возможности и при наличии средств оказываем материальную помощь всем лицам, кто бы ко мне ни обращался».

²⁵² Помимо епископов Илариона и Венедикта и игуменья Раисы Синкевич в Смоленский ДПЗ № 2 были доставлены: архимандрит Кирилл (Сычев), игумен Серафим (Себекин), монахиня Наталия Федорова, бывший полицейский Корнев Сергей Николаевич, его дочь Корнева Александра Сергеевна, бывшие купцы Костылев Василий Александрович и Уткин Алексей Георгиевич, бывший милиционер Балинов Кузьма Петрович.

и все, кто хоть каким-то образом принимал участие в судьбе злополучных «Великих князей», рассматривались как опасные политические преступники.

Достаточно было игуменье Раисе упомянуть на допросах о епископах Смоленском Иларионе и Вяземском Венедикте, чтобы оба владыки были арестованы и привлечены к следствию. Причем в своих показаниях игуменья Раиса ничего не говорила о том, что владыка Иларион знал о проживавших у нее «Великих князьях». Сопровождавшая Раису монахиня Наталья Федорова также отрицала разговоры с епископом Иларионом на эту тему. Раиса лишь задавала владыке вопрос: *«Ваше Преосвященство, правда ли говорят, что дети бывшей царской семьи живы и в настоящее время?»* Жесткий ответ, который она получила от епископа Илариона: *«Это меня не касается»*, не имел для следствия никакого значения.

Кроме того, при аресте у игуменьи Раисы были изъяты и приобщены к делу следующие документы: удостоверение Синкевич, выданное Иларионом, грамота епископа Илариона о награждении Синкевич, отношение епископа Илариона от 31 мая/13 июня 1926 года. Это, естественно, привлекло особое внимание следствия к владыке: посвящение в сан игуменьи было расценено как *«награда за прием Великих князей»*, и, несмотря ни на какие протесты и заявления епископа Илариона, в дальнейшем это определение появится и в материалах *«Обвинительного заключения»*.

Епископ Венедикт (Алентов) показал, что слышал от верующих, что игуменья Раиса принимает темных лиц, о которых идет молва, что они Великие князья. У него был разговор с игуменьей Раисой на эту тему, и он предупредил ее, что не следует принимать подозрительных лиц: *«После этого я ей разъяснил, что по периодической печати и по прочитанной мной книге Последние дни Романовых было документально дока-*

зано, что вся семья Романовых была казнена в г. Екатеринбург. После этого я ей добавил, что все обращающиеся за помощью с этими именами есть проходимцы и их личности надлежит выяснять в милиции».

Несмотря на подобные заявления, следствием было отмечено, что епископы Иларион и Венедикт «в достаточной степени избобличаются в том, что, находясь в тесной связи с активными членами Сычевской монархической группировки, оказывали совместно с таковыми содействие лицам, выдававшим себя за членов семьи бывшего царского дома Романовых», и постановлено допросить их в качестве обвиняемых и мерою пресечения избрать «содержание под стражей в ДПЗ по 2-категории». На допросе 18 февраля владыка Иларион заявил:

«Свои прежние показания подтверждаю полностью и виновным себя в участии и связях с Сычевской монархической группировкой не считаю, так как из Сычевки никого не знаю и знаком лишь с игуменьей Синкевич Раисой, каковая приезжала ко мне для возведения в сан игуменьи и приезжала ко мне в гор. Смоленск раз или два. Других каких-либо связей я с Сычевкой не имел».

4 марта 1927 года епископ Иларион написал заявление на имя уполномоченного ОГПУ города Смоленска:

«Заявление

Предъявленное Вами обвинение 18 февраля 1928 г. по ст. 58 п. 5 и 58 п. 12, я считаю себя невиновным. С целью правосудия и справедливости и чтобы не было невинной жертвы, я убедительно прошу Вас допросить городское духовенство и церковные советы г. Смоленска, а также благочинных I-го и III-го округа Смоленска <...> о том, говорил ли я когда-нибудь на политические темы и делал ли какие-нибудь распоряжения, направленные против Советской власти. И тогда Вы сами воочию удостоверитесь, что

нет. Врагом Советской власти я никогда не был, против власти не шел и идти не желаю, в чем Вы можете убедиться из бумаги, извлеченной Вами при обыске и аресте меня в феврале сего года. Достаточно взять мой ответ, написанный мною к Духо-Николаевской общине города Рославля (этот ответ находится в ОГПУ). О принятии под свое духовное руководство религиозной жизни и удостоверения, выдаваемого священникам и диаконам после рукоположения в священные степени, и прочее, чтобы убедиться, что я всегда просил духовенство политикой не заниматься, никогда ничего не говорить против существующей гражданской власти, а руководствоваться Декретом об отделении Церкви от государства. Гражданскую власть я признавал и признаю. К партии никакой не принадлежу. Вообще я стою вне политики. Во время пребывания в гор. Смоленске я не произносил проповедей в церквях, кроме вступительной речи при приезде в гор. Смоленск (которая в данное время находится в ОГПУ). Проповедей я не говорил из опасения, чтобы мои слова не были неверно истолкованы. Никаким тайным организациям не принадлежу и не принадлежал, и не желаю принадлежать. Но если почему-либо доведено ОГПУ в заблуждение путем ложных доносов и неточных сведений, то прошу дать возможность объясниться путем очной ставки. Зная лично Вас с хорошей стороны в течение одного года и восьми месяцев, т. е. во время пребывания в гор. Смоленске, я убедился, что Вы справедливейший и гуманнейший человек и потому не допустите невинных жертв, и надеюсь, что мою просьбу исполните. Ни про какие дома Романовых не выслушивал, которые якобы находились в гор. Сычевке, и не говорил и ничего общего не имею с этой наглой, глупой авантюрой, которая могла только пустить свои корни в глухой провинции, где могут поверить разным небылицам.

Ввиду всего вышеизложенного прошу отменить меру пресечения, ускорить следствие, дабы снять с меня незаслуженное обвинение.

Иларион Бельский

4 марта 1927

г. Смоленск

ДПЗ № 2, камера 3б».

Однако и это заявление ничего не изменило в судьбе владыки Илариона, и следствием он был включен в монархическую группировку, которая *«внедряла в умы окружающего крестьянства идеи монархизма»*. 8 марта 1927 года было вынесено постановление о возбуждении ходатайства перед ВЦИК о продлении на два месяца срока лишения свободы обвиняемых — *«для производства следственных действий по делу в связи с тем, что аналогичные группировки выявлены в гор. Барнауле и Тверской губернии»*.

«Обвинительное заключение» по делу было предъявлено обвиняемым 17 июля 1927 года. В отношении «Великих князей» Шитова и Ковшиковой-Чесноковой в нем говорилось: *«<...>в целях подрыва и ослабления, а в конечном итоге свержения власти рабоче-крестьянских Советов и реставрации в СССР монархического строя, выдавая себя первый — за спасшегося от революционной расправы члена царствовавшего до революции дома Романовых наследника российского престола Алексея, а вторая за Великую княжну Марию Николаевну, совместно с Ковшиковым и Шангиной²⁵³<...> сгруппировали вокруг себя бывших членов монархических организаций и монархически настроенный элемент, надеющийся на скорое свержение Соввласти»*.

Остальные тридцать четыре арестованных обвинялись в том, что *«по уговору между собой заведомо сознательно составили преступную контрреволюционную организацию, имевшую целью подрыв и ослабление власти рабоче-крестьянских Советов, путем провозглашения и популяризации в массах населения подставных лиц якобы “членов царствовавшего до революции дома Романовых, спасшихся от револю-*

²⁵³ Шангина, выдававшая себя за царскую дочь Анастасию, не проходила по делу, очевидно, она вовремя скрылась.

ционной расправы”, для каковой цели, укрывая “князей и княжон”, развозили таковых по деревням, собирали среди крестьянства и своих приближенных деньги в их пользу, советовали собирать и беречь царские деньги, так как “вся бывшая семья не расстреляна, а в не далеком будущем при помощи англичан свергнет иго большевиков, и деньги пойдут в ход” — ставя своим участием в организации в конечном итоге цель — свержение рабоче-крестьянских Советов и реставрацию в СССР монархического строя и “былых времен”».

Епископ Иларион и еще трое обвиняемых были выделены в отдельную «контрреволюционную группу». Они хотя и не входили в монархическую группу и не были осведомлены о конечных ее целях, но тем не менее, «находясь в приятельских отношениях с ее членами, оказывали содействие в укрывательстве не только выдававшим себя за князей, но и другим участникам группировки». И хотя в начале «Обвинительного заключения» в отношении владыки Илариона было отмечено: «Бельский Иларион Иванович виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал и показал, что “никаких разговоров с игуменьей Синкевич Раисой о князьях у него не было. Синкевич Раису возвел в сан игуменьи среди лета 1926 г. по представлению архимандрита Сычева Кирилла за долголетнюю службу, но не за прием, оказанный князьям”», тем не менее в заключительной части он обвинялся в том, что «зная от Синкевич Раисы и Федоровой о проживании мнимых Великих князей и княжон в г. Сычевке и при обращении к нему за советом Синкевич — какого придерживаться поведения с “князьями” — давал лаконические уклончивые ответы. За оказанный прием и приют “князьям” по представлению архимандрита Сычева монахиню Синкевич возвел в сан игуменьи под видом “за усердную церковную службу”».

29 августа 1927 года был вынесен приговор. Восемь обвиняемых, в их числе игуменья Раиса Синкевич и священник Феодор Топорков, а также выдававшие себя за Великих князей Шитов, Ковшиков²⁵⁴ и Чеснокова-Ковшикова, были приговорены к расстрелу. Большая часть обвиняемых (26 человек) — к различным срокам концлагеря, и лишь 9 человек — к высылке.

Во всей этой истории, как и во всех историях, связанных с самозванцами, удивляет, с одной стороны, дерзость и наглость самозванцев, а с другой — какая-то наивность и слепота поверивших им. И если эта доверчивость со стороны малограмотных, простых экзальтированных женщин, к каковым можно отнести и монахиню Раису Синкевич²⁵⁵, вполне объяснима, то непонятно, как могли поверить им серьезные люди и даже священники. Например, пятидесятилетний Феодор Топорков, бывший царский чиновник и мировой судья, имевший высшее юридическое образование и, вероятно, немалую судебную практику? Неужели мнимые князья так искусно себя представляли, что их трудно было распознать? Едва ли бывший комсомолец Шитов и Ковшиковы были столь великими актерами. Тем более что и вели они себя далеко не по «великокняжески», и это видели сами их почитатели. Вероятно, мнимые князья вообще имели смутное представление не только о светских манерах, но и вообще о пра-

²⁵⁴ По какой-то причине имени Ковшикова нет в числе обвиняемых в материалах «Обвинительного заключения», также нет и имени епископа Венедикта (Алентова), но в приговоре, однако, они значатся.

²⁵⁵ У нее потом появился и «спасшийся царь Николай», которого она разглядела в бывшем чиновнике Гатчинского дворцового управления Сергее Николаевиче Корневе. Она пригласила его петь в церковном хоре. На заявление Костылева, который как делегат от Сычевского отделения Союза русского народа встречал царя в Смоленске в 1912 году, что Корнев не является царем, Раиса ответила: *«Он нарочно скрывает и не хочет признаваться, и если он не царь, то, во всяком случае, является Великим князем».*

вилах хорошего тона, а уж их речь должна была бы сразу выдать их истинное происхождение.

И тем не менее им верят. Так и усомнившийся сначала Василий Костылев потом принимает их и всячески им помогает, хотя и сожалеет об их поведении, но объясняет «опрощение князей» десятилетним пребыванием в СССР в скитаниях и т. д. То же самое, вероятно, происходит и с другими «поверившими». Вероятно, так была сильна надежда на то, что царская семья спаслась, что не все и не всё погибло, и что будет еще возрождение России... Более того, порой сами «поверившие» уверяют «Великих князей» в их происхождении. И здесь еще неизвестно, кто на самом деле был инициатором мифа — мнимые князья или их поклонники. Потому и не совсем корректно называть их «самозванцами». Вообще, в этой истории много странного и нелепого, на грани фантазии или даже болезни...²⁵⁶.

Очевидно, что епископ Иларион не мог принимать участия в подобной аванюре и не имел никакого отношения к алтайско-сычевским самозванцам. Тем не менее то ли по случайности, то ли намеренно он был пристегнут к этому опасному делу и, просидев почти целый год в смоленской тюрьме, ни за что ни про что был приговорен к десяти годам концлагеря.

2. В Соловецком лагере

В конце 1927 года владыка Иларион был отправлен на Соловки, со 2 января 1928 года исчисляется срок его пребывания в Соловецком лагере особого назначения. Известно, что зимой непосредственно на

²⁵⁶ Материалы следственного дела были недавно подробно опубликованы в книге Алексеева В. В. и Нечаевой М. Ю. «Воскрешшие Романовы?...» К истории самозванства в России XX века. Часть 2. Челябинск — Екатеринбург, 2002.

сам архипелаг заключенных отправлять не могли, и до начала навигации они содержались в пересыльном лагункте в Кеми. Вероятно, владыке пришлось пробыть там всю зиму, и что он там пережил, можно представить по воспоминаниям очевидцев, летописцев Соловецкой каторги:

«Кемперпункт, или пересыльно-распределительный пункт Соловецкого концлагеря на Поповом острове вблизи Кеми, — это его чистилище, первые круги Дантова ада. Тюремная обстановка позади, впереди — лагерная, или, как образно до весны 1930 года втолковывали всем новичкам: “Тут кончилась власть советская и началась власть соловецкая”.

Хуже всего угодить на перпункт зимой, когда море замерзло, а этапы из тюрем хотя и реже, но продолжают поступать. Бараки переполнены, шпана бесчинствует, начальство звереет; холодно, голодно, страшно, и вши с клопами заедают. А и того хуже попасть в это время прямо с перпункта или этапа, да на лесозаготовки или прокладку трактов.

По всем советским тюрьмам и подвалам ГПУ в сотнях вариаций, действительных или присочиненных, путешествовали рассказы о соловецком мучителе на Поповом острове в Кемперпункте, ротном Курилке, кто с 1928 по 1929 год и в начале 30-го “крестил” всех новых соловчан, проходивших через его карантинную роту»²⁵⁷.

Как это происходило, подробно описал Никонов-Сморозин, попавший на Соловки как раз в 1928 году:

«Партию нашу окружили конвоиры. Полчаса ходьбы, и мы у проволочного ограждения. Из барака вышел рослый человек в военном обмундировании и с места обдал нас потоком грязной брани. Это и был Курилка, человек крикливый, с жестоким нервным тиком лица.

²⁵⁷ Розанов И. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Издание автора. Т. 1. 1979. С. 47.

— Что вы их сюда привели? — орал он на конвоиров, гримасничая, будто от острой боли. — Промуштровать их, да хорошенько!

Нас погнали дальше, к самому морю, на довольно широкий дощатый мол. Красноармейцы сдали нас Курилке с его командой. Начался опять, как неизбежный ритуал, нудный личный обыск, ощупывали самих, одежду. Но вот обыск окончен и раздалась команда:

— Стройся по четыре в ряд!

Низенький, но коренастый крепыш отделился от начальства и резким голосом, кипячься непонятной злобой, принялся обучать нашу пеструю ораву военному строю, пересыпая команду потоками ругани шпанского образца. Дико было видеть, как епископы и священники в рясах и престарелые монахи, почтенные люди науки повертывались в строю сотни раз направо и налево под команду горлопана-изувера, не устававшего при том же ругаться под угрожающее щелканье затворов винтовок прочих охранников. Наконец, после трех-четырёх часов муштры и обучения идиотскому “здра!” этап повели внутрь огады. Натискали нас в барак так, как не приходилось видеть ни в тюрьмах, ни в подвалах. Но только мы разместились, как новая команда выгнала нас вон. Началось заполнение анкет. Двадцать пять “имяславцев” в нашем этапе отказались назвать свои имена, и их поставили на валуны. Почти целые сутки выстояли они под дождем и холодным ветром с моря, но имен так и не открыли “Антихристу”. Впрочем, и нам было не легче. После анкет сразу погнали на пристань и под крики десятника, по здешнему — “гавкало” — начали погрузку бревен из штабеля. Здоровые и больные, старые и молодые — тут различий нет, работай до изнеможения. В одурелой голове ни единой мысли... Все шатаются от усталости... Проработали всю ночь и утро и к полудню вернулись в барак. На валунах по-прежнему безмолвно стоят “имяславцы”. На обед и “отдых” нам дали два часа... И снова усталых, полусонных отмаршировали на новую работу — очищать какую-то площадь под непрерывную брань надзирателей. Не дав закончить очистку, конвоир повел нас обратно и с угрозами и ругательствами через минуту приказал бежать.

Сам бежал сбоку, поминутно щелкая затвором, и орал: «Не отставать! Убью!»

Кому и зачем нужен был этот бессмысленный и беспощадный бег, я и сейчас не знаю²⁵⁸.

...Добрели до проволоки. И едва глазам верим: «имяславцы» все еще стоят на своих местах... Из барака выходит ротный Курилка и, злорадно оглядев нас, полумертвых, стал вызывать по списку. Отсчитав полтора человека, нас спешно погрузили на пароход и повезли на Соловки»²⁵⁹.

Этим заключенным, как пишет Розанов И., «посчастливилось — быстро распрощались с Курилкой». А вот зимним этапам, в которые, вероятно, угодил и епископ Иларион, тем доставалось полной мерой...

О пребывании владыки Илариона в Соловецком концлагере также можно составить представление по воспоминаниям очевидцев. В то время на Соловках содержалось много священнослужителей²⁶⁰, среди них немало архиереев, причем таких выдающихся, как архиепископ Иларион (Троицкий)²⁶¹ и архиепископ

²⁵⁸ Редактор книги в сноске поясняет: «Такова там система: довести до полного истощения сил телесных и духовных и этим сразу сломить силу и волю к сопротивлению».

²⁵⁹ Никонов-Сморозин М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 93.

²⁶⁰ «Вопрос о численности духовенства на Соловках остается до конца невыясненным, цифры, приводимые в разных источниках, сильно отличаются друг от друга. Так, на 1925 год численность заключенного духовенства, по разным данным, колеблется от 120 до 500 человек. На групповой фотографии, снятой в ноябре 1925 года, представлено пятьдесят три священнослужителя и четырнадцать мирян, арестованных по церковным делам. В «Докладе о деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926–1927 операц. год» на 1 октября 1927 года называется 119 лиц духовного звания (в их числе три монахини). В 1931 году, по сообщениям эмигрантской печати, на Соловках находилось 425 православных и 48 католических священников, а по официальным данным — 144 священнослужителя. Резникова И. Православие на Соловках. — СПб., 1994. С. 14.

²⁶¹ Его на Соловках называли «великим», а владыку Илариона (Бельского) стали звать «малым».

Петр (Зверев). Первое время существования концлагеря духовенство использовалось на самых трудных общих работах, но позднее оно было собрано в шестой сторожевой роте в силу необходимости:

«До того времени на кухни и продовольственные склады назначались каторжане разных категорий, но все неизбежно проворовывались: голод — не тетка. Это надоело Эйхмансу (начальнику лагеря), и практичный латыш решил сдать все дело внутреннего снабжения лагерей корпоративно духовенству, до того рассеянному по самым тяжелым уголовным ротам и не допускавшемуся к сравнительно легким работам. Духовенство приняло предложение, епископы стали к весам, за складские прилавки, диаконы пошли месить тесто, престарелые в сторожа. Кражи прекратились»²⁶².

До 1929 года духовенству в лагере не стригли волос и разрешали носить рясы. Иногда заключенным священнослужителям разрешали ходить на службу в Онуфриевскую церковь при монастырском кладбище. Это была единственная действующая церковь, оставленная тем соловецким монахам, которые после закрытия монастыря оставались на острове в качестве вольнонаемных рабочих (в 1931 году последние монахи были увезены, церковь закрыта и позднее взорвана). В воспоминаниях заключенных соловчан есть описания трогательных богослужений, особенно пасхальных. Позднее заключенным было строго запрещено совершать и посещать богослужения, и о последней пасхальной службе 1928 года Никонову-Сморозину рассказал один из заключенных:

«— В последний раз в этом году они²⁶³ совершили пасхальную заутреню. На литургию им не разрешили остаться.

²⁶² Ширияев Б. Н. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 49–50.

²⁶³ Заключенные архиереи.

— Вы были на этой утрени? — спросил я Серебрякова²⁶⁴, зная его как человека, попавшего на Соловки главным образом за свою религиозность.

— Был. Служил митрополит Петр²⁶⁵ в сослужении двенадцати других иерархов. Торжественная была служба. Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось монахам несколько риз сшить из мешков. Незабываемой была служба. Трудно о ней и рассказать обычными людскими словами. В церкви небольшая кучка монахов, два-три серых бушлата. Крестный ход вокруг церкви без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец вызвали у всех слезы. Еще бы, пятисотлетние традиции. И заметьте, — иерархи отправляют службу так же — именно на этот старинный лад. Помните поговорку “Со своим уставом в чужой монастырь не суйся”. Это, оказывается, не пустые слова. И вот от этого особого лада соловецкая служба получается особая, проникновенная²⁶⁶.

В Соловецком лагере заключенные архиереи, несмотря на то что были удалены от своих епархий, продолжали сохранять связь со своей паствой и следили за церковными событиями. В июне 1926 года семнадцать архиереями, вероятно по инициативе архиепископа Илариона (Троицкого) и под председательством архиепископа Благовещенского Евгения (Зернова), была составлена знаменитая «Памятная записка Соловецких епископов, представленная на усмотрение правительства».

«Она представляла мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе местом заключения и представлявшей собою малый собор многих епархий России, и отражала общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух. Дух этого документа преисполнен

²⁶⁴ Серебряков Анатолий Эспертович, родился в 1890. Историк культуры и переводчик. В 1924 арестован, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

²⁶⁵ Автор ошибается, имеется в виду архиепископ Петр (Зверев).

²⁶⁶ Никонов-Сморodin М. З. Красная каторга. — София, 1938. С. 193.

непоколебимой твердости во всем, что касается собственно церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своем мнении среди уз. Документ отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному значению, указывая ее истинный путь. Это слава и радость Русской Церкви»²⁶⁷.

Понятно, что июльская 1927 года Декларация митрополита Сергия, по духу совершенно противоположная «Памятной записке», должна была быть негативно воспринята соловецким епископатом. Об этом свидетельствуют два послания архиереев с Соловков в ответ на Декларацию. Однако в дальнейшем мнения несогласных с Декларацией разделились, часть архиереев не прерывала общения с митрополитом Сергием, стремясь, по словам архиепископа Илариона (Троицкого), во что бы то ни стало сохранить единство Церкви. Как рассказал Никонову-Сморозину упомянутый заключенный Серебряков А. Э.:

« — Раскол в Православной Церкви велик. Представьте себе, даже здесь иерархи раскололись на две партии. Одна партия группируется вокруг митрополита Петра Крутицкого, а другая, сергиевцы, признает митрополита Сергия и его политику правильной. Политика митрополита Петра, как вы знаете, характеризуется непримиримостью к советской власти, к ее насилиям над Церковью.

— Насколько я знаю, большинство высших иерархов изолировано на острове Анзер?

— Да, — с грустью сказал Серебряков, — первоначально думали, что изоляция митрополита Петра²⁶⁸ и его

²⁶⁷ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. В 2-х ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. Репринт. — М., 1992. Ч. 1. С. 165.

²⁶⁸ Автор ошибается — митрополит Петр Крутицкий не был на Соловках, речь идет об архиепископе Петре (Звереве). Он действительно был отправлен на Анзер, где скончался от тифа 25 января/7 февраля 1929 года в больничном изоляторе в церкви Голгофораспятского скита.

сторонников на острове Анзер являлась обычной лагерной мерой, но теперь убедились, что это мера не административная. Очевидно, об изоляции есть приказ из Москвы»²⁶⁹.

И. М. Андреевский, попавший на Соловки в конце 1928 года, также подчеркивает, что среди заключенного духовенства произошел раскол. При этом «если среди заключенных, попавших в Соловки до издания Декларации митрополита Сергия, первое время большинство было “сергианами”, то среди новых заключенных, прибывших после Декларации, наоборот, преобладали “иосифляне”». Среди иосифлянских епископов на Соловках И. М. Андреевский называет и епископа Илариона (Бельского).

Осенью 1929 года на Соловки привезли епископа Максима (Жижиленко). Он был тайно рукоположен иосифлянскими архиереями Димитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым) в Петрограде, затем послан в Серпухов. 24 мая 1929 года епископ Максим был арестован и 5 июля приговорен к 5 годам концлагеря. Прибытие его на Соловки, по словам И. М. Андреевского, чрезвычайно усилило и до того преобладавшее влияние «иосифлян». Владыка Максим содержался вместе с И. М. Андреевским в десятой роте в камере врачей и работал с ним в санитарной части, так что режим их содержания был относительно свободный. Епископ Виктор (Островидов), работавший бухгалтером на Канатной фабрике и живший в доме бухгалтерии в полуверсте от кремля, также имел пропуск и мог свободно и часто приходить к ним. Вместе с единомышленным духовенством они совершали тайные богослужения, по воспоминаниям И. М. Андреевского: «Господь хранил наши катакомбы, и за все время с 1928 по 1930 г. включительно мы не были замечены».

Епископ Иларион в лагере был на общих работах — плел сети, не имел соответствующего пропуска

²⁶⁹ Никонов-Сморозин М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 191.

и, естественно, разрешения на свободное передвижение по острову. Но в тайных богослужениях он принимал участие. Как вспоминает И. М. Андреевский:

«Несмотря на чрезвычайные строгости режима Соловецкого лагеря, рискуя быть запытаннами и расстрелянными, Владыки Виктор, Иларион, Нектарий²⁷⁰ и Максим не только часто служили в тайных катакомбных богослужениях в лесах острова, но и совершали тайные хиротонии нескольких новых епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случае ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов. Только накануне моего отъезда из Соловков я узнал от своего близкого друга, одного целибатного священника, что он уже не священник, а тайный епископ.

Тайных катакомбных “храмов” у нас в Соловках было несколько, но самыми “любимыми” были два: “Кафедральный Собор” во имя Пресв. Троицы и храм во имя Св. Николая Чудотворца. Первый представлял собою небольшую поляну среди густого леса в направлении на командировку “Савватьево”. Куполом этого храма было небо. Стены представляли собою березовый лес... Храм же Св. Николая находился в глухом лесу в направлении на командировку “Муксольма”. Он представлял собою кущу, естественно созданную семью большими елями... Чаще всего тайные богослужения совершались именно здесь, в церкви Св. Николая. В “Троицком же кафедральном Соборе” — богослужения совершались только летом в большие праздники и, особенно торжественно, в день Св. Пятидесятницы. Но иногда, в зависимости от обстоятельств, совершались сугубо тайные богослужения и в других местах.

Так, например, в Великий Четверг 1929 г. служба с чтением 12 Евангелий была совершена в нашей камере врачей, в 10-й роте. К нам пришли, якобы по делу дезинфекции, владыка Виктор и о. Николай (Пискановский). Потом отслужили церковную службу, закрыв на задвижку и дверь. В Великую же Пятницу был прочитан по всем ротам приказ, в котором сообщалось, что в течение трех дней

²⁷⁰ Имеется в виду епископ Нектарий (Трезвинский).

выход из рот после 8 часов вечера разрешается только в исключительных случаях, по особым письменным пропускам коменданта лагеря.

В 7 часов вечера в пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-часового рабочего дня, к нам пришел о. Николай и сообщил следующее: плащаница, в ладонь величиной, написана художником Р... Богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час. “Где?” — спросил владыка Максим. “В большом ящике для сушки рыбы, который находится около леса вблизи от № роты... Условный стук 3 и 2 раза. Приходить лучше по одному...”

Через полчаса владыка Максим и я вышли из нашей роты и направились по указанному “адресу”. Дважды у нас спросили патрули пропуска. Мы, врачи, их имели. Но как же другие: вл. Виктор, вл. Иларион, вл. Нектарий и о. Николай... Владыка Виктор служил бухгалтером на канатной фабрике, вл. Нектарий — рыбачил, остальные — плели сети...

Вот и опушка леса. Вот ящик, длиной сажени 4. Без окон. Дверь едва заметна. Светлые сумерки. Небо в темных тучах. Стучим 3 и потом 2 раза. Открывает о. Николай. Вл. Виктор и вл. Иларион уже здесь... Через несколько минут приходит и вл. Нектарий. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах еловые ветки. Теплятся несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, плащаница утопает в зелени веток. Молящихся человек 10. Позднее пришли еще 4—5, из них два монаха. Началось богослужение. Шепотом. Казалось, тел у нас не было, а были одни уши. Ничто не развлекало и не мешало молиться. Я не помню — как мы шли “домой” т. е. в свои роты. Господь покрыл.

Светлая заутреня была назначена в нашей камере врачей. К 12 часам ночи, под разными срочными предложениями по медицинской части, без всяких письменных разрешений, собрались все, кто собирался прийти, человек около 15. После заутрени и обедни — сели разговляться. На столе были куличи, пасха, крашеные яйца, закуски, вино (жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром). Около трех часов разошлись. Контрольные обходы нашей роты комен-

дантом лагеря были до и после богослужения, в 11 час. вечера и в 4 часа утра. Застав нас, четырех врачей во главе с Владыкой Максимом, при последнем обходе не спящими, комендант сказал: “Что, врачи, не спите? — и тотчас добавил: Ночь-то какая... И спать не хочется”. И ушел.

“Господи Иисусе Христе, благодарим Тебя за чудо твоей милости и силы”, — проникновенно произнес владыка Максим, выражая наши общие чувства. Белая соловецкая ночь была на исходе. Нежное розовое соловецкое пасхальное утро играющим от радости солнцем встречало монастырь-концлагерь, превращая его в невидимый град Китеж и наполняя наши свободные души тихой нездешней радостью»²⁷¹.

Интересное свидетельство о епископе Иларионе приводит в одном из своих писем к пастве епископ Нектарий (Трезвинский). Высоко отзываясь о владыке Иларионе как строго православном архиерее, владыка Нектарий далее о нем пишет:

«Этот епископ сперва в Соловках с января и по октябрь 1928 года находился вне церковного общения с митр. Сергием, но потом под давлением сергиевских епископов 1 октября 1928 года послужил в Соловецком кладбищенском храме и помянул митрополита Сергия. А незадолго пред этим виден был весьма тревожный сон, будто бы он ногами растоптал образ Богоматери, Смоленской Одигитрии. И что же? После служения литургии с сергиевскими епископами он вместо духовного утешения и радости стал испытывать ужасное угрызение совести и угнетение духа. И мне стало ясно, говорил он мне, сергиевское

²⁷¹ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 30–32. Следует уточнить, что описанное пасхальное богослужение относится не к 1929, а к 1930 году, так как епископ Максим только в октябре 1929 прибыл в Соловки. Владыка Нектарий не мог принимать в нем участие, поскольку осенью 1928 был уже освобожден из лагеря. Но эти неточности вполне объяснимы тем, что воспоминания писались спустя годы, и в целом они несколько не уменьшают достоверность всех рассказов И. М. Андреевского.

отступничество, и я оказался как бы соучастником сергиевских преступлений против Православной Церкви. И что же — он тотчас заявил сергиевским епископам, что он от них отходит на прежнюю свою церковную позицию к епископу Виктору, Нектарии, и Димитрию и другим»²⁷².

Вероятно, в конце 1930 года епископ Иларион был отправлен с главного Соловецкого острова на остров Анзер. По воспоминаниям отца Петра Белавского, осужденного в августе 1930 года по первому групповому делу иосифлян и прибывшего на Соловки в конце сентября, епископ Иларион находился с ним на Анзере в одном бараке. У отца Петра была епитрахиль, которую он как-то сумел припрятать, а у владыки Илариона сохранилась даже архиерейская мантия, были также и кое-какие богослужебные книги, — при совместной молитве приходилось строго соблюдать конспирацию. В Крещенский сочельник 1931 года епископ Иларион благословил отца Петра тайно совершить чин Великого освящения воды. Была сильная метель, неподалеку от барака находилась сторожевая вышка с будкой. Поднявшись туда с водой, отец Петр совершил освящение и принес Крещенскую воду в барак для собратьев.

В сентябре 1931 года владыку Илариона перевели с Соловков на материк, в одно из отделений Беломоро-Балтийского лагеря²⁷³. В это время с ним и встретился Алексей Ростов, работавший на строительстве Беломоро-Балтийского канала на командировке «Новая Биржа» в районе села Надвоицы и Май-Губы. В сентябре 1931 года он принимал этап с Соловков, где среди заключенных были отец Петр Белавский

²⁷² Письмо епископа Нектария Яранской пастве от 8 января 1929 года из Казани. До сих пор в рукописях оно хранится в вятских каткомбных общинах. Опубликовано в журнале «Православная жизнь». 1997. № 2. С. 20.

²⁷³ С 1931 года Соловецкие отделения входили в состав Белбалтлага.

(знакомый ему по Ленинградскому ДПЗ, где они содержались в одной камере в августе 1930 года), архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Черниговский Пахомий и епископ Смоленский Иларион (Бельский). Вот что писал Алексей Ростов в своих воспоминаниях:

«Вскоре меня разлучили с Высокопреосвященным Пахомием и отцом Петром, но несколько раз мне довелось беседовать с изможденным лишениями и терзаниями, тяжело больным архиепископом Серафимом, что было для меня поучительно, ибо он был последним из заместителей Местоблюстителей Патриаршего Престола и на всем пространстве беломорско-карельских лагерей возглавлял все непризнавшее Декларации духовенство и нас, смиренных мирян, твердо уверенных в нашей правоте перед Богом и собственной совестью. В это время в концлагерях уже состоялись первые тайные хиротонии и рукоположения будущего потаенного духовенства. Прошу читателей, которым дорог образ этого исповедника, ознакомиться со второй главой вышеупомянутого второго тома труда о. Польского (стр. 12–18). Здесь же хочу поведать о владыке Иларионе, которого в Соловках, а затем в наших карельских лагерях называли мы за глаза “Иларион Малый” в отличие от архиепископа Илариона (Троицкого)...

Несмотря на свой небольшой рост, владыка отличался физическим здоровьем и на Соловках сразу попал на общие работы. Теперь, по прибытии этапом на командировку “Новая Биржа” поблизости от командировки Май-Губа, владыка через отца Петра познакомился со мной. Для принятия этапа туда прибыл вольнонаемный начальник санитарной части гуманный доктор Синай в сопровождении заключенных врачей: киевского психиатра Абр. Моис. Виноградова, терапевта из Казани Закии Хасановны Ерзиной и хирурга-москвича молодого Влад. Петр. Дёмина, которых я сопровождал в качестве лекпомасекретаря ПВТК (Постоянной врачебно-трудовой комиссии). Их задача состояла в проверке санитарного состояния этапа, организации его санобработки, которую про-

водили два других лекпома и парикмахеры, и установление категории трудоспособности. Оба архиепископа, Серафим и Пахомий, легко получили “инвалидную категорию”, но владыка Иларион получил первую, т. е. признан пригодным к тяжелому физическому труду. При осмотре его документа для занесения данных в протокол комиссии я увидел, что он “запретник”, т. е., как особо опасный заключенный, не может быть послан в лес на работы по подготовке трассы будущего Беломорканала, а должен содержаться всегда “за проволокой”, т. е. на работах внутри самого концлагеря, обнесенного высоким частоколом с вышками на углах и единственным выходом через ворота при контрольном пункте.

Чтоб устроить его на более легкую работу внутри лагеря, я решил поговорить не с начальником санчасти или врачами, которые могли побояться помочь епископу, известному своей непримиримостью, а с зубным врачом миллой Екатериной Александровной Ордынской (ей тогда было 60 лет, а теперь было бы 95, а потому могу смело ее назвать), которая имела зубоврачебный кабинет внутри лагеря. Хочется вспомнить и поведать читателям об этой женщине, всегда старавшейся помочь духовенству, хотя бы зубными протезами после вызванного цингой выпадения зубов. Ее муж, известный московский присяжный поверенный, после революции с успехом, где это было возможно, выступавший по политическим делам защитником, был после Шахтинского процесса сам арестован вместе с женой, одонтологом. Он скончался от сердечного приступа во время свирепого допроса, а вдова получила пять лет концлагеря, чтоб не смогла в Москве поведать о судьбе супруга. В разных лагерях она всегда брала санитаркой при зубоврачебном кабинете монахиню, которая в нем ночевала якобы для охраны и тем избегала общения, творя свои молитвы в этом уединенном помещении.

После беседы со мной Екатерина Александровна предложила начальнику санчасти взять интеллигентного и сильного заключенного для работы в качестве протезиста под ее наблюдением. Прежний протезист уже отбыл свой срок, а потому надо было найти ему подходящего преем-

ника, и она предложила прибывшего с этапом “запретника” Бельского. Начальник санчасти стал хлопотать, но ИСО (Информационно-Секретный Отдел) не допустил владыку работать протезистом, а дал ему работу привратника. Пешеходы входили в лагерь через калитку и предъявляли свои пропуска дежурному по комендатуре, то же имело место при выходе партий заключенных на работы. Но если приезжал воз или телега, то владыка Иларион выбегал открывать и закрывать потом за ними ворота.

В продолжение двух месяцев имел я случай беседовать с владыкой Иларионом, который отличался наибольшим осуждением духовенства, склонившегося перед митрополитом Сергием, которого он в разговоре никогда не титуловал, а называл Страгородским, как и Алексия называл по фамилии — Симанским. В своем рассказе в труде прот. Польского привожу случай, когда архиепископ Серафим просил меня устроить ему в амбулатории встречу с работавшим разъездным кассиром Финотдела Управления архимандритом Гурием, теперь скончавшимся 12-го июля 1965 года на Симферопольской кафедре Московской Патриархии. Не знаю содержания их разговора, но отмечу, что владыка Иларион на такой разговор бы не пошел, ибо считал грехом всякое бытовое общение с иерархами и духовенством, признавшим митрополита Сергия и не порвавшим с ним молитвенного общения после Декларации 1927 года.

Через два месяца меня перебросили в другой концлагерь, на Медвежью Гору. Лишь шесть лет спустя в 1937 г. я узнал от одного из потаенных епископов, коего не смею назвать, что владыка Иларион вышел из заключения и проживает в Чебоксарах, где собрал небольшую общину. Этот собеседник мне и говорил, что не одобряет владыку Илариона за то, что, принимая в лик своей паствы, он перекрещивает детей, которые были крещены в церкви после 1927 года, считая крещение последователями “Страгородского” безблагодатным, с чем мой собеседник не был согласен. Прошел еще год, и мой духовный отец был арестован снова, а я быстро сменил местожительство, переехав в другой город, где с трудом нашел работу. Но от верных людей узнал намеками в одном письме, что в эти

жуткие месяцы ежовщины владыка Иларион восприял мученический венец в Чебоксарах»²⁷⁴.

Все так и было, единственно, автор ошибается в отношении города. После освобождения из лагеря владыка Иларион проживал не в Чебоксарах, а в соседнем Козьмодемьянске.

3. В Козьмодемьянске

В концлагере епископ Иларион пробыл до сентября 1933 года, когда по амнистии был освобожден с правом свободного проживания. По какой-то причине владыка избрал марийский город Козьмодемьянск. Возможно, это связано с тем, что с начала 1932 года там жил архиепископ Серафим (Самойлович), освобожденный из лагеря ранее. Правда, в декабре 1932 года архиепископ Серафим был арестован и в июне 1933 года выслан в Архангельск, но возможно в Козьмодемьянске оставались его пасомые, к которым и приехал владыка Иларион. Он поселился у московских ссыльных, Матфея Никитича Васина и его жены, которые снимали нижний этаж в доме у Любови Ивановны Замятиной²⁷⁵. Когда в ноябре 1933 года они вернулись домой, в Московскую область, хозяйка предложила владыке найти другое жилище, и ему пришлось снять комнату у Зотее Терентьевича Калугина²⁷⁶.

24 мая 1934 года епископ Иларион был арестован и привлечен к следствию по групповому делу церковников. В то время чекисты приступили к ликвидации ячеек Истинно-Православной Церкви по Горьковско-

²⁷⁴ Ростов А. Встречи с мучениками и исповедниками. // Владимирский Православный русский календарь на 1967 год. Издательство общества Св. князя Владимира. — Нью-Йорк, 1966. С. 113–115.

²⁷⁵ По адресу: Кирпичный овраг, дом 25.

²⁷⁶ По адресу: Кирпичный овраг, дом 10.

му краю и арестовали много священнослужителей и активных мирян в разных районах, при этом особое внимание уделяя выявлению их связей с ссыльными архиереями: епископами Виктором и Нектарием, митрополитом Кириллом. В материалах следственных дел особенно подчеркивалось наличие «тайных убежищ» — пещер, келий, землянок, где проходили нелегальные богослужения.

Уже на следующий день, 25 мая, епископу Илариону было предъявлено обвинение в том, что он, *«будучи антисоветски настроенным, совместно с другими лицами состоял в контрреволюционной организации, действующей против проводимых мероприятий партии и правительства Советского Союза, тем самым подрывал авторитет и мощь Советского Союза»*. На «Постановлении о предъявлении обвинения» владыка написал:

«Вышеуказанное предъявленное обвинение не признаю за собой, так как я против советской власти ничего никогда не говорил и держался вне политики. Постоянно помнил 8 апостольское правило: “Ни епископ, ни пресвитер не должен вмешиваться в народные управления, но неупустительно быть при делах церковных”. Отношения к советской власти враждебного никогда не был и постоянно подчинялся, и считал долгом и обязанностью, и никогда не принадлежал ни к какой политической партии, всегда отмечал ее.

Бельский Иларион. 25 мая 1934 г.»²⁷⁷.

На первом же допросе епископ Иларион заявил:

«Никогда антисоветски настроенным не был и быть не хочу. Никогда связи с гражданами с а./с. настроениями не имел и не желаю иметь»;

²⁷⁷ Государственный архив Марий Эл. Ф. Р-1086. Оп. 2. Д. 251. Л. 11. Далее, кроме особо оговоренных, цитаты из этого следственного дела.

«По приезде на жительство в г. Козьмодемьянск я свой сан Епископа никому не объявлял и жил спокойно, и не желал вмешиваться в никакие гражданские дела <...> держал себя в секрете, дабы меня не беспокоили разными вопросами и просьбами. Всем гражданам, обращающимся ко мне, я отвечал, что являюсь служителем культа, монахом».

Владыка также показал, что на жизнь зарабатывал черной работой у частных лиц: распилкой дров, уборкой и другими хозяйственными работами. Хозяину квартиры, где проживал, он платил ежемесячно десять рублей. Позднее хозяин покажет, как свидетель, что квартирант *«Бельский ничем не занимался, а постоянно жил дома и читал газеты и книги»*, *«жил скрытно, никого к себе не допускал»*, что разговоров о религии у них не было, так как *«он всегда старался от этих разговоров отныкиваться»*. Кроме того, хозяин отметил на допросе, что квартирант питался плохо и почти каждый день уходил из квартиры, говоря ему: *«Иду на почту»*. А жена хозяина квартиры добавила, что Бельский в церковь *«почему-то не ходил»*, а когда она спрашивала его об этом, он не отвечал ей и *«старался от этого вопроса отныкиваться»*.

26 мая владыка Иларион был направлен со спецконвоем в Горький и заключен в спецкорпус Горьковской фабрично-заводской трудовой колонии. На допросе 31 мая владыка перестал осторожничать и на вопрос о его политических убеждениях и отношении к политике советской власти ответил:

«Политика Соввласти проводится на основе коммунистического учения и ставит своей конечной целью создание коммунистического общества. Коммунизм же наряду с преобразованием всего человеческого общества ставит также задачей уничтожение христианского учения и религии вообще, как "дурмана и опиума

для народа". Следовательно, я, как истинный христианин и епископ, не могу признавать и разделять политику и учение, направленное к уничтожению религии, и считаю, что разделение и признание такого антихристианского учения и примиренчество к нему со стороны христианина означало бы явный отказ от веры в Бога и поставило бы его вне Церкви. Принадлежать к такому числу людей я не желаю. Считаю своим христианским долгом нести посильную для меня борьбу за защиту христианства от безбожного учения»;

«Признать Соввласть и проводимые ею мероприятия это значит то же, что признать христианину антихристианское коммунистическое учение. Такое признание будет грешным делом и отступлением от веры в Бога и Православной Церкви»;

«Эти вышеприведенные убеждения по отношению коммунистического учения выработались у меня в 1927 году под впечатлением появления в свет декларации митроп. Сергия, в которой я усматриваю прямой отказ от защиты идей христианства и борьбы с враждебным христианству учением. Пропаганду за непризнание коммунистического учения и необходимость борьбы с ним я стал вести в народе в сентябре прошлого года, т. е. после своего освобождения из концлагеря и прибытия в г. Козьмодемьянск Марийской Автономной области, Горькряя. Данную деятельность я вел устно и письменно, стремясь к созданию групп последователей "ИПЦ" с признанием митрополита Петра Крутицкого».

На вопрос, кто именно стоит во главе ИПЦ и кого он признает последователем этого течения, владыка Иларион ответил, что главой является митрополит Петр Крутицкий, с которым он не виделся с 1925 года. Из последователей ИПЦ он никого не назвал, кроме иеромонаха Михаила (Иванова), находящегося в ссылке в Тюмени, которому не раз посылал письма, высказывая в них свои убеждения, и «просил его их переписать и рассылать среди знакомых ему и мне церковников с целью пропаганды идей ИПЦ». На до-

просе 2 июня владыка Иларион признал и подписал по предъявленному ему обвинению следующее:

«Виновным себя признаю в том, что, будучи идейным противником коммунизма, я действительно в устной и письменной форме призывал верующих к непризнанию коммунистического учения, Соввласти и ее мероприятий, побуждая их к необходимости организации групп под флагом "ИПЦ" для активной борьбы с этим антихристианским учением».

7 июня 1934 года было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором епископ Иларион обвинялся в том, что *«распространял к.-р. обращения с призывом верующего населения к непризнанию Советской власти и борьбы с идеологическим влиянием коммунистического учения».* Дело было передано для рассмотрения во внесудебном порядке на Тройку ПП ОГПУ по Горьковскому краю. Однако 13 июля 1934 года было вынесено решение о прекращении дела епископа Илариона за недостаточностью имеющихся материалов. Владыка был освобожден из тюрьмы и возвращен в Козьмодемьянск, но дело было передано в Йошкар-Олу для дальнейшей агентурной разработки, с тем чтобы выявить все его *«контрреволюционные связи»* и *«репрессировать в ближайшее время».*

Уже 24 августа 1934 года на квартире, где проживал владыка Иларион, был произведен обыск, и его вновь арестовали. Следствие в основном интересовали люди, посетившие епископа Илариона за этот краткий промежуток времени, и на допросе он не отрицал, что к нему приезжал священник Харитон Пойдо из Вятской области, но без приглашения, и просил его благословения на служение в церкви в Тюмени, так как приходская община там главой церкви признает митрополита Петра Крутицкого. Владыка Иларион подтвердил, что дал свое благословение иерею, при этом объяснив:

«Я взял у иерея обещание быть вполне лояльным и подчиняться всем гражданским законам, не противоречащим религиозным убеждениям и христианской совести, никого не вооружать против Сов. власти, не участвовать ни в каких политических организациях и политических партиях и не призывать к свержению Сов. власти или ослаблению Сов. власти — ни в частных беседах, ни в храмах, ни по секрету, ни с кем не говорить против Сов. власти. На что он мне дал обещание. Выполнил или нет, я не знаю, больше я с ним не встречался и переписки с ним не имел».

Владыка признал, что его также посетил и раскулаченный кулак Елисей из Вятской губернии²⁷⁸, который просил *«благословения как верующий христианин у епископа»*. Елисей также спросил епископа Илариона, как он смотрит на митрополита Сергия, и владыка высказал ему свой взгляд в письменной форме, но, по его словам, *«исключительно религиозного характера, не касаясь политики»*. Владыка также подтвердил, что получил два письма на религиозные темы из других епархий и ответил на них откровенно, но не помнил, от кого эти письма были получены. При этом епископ Иларион категорически отрицал предъявленное ему обвинение в том, что он давал кому-либо поручения о создании ячеек ИПЦ и устанавливал какие-то новые письменные связи. Да и хозяин квартиры на допросе подтвердил, что епископ Иларион никаких антисоветских разговоров с ним не вел, тем более что *«гр-н Бельский И. И. запуганный, боится даже вести с кем-либо какие-нибудь разговоры»*.

14 сентября 1934 года владыка Иларион вновь подтвердил, что признает только Истинно-Православную Церковь, и он, *«как приверженец этой Церкви,*

²⁷⁸ Возможно, это был Елисей Ильич Полушин из села Вотчино Санчурского района, который ранее навещал епископа Нектария (Трезвинского) в Казани.

Совласти не признает, потому что она не признает религии и вытравляет ее», тем не менее, 13 октября того же года владыка был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде из Козьмодемьянска. Но лишь через год, 17 октября 1935 года, его дело было прекращено *«за отсутствием состава преступления»*, однако наблюдение за ним не прекратилось. Сначала владыка, очевидно, вел себя очень осторожно, но затем он все же, судя по показаниям хозяина дома на следствии по новому делу, бдительность потерял. Так, в августе 1936 года владыка Иларион в присутствии хозяина дома уговаривал приехавшего к нему марийца не вступать в колхоз, объяснив:

«Скоро будет война, вы оставайтесь одиноличниками, в колхоз не ходите. Если пойдешь в колхоз, то ты изменишь вере Истинно-Православной Церкви. А как только будет война, тогда колхозникам будет очень плохо».

Хозяин также показал, что владыке Илариону *«из окружающих деревень марийцы систематически приносили подаяние как пострадавшему от репрессий Советской власти»*, что он *«принимал их больше всего за отсутствием меня»*, а в его присутствии *«производил с ними антисоветские разговоры»*. Это, очевидно, напугало хозяина, и он *«Бельского из своего дома выгнал»*. Владыка Иларион поселился в доме Наталии Колпаковой, узнавшей о нем уже в 1933 году от знакомой, Марии Румянцевой²⁷⁹, которая рассказала ей, *«что в Козьмодемьянске проживает пострадавший епископ Бельский Иларион, и он является истинно-православным верующим»*, что надо те-

²⁷⁹ Она была матерью Григория Алексеевича Садовского, знавшего ранее владыку и помогавшего ему со времени его приезда в Козьмодемьянск. Очевидно, именно он и договорился с Наталией Колпаковой, чтобы та приняла владыку к себе в дом.

перь помогать ему, носить подавание, — *«он будет молиться за нас и за истинно-православную веру».*

Когда Наталья Колпакова получила разрешение на строительство дома на Запольной улице, то знакомый владыки, Григорий Садовский, договорился с ней о том, что отдаст ей под дом пятистенную баню бесплатно, чтобы она в свою очередь выделила в новом доме комнату для владыки. Верующие мари́йцы перевезли на участок баню и бесплатно построили дом. Сюда в октябре 1936 года и перебрался епископ Иларион, сразу же предупредив хозяйку дома, чтобы она никому не рассказывала, кто его будет посещать. Владыка иногда плел лапти и продавал их на базаре, а в дом, судя по показаниям хозяйки, *«мари́йцы и мари́йки, а также монашки приносили постоянно подавание».* В июне 1937 года к владыке приезжал кто-то из Ленинграда, и целый вечер они беседовали наедине, но ни имени его, ни цели приезда хозяйка не узнала, хотя и интересовалась. На вопросы ее епископ Иларион ответил, что это его знакомый, с которым они долго не виделись, и тот приезжал, чтобы просто поговорить обо всем.

25 августа 1937 года епископ Иларион вновь был арестован. Примечательна характеристика владыки в документе, которым открывается его последнее следственное дело:

«Справка

Дана настоящая в том, что гр-н Бельский Иван-Иларион Иванович, рождения 1893 г., происходящий из г. Ленинграда, сын попа, до 1927 г. являлся служителем культа, попом-епископом. В 1927 г. был судимый по ст. 58 УК к 10 годам лишения свободы. Наказание отбыл в Соловках и на Беломорканале, откуда в 1933 г. прибыл в г. Козьмодемьянск на жительство. Является антисоветски настроенным элементом. Проживая в г. Козьмодемьянске по Запольной ул., дом 28, сгруппировывал вокруг себя

сектантов, монашек и единоличников из окружающих деревень и г. Козьмодемьянска, а также к нему приезжали неизвестные подозрительные лица из Ленинграда. Сам нигде не работает и живет на неизвестных доходах.

В 1936 г. в г. Козьмодемьянске построил себе дом на средства пожертвования и подаяния, где особенно стал вести конспиративную антисоветскую работу.

Председатель Козьмодемьянского Горсовета *Подпись*.
25 августа 1937 года²⁸⁰.

Опрошенные в качестве свидетелей два жителя Козьмодемьянска, плотник и колхозник, подтвердили, что епископ Иларион говорил им о том, что он сторонник Истинно-Православной Церкви, что «*«сергиевцы» отошли от Православной Церкви, продались Сов. власти»*. Одному из них владыка говорил также, что «*сергиевцы»* теперь вместе с властями «*делают гонения против истинного православия»*. Еще один свидетель утверждал, что епископ говорил ему о священниках-«сергиевцах» так: «*Теперешние священнослужители есть слуги антихриста. Они продались данной власти, и посещать церковь при этих священниках грех. Истинное православие там, где священник есть последователь Тихона»*. Этот свидетель встретил епископа Илариона в последний раз в мае 1937 года, и тот сказал ему, что «*власть антихриста скоро рухнет, снова будут открыты православные церкви, и тогда Россия заживет прежней жизнью»*.

Колхозника, вступившего в колхоз в 1936 году, владыка Иларион при встрече предупредил: «*Хотя каждый по-своему устраивает свою жизнь, но ты напрасно ушел в колхоз. Там нет спасения, и ты погибнешь в колхозе. Подумай, пока не поздно, и уйди из колхоза. Будь православным христианином, не губи свою душу»*. Слова эти заставили колхозника «по-

²⁸⁰ Государственный архив Марий Эл. Ф. Р-1086. Оп. 8. Д. 824. Л. 1.

чему-то долго быть в раздумье», но все же из колхоза тот не вышел. Летом же 1937 года он вновь встретился с владыкой, и тот опять сказал ему: «Времена становятся все более трудными. Власть антихриста губит Церковь. Надо всем сплотиться вокруг Церкви и победить антихриста».

Владыка Иларион был допрошен в день ареста. В предъявленном обвинении — *«антисоветская агитация»* — виновным себя он не признал, на вопрос о том, кто к нему приезжал из Ленинграда, ответил, что никто, любые разговоры с Марией Румянцевой отвергал и даже заявил, что знаком с ней лишь с 1937 года. Но в ходе допроса он был вынужден признать, что Мария Румянцева получала адресованные ему письма с 1934 года, но уточнить, сколько же писем и от кого он получил за это время, он не смог, заявив, что не помнит. Он назвал лишь ссыльного иеромонаха Михаила (Иванова) из Тюмени, так как письмо ему было приобщено к следствию еще в 1934 году. Вот, собственно, и все содержание допроса. Уже через день, 27 августа, владыке Илариону было предъявлено *«Обвинительное заключение»*:

«Следствием установлено, что Бельский Иван “Иларион” Иванович, как бродячий поп-епископ, на протяжении всего периода существования Советской власти собирал вокруг себя верующих, которых и обрабатывал в к.-р. духе против колхозов и проводимых мероприятий в стране. Убеждал верующих в скорой войне и гибели Советской власти. Завоевал своими к.-р. действиями авторитет среди верующих и к.-р. настроенных элементов. Повел усиленную агитацию за открытие церквей. Живя на квартире у Калугина Зотей с 1933 по 1936 года, ежедневно, под видом верующих, пришедших якобы повидаться, собирал у себя неизвестных людей, с которыми проводил беседы, не допуская в это время к себе даже хозяев дома»;

«Группируя вокруг себя верующих и под видом верующих к.-р. элементы, систематически проводил к.-р.

деятельность, направленную против коллективизации проводимых мероприятий Соввласти, распространял к.-р. слухи о войне и свержении Соввласти».

Следствие по делу было закончено, и материалы переданы на рассмотрение тройки НКВД Марийской АССР. 28 августа 1937 года епископ Иларион был приговорен к расстрелу. 31 августа приговор был приведен в исполнение в 20 часов. Очевидно, там же, в Йошкар-Олинской тюрьме, и, возможно, теми же исполнителями, что и спустя семнадцать дней в отношении епископа Сергия (Дружинина) и его союзников.

Письмо епископа Илариона митрополиту Кириллу (Смирнову)²⁸¹

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему...

До нас дошла печальная весть, что Вы, хотя не имеете родственной связи с митрополитом Сергием, но считаете его и признавший декларацию самочинный Синод благодатными и даже, в случае приближения своей смерти, исповедаетесь у новообновленческого Сергиевского священника, а это равносильно признанию митрополита Сергия и самочинного Синода. Если такое сведение справедливо, а мы не имеем оснований ему не верить, то Вы выбрали своеобразное положение в Церкви — середину и оказались между двумя стульями, ни с новообновленцами, ни с православными, и в заключение сами поставили себя не в лоне Православной Церкви. Спасаете свое старческое тело, поддерживая церковь лукавствующую, а душу свою и других губяще. Подражаете Понтию Пилату, который умыл руки и заявил предателям, что он не повинен в смерти праведника, а тростью утвердил смерть. От признания благодатными Сергиевских последователей недалеко до логического вывода, заключающегося в признании так же благодатными и их соборов и самочинных Синодов, которыми они законных архипастырей лишают кафедр, запрещают священнослужителей, извлекают из священного сана православных.

²⁸¹ В материалах следственного дела епископа Илариона 1934 года находится машинописная копия этого письма. Владыка упоминает о нем как письме «одному митрополиту». Нет сомнений, что оно адресовано именно митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову).

Такое признание мы могли бы рассматривать как позор для архипастыря, на которого вся Церковь до сих пор смотрела как на исповедника и столпа св. православия. Вы бы в таком случае явились не собирателем воедино православных, а как бы вторым Иудой-предателем, прелюбодеем, разлагателем и участником в разрушении церковной законности, чего мы не можем допустить и поверить этому.

В св. православии требуется твердость, стойкость и постоянство до конца. Из истории Св. Церкви видим, что истинное св. православие в результате борьбы всегда восторжествовало, а ложь всегда посрамлялась. Епископ за св. православие должен умирать, а не сдавать свои позиции без боя, смерть есть приобретение. Видя такое самоотвержение епископа, ангелы и все святые на небесах радуются.

Бояться, что все церкви закроются, и этим как бы уничтожится самое существование Церкви — значит не верить словам Христа Спасителя, что Церковь будет вечна и врата ада не одолеют ее.

Если признать декларацию и самочинный Синод, который есть самочинное сборище, до рассмотрения Собора, это значит отвергнуть 9-й член Символа веры, отвергнуть и посмеяться над постановлением Поместного Собора 1917–1918 гг. и принять учение новое, противно христианству. Это равносильно не прямо, но косвенно отречься от Христа Бога нашего, загробной жизни и Воскресения и совершить отступничество.

Непризнание декларации и самочинного Синода некоторые стараются перетолковать и представить как выступление против Советской власти, т. е. контрреволюцию. На это ответим, что существующей гражданской власти должны и обязаны подчиниться, в чем должны как граждане воздавать кесарево — кесарю, а божие — Богу.

Церковь должна стоять на твердом камне, вне политики политических партий и их убеждений, и

должна в корне отвергать всякую политику и вмешательство. Церковь должна знать исключительно церковное дело и постоянно помнить 81 апостольское правило: “Ни епископ, ни пресвитер не должен вмешиваться в народное управление, но неупустительно быть при делах церковных”. А также помнить, что священнослужитель по своему сану не может быть секретным сотрудником, так как он священнослужитель, есть совершитель бескровной жертвы и совершающий таинство исповеди покаяния верующих не с целью уловления и погубления, а с целью душевного спасения их.

В церковном отношении Церковь должна управляться свободно, самостоятельно, без всякого насилия и навязывания своих убеждений, выгодно для себя расходящихся со св. канонами, догматами и св. учением Православной Церкви. Церковь не есть кооперативная лавочка и не театр, где можно обмануть или сыграть в жмурки.

Церковь Тело Христово и состоит из членов православных — священнослужителей и верующих, православных христиан, находящихся в неразрывном единстве со Вселенской Церковью, которая мыслит и руководит, как указано в св. канонах, догматах Православной Церкви, и которые непоколебимую держат единую православную веру, т. е. содержат и принимают всеевангельское учение непоколебимо. Мы веруем во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь.

Св. Иоанн Златоуст говорит:

1. “Церковь не стены и покров, но вера и житие”, предполагая верующих, живущих по вере, без этих же последних “вера и житие” — нечто отвлеченное, в действительности несуществующее. Иоанн Златоуст замечает иногда другим: “Церковь иже верою ограждена”.

2. Церковь не стены церковные, но законы церковные, предполагая как держащих эти законы, так и руководящимися ими или живущих по ним.

Когда в Церкви появились церковные смуты, самочиние, ересь или отступничество, то в таких случаях Церковь руководствовалась и становилась на точку зрения строгой церковной законности св. канонов, догматов Православной Церкви, св. отцов, если подобные действия были не согласованы с ними, то Церковь, не дожидаясь соборного решения, в корне осуждала все их действия, считая незаконными, недействительными и совершенные таинства — безблагодатными.

Глава Церкви по важным общепринципиальным вопросам не имеет канонического права самочинно, единолично решать без Собора (34 апостольское правило и правило Антиох. Собора), а также отменить соборные постановления без следующего Собора (6 и 7 Вселен. Соб. 1 правило). Если Патриарх, или Патриарший Местоблюститель, или митрополит обл*<асту>*, или епархиальный епископ, или епископ совершит явно незаконное преступление против Церкви, самочинно нарушив хотя бы одно правило св. канонов Православной Церкви, учрежденных на семи Вселенских и Поместных Соборах (1 Вас. Вел.), будет проводить в жизнь или велегласно будет учить через церковные кафедры учение еретическое или отступничество (двухкратного Конст. собора 15 правило), то, не дожидаясь соборного решения, всякий имеет каноническое право прервать с Патриархом и т. д. молитвенное общение и выйти из подчинения, дабы избежать разделения и раскола для сохранения единства Вселенской Церкви. Но если Патриарха или епископа будут обвинять в совершении личного греха касательно его нравственной жизни, то до решения Собора никто не имеет канонического права прерывать молитвенное общение и выйти из подчинения ему до тех пор, пока не будет на Соборе явно доказано его преступление (31 апостольское правило). В первом случае иметь молитвенное общение и под-

чинение с Патриархом есть участие в грехе и разрыв единства со Вселенской Церковью, а во втором этого не будет.

Главой Российской Православной Церкви является в настоящее время Патриарший Местоблюститель Петр, митрополит Крутицкий, который воспринял единоличное управление Всероссийской Православной Церкви от Патриарха Тихона и имя которого должны обязательно возносить за всеми богослужениями. Синода, избранного на православном Соборе 1917–1918 гг., Патриарх Тихон не оставил после себя Патриаршему Местоблюстителю. Патриарший Местоблюститель Петр, митрополит Крутицкий, по не зависящим от него обстоятельствам временным заместителем по управлению Всероссийской Православной Церкви оставил Сергия, митрополита Нижегородского, который также получил от Патриаршего Местоблюстителя Петра, митр. Крутицкого, единоличное управление, и никакого особого Синода Патриарший Местоблюститель Петр ему не оставил.

Итак, Сергей, митрополит Нижегородский, получил от Патриаршего Местоблюстителя временное управление Православной Церковью правильно, и никто этого не оспаривает, все его действия были законны до тех пор, пока он не самочинствовал и не восхищал прав, принадлежащих Собору и всей Церкви, соблюдая каноны Св. Православной Церкви, и ни один епископ, ни пресвитер, ни верующий православный христианин не имели канонического права прерывать молитвенное общение и выйти из подчинения, иначе в противном случае оказались бы вне Церкви Православной и должны были бы осознать свой грех и принести покаяние.

Другое положение наступило с момента опубликования через церковные кафедры письменного документа, Декларации митрополита Сергия от августа

месяца 1927 года и образования при нем самочинного собрания, так называемого Синода, ни на каком Соборе всей Церкви не избранного, каковой самочинный Синод присвоил себе высшие церковные административные функции и стал самостоятельно решать Церковные дела с правом решающего голоса и навязывать их всей Церкви, как исходящие от законного якобы Синода.

Митрополит Сергей этими своими противоканоническими действиями, повлекшими за собой страшную смуту и раскол в Церкви, не дожидаясь церковного осуждения, сам осудил себя и этим себя автоматически лишил законного права в дальнейшем управлять Всероссийской Православной Церковью и созывать Собор, так как разорвал единство и оказался вне Церкви Православной (1 <правило> Вас. Вел.).

Декларация митрополита Сергея написана вопреки соборному постановлению 1917–1918 гг., на котором было постановлено, чтобы Церковь держалась вне политики и не вмешивалась в гражданские дела. Этим документом он стал на политическую платформу.

Соборное постановление хотя бы даже одного правила канонического без решения следующего Собора не может отменить. И Патриарх, и Патр<иарший> Местоблюститель, и митрополит обл<асти>, и архиерей, и епископ (6 и 7 Вселен. Соб. перв. пр.) с нарушением св. канонов Православной Церкви ставят себя и признавших это вне Церкви и с этого времени прерывают единство со Вселенской Церковью, преемство, и лишаются драгоценного дара благодати — Св. Духа, полученного в хиротонии, и хотя бы церковное управление и было получено от законной церковной власти и хиротонии от правильных епископов, все совершенные ими таинства считаются безблагодатными до тех пор, пока не сознают свой грех и Собором православных епископов не будут восстановлены в своем достоинстве, т. е. благодать

временно не действует, подобно электрическому току, прерванному от центральной батареи.

Итак, митрополит Сергей совершил великий и тяжкий грех, преступление против Церкви, а не личный грех, как некоторые убаюкивают свою совесть. Этим он попрал св. каноны Православной Церкви и освободил православных епископов, священников и верующих мирян от подчинения и молитвенного общения, не дожидаясь соборного осуждения, так как все его противоканонические преступления и действия доказаны вышеуказанным документом, который опубликован через церковные кафедры по всей Российской Церкви, и не возникает никакого сомнения в подлинности этого письменного документа. Будущему православному Собору остается только констатировать факт преступления и отпадения от православия митрополита Сергея и его сообщников епископов.

Новообновленцы сергияне и глава их митрополит Сергей повели дело более умно и тонко, чем их предшественники, обновленцы и живоцерковники, которые рубили, что называется, сплеча и страшно торопились проводить реформацию, уничтожать и отменять не только обряды, но и самые таинства, называя их черной магией (смотри лекции б<ывшего> свящ<енника> А. Введенского), вводить женатый епископат, второбрачие священнослужителей <...>²⁸².

А новообновленцы сергиевцы, напротив, как будто с первого взгляда ничего не изменили, ни в церковной службе, ни в обрядах, что рассчитано ими же для усыпления и обмана широких масс верующих, которые в большинстве мало разбираются в нарушениях сергиянами установлений, а если и разберутся, то, мол, так нескоро, а тем временем они надеются расправиться с оставшимися верными православными

²⁸² Далее в тексте неразборчиво.

епископами и церквами, которые в этом их деянии хорошо разбираются и могут воспрепятствовать им в проведении их лукавой политики.

Между обновленцами григорианцами (основатель Григорий, архиерей Екатеринбургский в Москве, Донской монастырь, 1926 г.) самосвятами и новообновленцами сергиянами, которые считают себя преемственными <неразб.>, в основе которых абсолютно нет никакой разницы, а в церковном отношении вылились в разных формах. Все они делами своими отвергли св. каноны Православной Церкви и начали самочинно без соборного рассмотрения проводить до Собора свои скрытые от всей Церкви замыслы, и поставили свое личное гордое самомнение и авторитет выше разума и авторитета Вселенских и Поместных Соборов, и все они стали на политическую платформу, забыв, что Иисус Христос и апостолы в корне отвергали всякую политику и верующим несли только учение Христово, примерный образ жизни, и если они и страдали, то только за религиозные убеждения, и в древности во время гонений на христиан и церковных смут засвидетельствовали это своей мученической смертью.

Итак, новообновленцы, сергиевцы, главарем которых стоит митрополит Сергей, и самочинный, никем не избранный так называемый Синод, который есть поистине самочинное сборище и ликвидационный комитет по разрушению и уничтожению всех установлений, основанных на святых канонических правилах Православной Церкви, — с момента явного проявления самочиния, своими делами сами себя осудили, не дожидаясь Собора, и оказались вне Церкви Христовой, а вне Церкви Христовой нет благодати и спасения.

Отвергнем свой гордый ум и личный авторитет и смирим себя, подобно Христу Спасителю, и будем помнить данное нами обещание в день своей хирото-

нии во епископа пред собором епископов и верующих православных христиан твердо и крепко, даже до смерти держаться святых канонов, догматов Православной Церкви, святых отцов и т. д., дабы не лишиться драгоценного дара благодати Св. Духа, и тогда будет в Церкви единство, любовь и мир.

Прошу прощения, если я чем-нибудь оскорбил в своем письме. Я не отрицаю, что со всеми возможна ошибка, но эти ошибки с помощью будем советами друг другу исправлять.

Убогий Е. И.

30-го января 1934 г.

В день трех святителей

Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста».

* * *

Это письмо епископ Иларион отправил иеромонаху Михаилу (Иванову) в Тюмень, о чем неоднократно упоминалось на допросах. Очевидно, в Тюмени письмо было изъято при обыске, а копии его вместе с копиями других писем владыки Илариона были высланы уполномоченным ОГПУ по Обско-Иртышской области в Горький и Козьмодемьянск. Машинописная копия письма митрополиту также находится в следственном деле 1934 года архиепископа Серафима (Самойловича)²⁸³. Выдержки из этой копии недавно были опубликованы, причем текст в точности совпадает с приведенным выше, за исключением последнего «призыва», которого нет в копии из дела епископа Илариона 1937 года:

«Призываю Вас, Ваше Высокопреосвященство, осознать и оплакивать свои заблуждения, пока не поздно и далеко не ушли еще, и дело поправимо, ибо в будущей

²⁸³ Архив УФСБ по Ярославской области. Д. С-12005. Т. 1. Л. 326.

жизни за произведенный соблазн в Церкви нет прощения ни там, ни здесь. Не будем отчаиваться и падать духом, но принесем искреннее покаяние и с помощью Божией вернемся снова в лоно Святой Православной Церкви и покажем себя еще более твердыми и стойкими в святом православии»²⁸⁴.

Заметим, что автором письма в этой публикации назван епископ Уманский Макарий (Кармазин) на основании подписи — «Убогий Е. М.». Поскольку в материалах дела не подлинники писем, а их машинописные копии, то они содержат немало ошибок и опечаток, потому в ярославской копии письма в подписи могла по ошибке вместо «И» появиться «М». Однако то, что автором письма все-таки был епископ Иларион (Бельский), со всей очевидностью свидетельствуют материалы его следственного дела, где, помимо приведенной копии его письма митрополиту, содержатся и копии других коротких писем, адресованных отцу Михаилу (Иванову) в Тюмень. В них владыка Иларион просит отца Михаила переписать все его письма и отправить по указанным адресам. Последнее письмо владыки, датированное 16 марта 1934 года, безусловно, говорит о его письме митрополиту:

«Дорогой о. Мих<аил>

Постарайтесь разборчиво и отчетливо переписать мое убогое письмо, которое вы получите от меня скоро, адресованное одному митрополиту, и немедленно без задержки отправить архиепископу Моск<овскому> Феодору и архимандриту Серафиму, архиепископу Прокопию, и попросите, чтобы они написали мнение относительно этого письма, и тогда вышлите мне эти мнения, о. Диоскор пусть поможет вам переписать, у него хороший почерк. Преосв.

²⁸⁴ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. — М., 2006. С. 97.

Прокопий признавал м<итрополита> Сергия и требовал от закл<юченного> епископата поминовения его за всеми Богослужениями, он весь епископат в Соловках запутал, но, когда делегаты приехали в ссылку из его епархии, требовали от него не признавать м<итрополита> Сергия, тогда попятился назад. Я рассматриваю, ему обязательно принести покаяние и потом считать православным, когда Собор епископов примет в молитвенное общение.

Архимандрит Серафим не сбежал ли из Смоленска. Серафим не Себекин ли из Смоленска, если он, передайте ему Б<ожие> Благосл<ование>. Всп<оминаю> мол<итвенно> и шлю Б<ожие> Благ<ословение> Вам, о<тцу> Диоскору и т. д.

Е. И.

16/3-34 года.

Постарайтесь узнать Киев<...> и адрес митрополита Петра».

Очевидно, что в письме речь идет об архиепископах Волоколамском Феодоре (Поздеевском) и Херсонском Прокопии (Титове). Архимандрит Серафим — вероятнее всего архимандрит Серафим (Климков), бывший насельник Даниловского монастыря и близкий архиепископу Феодору (Поздеевскому), после пятилетней ссылки он с 1932 года проживал под Москвой и служил тайно. Интересно, что епископ Иларион обращался именно к ним. Вероятно, у них были связи с митрополитом Кириллом.

Знал ли епископ Иларион лично архиепископа Феодора, неизвестно, что касается архиепископа Прокопия, то с ним он встречался в Соловецком концлагере. Владыка Прокопий пребывал там с 1925 до конца 1928 года, затем был отправлен в ссылку, которую отбывал в Тюменском и Тобольском округах. В 1931 году был выслан в Казахстан. Но, вероятно, из Тюмени связь с ним поддерживали²⁸⁵.

²⁸⁵ В апреле 1934 освобожден. В октябре 1934 арестован и отправлен в ссылку в Каракалпакию. 2 ноября 1937 расстрелян.

Отношение архиепископа Прокопия к митрополиту Сергию и его политике со временем претерпело изменение. Сначала на Соловках он мог входить в число тех архиереев, которые, по словам протоиерея Иоанна Шастова, считали *«декларацию необходимым актом, свидетельствующим лояльное отношение к государственной власти и не нарушающим ни догматического, ни канонического учения»*²⁸⁶. В дальнейшем же, увидев, что влечет за собой политика, основанная на Декларации, он хотя и не порывал общения с митрополитом Сергием, но к его политике старался быть непричастным.

Так, на вопрос херсонского протоиерея Григория Синицкого, как поступать в сложившейся ситуации, архиепископ Прокопий ответил в письме: *«Молитвенного общения порывать не надо, ибо, как ни прискорбно случившееся, нужно надеяться, что митрополит Сергей реабилитирует себя... но распоряжений, противных совести, не исполнять и, по мере сил, противодействовать им»*²⁸⁷. А в 1929 году владыка Прокопий уже направил митрополиту Сергию письмо протеста, к которому присоединился и епископ Амвросий (Полянский). Летом 1931 года оба архиерея были арестованы.

На допросе 31 июля 1931 года архиепископ Прокопий не стал скрывать от следствия своего неприятия деятельности митрополита Сергия: *«Выпущенная им декларация всех церковных деятелей, несогласных с ним, характеризует как заядлых контр-*

²⁸⁶ «Письмо бывшего солдовчанина протоиерея о. Иоанна Шастова к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя...». Акты Святейшего Тихона... С. 579. При этом следует отметить, что в кругах правой оппозиции свидетельство протоиерея Иоанна Шастова трактовалось как подложное.

²⁸⁷ Медведева Н., Медведев Г. От южного города до «Южного Городка». К 60-летию со дня кончины протоиерея Григория Синицкого (1872–1941) / Богословский сборник. Вып. 8. — М.: ПСТБИ, 2001. С. 368.

революционеров, сторонников самодержавия. Такое его заявление я и др. рассматривают как нечестный донос и неверное зачисление в к.р., т. к. люди могут быть с ним не согласны, но могут не быть к/революционерами». В 1934 году архиепископ Прокопий обратился к митрополиту Сергию со вторым письмом, в котором заявлял: «Ваше в церковной жизни руководство, как ведущее в пропасть антихристову, не могу признавать» и указал, что результаты деятельности митрополита «для Церкви Божией самые прискорбные... через советских архиереев Церковь Русская лишилась своей внутренней свободы и оказалась в порабощении у антирелигиозного государства»²⁸⁸.

Известно, что к середине 1930-х годов архиепископ Прокопий состоял в переписке с митрополитом Кириллом и, вероятно, разделял его взгляды на церковную ситуацию. Что касается церковной позиции архиепископа Феодора (Поздеевского), то она до конца неясна. В исторической литературе прочно утвердилось мнение о том, что он был в числе крайне правой оппозиции митрополиту Сергию и возглавлял так называемую «даниловскую ветвь». Однако при внимательном изучении имеющихся документов становится ясно, что позиция архиепископа Феодора была более чем умеренная — поначалу он даже не прекращал поминовение митрополита Сергия, и лишь со временем его взгляды, как и у многих его единомышленников, изменились.

Архиепископ Феодор по понятным причинам на допросах отрицал какие-либо связи и переписку с кем-либо из архиереев и тем более встречи, однако, скорее всего, эти связи были. Например, в январе 1934 года к нему в Зарайск приезжал епископ Пар-

²⁸⁸ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. — М., 2006. С. 144–145, 146.

фений (Брянских), а в июле и сентябре к самому Парфению в Кимры приезжал архиепископ Прокопий (Титов). Был ли связан напрямую с митрополитом Кириллом архиепископ Феодор, опять-таки точно неизвестно, но показательно, что в предъявленном владыке Кириллу обвинении во время следствия в 1934 году имя архиепископа Феодора стоит первым в списке архиереев, с которыми Кирилл *«установил связи»*.

Обращение епископа Илариона к митрополиту Кириллу было неслучайным. Владыка Кирилл являлся одним из старейших и авторитетнейших архиереев Русской Церкви. В конце 1933 года совещанием ссыльных архиереев под председательством архиепископа Серафима (Самойловича) он был фактически признан главой Русской Церкви. Это совещание подготовило деяние, которым митрополит Сергей объявлялся лишенным молитвенного общения со всеми архиереями Православной Церкви и предавался церковному суду. Высшее Управление Русской Церкви за невозможностью обращаться к митрополиту Петру Крутицкому, Местоблюстителю Патриаршего Престола, должно было перейти к старейшему иерарху Церкви, т. е. митрополиту Кириллу.

Однако владыка Кирилл отказался принять на себя управление, о чем в январе 1934 года написал архиепископу Серафиму либо кому-то из его единомышленников. Затем в февральском письме он подробно разъяснил свою позицию и свое отношение к сергианам²⁸⁹. Возможно, именно в ответ на это епископ Иларион и составил свое письмо. Несмотря на резкий, почти грубый стиль письма владыки Илариона, оно несколько не умаляет, а напротив, еще раз свидетельствует о том авторитете, который имел митрополит Кирилл среди архиереев антисергиан-

²⁸⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 699–701, 702.

ской оппозиции. В митрополите действительно многие видели, по словам епископа Илариона, «собира-теля воедино православных». Потому-то и объяснима та горечь и резкость владыки Илариона, выраженная в его письме, когда он узнал об отношении митрополита Кирилла к таинствам сергиан. Сам-то владыка Иларион занимал крайне строгую и однозначную позицию, считая митрополита Сергия и иже с ним совершенно отпадшими от Церкви²⁹⁰.

²⁹⁰ Об отношениях иосифлян с митрополитом Кириллом более подробно см.: «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы». — М., 2008. С. 458–477.

ЧАСТЬ II

Тайные служения в предвоенные и военные годы

Архимандрит Клавдий (Савинский), иеромонах Тихон (Зорин) и священник Михаил Рождественский

Архимандрит Клавдий, в миру Константин Сафронович Савинский, родился в 1882 году в местечке Снитково Могилевского уезда Подольской губернии, в семье крестьянина-середняка. Родители его были религиозны, но большого влияния на духовный выбор сына не оказывали. Константин сам проявил склонность к духовной жизни и интересовался монашеством. В 1900 году он поехал на заработки в Киев и поступил на работу именно в Киево-Печерскую лавру, а в 1904 году был принят в число послушников. Во время Первой мировой войны Константин был мобилизован в действующую армию. В 1918 году вернулся в Киев, в 1920 году в Киево-Печерской лавре принял монашеский постриг с именем Клавдий, а в 1923 году был рукоположен в иеромонаха и продолжал служить в лавре. В 1925 году он был возведен в сан игумена и послан в Успенский храм Петроградского подворья лавры²⁹¹. В 1928 году игумен Клавдий

²⁹¹ Успенский храм подворья на Васильевском острове построен в 1895–1900 годах. В октябре 1917 — обращен в приходской, в

поддержал иосифлян, о чем открыто заявил на допросе 1942 года:

«Я — Савинский Константин Сафронович — примкнул в 1928 году к иосифлянскому религиозному течению, причем в основу принятого решения мной были положены религиозные и политические соображения.

Я весьма сильно уважал митрополита Сергия, как духовное лицо, но в то же время я находил, что в своем воззвании к верующим он допустил некоторые отклонения от религиозных правил. Я также считал, что Церковь не может иметь ничего общего с государством, не признающим Бога и религию, а, наоборот, должна находиться по отношению к последнему как бы в оппозиции. К этому в значительной мере примешивалось мое недовольство мероприятиями Советской власти, направленными на закрытие монастырей и часто церквей. По этим же мотивам к иосифлянству в то время примкнуло очень много монашеского элемента»²⁹².

Из Успенского храма подворья, оставшегося сергианским, отцу Клавдию пришлось уйти, но его пригласили в кафедральный храм Воскресения на Крови²⁹³. Служил он также и в других иосифлянских храмах, где по той или иной причине отсутствовал священник. Но главное, отец Клавдий осуществлял духовное руководство монашескими, активно присоединявшимися к иосифлянам, и совершал новые монашеские постриги, конечно же, тайные, о чем показал на

1935 закрыт, в нем устроен склад, в 1956 — искусственный коток. В 1993 передан Московской патриархии, в настоящее время является подворьем Оптиной пустыни.

²⁹² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-25479. Л. 102–103. Далее, кроме отмеченных особо, цитаты из данного дела.

²⁹³ На известной фотографии иосифлян у храма, в самом центре снимка, позади архиепископа Димитрия и протоиерея Василия Верюжского, выделяется его крупная фигура с окладистой русой бородой. См. фото на вклейке 1.

следствии в 1931 году протоиерей Никифор Стрельников:

«По поручению еп. Димитрия руководителем быв. монашесствующих кадров являлся архимандрит Клавдий Савинский. Он наблюдал за пополнением кадров путем пострижения из послушниц в монахини, исповедовал монашесствующих и вел общее руководство ими. Пострижение происходило на квартирах и иногда во внебогослужебное время без народа в храмах»²⁹⁴.

Это подтвердил на допросах и сам архимандрит Клавдий (в сан архимандрита он был возведен архиепископом Димитрием Гдовским в 1929 году):

«Служа в церкви Воскресения на Крови, я приобрел себе почитателей из мирян и монашесствующих, главным образом из монашек Ивановского монастыря²⁹⁵, Новодевичьего монастыря и других подворий и закрытых монастырей, которые примыкали к нашей организации. Видя во мне защитника истинного православия, ко мне стали обращаться за новыми пострижениями в монашество.

Всего мною произведено пострижений в монашество до 25 человек²⁹⁶. Благословение на эти пострижения я получил от епископа Димитрия Любимова. Пострижения производил вместе с игуменьей Воронцовского подворья Вероникой. Постригал на квартире у Вероники, у себя, в кельях монашек Ивановского монастыря и в других общежитиях монашек. Для пострижения приходилось выезжать в деревни. Так, в селе Ратчино мною пострижено 5 человек, в дер. Кузьмино 2 человека.

Кого именно постригал, точно назвать не могу ни по фамилии, ни по имени, знаю только данное постри-

²⁹⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 3. Л. 484.

²⁹⁵ Монастырь Св. Иоанна Рыльского на Карповке, основанный прав. Иоанном Кронштадтским.

²⁹⁶ На следующем допросе архимандрит Клавдий уточнил, что за два года он постриг 34 монахини.

женным монашеское имя. Кроме пострижений приходилось производить соборование. Монашки, проживавшие в бывшем Ивановском монастыре, стали говорить, что в такие времена гонений они боятся остаться не соборованными, и я их соборовал»²⁹⁷.

После первой волны массовых арестов в конце 1929 года отец Клавдий продолжил служение в соборе Воскресения и в конфликте, возникшем в среде иосифлян, был на стороне епископа Сергия (Дружинина)²⁹⁸. Предполагалось рукоположить архимандрита Клавдия в епископский сан, но была ли осуществлена эта тайная хиротония, как и хиротонии еще двух кандидатов, точно неизвестно.

В декабре 1930 года отец Клавдий был арестован вместе с епископом Сергием и другими иосифлянскими клириками. Впоследствии, когда на следствии в 1942 году его допрашивали о *«служителях культа, арестованных с ним по храму Воскресения на Крови»*, отец Клавдий отвечал, что в 1930 году из причта собора были арестованы вместе с ним протоиереи Сергей Боголюбов, Василий Тулин, Никифор Стрельников, а также иереи из других храмов. Однако на какой срок и куда они отправлены, он не знал и связи ни с кем из них не поддерживал ни во время своего заключения, ни после.

8 октября 1931 года архимандрит Клавдий (Савинский) был приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Сиблаг (Мариинск). В январе 1936 года он был освобожден с ограничением проживания и приехал в Новгород. В то время многие из бывших заключенных поселялись там после отбытия срока, поскольку проживание в Ленинграде им было запрещено. Хотя они и были на свободе, но жили под неослабным надзором чекистов и терпели крайнюю нуж-

²⁹⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 2. Л. 516.

²⁹⁸ Подробно об этом в главе о епископе Сергии — см. выше.

ду, так как на работу их брали очень неохотно. Как показал позднее на следствии отец Клавдий:

«Подыскать какую-либо работу не сумел и поэтому был вынужден существовать за счет продажи некоторых личных вещей и на деньги, высылаемые мне из Донбасса племянником»²⁹⁹.

Хотя на следствии отец Клавдий и отрицал, что в Новгороде проводил какую-либо *«нелегальную антисоветскую работу»*, однако, конечно же, он совершал тайные богослужения с другими иосифлянами. С 1933 года в Новгороде проживали отец Петр Белавский, иеромонах Тихон (Зорин), с 1935 года — протоиерей Константин Быстревский. Приезжали также священник Алексей Вознесенский из Псковской области, протоиерей Алексей Кибардин из Мурманска. По некоторым данным, отец Клавдий общался в Новгороде с протоиереем Сергием Боголюбовым, возможно, и с архимандритом Алексием (Терешихиным) и монахинями из общины Серафимы (Голубевой), проживавшими в пригородах.

С конца 1937 года почти все иосифляне здесь подверглись репрессиям. В декабре 1937 года были расстреляны архимандрит Алексей (Терешихин), его сестра, монахиня Серафима (Терешихина), и монахиня Серафима (Голубева), остальные сестры общины отправлены на десять лет в лагерь. В июле 1938 года были арестованы протоиереи Петр Белавский и Константин Быстревский, протодиакон Иоанн Предтеченский. Опасаясь ареста, архимандрит Клавдий перешел на нелегальное положение. Осенью 1938 года он поехал в Ленинград и там получил от знакомых ему монахинь Александры и Евдокии письмо, сообщавшее, что в его отсутствие в Новгороде им интересовались работники НКВД. Как показал он позднее на

²⁹⁹ Племянник, Федор Демьянович Кика, работал на шахте.

допросе, *«узнав об этом, я решил не возвращаться обратно и таким образом остался в Ленинграде».*

Сначала отец Клавдий проживал у бывшей прихожанки Киевского подворья Марфы Николаевны на Васильевском острове³⁰⁰, затем по нескольку дней пребывал у бывших прихожанок подворья Натальи, Ольги и Клавдии на Васильевском острове, Марфы на Песочной улице, монахинь Ольги и Поликсении с Пятой Советской улицы³⁰¹, у Варвары в Володарке и Клавдии в Стрельне. Но бывали случаи, когда ему приходилось выезжать за город, *«там ночевал под открытым небом или ездил днями по городу в трамваях, а иногда курсировал в поезде Ленинград — Малая Вишера и обратно».*

В 1941 году отец Клавдий ездил с Марфой Николаевной в Ораниенбаум к Василию Демьяновичу, где пробыл около недели. Хотел поселиться там, но дом был маленький, да и располагался не в тихом уголке, как надеялся отец Клавдий, а на *«бойком месте, где вечно шум и люди из-за близости товарной станции».*

Осенью 1941 года отец Клавдий поселился в деревне Коломяги, в доме Анатолия Федоровича Чистякова³⁰², где он проживал с большой семьей³⁰³. Отец Клавдий встретился впервые с хозяином дома в 1940 году на квартире у Клавдии Николаевны, где в то время Анатолий Чистяков делал ремонт вместе с Иваном Степановым, последний и познакомил их друг

³⁰⁰ По адресу: 8-я линия, дом 41, номера квартиры не помнил.

³⁰¹ В сентябре 1941 года погибли во время бомбежки.

³⁰² Анатолий Федорович Чистяков, родился в 1904 в деревне Холчиха Вологодской губернии, в крестьянской семье. После раскулачивания отца выехал с семьей в Архангельск, затем в Саратов. После 1932 поселился в деревне Коломяги под Ленинградом, где построил свой дом. В настоящее время это городская черта Санкт-Петербурга.

³⁰³ В доме жили его родители Федор Иванович и Мария Семеновна, жена Юлия и четверо детей: Мария, двенадцати лет, Евгений, девяти лет, Алексей, шести лет и Михаил, четырех лет. Позднее, в 1942 году, родилась Ирина.

с другом. Позднее подробности этой встречи особо интересовали следствие:

«ВОПРОС: О чем Вы беседовали с Чистяковым при первом знакомстве?»

ОТВЕТ: Воспроизвести в точности тему нашего разговора я сейчас не в состоянии. Однако помню, что он носил чисто религиозный и семейно-бытовой характер. Со слов Чистякова я узнал, что в его доме имеется нелегальная церковь, в которой молятся верующие иосифляне; узнал, что отправление религиозных обрядов совершает иеромонах Тихон, который группирует вокруг себя известный круг верующих, не посещающих сергианскую и обновленческую церкви. Еще до знакомства с Чистяковым мне приходилось слышать от Степанова И. С. о том, что у Чистякова совершаются тайные религиозные обряды. Слова самого Чистякова подтвердили правильность информации Степанова.

ВОПРОС: Вам известны были те верующие, которые посещали Чистякова в дни проводящихся у него в доме нелегальных богослужений?»

ОТВЕТ: Нет, мне об этом никто не рассказывал, а сам я не спрашивал.

ВОПРОС: Когда Вы впервые посетили квартиру Чистякова?»

ОТВЕТ: На дом к Чистякову я приехал в 1940 году вскоре после знакомства. До дня окончательного приезда к нему на жительство, т. е. до сентября месяца 1941 года, я был у него около 3—4 раз.

ВОПРОС: Какой характер носили эти посещения?»

ОТВЕТ: Я отправлял религиозные обряды в нелегальной церкви.

ВОПРОС: Кто присутствовал в то время во время тайных богослужений?»

ОТВЕТ: Кроме меня и семьи Чистякова А. Ф. в тот период на тайных богослужениях бывала только Евдокия Петровна.

ВОПРОС: А это правда?»

ОТВЕТ: Я не помню, чтобы до моего окончательного переезда к Чистякову на нелегальное жительство кто-

либо, кроме названных лиц, присутствовал при тайных богослужениях.

ВОПРОС: *Иеромонах Тихон знал о том, что Вы проводите в доме Чистякова тайные молебствия?*

ОТВЕТ: *Да, тайные молебствия я совершал только с разрешения иеромонаха Тихона, который в тот период возглавлял церковь в доме Чистякова и группировал вокруг себя молящихся в названной церкви».*

Отец Клавдий с 1929 года знал иеромонаха Тихона по Александро-Невской лавре, а затем встречался с ним в Новгороде в 1936–1938 годах. Затем отец Тихон, *«спасаясь от репрессий со стороны органов Советской власти, примерно в 1938 году перешел на нелегальное положение и стал проживать в г. Ленинграде и пригородах»*, а с начала войны оказался на оккупированной немцами станции Володарской. Следует привести хотя бы краткие данные о жизни этого замечательного иосифлянского пастыря, осуществлявшего, как и отец Клавдий, самоотверженное служение в условиях жесточайших богоборческих гонений.

Иеромонах Тихон, в миру Василий Никандрович Зорин, родился в 1893 году в селе Пупково Вогнемской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии, в крестьянской семье. В 1911 году поступил послушником в Кирилло-Белозерский монастырь, через три года перешел в Тихвинский. В 1920 году был пострижен в монашество с именем Тихон и рукоположен в иеродиакона. С 1925 года, после закрытия монастыря, служил в кафедральном Софийском соборе Новгорода. В январе 1928 года, вместе с настоятелем собора протоиереем Александром Советовым отделился от митрополита Сергия и был направлен митрополитом Иосифом (Петровых) в храм Св. Троицы в Лесном, не раз навещал владыку в его ссылке в Моденском монастыре. В том же году рукоположен во иеромонаха архиепископом Димитрием (Любимовым),

с конца 1929 года проживал в Александро-Невской лавре. В августе 1930 года иеромонах Тихон вместе с архимандритом Алексием (Терешихиным) был арестован, обвинен «в антисоветской агитации и хранении серебряной монеты» и приговорен к 3 годам концлагеря. В 1933 году, после освобождения из лагеря, приехал к сестре Евдокии Городничной в Ленинград, но по требованию властей ему пришлось в течение трех суток покинуть город. Выехал в Новгород, однако часто возвращался и служил нелегально в храме Св. Троицы, а позднее в тайных церквях — в Коломягах в доме у А. Ф. Чистякова, на Лиговском у М. В. Чихачевой и в пригородах. С начала войны поселился у Феодосии Тимофеевны Рудневой на станции Володарская³⁰⁴.

По протоколам допросов не ясно, встречался ли отец Клавдий с отцом Тихоном во время нелегального служения в предвоенные годы, почему-то этот вопрос не прозвучал во время следствия. Вполне вероятно, что пребывавший на оккупированной территории и потому на тот момент недосыгаемый для чекистов иеромонах Тихон для НКВД был неинтересен, хотя о нем не забыли и дело его было выделено в отдельное производство. А вот в отношении другого, также тайно служившего в это время иосифлянского священника Михаила Рождественского отец Клавдий подвергся пристрастному допросу³⁰⁵. Архимандрит подтвердил, что знает отца Михаила, что встретились они в 1936 году в Старой Руссе³⁰⁶, куда он поехал по

³⁰⁴ О дальнейшей судьбе отца Тихона повествуется ниже, в воспоминаниях Веры Федоровны Сазоновой.

³⁰⁵ Этот допрос длился почти пять часов: согласно записям в протоколе, допрос 1 июля 1942 года «начат в 10 ч. 30 мин., окончен в 17 час.». При этом протокол допроса занимает всего два машинописных листа.

³⁰⁶ Отец Михаил Рождественский с архимандритом Клавдием проходил по одному делу 1931 года и также был отправлен в Сиблаг (Мариинск). По некоторым данным, он с отцом Клавдием следо-

просьбе знакомого заключенного, чтобы навестить его родственников:

«Во время пребывания в Старой Руссе я совершенно случайно узнал, что там проездом будет священник Михаил, он же Рождественский Михаил Васильевич, который едет из провинции, где он служил псаломщиком, на постоянное жительство в Ленинград».

«По прибытии в Старую Руссу Рождественский остановился в том же доме, где проживал и я».

Далее архимандрит Клавдий показал, что потерял связь с отцом Михаилом и лишь в 1939 или 1940 году случайно встретился с ним на улице в Ленинграде, а потом на именинах у Елены Максимовны, проживавшей в районе Мечниковской больницы. Тогда он узнал, что отец Михаил проживает в Ленинграде нелегально, и после этого они еще не раз случайно сталкивались друг с другом на улице. На вопрос об адресе места жительства отца Михаила в Ленинграде отец Клавдий ответил, что адреса не знает, но ему известно, что отец Михаил бывает иногда у своих детей в Стрельне, где проживают мать и отец его жены. Во время войны он получил от отца Михаила *«два письма, в которых вместе с исповедью сообщалось, что он жив и здоров, находится в Ленинграде, но адреса не указывал»*. Передавала ему эти письма женщина по имени Агриппина или Акилина, но ни фамилии, ни места жительства ее отец Клавдий не знал.

Об отце Михаиле Рождественском необходимо рассказать подробнее. Он родился 1 октября 1901 года в селе Перегино Старорусского уезда Новгородской губернии. Его отец, Василий Валерианович Рождественский, был настоятелем Перегинского храма.

вал в одном этапе, позднее был переправлен в Белбалтлаг (станция Медвежья Гора).

Окончив трехклассную сельскую школу и четырехклассное духовное училище в Старой Руссе, Михаил поступил в 1914 году в Новгородскую духовную семинарию, но закончить ее не успел, так как в 1917 году она была закрыта. С 1918 года он учительствовал в сельской школе Старорусского уезда, в 1920 году был мобилизован в Красную армию и преподавал там в школе грамоты среди красноармейцев. В конце 1922 года был арестован и за просрочку двухнедельного отпуска приговорен к одному году тюремного заключения. В середине 1923 года досрочно освобожден из тюрьмы и после демобилизации вернулся домой, где крестьянствовал и помогал отцу в церкви.

В то время его старший брат, священник Измаил Рождественский³⁰⁷, один из самых ярких, незаурядных священнослужителей Петроградской епархии, пламенный молитвенник, вдохновенный проповедник и строгий духовник, служил настоятелем в Спасо-Преображенской церкви в поселке Стрельна и привлекал множество верующих, приезжавших к нему на службы со всего Питера. В начале 1925 года Михаил женился на прихожанке и певчей Стрельнинской церкви Елене Петровне Александровой³⁰⁸. Тогда же он был рукоположен в диакона, а затем в священника, причем рукоположение в Софийском соборе Новгорода совершил митрополит Иосиф (Петровых), в то время временно управлявший Новгородской епархией³⁰⁹. Отец Михаил поселился с семьей в Стрельне в доме, построенном его братом Измаилом, там же жили их младшие сестры, пятилетняя Зинаида и двухлетняя Серафима, которых после смерти матери Александры

³⁰⁷ Родился в 1894 году.

³⁰⁸ Родилась в 1906 году.

³⁰⁹ К тому времени относится фотография владыки Иосифа с семьей Ефимовых, предоставленная Марией Петровной Ефимовой (Попеловой), крестницей владыки. См. на вклейке 2.

Ивановны в 1920 году³¹⁰ взял на свое попечение старший брат, отец Измаил.

Вместе с братом отец Михаил служил в Спасо-Преображенской церкви в Стрельне и обучался на Богословских курсах. В конце 1927 года, так же как и брат, он прервал общение с митрополитом Сергием и присоединился к иосифлянской оппозиции, а после ареста отца Измаила в феврале 1928 года³¹¹ продолжал служение и исполнял обязанности настоятеля Стрельнинской церкви. 27 декабря 1930 года отец Михаил также был арестован и вместе с другими иосифлянами проходил по одному делу с епископом Сергием (Дружининым). Примечательно, в графе анкеты арестованного «*Политические убеждения*» был внесен его ответ: «*Противник существующего строя*», а в его показаниях на допросе 8 марта 1931 года записано:

«Не скрываю, что в разговорах с прихожанами я высказывал свои взгляды на безбожную Соввласть, говоря, что все те переживания, которые нам приходится терпеть, а именно: обнищание страны, в вопросах

³¹⁰ Отец, священник Василий Рождественский, умер в Перегино в 1924 году, а настоятелем храма в Перегино стал священник Рафаил Муравьев, муж старшей сестры, Ольги Васильевны Рождественской.

³¹¹ В 1927 году отец Измаил категорически не принял декларации митрополита Сергия и стал одним из самых активных деятелей иосифлянской оппозиции. Недаром он был арестован первым еще задолго до массовых арестов. Как сообщалось в донесении из Ленинградского ОГПУ: «Чтоб несколько парализовать дальнейшее развитие и усиление оппозиции, нами был арестован ее наиболее ярый и фанатичный представитель, допускавший в своих речах антисоветские выражения — священник Измаил Рождественский и с ним вместе иподиакон и слушатель богословских курсов, ездивший с поручениями к сосланным церковникам — Сергей Апланов». «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. — М.: Изд-во ПСТВИ, 2002. С. 375–376.

как продовольственных, а также промтоварных, является ничем иным, как карой, посланной от Господа Бога за наши грехи. В своих проповедях я призывал всех истинно верующих людей объединиться вокруг святой Православной Церкви и остаться ей верным до конца своей жизни, невзирая на ту пагубную политику и работу, которую проводит Соввласть по отношению к Святой Церкви»³¹².

Отец Михаил был приговорен к трем годам концлагеря и отправлен в лагерь. После освобождения с ограничением проживания ему было запрещено оставаться в Стрельне, и он выехал в Новгородский округ в родное село Перегино, где несколько лет служил с отцом Рафаилом. По-видимому, в то время еще можно было найти отдохновение в дальнем уголке в глуши Новгородской области, куда не сразу докатилась волна гонений³¹³. В это время в Перегино бывал и отец Измаил. После ссылки он жил в Перми, а потом в Вятской (Кировской) области, где он какое-то время даже служил в открытом иосифлянском (викторианском) храме. В 1936 году, ввиду грозившего ему ареста по групповому делу истинно-православных, отец Измаил уехал и тайно служил под Петроградом. В Перегино, вероятно, было настолько безопасно, что в том же году отец Измаил в священническом облачении сфотографировался с братьями и со всем семейством³¹⁴.

В 1937 году спокойная жизнь окончилась. 31 июля отец Измаил был арестован на станции Чолово

³¹² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 3. Л.736 об.

³¹³ Туда же отец Михаил забрал и своих детей: семилетнего Сергея и пятилетнюю Ольгу. Его супруга, матушка Елена, была арестована еще в конце 1932 года, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

³¹⁴ Это последняя фотография, на которой запечатлена почти вся семья Рождественских на их родине. К сожалению, затерян ее подлинник, качество оставшейся ее ксерокопии очень неважное — см. на вклейке 2.

Оредежского района, его отправили для дальнейшего следствия в Киров и там 14 октября расстреляли. В ноябре 1937 года в Перегино был арестован и вскоре расстрелян отец Рафаил, Перегинский храм был закрыт и впоследствии разрушен. Отцу Михаилу удалось вовремя скрыться. Перейдя на нелегальное положение, он постоянно скитался. Служил он тайно у своих питерских и стрельнинских прихожан по разным адресам. В Стрельне во время ночных богослужений встречался со своими детьми³¹⁵.

Война застала отца Михаила, как и архимандрита Клавдия, в Ленинграде, но линия фронта разделила его с детьми и родственниками, оставшимися в оккупированной немцами Стрельне, — они расстались почти на пятнадцать лет. Лишь в 1955 году отец Михаил был освобожден из Воркутлага под поручительство сына Сергия, и лишь через два года смог выехать из Северного края и встретиться вновь со всеми родными.

Во время войны отец Михаил продолжал тайное служение, скрываясь у своих прихожан, что в военное время было гораздо сложнее и опаснее. Ко всем скорбям, связанным с гонениями, прибавились испытания военного лихолетья. Лишь тот, кто сам пережил блокаду, может по-настоящему понять, что означало оказаться в блокадном городе на нелегальном положении. Отцы не имели даже той жалкой пайки в 250 граммов «хлеба» (который и хлебом-то трудно было назвать), выдававшейся по карточкам умирающим горожанам.

Лишь благодаря своей пастве, делившейся со священнослужителями последними крохами, отцы смогли выжить, особенно в суровую зиму 1941–1942 годов. При этом они не только «выживали», но и совершали

³¹⁵ Они жили теперь с бабушкой, дедушкой и тетей Олей, вдовой отца Рафаила, переехавшей из Перегино после ареста мужа в Стрельну.

тайные богослужения, напутствовали своих пасомых, исповедовали, причащали, отпевали. Это был действительно великий исповеднический подвиг, причем не только священнослужителей, но и их паствы, монашествующих и простых мирян. Голодные, полуживые люди, под бомбежками и артобстрелом, с одной стороны, и под постоянной угрозой ареста, с другой, собирались на тайные богослужения. К тем, кто был уже не в силах дойти, шли сами отцы и также исповедовали, причащали, напутствовали перед кончиной. Когда не было другой возможности, исповедовали заочно — верующие писали исповеди, которые приносили отцам самоотверженные монахини, они же несли верующим Запасные Дары, просфоры, святую воду.

Самое поразительное, что эти несколько десятков полуживых молящихся людей по-прежнему представлялись для богоборческих властей самыми опасными врагами, и за ними неустанно охотились сотрудники НКВД, которые в отличие от своих жертв содержались явно не на общем пайке блокадников, если имели силы бегать по городу, выслеживать, арестовывать и допрашивать. И в тяжелейших условиях блокадного города это ведомство не теряло своей бдительности и занималось выявлением не столько шпионов, сколько «внутренних врагов», и продолжало с неослабной силой свою основную деятельность — уничтожение всякого инакомыслия под лозунгом борьбы с «контрреволюцией» и «антисоветской агитацией».

В июне 1942 года была обнаружена тайная церковь в Коломягах, где служил и скрывался архимандрит Клавдий. 16 июня 1942 года выписано постановление на его арест:

«Совинский Константин Софронович, он же архимандрит Клавдий Садунянович»³¹⁶, находясь на неле-

³¹⁶ Непонятно, откуда это странное имя. В дальнейшем в материалах дела ошибок в фамилии и отчестве арестованного нет.

гальном положении, группирует вокруг себя наиболее реакционную часть церковников-иоаннитов. Проводит нелегальные богослужения с церковными обрядами, организуя т. н. катакомбную церковь — ИПЦ.

На допросе от 15/VI-с. г. Чистяков А. Ф. показал:

“Кроме того, что Клавдий нелегально проживает у меня, а также в моем доме им организована нелегальная домашняя церковь “иоаннитов”, в которой он и проводит нелегальные богослужения”.

На основании вышеизложенного

Постановил:

Совинского Константина Софроновича, он же Клавдий Садунянович, нелегально проживающего в дер. Коломяги, Парголовский пер. д. № 20, подвергнуть аресту и обыску».

17 июня 1942 года после тщательного обыска³¹⁷ в доме Чистякова в Коломягах³¹⁸ отец Клавдий был арестован. Были арестованы также хозяин дома Анатолий Чистяков и монахиня Евдокия Дешкина³¹⁹, но где, неясно. Согласно материалам следственного дела, Анатолий Чистяков был допрошен уже 12 и 15 июня, правда, как свидетель. Однако после своих показаний о тайной церкви и архимандрите Клавдии едва ли он спокойно вернулся домой. С 17 июня он допрашивался уже как обвиняемый и на новых допросах подтвердил, что когда он с иосифлянами перестал ходить в единственный официально действующий иосифлянский храм в Лесном, не доверяя новому священнику,

³¹⁷ Во время обыска были тщательно сфотографированы все комнаты в доме, обстановка тайной церкви, церковная утварь, книги, облачения, фотографии на стенах и так далее — см. фото на вклейке 2.

³¹⁸ В доме Чистякова по адресу: Парголовский переулок, дом 20. В настоящее время это городская окраина в районе метро «Удельная». Там сохранились Парголовский переулок и улица Березовая, на пересечении которых и стоял дом Чистякова, но сейчас вместо него высится за высоким забором современный коттедж.

³¹⁹ Евдокия Петровна Дешкина, родилась в 1903 в Осташковском уезде Тверской губернии, в крестьянской семье.

то устроил на чердаке своего дома тайную церковь. Там с 1937 года стал служить иеромонах Тихон, а затем и архимандрит Клавдий.

В дальнейшем следствие особенно интересовали лица, посещавшие эту церковь. На первых допросах отец Клавдий никого не называл и отказывался называть тех, у кого он проживал в Ленинграде, кроме Марфы Николаевны с Васильевского острова. 25 июня, на втором допросе, отец Клавдий на вопрос, у кого он проживал в Ленинграде, заявил: *«Ответить на этот вопрос отказываюсь. Да и вообще давать на следствии показания не буду, так как этого не желаю»*.

Имена верующих появились в протоколе допроса от 29 июня, при этом отец Клавдий заявил, что в целях конспирации церковь посещали пять-шесть человек из его паствы: *«Марфуша, Дуня (Евдокия Петровна), Александра Давыдовна, Евдокия Михайловна, Нина и Арсенья»*. Других он *«не помнил»*, и тех, кого назвал, знал только по именам. Примечательно, что этот допрос длился целый день, более одиннадцати часов, в протоколе допроса записано: *«начат в 9 ч. 40 мин.»*, *«закончен в 21 ч. 00 мин.»*. При этом запись самих показаний занимает всего три машинописных листа. В дальнейшем и следующие многочасовые допросы давали в результате два-три листа показаний³²⁰. Несомненно, полуживой, изможденный священник подвергался как моральным, так и физическим воздействиям; и можно только догадываться, что могло происходить в кабинете следователя в течение тех долгих мучительных часов.

30 июня отцу Клавдию было предъявлено обвинение в том, что он *«являлся руководителем вскрытой в г. Ленинграде контрреволюционной организации неле-*

³²⁰ Например, допрос 8 июля 1942 года был *«начат в 12 часов»*, а *«прерван в 23 часа 50 мин.»*, при этом запись протокола была меньше двух листов.

галов-церковников иосифлянского толка, среди участников организации систематически устраивал нелегальные богослужения в специально оборудованной для этого церкви-катакомбе, проводил антисоветскую пропаганду, восхвалял государственный строй и жизнь при царизме». Отец Клавдий признал это обвинение, мало того, на нескольких допросах он подробно изложил историю возникновения иосифлянства как реакцию и неприятие Декларации митрополита Сергия 1927 года с ее основным призывом «к признанию Советской власти, сближение с последней и направление всей церковной деятельности на пользу Советского государства». На вопрос, во что практически вылилось возникшее религиозное течение, ответил:

«Практически это сказалось в том, что вокруг образовавшихся иосифлянских церквей стало объединяться реакционно и враждебно настроенное к Советской власти духовенство, в свою очередь группировавшее около себя по тому же принципу верующих граждан. Духовенство и верующие иосифлянского толка стали избегать сергиянские церкви, так возникло два религиозных течения — “сергиянцы” и “иосифляне”, которые под религиозной оболочкой по сути дела вели политическую борьбу».

Отец Клавдий подтвердил, что сам лично присоединился к иосифлянам, разделял их взгляды в отношении советской власти, и подробно рассказал о своем служении, сначала в период с 1928 по 1930 год, (в протоколе это изложено в характерном чекистском стиле):

«Моя враждебная Советской власти деятельность могла лишь выразиться в том, что я группировал вокруг себя известное число верующих иосифлянского толка. Кроме того, с ведома архиепископа Димитрия мной совершались тайные постригания в монашество лиц, изъявивших на это свое желание».

А после освобождения из лагеря и приезда в Ленинград в 1938 году, когда *«не функционировала ни одна иосифлянская церковь»*:

«Я стал восстанавливать свои прежние связи с иосифлянами, которых знал, а через них налаживать и новые знакомства. Осуществить все это мне не представляло больших трудностей, поскольку в Ленинграде оставалось значительное число моих духовных детей.

Группируя вокруг себя всех тех иосифлян, с которыми я налаживал связи, я совершал среди них тайные религиозные обряды прямо на квартирах, так как специально оборудованной для этого катакомбной церкви не имелось».

С 1941 года, когда появилась возможность служить в определенном месте, отец Клавдий наладил уже постоянные тайные богослужения, и отсюда началась, по версии следствия, его *«организованная антисоветская деятельность среди церковников-иосифлян»*, которая, как и прежде, заключалась лишь в богослужении и проповеди:

«Деятельность организации в целом и нас, руководителей, то есть иеромонаха Тихона и меня, Савинского, в частности, сводилась к тому, чтобы по мере возможности в нелегальных условиях собрать и сгруппировать вокруг себя верующих иосифлян. Этому в значительной степени способствовала созданная иеромонахом Тихоном и Чистяковым А. Ф. подпольная церковь в Коломягах. В этой церкви устраивались тайные богослужения, проводилась антисоветская пропаганда».

На требование назвать *«всех участников антисоветской организации церковников-иосифлян»* отец Клавдий повторил имена, названные на предыдущем допросе. Тогда следователь спросил, знает ли он сле-

дующих участников, и назвал ряд лиц³²¹, о которых, по-видимому, показали другие обвиняемые, и отцу Клавдию пришлось признать, что они тоже присутствовали на богослужениях, отговорившись, что не назвал их, так как «запамятовал».

«— Быть может, Вы и других участников организации “запамятовали”?» — спросил следователь.

— Такая возможность не исключена, однако я стараюсь все вспомнить и при следующем вызове на допрос рассказать».

Однако и на следующих допросах 1 и 2 июля отец Клавдий повторил те же имена, так и не назвав других участников. Новые имена появились лишь на ночном допросе со 2 на 3 июля. Следователь спросил о Елизавете Ивановне Киреевой и ее дочери Зое³²², проживавших на Петроградской стороне. Отец Клавдий признал, что знал их с 1929 года как прихожанок храма Воскресения, встречался с ними после возвращения из лагеря и приглашал на богослужения в тайной церкви в Коломьягах. Позднее отец Клавдий назвал также Анну Федоровну и ее брата Василия Федоровича с Петроградской стороны, Веру Алексеевну Алексееву с Песочной улицы и трех сестер с Васильевского острова, Анну, Наталью и Марию Унгур — все они также были участниками богослужений в тайной церкви в доме Чистяковых.

На допросе 9 июля ему пришлось подробно показать о Марии Петровне Соловьевой, в квартире которой он проживал до 27 декабря 1930 года и там же был арестован³²³, позднее она отправляла ему посылки

³²¹ Николай Петрович Болдин, Иван Степанович Степанов, Ольга Федоровна Дмитриева (10 июня 1942 года скончалась в доме Чистякова).

³²² О бабушке Зое в воспоминаниях В. Ф. Сазоновой — в Части III.

³²³ По адресу: улица Петра Алексеева, дом 7, квартира 6.

и посетила его в лагере в 1934 году. Последний раз он встретился с ней в 1938 году у знакомой иосифлянки, но в Коломягах она не бывала, лишь присылала ему исповеди в письменном виде через Евдокию Дешкину. Отцу Клавдию также пришлось признать, что в тайных богослужениях неоднократно присутствовали Анна Степановна³²⁴ и Марфа Фоминична.

Всего в протокол допроса занесены имена семнадцати человек. Открывает список иеромонах Тихон, затем следуют арестованные: сам архимандрит Клавдий (Савинский), Анатолий Чистяков, Евдокия Дешкина, и далее:

«5. Богданова Марфа Фоминична — «наиболее доверенное лицо в антисоветской организации, также выполнявшая роль связницы между иосифлянами».

6. Степанов Иван Степанович — нелегал, близкий друг и сообщник Чистякова, пропал без вести в мае месяце 1942 года.

7. Болдин Николай Петрович — входил в состав антисоветской организации еще при иеромонахе Тихоне.

8. Дмитриева Ольга Федоровна — умерла в доме Чистякова незадолго до моего ареста.

9. Казак Александра Давыдовна — на ее квартире мной иногда служились молебны в тесном кругу единомышленников, в настоящее время Казак А. Д. больна.

10. Савельева Евдокия Ефимовна — в церковном кругу звалась Арсенией.

11. Каменева Евгения Николаевна — монашеское имя Нина.

12. Киреева Елизавета Ивановна.

13. Киреева Зоя — дочь Елизаветы Ивановны.

14. Абрамова Анна Степановна.

15. Евдокия Михайловна (фамилии не знаю).

16. Василий Федорович (фамилии не знаю.)

17. Анна Федоровна — сестра Василия Федоровича».

³²⁴ Абрамова Анна Степановна, родилась в 1885 в деревне Далеки Кесовогорского уезда Тверской губернии, в крестьянской семье. Работала санитаркой в больнице им. Ленина в Ленинграде.

Понятно, что это были далеко не все известные отцу Клавдию иосифляне. Его паства была гораздо больше, чем перечисленные пятнадцать человек, из которых, помимо двух арестованных (Анатолия Чистякова и Евдокии Дешкиной), никого больше не привлекли к следствию, кроме Анны Степановны Абрамовой. Очевидно, что большая часть паствы не была названа, а названы были в основном те, кто был недосыгаем: кто-то умер, кто-то уехал или скрывался³²⁵. Каким образом все-таки попала Анна Степановна Абрамова, арестованная 14 июля 1942 года, неизвестно. Почему-то впоследствии она подозревала в предательстве Марфу Фоминичну Богданову, и той пришлось пережить из-за этого немало скорбей³²⁶.

Примечательно, что на следствии не прозвучало довольно часто применяемое в военное время обвинение «*шпионаж в пользу Германии*». Очевидно, устаревавшие и посещавшие тайные церкви иосифляне являлись для советского государства такими опасными преступниками, что и без этого обвинения могли быть подвергнуты самому суровому наказанию.

28 июля 1942 года было составлено обвинительное заключение. 3 августа 1942 года Военный трибунал войск НКВД СССР Ленокруга и охраны тыла Ленфронта в закрытом судебном заседании в расположении внутренней тюрьмы приговорил архимандрита Клавдия, Анатолия Чистякова, монахиню Евдокию Дешкину к расстрелу, Анну Абрамову — к

³²⁵ Из перечисленных в протоколе семнадцати лиц оставалось всего десять, которых могли арестовать (поскольку отец Тихон был в оккупации, трое, включая отца Клавдия, уже были арестованы, одна умерла, один пропал без вести и одна, по-видимому, была смертельно больна). Так и из этих десяти арестовали лишь Анну Степановну, а одна монахиня проходила как свидетель. Вероятно, оставшиеся восемь человек были эвакуированы или скрывались.

³²⁶ Об этом и чудесном случае с ней подробно в воспоминаниях В. Ф. Саоновой — см. Часть III.

10 годам ИТЛ с конфискацией лично принадлежащего им имущества. Приговор был *«окончательный и обжалованию в кассационном порядке»* не подлежал.

Осужденные написали ходатайства о помиловании в Президиум Верховного Совета на имя М. И. Калинина³²⁷. При этом, хотя они и просили о помиловании, но ни от чего не отказывались. Так, отец Клавдий писал, что нелегально проживал в Ленинграде и изредка совершал богослужения, но подчеркивал, что *«преступление главное заключается в том, что я не вернулся в г. Новгород и не явился в НКВД, а остался проживать в Ленинграде на нелегальном положении, нарушая тем самым паспортный режим. Я малограмотный, политически недоразвитый, глубочайше раскаиваюсь перед Верховным Президиумом СССР, что совершил глупый поступок»*.

Также и Анатолий Чистяков написал: *«Судим за то, что я в своем доме на мансарде разрешил православную службу иеромонаху Тихону и в последнее время Савинскому Константину Сафроновичу, который проживал у меня в доме без прописки в год военного времени, вот ошибка, которую я совершил перед родиной»*. Далее он упоминал, что *«как гражданин Советского Союза»* воевал в Финскую войну и был дважды ранен, когда выполнял боевое задание, и обещал своим *«трудом искупить свою вину и оправдать свое доверие перед родиной»*, которую любит, но по существу он ни в чем не раскаивался и не отказывался ни от религиозных убеждений, ни от иосифлянства. Его прощение можно понять, если учесть, что писал его приговоренный к смерти чело-

³²⁷ В иосифлянских кругах сохранилось предание о том, что отец Клавдий после вынесения приговора отказался писать просьбу о помиловании и сказал: *«Благодарю, что присудили мне расстрел»*. Однако в материалах следственного дела имеется ходатайство, написанное его рукой.

век, у которого оставались сиротами пятеро малолетних детей (старшей было двенадцать лет, младшей — два месяца).

Эти ходатайства приобщили к материалам дела, но в Москву, конечно же, не отправили. 13 августа 1942 года осужденные были расстреляны. Анна Степановна Абрамова, приговоренная к 10 годам, тяжело заболела в лагере, через год по болезни была «сактирована» и вернулась в родное село Далёки в Калининской области. 8 июля 1949 года относительно нее было составлено заключение о том, что *«Абрамова подлежит обратному водворению в лагерь для отбытия срока наказания, но, учитывая ее возраст и плохое здоровье»* принято решение *«Абрамову репрессии не подвергать»*.

В 1956 году Анна Степановна написала заявление о снятии судимости. 10 сентября 1956 года Военный трибунал Ленинградского Военного Округа рассмотрел надзорный протест военного прокурора и определил, что *«приговор Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа и охраны тыла Ленинградского фронта от 3 августа 1942 года в отношении САВИНСКОГО Константина Сафроновича, ЧИСТЯКОВА Анатолия Федоровича, ДЕШКИНОЙ Евдокии Петровны и АБРАМОВОЙ Анны Степановны отменить и дело о них на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить»*.

Нелепо и чудовищно звучит *«отмена приговора»* в отношении расстрелянных³²⁸. Судимость же с Анны

³²⁸ «Петроградские новомученики — архимандрит Клавдий, монахиня Евдокия и мирянин Анатолий в реабилитации не нуждались, они уже пятнадцать лет предстояли во славе пред Господом и Спасителем, во имя Которого пострадали от “безбожных и злых”. Обычно считается, что в войну за веру не расстреливали, поскольку все верующие были настроены патриотично, и для борьбы с ними атеистической власти было невыгодно применять крайние меры. Однако, как показывают факты, для иосифлян делалось исключение, потому что в них эта власть видела не только своих несгибаемых

Степановны была снята, вскоре она даже вернулась в Питер, до самой кончины окормлялась у отца Михаила Рождественского, который продолжал тайное служение. Во время войны ему «посчастливилось» — чекистам никак не удавалось его выследить, и он был арестован спустя полгода после обнаружения тайной церкви в Коломьягах и ареста отца Клавдия. Его взяли во время службы на праздник Богоявления в январе 1943 года: «По дороге в тюрьму, в “воронке”, следователь вдруг сказал арестованному о. Михаилу: “Михаил Васильевич, какой Вы счастливый...” “Большое счастье – в тюрьму везут”, — отвечал ему о. Михаил. Оказалось же, что вчера, 5/18 января, произошел прорыв блокады, и смертная казнь по этому поводу была отменена. “Если бы Вас успели арестовать еще вчера утром, то непременно расстреляли”, — пояснил следователь»³²⁹.

Отца Михаила приговорили к десяти годам лагерей и отправили в Воркутлаг, где в 1953 году добавили новый десятилетний срок. После освобождения из лагеря, с середины пятидесятых годов, он на протяжении трех десятилетий, до самой своей кончины в 1988 году окормлял многие катакомбные общины из разных областей страны. Его исповедническая жизнь заслуживает особого внимания. Хотя о нем и его брате отце Измаиле уже были опубликованы краткие

противников, но и стойких борцов с сергианством, которое с первых дней своего возникновения стремилось любой ценой достичь соглашения с богохульниками и палачами. В 1942 году этот всеохватывающий компромисс был уже не за горами, но его лицемерный и односторонний характер обличает пролитая в осажденном городе Св. Петра кровь трех православных исповедников. И после войны иосифлянам неизменно давали губительные двадцать пять лет заключения, мстя за их верность неповрежденному святому Православию». Антонов В. В. Тайный храм в Коломьягах / Возвращение, 1997, № 2 (10). С. 37.

³²⁹ Последний ставленник святителя Иосифа / Возвращение, 1997, № 2. С. 39.

статьи, но их подробные жизнеописания, как и их зятя, отца Рафаила Муравьева, а также других членов семей Рождественских, Муравьевых и Третинских³³⁰, еще ждут своего пера. Надеемся, что со временем будут составлены жития священномучеников Измаила и Рафаила, священноисповедника Михаила, а также жизнеописания матушек, сестер и других членов их семей.

³³⁰ Девичья фамилия матушки Марии, супруги отца Измаила.

ЧАСТЬ III

**Иосифляне последних времен.
Полувековое катакомбное служение**

По воспоминаниям очевидцев

Записи 2005–2007 годов

Лидия Павловна Семенова и Вера Федоровна Сазонова (урожденная Харламова) — старейшие иосифлянки, поведавшие о своей жизни и о тех замечательных исповедниках, с которыми им довелось повстречаться. Обе они, конечно, не были непосредственными участницами событий рубежа 1920–1930-х годов и не могли знать ни епископов, ни большую часть духовенства. Вера Федоровна (можно сказать, ровесница иосифлянства) родилась только в 1928 году. Лидия Павловна в 1932 году приехала в Питер, когда ей едва минуло 17 лет. Тем не менее вся их дальнейшая жизнь была тесно связана с иосифлянством, и их рассказы — это живое свидетельство о нем, свидетельство очевидцев многолетней потаенной жизни Русской Православной Церкви в катакомбах. Незамысловатые, но интересные и поучительные их рассказы являются бесценным историческим источником и в целом дают огромный материал по церковной истории XX века.

ГЛАВА I

Из воспоминаний Лидии Павловны Семеновой

Первая наша встреча произошла летом 2005 года. Лидии Павловне тогда уже минуло девяносто лет. Но эти столь почтенные годы как-то совсем не чувствовались в веселой старушке, радостно встретившей нас в своей скромной квартирке на питерской окраине, усадившей за стол в гостиную и принявшейся хлопотать на кухне с угощением. Поразила ее живость, а еще больше — абсолютная здравость суждений и необычайная ясность ума и памяти.

Мама и митрополит Иосиф

Родилась Лидия Павловна 3 марта 1915 года в Ростовском уезде, недалеко от Варниц, родине преп. Сергия Радонежского, в деревне Увайха (по преданию, деревня получила такое название по имени татарского князя Увая). В Варницах была приходская церковь, там же и кладбище. Все бабушки, дедушки из родни Лидии Павловны похоронены на этом клад-

бище. Там же, в Варницах, на том месте, где преп. Сергию, еще мальчику, явился ангел в образе старца, был монастырь³³¹. Лидия Павловна вспоминает:

«Да, какой был монастырь! Ограды и четыре башни, колокольня, большие здания, дом для паломников. Мы ходили обычно в приходскую церковь, а в монастырь — по праздникам. Потом монастырь закрыли, церковь сломали, башни монастырские, колокола сбросили. Ведь ума не надо — ломать-то. Когда колокола сбрасывали, мама моя плакала, так переживала сильно. Одного, кто сбрасывал, прижало, и он погиб. Это примерно в 1928 году было».

Лидия была шестой и последней в семье. Родители — Павел Петрович и Матрена Николаевна³³². Простая крестьянская семья, благочестивая. Особенно мама была истово верующей, с детства мечтала стать монахиней. Две ее тетки были монахинями там же, в Ростове, в небольшом монастыре³³³, но Матрену Николаевну все-таки выдали замуж. Так она и в замужестве все порывалась уйти в монастырь, но отец не пустил. Постоянно ходила в церковь, не пропускала ни одного праздника: или в Варницах, или в Ростове, тогда ночевала у сестры, или в Ильинской церкви в своем родном селе Шурсколо (там она пела на клиросе). Ходила и на крестные ходы с чудотворной иконой Владимирской Божией Матери. Лидия Павловна вспоминала:

³³¹ Троицкий Сергиев-Варницкий монастырь. Основан в XV веке вскоре после открытия мощей преп. Сергия в 1420 году. После революции 1917 года каменный Троицкий собор, колокольня, кладбище, стены монастыря были разрушены.

³³² Семенов Павел Петрович (1874–1948). Семенова (урожд. Опарина) Матрена Николаевна (1875–1935).

³³³ Очевидно, в Рождественском женском монастыре, который был основан в 1391 году архиепископом Ростовским св. Феодором, племянником преп. Сергия Радонежского.

«Я была, как мамин хвостик, всегда с ней, куда она, туда и я: она в церковь, и я с ней; в гости, и я с ней. Была нежеланная, а вот пригодилась. Всех проводила, всех...³³⁴

Помню, как праздновали Богоявление в Ростове. Крестный ход шел, красивая такая процессия, с хоругвями, иконами к Иордани на озеро Неро. После освящения воды там запускали голубей. Пел хор, а потом духовой оркестр играл тропарь и кондак. Некоторые бросались в воду, их потом укутывали в шубы и в санях увозили (тут же ожидали лошадки запряженные).

Еще помню, как летом шли крестным ходом с чудотворной иконой Богородицы. Из Суздаля в Ростов пешком. Звон-то какой!.. Все прикладывались. Встречало духовенство, обходили с иконой вокруг города. Во всех селах, деревнях служили. Икону носили на таких носилках, знаете, икона большая, по очереди менялись. Народ под иконой проходил у собора. Было хорошо!»

Об этом знаменитом ростовском крестном ходе писал и митрополит Иосиф (Петровых):

«Накануне упомянутого большого крестного хода кругом города Р<остова> икона Владычицы приносится из послепасхальных хождений по деревням и селам в город, чтобы шествовать во главе этого хода. Обычно икону приносят к субботней всенощной, причем из сел ее сопровождает множество народа, а из города на встречу ее устремляется соборный крестный ход с не меньшим множеством встречающих горожан. У городской заставы эти массы сливаются, совершается краткое молебствие, и все направляются в собор, где тотчас начинается всенощная. Минута этой встречи бывает неописуемо умильная. Блеск многочисленных позлащенных хоругвей, празднично одетые и по-праздничному настроенные массы народа, многочисленный сонм священнослужителей, торжественно умильное пение нескольких хоров, малиновый звон р<остовских> колоколов, и несомая в роскошно украшенном живыми цве-

³³⁴ Лидия Павловна похоронила родителей и всех своих братьев и сестер.

тами высокою киоте-носилках святая икона Владычицы во главе других вынесенных навстречу икон, и целый лес хоругвей — создают настроение совершенно неземного характера».

На страницах известного «Дневника инока» митрополит Иосиф не раз упоминает о крестных ходах с ростовской святыней, а в трогательной повести «Тетушка Мария» описывает чудесное явление Пресвятой Богородицы скромному ростовскому богомольцу. В заключение книги владыка Иосиф отмечал:

«В этой повести, в которой нет ни единой строчки выдуманной или излишне приукрашенной, описанной с рассказа самого участника этих событий, меня особенно трогало сообщение Царицы Небесной, что она *обязательно* бывает на крестном ходе города Р<остова>. Участвуя в этом ходе около 18 раз, я чувствовал присутствие Царицы Небесной в Ее святой иконе после этого рассказа до того живо, что казалось: вижу не икону, а Ее Саму, любовным взором объемяющую несметные толпы окружающего Ее народа. Верная Своему слову, Она поистине не могла не быть в этот день с нами. Это чувствовалось особо сладким трепетом сердца и совершенным забвением всякой усталости, на протяжении десятков верст, иногда под палящей жарой летнего солнца и пылью, иногда под обильным дождем, выпадавшим в некоторые годы в этот день»³³⁵.

Мама Лидии хорошо знала владыку Иосифа, назначенного на Ростовскую кафедру в 1912 году и прослужившего в Ростове почти пятнадцать лет. Она часто бывала на службах в Спасо-Иаковлевском монастыре, где владыка был настоятелем.

«А когда его выслали, она все переживала за него. И о царе переживала!.. Мама царя видела, когда он в 1913 году в Ростов приезжал и владыка Иосиф его в мо-

³³⁵ «Мир Божій», 2000, № 1 (6).

настыре встречал. Народу была тьма! А крестьяне, чтобы давки не было, живую цепь сделали. Царь идет, смотрит на них и прослезился — они стоят уставшие, лица обветренные. Потом один кто-то из их деревни к царю в вагон добрался с каким-то прошением о земле, и царь подписал. Вот как было просто...»

В колхоз мама Лидии не вступала. Когда всех стали загонять туда, она наотрез отказалась. Лидия Павловна не помнит, почему, но мама твердо говорила, что нельзя. Вся семья вступила, а она твердила: «Я ни за что!»

Сначала Лидия ходила в сельскую школу, окончила там четыре класса, с пятого — пошла уже в Ростове. Снимала уголок у знакомых, кровать... Изучали обычные предметы: математику, русский язык, географию, немецкий. Безбожию еще особенно не учили. И не заставляли ни в пионеры, ни в комсомол. На службы Лидия ходила в ростовские церкви, главный Успенский собор был еще тогда открыт.

В Питере

В 1932 году Лидия закончила семилетку и поехала в Питер³³⁶. К тому времени брат Николай уже был там и сестра Таисия. А Лидию никто не звал, но почему-то двоюродная сестра, которая вернулась в Ростов, вдруг ей сказала: «Поезжай, тебя там звали». А никто и не звал. Чего это ей в голову взбрело? Лидия приезжает, мама как раз там была у брата в гостях, как ее увидела, ей худо сделалось. Голод, холод, работы нет. Брат с сестрой голодные, на карточках сидят (ведь только в 1935 году отменили карточки). Но и в Ростове Лидии тоже делать было нечего, работы не было. И так она осталась в Питере, и стали они жить

³³⁶ Лидия Павловна говорит «Питер», а не «Ленинград».

втроем в одной комнатке с братом и сестрой. А комнатка-то была прямо в доме у настоятеля церкви Троицы в Лесном, протоиерея Александра Советова, близкого человека и духовника митрополита Иосифа. Как же это получилось?

«О, это интересно! Брат попал туда через отца Анатолия Согласнова, земляка. Он был родом из наших же мест. У него в нашей деревне Уваиха жила тетка, и он, тогда еще Алексей, раньше частенько приходил к ней. Двоюродный его брат Леонид Иванов жил в Петербурге. Алексей поехал к нему, учился в институте, но не закончил, потом принял монашество и священство. Кажется, он кончал духовную семинарию. С детства был молитвенником, все по монастырям ходил. А брат <Лидии Павловны> Николай тоже первое время, когда приехал в Питер, ночевал у Леонида. В коридоре на сундуке — места не было. “Вижу, — говорит, — мешаю я на сундуке-то там. Что делать?” И вдруг жена этого Леонида говорит: “Слушай, Николай, ведь отец Анатолий-то здесь. Ты же его знаешь, ребяташками, мальчишками-то гуляли вместе в деревне, — вот он находится там-то. Он иеромонах, служит, у него много знакомых”. Брат поехал, вышел на Большой Спасской, туда “девятка” ходила и 25 трамвай. Идут бабушки с обедни. Он у них спрашивает, где здесь церковь. “А вот прямо иди и вот по этой стороне”. Пришел в церковь, служба кончилась. Позвонил, открывает Николай Васильевич³³⁷, — он был там сторожем и уборщиком, лампадки зажигал,

³³⁷ Маркин Николай Васильевич, родился в 1902 в Тульской губернии, в крестьянской семье. Окончил советскую трудовую школу и три курса Политехнического института им. Калинина. В 1932 — арестован, приговорен к 5 годам и отправлен в концлагерь. В «Обвинительном заключении» о нем записано так: *«Примкнул к к.-р. церковно-монархической организации “Истинно-Православная Церковь”, повел отшельнический монашеский образ жизни, проживая в церкви, принимал активное участие в а/с деятельности к.-р. ячейки при Свято-Троицкой церкви. Способствовал скрываться черному духовенству от ареста»*. Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т.7. Л. 38. На фотографии он с отцом Анатолием Согласновым — см. на вклейке 3.

смиренный такой. Разочаровался в советской жизни, а был инженером, может, даже партийным. Рассказывали, что он ночью прибежал в церковь и сказал: “Возьмите меня, я все бросил. Хочу вам служить”. Потом его арестовали.

И вот он открывает храм: “Вы к кому? Я сейчас спрошу. А Вы откуда?” Потом дверь открывается: “Идите, он Вас ждет”. А отец Анатолий вышел из пономарки в церковь. И так он рад. Свои! “Николай Павлович, как это, как?!” А Николай: “Вот так, батюшка, хоть уезжай...” Он: “Нет, нет, нет, я тебя найду. Хочу, чтобы ты рядом со мною был. Вот тут Советов живет, настоятель”. А в его доме была комнатка, восемь метров, холодная, можно сказать, летняя. Но мы и ей рады!

Тогда был домоуправ, прописывали просто, безо всяких, как частники. Прямо рядом с церковью, через один дом — вот Гражданский перейти и прямо второй дом. Церковь была дом 40, а у нас дом 44. Дом деревянный, двухэтажный. Во дворе гамак был повешен. Тихо, сосны, как за городом, лес прямо — так и называлось Лесное, почти дачное место.

В войну дом сломали на дрова, место долго пустовало. Я все ходила там мимо на кладбище, сосенки долго оставались нетронутыми. Потом такую громаду построили, угол проспектов Непокоренных и Гражданского (до революции это было пересечением дороги в Гражданку и Большой Спасской улицы). Сосны эти спилили... И все... Да, а было хорошо!..

Кладбище в двадцати минутах ходьбы. Помню, как покойничков везли на лошадке: если белая лошадка, то черной покрыта сеткой (попоной), если черная, то белым покрыта. Идут все пешочком сзади, тишина — ни шума, ни гама. Богословское кладбище. Там была церковь Св. Иоанна Богослова. В войну ее сломали. Мои там похоронены. Мама — в 1935, папа — в 1948, сестра — в 1951 и брат — в 1982 году.

— Ну, годы-то тяжелые, конечно, были, — *вздыхает Лидия Павловна*, — все карточки. На работу не устроиться. Брат приехал в 1930, потом сестра, а я в 1932. Но Бог посылал нам все через отца Анатолия. Меня через его прихожан устроили табельщицей на завод, потом пошла учиться в техникум».

Так и жили они в одном доме с настоятелем церкви Троицы в Лесном и ходили в церковь. Брат Лидии сразу сказал, что ходить нужно в деревянную, иосифлянскую, а в каменную, «сергиянскую», которая рядом с ней, нельзя³³⁸. Лидия особенно и не вникала, послушалась да и все, никто особенно и не учил:

«Ведь я ничего не знала. Проповеди были запрещены, никаких учений. Закона Божьего уже не было в школах, и не просвещал никто. Вот я была на квартире священника, так почему бы ему книг-то мне не дать? Я ведь понятия ни о чем не имела. Нет, чтобы — почитай то, другое! А у самих-то книг полно! Нет, он только позовет и на глобус указывает: “Лидочка, покажи, где Англия, покажи то...” Вот, пожалуй, и все. А матушка его: “Да батюшка, да зачем ты ее все спрашиваешь?” А он на это ничего не говорил. А как-то на кухне, когда я спросила его мать про обряд прощения в Прощеное воскресенье и она мне стала объяснять, он вдруг ей: “Мама, зачем, Вы ей это рассказываете?” Не знаю, почему, может, думал, что я это несерьезно, в насмешку спрашивала».

Советовы

Протоиерей Александр Советов входил в число близких советников архиепископа Димитрия (Любимова) и, как отмечалось в первых групповых делах иосифлян 1929–1931 годов, являлся одним из руково-

³³⁸ Эти церкви являлись подворьем Лютикова Свято-Троицкого монастыря Калужской епархии. Основано оно было в конце XIX века. В 1898 году был заложен деревянный храм Пресвятой Троицы, а в 1905 — каменный Тихвинской Божией Матери. Троицкий храм до 1943 года оставался иосифлянским. Потом еще действовал до 1967 года. Был снесен в связи с расширением проспекта. Тихвинский был закрыт в 1934 году и использовался как складское помещение. Постепенно разрушался. Простоял до 1982 года, затем был снесен.

дителей «контрреволюционной организации». Однако он был тяжело болен, и его не арестовывали.

«Все лежал, астма у него была. Все лежал, болезненный был. Матушка ему и уколы сама делала. Татьяна Карловна³³⁹, красивая такая, немка, по-русски говорила прекрасно. Как придут ночью с обыском, по стенкам стучат, а матушка голосит: “Ой, да что вы, что вы!.. Батюшка такой больной! И ти-ти-ти”, — Лидия Павловна искусно голосит. “Он не может”, — просила матушка. И не забирали его.

А мать его, Марью Александровну, раз забрали. Он плакал, кричал: “Мамочка!” У нее была комната в другом месте, на Васильевском. Они и говорят: “Мы ее отпустим, только проверим, что там в комнате”. Сейчас, отпустят они... И не отпустили. Но она не так долго отсидела, выпустили ее все же, она была старенькая».

Интересные сведения о своей жизни привел отец Александр в показаниях на допросах во время следствия в 1932 году³⁴⁰. Он не только не скрывал своего происхождения и других «компрометирующих» фактов биографии, но, напротив, как бы акцентировал на этом внимание:

«Являюсь выходцем из старинной аристократической семьи. Предки со стороны моей матери были такими, как архитектор Висконти, принимавший участие в строительстве Павловского дворца, и другие видные

³³⁹ Урожденная Гохберг Зельма, родилась в 1896 в Риге, в мещанской семье. По отцу латышка, по матери немка. Окончила женское коммерческое училище в Риге.

³⁴⁰ Советов Александр Евгеньевич, родился в 1892 году в Санкт-Петербурге. Окончил гимназию, учился в университете в Петербурге, окончил Демидовский лицей в Ярославле, затем Николаевское кавалерийское училище. Во время Первой мировой войны был в действующей армии. В 1920 рукоположен во священнический сан, служил в Тотье, в сельских церквях Вологодской епархии, затем в Тихвине.

деятели прежних времен. Предки со стороны отца — были менее, так сказать, вельможны, но занимали более или менее видное положение. Отец мой был корнетом и в разных учреждениях, дослужившись до статского советника. В молодости я хорошим здоровьем не отличался, воспитывался в духе старого уклада жизни, и это сказалось на всей моей дальнейшей общественно-политической деятельности.

Будучи в СПб университете, а затем в Демидовском Лицее, я в 1912 году вступил в самую изуверскую в те времена организацию “Палата Михаила Архангела”, члены которой, в том числе и я, относились к еврейским погромам с пренебрежением, но шли смело и бодро “За веру, царя и отечество”, беспощадно осуждали Распутина и порицали “распутинщину”, но вели самую беспощадную борьбу против всяких революционных проявлений, против всяких посягательств на трон царя-помазанника Божия»;

«<С начала Первой мировой войны>, будучи подхваченным патриотической волной и вдохновляемый воспринятым от организации “ПМА” великодержавным шовинизмом, я поступил в русскую армию добровольцем, окончил Николаевские кавалерийские курсы, стал прапорщиком, а потом корнетом первого лейб-драгунского Московского Великого Петра I императорского полка; был некоторое время в тылу, но выхлопотал себе отправку на фронт в действующую армию»;

«К падению династии Романовых во время Февральской революции я, будучи в отпуску в Ленинграде, отнесся с некоторым сожалением, но в силу того, что царский трон был сильно скомпрометирован, старался быть к падению этого трона равнодушным и всецело направил свои стремления к продолжению войны до победного конца, для спасения Родины и отечества»³⁴¹.

Далее отец Александр утверждал, что во время Октябрьской революции он ни в какой борьбе не участвовал, так как в этот момент справлял свою свадьбу и

³⁴¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-80743. Т. 3. Л. 461–462.

недели две не выходил из квартиры. Потом пошел на «службу Советской власти»: служил в Губисполкоме, в отделе обучения при Ленинградском военном округе, в Управлении работ Шекснинского Беломорского водного пути, был мобилизован на военную службу. После демобилизации в январе 1920 года принял священный сан от епископа Александра Вологодского. Служил в Тотьме в Сретенской и Преображенской церквях, потом в сельских церквях. В 1923 году приехал в Ленинград и служил священником церкви Всех Российских Святых на Биржевой линии, помещавшейся в частной квартире (теперь Оптический институт). С октября 1924 по февраль 1925 года служил настоятелем Спасо-Преображенского собора в Тихвине, позднее получил протоиерейство. С февраля 1925 по февраль 1927 служил настоятелем Софийского собора в Новгороде. В заключение отец Александр отметил:

«Вышеизложенное говорит с достаточной ясностью о том, что я по складу своего ума и по всему ходу своей жизни и деятельности являюсь таким человеком, который идет и стремится туда, где больше риска, где больше опасности. Самое опасное было война: я пошел туда добровольцем. Самая опасная, но верная деятельность в Церкви стала в 1919–1920 годах, и я принял сан священника, стал во враждебный лагерь по отношению к Советской власти; повел борьбу с обновленчеством и с “сергиевщиной”. Ведя борьбу с этими организациями, я завоевал себе имя, в значительной степени выдвинулся. Был очень близок к митрополиту Иосифу, после его изгнания в ссылку в известной степени являлся и являюсь его доверенным лицом»³⁴².

С митрополитом Иосифом (Петровых) отец Александр Советов познакомился в Новгороде, когда служил настоятелем Софийского собора. В это времяладыка Иосиф исполнял обязанности временно управ-

³⁴² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-80743. Т. 3. Л. 464.

ляющего Новгородской епархией и, очевидно, часто бывал и служил в Новгороде. О теплых, дружественных отношениях, установившихся между ним и отцом Александром, свидетельствуют письма митрополита³⁴³. Об этом же вспоминала и Лидия Павловна:

«Советов был духовником владыки Иосифа. И они ему в ссылке помогали, помню, как матушка говорила: “Владыке Иосифу послали посылочку!” Сами-то они не ездили, а посылки часто посылали».

С февраля 1927 года отец Александр стал настоятелем Троицкого храма в Лесном и осенью поддержал митрополита Иосифа и его викариев, отделившихся от митрополита Сергия. 8 декабря 1930 года отец Александр показал на допросе:

«К иосифовской организации я примкнул вначале только по личным симпатиям к нему (т. е. Иосифу), а также к архиепископу Димитрию (Любимову). Я писал Иосифу часто, писал, как сын, но, конечно, сообщал ему о новостях в жизни нашей организации, главным образом, о своей церкви, ну и, конечно, о резкости и прямолинейности политики Димитрия»³⁴⁴.

С декабря 1929 года, после ареста протоиерея Василия Веружского, отец Александр исполнял обязанности настоятеля храма Воскресения на Крови вплоть до его закрытия в ноябре 1930 года, потом вернулся в Троицкую церковь. В 1931 году он проходил обвиняемым по следственному делу епископа Сергия (Дружинина) и других, но в «Обвинительном заключении» в отношении отца Александра³⁴⁵ утверждалось: «Советов Александр Евгеньевич, активный участник церковно-административного центра “Истинно-православных”, по настоящему делу привлечен быть не

³⁴³ Письма приведены в Приложении 2.

³⁴⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 4. Л. 1153 об., 1154.

³⁴⁵ В списке обвиняемых он значится под номером 76.

может, ввиду его тяжелого болезненного состояния»³⁴⁶. Оставшись на свободе, отец Александр продолжал служить настоятелем в Троицкой церкви. Лидия Павловна вспоминает:

«Отец Анатолий Согласнов не доверял отцу Александру. Он что-то чувствовал и к нам лишний раз не приходил, как сам говорил, из-за Советовых».

Осенью 1932 года, когда прошли новые массовые аресты иосифлян, в том числе и среди причта Троицкой церкви, протоиерей Александр Советов опять оказался на свободе, что многих удивляло:

«Отца Александра ни разу не забирали, хотя часто приходили по ночам к ним, и мы слышали. Не взяли его и когда арестовали отца Анатолия и многих из прихода.

В 1935 году отец Александр исповедовал маму, когда она приехала лечиться, но никто не знал, как лечить (у нее был рак пищевода). Вот она перед больницей исповедовалась, отца Анатолия-то уже не было. Отец Александр маму уважал, раньше, когда она гостила, он ее навещал, и они беседовали. Мама была ревнительница православия, духовенство к ней всегда уважительно относилось. Еще раньше и ростовские батюшки к ней обращались по разным вопросам, часто у нас в доме бывали. А когда в Питере мама гостила у брата в первый раз, то отец Александр сразу же ее хотел в "двадцатку" ввести. Очень настойчиво предлагал, и она было согласилась, да брат вовремя спохватился и отговорил. А то не миновать бы ей неприятностей.

Когда мама умерла, Советовы нас позвали, отец Александр вечером отслужил панихиду. А отпевали в церкви уже другие священники, Советов написал им записку с просьбой отслужить погребение по всем правилам. Отпевали хорошо.

Потом Советовы задумали меняться. Матушка этим, конечно, занималась. Пятикратный обмен! Как нам повезло! И вот мы с братом и сестрой получили в двухэтажном

³⁴⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 40.

доме у Политехникума комнату в 14 метров! Теплая! Под ней столовая, магазины, кино на первом этаже. А то мы ведь замерзали в той летней-то комнатке, примусом отапливались. А зимы-то какие были холодные тогда! 38–40 градусов мороза!

“Вот, разменялись! А нам и нести нечего, не то что везти. Связали свои немудреные пожитки в узелочки и пошли. Так что не переехали, а перешли”, — *говорит Лидия Павловна и весело смеется.*

А вскоре отец Александр ушел к “сергианам” в Сампсоньевский собор и там уже служил. Это здесь он все лежал больной, а отец Анатолий служил каждый день и рад был служить. А там — давай, твой черед! Потом во время войны они были эвакуированы в Казань, он там и умер. Матушка вернулась в Питер. Как-то и к нам приходила, нашла нас. Жила она у родственников. Брат слышал позднее, что в храме князя Владимира отпевали матушку отца Александра Советова».

Иеромонах Анатолий Согласнов

Об отце Анатолии Согласнове Лидия Павловна вспоминает с большой теплотой. В ее комнатке-молельне на стене рядом с фотографиями митрополита Иосифа, архиепископа Димитрия и других иосифлян висит фотография отца Анатолия³⁴⁷, по-видимому, сделанная в Троицкой церкви в Лесном.

«Он очень любил служить и служил ежедневно. Составил хороший хор, было четверо певчих. Народу на службах было полно. Наша церковь деревянная, а рядом каменная “сергианская”. Мы пойдем крестным ходом, и они идут. У нас народу! А у них почти никого нет, хотя и какой-то митрополит к ним приезжал».

Иеромонах Анатолий Согласнов был арестован 11 октября 1932 года. Приведем данные из его анкеты

³⁴⁷ См. на вклейке 3.

в следственном деле: Согласнов Алексей Иванович, родился в 1897 в селе Угодичи Угодичской волости Ростовского уезда Ярославской губернии, в семье фельдшера. Окончил два класса Ярославской духовной семинарии. В 1919–1921 — служил писарем в Красной армии, с 1922 — работал сторожем в детском доме в Петрограде, с 1923 — электромонтером в Даниловом монастыре. Послушник там, пострижен в мантию с именем Анатолий, в 1928 — посвящен в иеромонаха. С 1928 — служил дьяконом в церкви на станции Тайцы, с 1929 — священником в Свято-Троицкой церкви.

«Арестовали отца Анатолия осенью. Всегда это происходило осенью, к этим бесовским праздникам. Помню, накануне ареста он меня благословил иконочкой Св. Лидии, мне ее одна из певчих в храме, Ольга, написала, она была художницей. Я попросила батюшку освятить. Отец Анатолий взял в алтарь, и неделю она была в алтаре. Я шла по пути мимо церкви, ну, думаю, зайду, надо насчет иконки узнать. Спрашиваю отца Анатолия. Он: “Сейчас-сейчас”. Вынес, окропил, освятил и благословил, и вот я взяла. А через два или три дня его забрали».

В «Обвинительном заключении» в отношении арестованного Согласнова А. И. значилось:

«От руководителя к.-р. организации “ИПЦ” архиепископа Димитрия (Любимова) принял сан иеромонаха. Вместе с протоиереем Александром Советовым возглавлял Свято-Троицкую к.-р. ячейку и с 1928 года до самого последнего времени руководил а.-с. деятельностью членов этой ячейки. Принимал деятельное участие по связи к.-р. организации “ИПЦ” с руководителями к.-р. церковно-монархической организации “Иосафовцы”, существовавшей в Ивановской Промышленной области. Скрывал от ареста бежавшего из концлагеря схимника Серафима (Иосафа) Сазонова, постригал в тайное монашество последователей “ИПЦ”, настраивал их против Соввласти»³⁴⁸.

³⁴⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-80743. Т. 3. Л. 489; Т. 7. Л. 31.

8 декабря 1932 года отец Анатолий был приговорен к десяти годам концлагеря и отправлен в Свирский лагерь.

«Осудили его, и он был отправлен в лагерь в Лодейное поле (Свирлаг). Он убежал, его поймали и тогда послали далеко, где-то он был на Дальнем Востоке. Кажется, он писал кому-то, что близко граница, рыбку, мол, ловлю и думаю перебраться в Китай. Наверное, на Амуре ловил. О дальнейшей его судьбе ничего не известно. Как-то пришел к его сестре человек, сидевший вместе с отцом Анатолием. У незнакомца закончился срок, и отец Анатолий попросил его заехать в Ростов и дал адрес сестры. А она: “Не знаю, не знаю”. Потом жалела, все спрашивала: “Ну, как там Алексей? Есть что от него?” Все выспрашивала, когда я приезжала. Конечно, ничего! А ведь тот человек говорил ей: “Он просил меня передать о его судьбе”. А она: “Нет, нет, ничего не знаю”. Боялась... Знаете, она врачом была, потом все сокрушалась, говорила, что не сообразила тогда хотя бы послать его к ссыльной монахине Димитрии».

На сегодняшний день о судьбе отца Анатолия ничего не известно. Согласно справке ГИЦ МВД РФ — *«сведений об освобождении нет. На 16.10.33 г. содержался в местах л/св³⁴⁹ Хабаровского края (Дальлаг)»*. Лидия Павловна в своих молитвах поминает отца Анатолия как мученика. И все надеется узнать о его дальнейшей судьбе.

Лигор и матушка Анна

После ареста и осуждения отца Анатолия все стало по-другому. Пришли другие священники. Хотя Лидия и ее брат с сестрой в церковь продолжали ходить, но уже изредка.

³⁴⁹ Л/св — лишение свободы.

«Потом прислали отца Павла (Лигора)³⁵⁰. Он был иеромонах из Сергиевой пустыни. Хотя он и поминал митрополита Иосифа, но все поняли, что церковь изменилась. Наяву было, что и певчих, и многих из “двадцатки” через него забрали.

Был такой случай с одной знакомой. У нее мать была инокиня Серафима и к этому Павлу (Лигору) пошла на исповедь, думала, что он — истинный. А он спрашивает на исповеди:

- Как вы к власти относитесь?
- Ой, батюшка, терпеть не могу!
- Можно я к вам приду? Побеседуем...

Она дала адрес. Приходит домой к дочке, рассказывает. А та: “Мама, да что ты сделала?!” Сейчас же отправила ее в Москву. А на другой день (или даже в ту же ночь) за ней пришли. Представляете? Это во второй половине 1930-х годов.

Была такая матушка Анна. Отец Павел (Лигор) ее разыскал, а она напугалась, — все уже знали и боялись его. Он пришел к ней и как бы раскаивался в том, что сотворил, и плакал. Но она говорила: “Откуда я знаю, искренне ли это было или нет. Страх какой, я напугалась”. Все знали, что он предатель (это было еще до войны)».

Про матушку Анну, к которой Лигор приходил каяться, Лидия Павловна рассказывает, что та была очень мудрая и духовная. Где она принимала постриг и кто ее постригал, она не знает. Но ее почитали, считали блаженненькой. Последние годы она ходила по людям, как-то пришла и к Лидии Павловне:

«Встречаю я ее, поздоровалась, а она говорит: “Я сегодня пойду к тебе”. А я думаю: “Боже, ведь я же не одна! У нас же в коммуналке одна комната. А у нее раны гнойные, ноги гнили. А у моей сестры такое обоняние! Ус-

³⁵⁰ Иеромонах Павел, в миру Лигор Петр Яковлевич, родился в 1902. В 1926 рукоположен во иерея. С 1938 — настоятель церкви Троицы в Лесном. 24 ноября 1943 митр. Алексием (Симанским) лишен сана и монашества. Примирился с Патриархией, работал псаломщиком Смоленской церкви на Смоленском кладбище. В 1983 скончался.

ловий никаких нет, пока на керосинке воду подогрешь. Что я буду делать?» Но не можешь отказать. И я взяла ее... Волнуюсь. В то время, в воскресенье, сестра была у брата. Матушка Анна спрашивает:

— Ты что, боишься сестры?

— Ну, не боюсь... Ну...

— А она не придет.

И правда, сестра не пришла. Никогда не оставалась у брата, а тут вдруг осталась.

Наутро ушла я на работу, а матушку оставила. Ну, думаю, сестра Тайка придет, с ума сойдет — лежит на кровати бабушка. Написала сестре записку. И удивительно, как она смирилась. Помогала ухаживать. Ничего, только мне говорила, что ей дышать нечем, — запах. Но терпела. Через неделю матушка говорит: «Вези меня домой». Комнатка у нее какая-то была. Потом мы как-то потерялись, она у кого-то жила, о кончине ее точно не знаю».

Во время войны, в 1943 году, приход Троицкого храма перешел в Московскую патриархию.

«Приехал Алексей (Симанский)³⁵¹ и резко говорил, что он, Павел Лигор, был монах, а потом женился на певчей, что он теперь не Павел, а Петр. Все в одно время произошло, и предательство, и женитьба. И было у него трое детей. После этого он все еще продолжал на дому служить, и некоторые ходили. Мать у него была схимонахиня, недалеко от моих была похоронена на Богословском. Он ходил к ней, и там мы его иногда видели и боялись его — у него взгляд такой...»

Война и работа

С началом войны Авиационный завод, на котором работала Лидия, эвакуировали в Нижний Тагил. Она не хотела ехать, но брат ее понуждал, и она выехала.

³⁵¹ В 1933–1945 — митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1945–1970 — Патриарх Московский и всея Руси.

В Нижнем Тагиле работала на заводе, сведений о брате и сестре не имела, волновалась и тосковала. Как-то получила разрешение на выезд, с завода ее отпустили, и она уехала на родину. Как ехала? Ведь война... Расписания нет, поезда толком не ходят. Но добралась до Перми, там чудом села на какой-то поезд — куда он шел, неизвестно. Все бегут на поезд, говорят, до Кирова дойдет. Доехали, а там он и дальше идет, вроде бы в Москву. Так неделю ехали. Вагон летний, холодный, туалета не было, можно было только на остановках... Но лишь бы ехать... А Лидия еще разболелась. Проверяли, ходил какой-то, все ее высаживал, говорил — на следующей станции выходите. Но все-таки она осталась в вагоне, смотрит, вот дошел поезд до Ярославля, а там и дальше идет! И в Ростове даже останавливается. «Ну, не чудо это?! — восклицает Лидия Павловна. — Все говорили: “Куда ты едешь, ведь застрянешь!” А преподобный Сергей Радонежский привез».

Так добралась она до Ростова. А брат с сестрой из Питера к тому времени уже уехали, брат с заводом в Москву. Сестра приехала в Ростов, как и Лидия, к старшей сестре. Уезжали из Питера они по озеру, под бомбежкой. Сколько машин на их глазах уходило под лед, тонуло, — они, слава Богу, проехали. В Ростове Лидия работала в госпитале, потом на заводе. Тяжелое время, кругом горе, нужда, голод. Потом, еще война не окончилась, они с сестрой и братом вернулись в Питер. Их комната была уже занята, но в том же доме была свободна другая — человек погиб на фронте, и им ее дали. Лидия пошла работать на завод, не помнит его названия, говорит, что его несколько раз меняли, — то XXII съезда, то просто Металлический (на Свердловской набережной).

- «— Там двадцать шесть лет и проработала технологом.
- А что вы там делали?
- Как что? Технологию писала.

— Завод что делал?

— Турбины. Это турбинный завод, паровые, газовые турбины. Заканчивала техникум. Я жалею, мне никто же не посоветовал, чем лучше заняться. А так надо бы другое... Надо было по медицине, хотя бы медсестрой. Доброе бы дело делать. А это — ерунда!..

На работе догадывались, что верующая, как будто чувствовали. И что за чутье такое? Все ко мне с вопросами. Как-то один еврей (он был женат на русской): “Лидия Павловна, что такое? Теща с нами не ест, мы садимся за стол, а она нет?” “Да пост же, — догадываюсь. — Петровский”. А та тоже чудачка, ведь надо было бы объяснить, а то они не поймут, в чем дело.

И так все с вопросами, духовными и житейскими, кто о крещении, кто об именинах. Может, крест у меня видели. Крест носила, не снимала. Были и неприятности, некоторые досаждали, которые против были. В основном, сплетни и все такое. Но начальство не трогало, — я была в почете. Помню, у начальника умерла мать, он уезжал хоронить. Потом вернулся и жаловался: “Ой, Лидия Павловна, как тяжело, маму похоронил... И священник был на похоронах. Я к нему подсел, думаю, мне тяжело, может, что скажет утешительное. А он выпил, и ему не до меня”».

На пенсию Лидия Павловна вышла сразу же. Ни дня не проработала лишнего. Дождалась и сразу — расчет и свобода. Теперь-то можно было спокойно молиться, всех навещать и помогать немощным.

В Троицкой церкви после войны

После войны Лидия с сестрой и братом продолжали ходить в церковь на Большой Спасской в Лесном. По ее словам, они ничего не понимали, да и ей подробно ничего не объясняли в 1930-х годах, почему нельзя ходить в «сергианские» храмы. Война все перевернула, а уж во время войны, когда кругом горе, все это вообще забылось.

В Троицкой церкви Лидия пела в любительском хоре. Петь она всегда любила, помнит, как в детстве собирались вечерами с мамой все сестры родные и двоюродные, пели молитвы, и песни старинные, и духовные стихи. И мама, и сестры пели на клиросе в их приходской церкви в Варницах. У Лидии был прекрасный голос, ей все говорили, что нужно поставить голос и петь в опере. Она, по ее словам, еще до восьмидесяти лет пела прилично, сейчас-то уже старческий голос, это не пение. Можно представить, какой у нее был голос раньше, если и в девяносто лет ее старческий мог перекрыть иной молодой, не говоря уже о правильности и церковности его звучания (к тому же у Лидии Павловны и абсолютный музыкальный слух, что отмечал, кстати, отец Михаил Рождественский). Позднее на тайных богослужениях ей было нелегко, порой ее просили петь тише, чтобы не услышали соседи и чтобы она не заглушала других певцов, со слабыми голосами. А она недоумевала: «Да как же мне задавить-то его?» Один регент в Троицкой церкви брался поставить Лидии Павловне голос, но в это время она как раз ушла.

«А когда ушла, все меня искать стали: “Куда она пропала? Она в другом храме поет?” Один одно, другой другое говорит. Сестре моей жаловались: “Лидка твоя не ходит в церковь”. Сестра защищает меня, она не знала, что я ушла. И священник меня искал, и диакон особенно. Он всегда рядом со мной вставал, когда ектенья. Ну вот, так мне не пришлось голос поставить. Почему ушла? Это отдельная история».

Община отца Понтия в Михново

С 1958 года Лидия Павловна стала ездить в Михново, в тридцати километрах от Вильнюса, в общину отца Понтия Рупышева. Отец Понтий — современник

отца Иоанна Кронштадтского. Рукоположенный во священники в 1901 году, он был назначен на приход в уездный город Вилейку, позднее служил в Гельсингфорсе (в 1917 году был священником минной дивизии Балтийского флота). За благословением на начало пастырского пути отец Понтий ездил в Кронштадт к отцу Иоанну.

«Отец Иоанн Кронштадтский был его духовным наставником и провидел его высокие духовные дары. Рассказывали, что как-то раз после службы пили чай, было много разных гостей. Отец Понтий скромно сидел в уголке далеко, а отец Иоанн нашел его и усадил рядом с собой. Потом отец Иоанн его исцелил. У отца Понтия гайморит был, хотели долбить, и вот он или спросил, или благословения попросил, я уж не знаю. А отец Иоанн только рукой махнул: «Ах, эти врачи!» И все как рукой сняло.

Во время революции отца Понтия преследовали и хотели арестовать, но его предупредили, и он, попросившись с семьей, сел на поезд и поехал в Вильно, — без документов, без всего. Молился в дороге, и когда проверяли документы, на него не обращали внимания. И так чудом он доехал».

В это время Вильнюс и прилегающие районы перешли к Польше. Десятки православных приходов бывших Виленской и Ковенской губерний оказались без духовного окормления и материальной поддержки. Протоиерей Понтий самоотверженно трудился, посещал разоренные храмы, восстанавливал разрушенные и постоянно совершал богослужения. В феврале 1921 года он впервые приехал в Михново в имение помещиков Корецких. Владелица имения, вдова Анастасия Дементьевна Корецкая, просила церковное начальство прислать иерея послужить в домовую церковь ее имения в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», построенной еще до революции по благословению оптинских старцев.

Во время Великого поста 1921 года отец Понтий служил в этой церкви ежедневно и произносил вдохновенные проповеди. Его слова и пример его самоотверженной жизни зажег огнем христианской ревности сердца Корецких, самой Анастасии Дементьевны и ее трех дочерей, Марии, Варвары и Анастасии (младшей в ту пору было 25 лет, старшей — 30). «Невозможно и дальше вести праздную жизнь, — говорил батюшка, — пора вспомнить о Боге и молить Его о спасении».

«Он так людей привлекал своей силой духовной, что эти помещики сменили всю свою жизнь. Они были верующие, но до этого жизнь вели светскую, ездили по гостям, ходили без платочков, конечно. Но после встречи с ним все-все сменили. Основали общину строгую. Разделили землю, у каждой сестры было по участку с домиками — назывались они “Михново”, “Гай” и “Крош”. Одна сестра была замужняя, а две незамужние. Сестры были как игуменьи, и много у них людей собралось, более ста человек. Молились и трудились, жили почти по-монастырски, хотя обетов и не давали. Католики так их и называли, только с автобуса выйдешь: “А, к монахам, вот-вот, Михново”».

Отец Понтий умер в 1939 году, создав к тому времени удивительную общину, проникнутую духом первохристианских времен. «Высокою жизнью живете, выше монахов», — сказал епископ Пантелеимон (Рожновский), посетивший Михново в 1936 году³⁵². Перед

³⁵² В статье «Немонашеская обитель наших дней», напечатанной в «Русском слове» 12 июля 1936 года, владыка Пантелеимон писал: «Называя это содружество “общиной”, мы понимаем это слово только в общем, но отнюдь не в церковно-юридическом смысле, так как это содружество вовсе не связано никакими обязательствами, никакими уставами, а лишь одним горячим желанием жить по-христиански. Заповеди Божии и общественные постановления, и правила христианской жизни, поста и богослужения являются их единственным статусом»; «Жизнь в общине очень строгая, постническая, в постоянном труде и покорности Духу Святому. Владелицы имений вкушают скудную пищу вместе со всеми насель-

кончиной отец Понтий предсказал, что общину ждут трудные времена, но она сохранится. И, действительно, она пережила войну и даже сохранилась при советской власти, хотя в 1950 году была преобразована в колхоз «Михново», а потом стала частью совхоза.

Узнала про Михновскую общину Лидия Павловна через одну свою знакомую, которая работала на заочных курсах для священников в Ленинградской духовной академии, проверяла их работы. Один воспитанник отца Понтия ездил в академию и пригласил эту знакомую приехать в отпуск: «Вам понравится, а там, может, и совсем останетесь». Она съездила, вернулась: «Лидочка!» Восторг. Ну, когда приедешь и гостишь — все готовое, все принесут, чудно поют...

Поехала Лидия Павловна в первый раз. Пожила неделю (обычно гостям позволялось жить неделю, там был специальный гостевой домик). Сестры стали хлопотать у старшей сестры: «Анастасия Николаевна, разрешите ей еще остаться, мы с ней так хорошо поем». Пришлась им по душе. Разрешили еще на неделю.

«Я стала ездить в Михново каждый год в отпуск. Местечко красивое, холмистое, гористое, дороги хорошие, на автобусе-то ехать. А у них река окружает поместье. И такая аллея дивная липовая ведет прямо к церкви. Многие к ним приезжали. Любили благодатный уголок.

никами имения и притом по понедельникам, средам и пятницам всего лишь один раз в день. И это при постоянном тяжелом труде. Тем не менее все радостны, довольны, здоровы, очень любят свой пост, свое воздержание и рады, что Господь дает им силы и возможность вести подвижническую жизнь. Великой радостью и утешением для всех в этой жизни являются молитва, богослужение, частое принятие Святых Таин и та благодать Святого Духа, которая, видимо, царит в этой большой христианской семье... Даже калеки стараются посылно быть полезными, и всюду чистота, порядок, какая-то особая тишина, мирность, точно “веяние тихого ветра”, как в повествовании о пророке Илиии».

Все были всегда в чистеньком, в белых платочках, белоснежных. Отец Понтий велел соблюдать чистоту и души, и тела. У них была и ванна, и баня, прачечная. В комнатах жило по два-три, иногда до четырех человек. Был у них завтрак, обед, ужин. Некоторые не ужинали. Перед ужином читали вечерние молитвы и поминали всех о здравии и за упокой. Литургию служили не каждый день, а по праздникам, в воскресенье и на буднях, если память святого. Но на буднях не все присутствовали. Как-то было на литургии два-три человека, пела сестра отца Понтия. Все заняты: кто с коровкой, кто в поле, кто стирает, кто готовит, кто шьет. В город они не выходили. У них все было свое. А какие урожаи! Но их заставили в колхоз. Как они не хотели! Потом я приехала, они плачут: нас — в совхоз. А я: “Какая разница, вы все равно в колхозе”. Всю ночь писала им заявления. Все плакали... Коровки плакали... Разделяли коровок. Часть забрали, часть у них оставили. Но все-таки даже как совхоз община сохранялась. Мне все предлагали жить там постоянно.

И вот не раз меня спрашивали: “А Вы знаете Валентину Евгеньевну, Аглаиду Понтиевну?” Это невестка и дочка отца Понтия, которые жили в Питере. Откуда я знаю, город-то большой! И вот как-то приехал в Питер из Михново священник отец Константин³⁵³. Он остановился у дочки отца Понтия Аглаиды. А мне сказали, что он приехал, и дали номер телефона. Я позвонила, и Аглаида Понтиевна меня пригласила зайти. Я пришла, тогда же пришла туда и невестка отца Понтия, Валентина, с дочкой и с сыном. И вот начали говорить. Не помню, о чем зашел разговор, я и говорю безо всякого: “Мы раньше ходили в Лесной. Там была церковь иосифская. А в другие нам нельзя было ходить”. Валентина прямо ахнула:

- Ах! Вы ходили в Лесном?
- Да, там отец Анатолий...
- Да-да, я знаю!

³⁵³ Протоиерей Константин Авдей начал служить в Михново с 1942 года, а пришел в общину с овдовевшей матерью еще в 1926 году двенадцатилетним мальчиком. Отец Понтий послал его учиться в Духовную семинарию. В 1942 году он был рукоположен во иерея митрополитом Минским Пантелеймоном (Рожновским).

Она зацепилась за меня сразу, заинтересовалась. И стала со мной говорить. А отец Константин: “О, вот села на своего конька”. Валентина-то постоянно этот вопрос поднимала в Михнове, то есть о “сергианстве” и т. д. А сестры старшие говорили: “А что вы хотите? Иначе не было бы Церкви”. Ну, как обычно говорят... И вот Валентина мне говорит: “Приходите ко мне”. И я к ней пошла, и мы с ней стали дружить».

Возвращение к иосифлянам

А в скором времени произошла еще одна знаменательная встреча. Одна сотрудница на работе как-то сказала Лидии Павловне о том, что у нее в доме на одной лестничной площадке с ней живет старушка, мамина подруга, старушка верующая, но в церковь не ходит. Лидия Павловна вдруг неожиданно для себя самой и спрашивает:

— Иосифлянка?

— Да-да-да! — отвечает сотрудница.

— Ой, как бы мне с ней познакомиться?

Вскоре умерла мать этой сотрудницы, и на ее похоронах Лидия Павловна познакомилась с их соседкой-иосифлянкой. Звали ее Дарья Ивановна. И та сказала: «Лида, я неграмотная, я тебе не могу хорошо объяснить, но вот есть такая Анна Петровна, она кое-что знает, она объяснит. Вот она ко мне в такой-то день придет, и ты придешь».

«Анна Петровна при первой встрече действительно все хорошо объяснила. Начала от Апостолов, Послание к Коринфянам Апостола Павла, такая-то глава — там, где об “идоложертвенном”, ну, и далее объяснила. Мне все стало ясно. И после этого я вспомнила, что, действительно, нельзя ходить в “сергианские” храмы.

И вот я к Валентине:

— Слушай, дорогая, мы же нарушаем... Мы ведь с тобой запутались.

— Что такое?

— А вот то такое! Вот так и так.

— Да?

— Да!

Она ведь тоже забыла. Война была, блокаду перенесла с сыном, который душу раздирал, кричал: «Есть хочу!»

Она и говорит:

— Все!

— А как же мы будем без батюшки?

— Теперь буду стараться найти. Есть у меня...

Сразу не сказала, осторожная была, скрытная. Она вспомнила про отца Михаила и решила его искать».

До войны Валентина жила в Стрельне. И хорошо знала настоятеля Стрельнинской Преображенской церкви отца Измаила Рождественского и его брата отца Михаила. Говорила: «Если бы не отец Измаил, я бы не была такая, я бы была плохая». Вспоминала, как он их наставлял, какие замечательные проповеди говорил. Его преследовали, — они уходили в поле, и там, чтобы никто не мешал, он проповедовал.

Потом, когда отца Измаила арестовали, в церкви служил отец Михаил. В конце 1930 года отца Михаила тоже арестовали. Венчалась Валентина уже в Лесном, венчал ее при закрытых дверях отец Анатолий Согласнов. Муж Валентины — сын отца Понтия, Амвросий Понтиевич, был ветеринарным врачом³⁵⁴. Их сына, родившегося в 1935 году, крестил отец Михаил Рождественский после своего возвращения из лагеря, когда отбыл первый срок, — тогда отец Михаил служил уже нелегально. А когда началась война, связь с ним Валентина потеряла. Потом все забыла и дочку, родившуюся в 1945 году, крестила уже в открытой церкви. Отец Михаил в то время был опять в лагере, выпустили его уже после 1956 года.

³⁵⁴ Кстати, о судьбе своего отца он ничего не знал. И узнал лишь после войны, в 1946 году, когда впервые поехал в Михново.

«Валентина нашла отца Михаила, знала ведь, где жила в Стрельне его помощница, Александра Федоровна Панюшина. В Стрельне мы с ним и встретились впервые, с той поры уже постоянно стали у него исповедоваться и причащаться.

Не часто исповедовались. Ему же запрещено было разъезжать, хотя он все равно ездил, иногда заочно исповедовались, письменно. А сколько ему исповедей привозили из разных мест! Помню, из Ижевска! Нина, хорошая была девушка, исповеди на самолете возила, тогда было недорого. Исповеди привозила, а отец Михаил готовил им Запасные Дары. Раскладывал в специально приготовленные флакончики, пузырьочки, а их в мешочки такие. Она на себе возила или в сумке, но только чтобы никуда не ставить. Я один раз увидела — сколько у нее их! Она привозила, и надо было все наполнить. По сто флакончиков он готовил».

Подобная практика заочной исповеди и причастия Запасными Святыми Дарами была распространена в российских катакомбах. Известно, что ее применяли и другие пастыри, ведь условия жестоких гонений вынуждали отступать от устоявшихся привычных форм и обращаться к опыту первохристианских времен³⁵⁵. При этом все-таки старались действовать не произвольно, согласовывать это с другими пастырями и в остальном по возможности следовать неизменному порядку богослужений. Часто батюшки специально поручали тайным монахиням привозить исповеди и отвозить верующим Запасные Дары, и даже порой именовали таких монахинь диаконисами. Однако строго следили, чтобы те не выходили за рамки своих полномочий. Так, когда одна из питерских монахинь-иосифлянок, которая привозила Запасные Дары от отца Тихона (Зорина), стала причащать верующих из лжицы, то узнавшие об этом иосифлянские пастыри,

³⁵⁵ В первые века христиане хранили у себя Святые Дары и самостоятельно могли причаститься в минуты смертельной опасности.

в их числе и отец Михаил, составили письмо отцу Тихону, в котором указали на недопустимость подобной практики.

Обыкновенно священники назначали день и время, когда они заочно читали разрешительную молитву, а в это время верующие, приславшие исповеди, собирались, вычитывали все положенное — службы, последование ко Св. Причастию. Запасные Дары из специального сосудика, в котором их привозили монахини, выкладывались на Евангелие. И каждый подходил, скрестив руки, как к Чаше в храме, и причащался. Потом уже отец Михаил стал практиковать из пузыречков. В одном хранили, а в другой, пустой, откладывали частицу и уже из него принимали. Отец Михаил благословил причащаться в Великий Четверг³⁵⁶.

Отец Александр Никольский

Вскоре Лидия Павловна встретила с еще одним иосифлянским батюшкой, отцом Александром Никольским:

«Отец Александр жил в Омутнинске Кировской области. Он специально приехал в Питер на встречу с отцом Михаилом Рождественским, и они у нас на квартире встретились (мы тогда с сестрой жили в коммунальной квартире на Сампсоньевском). Это было так интересно... Отец Михаил был очень рад, тем более что отец Александр являлся благочинным, его назначил еще митрополит Иосиф. Он рассказывал, как еще в 1930-х годах он ездил к митрополиту в Казахстан, как они спустились в подпольную церковь, служили там, молились. И вдруг он услышал: «Аксиос! Аксиос! Аксиос!». И он был возведен в чин благочинного над всеми катакомбными священниками. Митрополит ему даже бумагу написал, отец Александр ее показывал отцу Михаилу. К отцу Александру и из Воронежа ездили,

³⁵⁶ Подробнее об этом ниже, в воспоминаниях В. Ф. Саоновой.

он разбирал спорные вопросы, и отец Михаил, как и другие батюшки, у него исповедовался. Когда батюшки встретились, они нам в какой-то момент сказали: “Выйдите!” Им нужно было наедине поговорить.

Я мало что об отце Александре знаю. Сам он был из Перми, позднее переехал в Омутнинск, возможно, был в Белой армии, — помню, говорил, что очень много пили там, пили и поэтому не сумели ничего сделать... Рассказывал, что по благословению владыки Иосифа принимал обновленцев в храме Воскресения Христова на Крови. Пришел с утра к храму и стоит, стоит, а двери все закрыты, — оказалось потом, не у тех дверей стоял, с другой стороны был вход.

Его ни разу не забирали. Когда за ним приходили, он успевал скрываться. Они принимали его отца за него, очень были похожи. В войну отец Александр с матушкой жили в землянке в лесу, дочь дома оставалась, и матушка за едой ходила домой. Однажды, как рассказывал батюшка, матушка ушла, а он вдруг слышит, по землянке — хрусь, хрусь. Медведь пришел и прямо по землянке прошелся. Ну, думает, сейчас провалится! Но, слава Богу, ушел. Вот так они и скрывались зимой в землянке. А зимы-то в войну какие холодные были!..

Матушка отца Александра, Алевтина, очень милая была, смиренная такая. Я один раз ездила к ним. Была в отпуске и по путевке меня отправили на лечение в Трускавец. Недельку там не дотянула, подумала: “Хватит эту воду пить. Поеду к отцу Александру”. Приехала в Глазов, а потом оттуда уже недалеко. Отец Александр послал меня встречать: “Лиду везите скорей ко мне”. Несколько дней пробыла у них, праздник как раз был, Никола летний, и отец Александр служил литургию. Хоть я и не взяла благословение у отца Михаила, но все-таки решила исповедаться и причаститься. Служил он в своем доме, на службе у него пели монашки и среди них Ангелина, которая с владыкой Виктором³⁵⁷ в ссылке была. Они к владыке свободно ездили. Она потом в Питер приезжала к отцу Михаилу, вот она-то много

³⁵⁷ Священноисповедник Виктор (Островидов), епископ Глазовский, викарий Вятской епархии.

рассказывала о владыке Викторе. Сейчас уже не вспомню, что (эх, записывать надо было!). Как он наставлял их. Очень такой кроткий, смиренный был владыка.

Обратно я ехала через Киров, билет дали. Поезд ночью, дожидалась я на вокзале. Поезд подошел, а двери на той стороне открылись. Что делать? А ночь, четыре утра, никого нет на перроне, я одна. Пришлось подлезать под вагон, да с чемоданом. Я уж проводнику: “Это что такое?! Надо двери открывать, где вокзал, а вы?!”

Потом отец Александр еще приезжал в Питер на лечение, к нам тоже заходил. Уже плохо себя чувствовал, на пятый этаж еле поднялся³⁵⁸. Страшно страдал... Когда он умер, помню, это было на второй день Крещения, 20 января, отец Михаил ездил в Омутнинск его отпевать.

Иосифляне

В это же время Лидия Павловна познакомилась со многими питерскими иосифлянами.

«И вот та бабушка (Дарья Ивановна) умирает, и я на похороны пошла. А там собрались иосифляне. Там вот и Веру <Сазонову> увидела впервые, она псалтырь читала. А про меня и говорят: "Что это за птичка? Новая какая-то?" И тут же мне одна псалтырь дала, другие — книги, ведь у меня ничего не было и я ничего не знала. Одна мне адрес дала, другая... и пошло. Собирались молиться, где у кого какая возможность была. Сначала все боялись, не опасная ли я, но Анна Петровна говорила: “Не беспокойтесь”. Она же и службам меня учила. У нее, как и у многих, были старинные богослужебные книги. Я все переспрашивала, а она мне: “Внимательно читай, там все написано”. Потом уж ко мне и иконы пошли, Валентине тоже досталось».

Анна Петровна Головинкова была ревностной иосифлянкой, но подробности ее биографии Лидия Пав-

³⁵⁸ У него был рак.

ловна не знает. Кем она была, где работала? Они познакомились в начале 1960-х годов, тогда Анна Петровна уже была пенсионеркой. Она хорошо знала других иосифлянских батюшек, отца Александра Никольского, отца Иоанна из Подмоскovie, и у них окормлялась еще до встречи с отцом Михаилом Рождественским. Она же и устроила встречу отца Александра с отцом Михаилом. Как-то про нее и еще нескольких человек даже в советской газете пропечатали — как они молятся, собираются, мол, «такие-сякие сектанты». Умерла Анна Петровна в 1971 году, в возрасте семидесяти четырех лет.

На похоронах Дарьи Ивановны Лидия Павловна познакомилась с еще одной замечательной иосифлянкой — Марией Васильевной Абрамовой.

«Она напротив меня за столом сидела. Спросила обо мне и сразу же пригласила к себе. И я помогала ей вычитывать службы, ей уже тяжело было одной. Она смелая была, отец Клавдий (Савинский) у нее служил в тридцатых годах. Спрашивал ее: «Мария, ты не боишься меня принимать? Ты же можешь пострадать! Если меня арестуют, то и тебя не пожалеют». А она: «Не боюсь!» У нее в комнате собиралось на молитву до пятидесяти человек. Она в это время на коммунальной кухне готовила, отвлекала соседей и таким образом давала возможность молиться. Уполномоченный из административной конторы следил, но сказал ей: «Мария, я ведь все вижу и знаю, но молчу, что к тебе ходят».

Во время блокады она была в Питере. И к ней все знакомые в дом несли свои ценности, у нее прямо склад там был. Дом такой, что его и бомба не разобьет, стенки толстенные, — это недалеко от Невского, где Ломоносовский мост, недалеко от пяти углов, где Загородный и Разъезжая сходятся³⁵⁹.

Когда отец Клавдий в Коломягах служил в 1942 году, подвела одна монахиня. И забрали и батюшку, и хозяина

³⁵⁹ Лидия Павловна называет его «переулок Чернышевский». Очевидно, речь идет о Чернышевом проезде в Апраксином дворе.

дома Анатолия. Отцу Михаилу следователь позднее говорил: “Вы хорошо говорите, а как Клавдий ваш говорил! Просто невозможно передать, как проповедь”. Следователь советовал отцу Клавдию писать кассацию, ему жалко его было, а тот: “Благодарю, что присудили мне расстрел”».

От отца Клавдия у Марии Васильевны остались богослужебные книги издания Киево-Печерской лавры. В огромной Постной Триоди, которой пользуется теперь Лидия Павловна, сохранились листочки с записями Марии Васильевны: дни ангелов, дни кончины и так далее. Вот, например, надпись: «День ангела моего батюшки понедельник (месяц неразборчиво) 1978 года, я еще была жива, поминала». На некоторых Мария Васильевна указывала, когда и что пропустили из чтения, по какой причине. Старалась все неукоснительно соблюдать, переживала.

«Потом она соединилась с сестрой. Сестра умерла, и она осталась с ее сыном, племянником, и его семьей в четырехкомнатной квартире. И вот был такой случай. Она одна в квартире, а племянник считал, что она уже ничего не понимает, склероз... А они сами-то еще хуже, ничего не помнят, “склеротники”. Как-то ушли они на работу, и кто-то оставил кран с горячей водой в ванной. Воды не было, потом пошла. Они, конечно, на нее — всегда на бабушек валят. Квартира четырехкомнатная, ее комнатка далеко. Она сидит целый день и не выходит. Сидит и сидит там, почитает, лежит. Вдруг звонок в дверь, стучат: “Бабушка, да что вы! У вас льется вода на лестницу горячая”. А там хлещет! Уже из ванны полной на пол и на лестницу. И залили под ними всю квартиру. А те только ремонт сделали. И их не было, уехали в отпуск. Бедная Мария Васильевна так молилась! Так просила батюшку отца Иоанна Кронштадтского: “Батюшка, что будет?! Только на тебя надеюсь!” Молилась день и ночь. Можете себе представить!.. Приехали те соседи и слова не сказали! И денег не взяли! “Мы сами сделаем!” Представляете, даже не возникли, и ничего, не ссорились...

Да, духовная была Мария Васильевна и решительная. Как она отцу Клавдию: “Не боюсь!” Так и всю жизнь твердо стояла в вере. Потом, когда племянник хотел ее сдать в дом хроников, то Дуня, крестная Веры Сазоновой, ее взяла к себе и за ней ухаживала. Так она у них в Тайцах и умерла, и там похоронена. Вера за могилкой сейчас ухаживает».

Постепенно познакомилась Лидия Павловна и со многими другими иосифлянами. Все это были простые, скромные люди, все работали по своим специальностям, кто где, на заводах и фабриках, в институтах и больницах. Добросовестно исполняли свои обязанности и внешне мало чем выделялись среди серой толпы советских обывателей. Однако все они сохраняли глубокую веру, были пламенными молитвенниками и ревностными христианами, постоянно посещали тайные богослужения. И некоторые из них принимали монашеский постриг, конечно тайно.

«Были тайными инокинями Марина Николаевна Граббе и Валентина Александровна Красноленская. У них была комната на Мойке, и там у них жил отец Зосима, схимник из Александро-Свирского монастыря. Он тайно служил у них и постриг их в иночество. Умер старец во время блокады в 1943 году, и они сумели похоронить его на Волковом кладбище. С ними же жила Татьяна Федоровна Лив, тоже иосифлянка, умерла она 4 января 1967 года в возрасте девяноста одного года. Марина Николаевна умерла в 1971 году, в возрасте шестьдесят четыре года. Очень она страдала, от операции отказалась, сама себе делала уколы. Валентина Александровна умерла после нее».

Вероятно, старец Зосима — это ни кто иной, как автор документа «О послушании митрополиту Сергию», широко распространявшегося среди иосифлян и в кругах антисергианской оппозиции³⁶⁰. На обратной

³⁶⁰ Документ этот датирован 29 февраля 1928 года и подписан схигуменом Зосимой. См.: Священноисповедник Димитрий, архи-

стороне фотографии старца Зосимы, оставшейся у его постриженец, имеется следующая запись:

«Родился 28 июня 1862 года, мирское имя в честь св. Филиппа 3/16 июня, монашеское в честь праведного Филарета 1/14 декабря, постриг совершен 23 апреля/6 мая 1900 года, хиротония в иеромонаха 25 мая/7 июня 1902 года. В схиму пострижен 10/23 декабря 1925 года³⁶¹, имя в честь преп. Зосимы Соловецкого».

Лидии Павловне довелось познакомиться еще с двумя замечательными монахинями, непосредственными участницами событий 1920–1930-х годов, матушкой Ией и матушкой Анастасией. Они были арестованы в конце 1929 года и проходили по одному делу с архиепископом Димитрием (Любимовым). В отношении матушки Ии в материалах дела приведены следующие сведения:

«Репина Ольга Ивановна, тайная монахиня Ия, 1889 года рождения, окончила 4 класса Константиновской гимназии, работала машинисткой в различных учреждениях, с 1927 года инвалид II группы. В 1923 году привлекалась за распространение к.р. Воззваний».

На допросе 10 января 1930 года матушка Ия показала:

«Тайное монашество я приняла в 1925 году, посвящал меня епископ Сергей (Дружинин)»;

«Принадлежу к группе иосифлян, т. к. иосифляне стоят на правильном и православном пути. Не могу радоваться разрушению церквей и гонению, а также преследованию веры Христовой, как радуется митр. Сергей, не могу допустить, чтобы дом молитвы закрывали»;

«Соввласть служит или является орудием для гонения христианской веры».

епископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы / сост. Сикорская Л. Е. — М., 2008. С. 426–430.

³⁶¹ Возможно, 1926 года.

Матушка Ия, как «участница контрреволюционной организации “Иосифлян”», за распространение антисергианских, по версии следствия, «контрреволюционных документов» и ведение «антисоветской агитации» была приговорена к трем годам концлагеря, а после отбытия лагерного срока и освобождения отправлена в ссылку.

В отношении матушки Анастасии в материалах дела приведены следующие сведения:

«Куликова Александра Георгиевна, 1880 года рождения, монахиня Анастасия, с домашним образованием, по профессии портниха. 30 лет служила в семье Любимовых».

В 1922 году выехала за отцом Димитрием в ссылку, по возвращении в 1925 году приняла монашеский постриг с именем Анастасия. Судя по материалам дела, она была включена в число ближайших помощников владыки Димитрия (Любимова). На следствии, не отрицая своей помощи владыке, матушка Анастасия представляла ее лишь с хозяйственной стороны. На допросе 6 декабря 1929 года она показала:

«Я в церковные дела не вмешивалась, хотя злые люди говорили, что епископ Димитрий все делает по моему совету. Вследствие таких слухов я даже прекратила хождение в ленинградские церкви и только изредка ходила в церковь на ст. Тайцы. Мне приходилось ездить в Устюжну к митрополиту Иосифу, возила ему продукты и пакеты. Пакеты посылал епископ Димитрий, но что в них писалось, я не знаю. От митрополита Иосифа я тоже привозила пакеты к епископу Димитрию»;

«В церковные дела я не касаюсь и не интересуюсь»³⁶².

³⁶² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 271. 111 об.

Однако чекисты не удовлетворились столь скромной ролью матушки Анастасии и в «Обвинительном заключении» она была названа в числе первых семи обвиняемых, членов руководящего Центра «контрреволюционной организации “Иосифлян”», ближайших помощников «главы Центра епископа Димитрия Любимова». Приговорена была матушка Анастасия к пяти годам концлагеря, после лагеря и ссылки какое-то время матушка Анастасия жила в Окуловке, а позднее ее взяли к себе две сестры, новгородские иосифлянки.

Матушка Ия тоже приехала в Новгород. Обе монахини вели строгий подвижнический образ жизни, окормлялись у тайно служивших иосифлянских священников, иеромонаха Тихона (Зорина) и отца Михаила (Рождественского), ставленников архиепископа Димитрия и митрополита Иосифа. Питерские иосифляне матушек почитали и постоянно к ним приезжали. Лидия Павловна вспоминала:

«Матушку Ию я видела, она очень симпатичная была, милая, кроткая. Мы у нее молились, у нее была уютная однокомнатная квартирка в Новгороде. Как-то и ночевали там. Собрались служить на праздник Рождества Богородицы, и вдруг пришел какой-то человек, рыжий-рыжий, все интересовался иконами. Нам надо было молиться, а тут он... Мы заволновались, но ничего, потом ушел. Причащалась матушка Ия у отца Михаила, он же ее и отпевал...

А раз поехали к матушке Анастасии Куликовой. Я очень хотела ее увидеть, говорили, она вроде как прозорливая. И вот я только вхожу, она сразу: “Лидия Павловна!” И откуда она узнала, как будто кто-то сказал? А не было кому сказать. Но вот она встала, а лежала все, уже больная была. Но мы приехали — встала. И помню, как она всех нас благословляла крестом владыки Димитрия, все говорила: “Спасайтесь, молитесь, терпите. Держитесь, не отступайте!”»

Сохранилась записочка от матушки Анастасии с благодарностью за небольшую посылочку, которую Лидия Павловна передавала ей, вероятно гостинцы к Пасхе.

«Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Дорогая Лидия Павловна! Спаси Вас, Господи, за ласку и любовь, за добродетель. Молитвами Батюшки отца Иоанна, Владыки Иосифа, Владыки Димитрия Господь да помилует, Пресвятая Богородица облегчит немощи Ваши и утешит Вас.

Простите,
любящая и благодарная, недостойная и убогая, грешная монахиня Анастасия.

29 апреля 1969».

Скончались обе матушки в глубокой старости. Матушке Ие было восемьдесят девять лет, а матушке Анастасии — девяносто четыре (или девяносто пять). В помяннике у Лидии Павловны записаны даты кончины: матушки Анастасии — 12 апреля 1974 года, матушки Ии — 16 октября 1978. Похоронены они в одной оградке на Новгородском кладбище.

Стрельна

Лидия Павловна подробно рассказала о том, как и где питерские иосифляне молились:

«Собирались по коммунальным квартирам тихонько. Соседи, особенно старушки, интересовались, а кто это к вам ходит, — и начинались разговоры. Ведь коммунальные были почти все квартиры, громко нельзя там петь, но все равно пели. У Валентины Евгеньевны — тут и сын, и дочь. Мы за шкаф уйдем и там читаем потихонечку. Иногда ко мне приходили, потом недалеко жила Мария Федоровна, потом Нина Тихоновна, монахиня, и с ней Ирина, которая раньше знала отца Измаила и отца Михаила. Много было разных уголков.

Но вот где было особенно нам хорошо, это в Стрельне. Там была такая Вера Матвеевна Воробьева, у нее был отдельный дом. До революции отец ее служил управляющим Петергофскими дворцами, и дом ему принадлежал — улица Крылова, дом 9, прямо напротив Михайловского

парка. Это известные парки Александровский, Михайловский, Константиновский. Вокруг никого, домики были, но пустые, только летом там жили — вот там отец Михаил даже и литургию служил.

Вера Матвеевна в свое время была прихожанкой Преображенской церкви в Стрельне и в хоре там пела. Хорошо знала и отца Измаила, и отца Михаила. Нелегкая у нее судьба, сын ее семилетний умер до войны от неправильной прививки дифтерии, муж погиб на войне, девочка у них родилась как раз в первые дни войны. Вера в роддоме, а мужа забрали в армию, и вот он в строю военном шел мимо роддома. Вера вышла, он выбежал из строя, поцеловал ее и обратно вернулся. Погиб в первые же дни, через месяц умерла девочка, простудилась: все бежали во время бомбежек в подвалы. Окрестить Вера ее успела, отец Михаил был в Стрельне. И похоронила она дочку у своего дома под сосной. Не знаю, цела ли эта сосна? А тут немцы явились... Угнали Веру в Германию, сразу погнали — прямо вот уходи, в чем была. А домик ее заняли. После войны она вернулась, домик цел. И жила она в нем до самой кончины в 1991 году, отпевали ее в храме у Сергея Перекрестова на Новодевичьем в приходе Русской Зарубежной Церкви. С ней еще жила там родственница Клавдия Ивановна, Калечка, она вперед Веры Матвеевны умерла. У нее тоже был хороший голос, дискант.

Как пели мы там! И можно было не бояться, что услышат нас. Там такая красота! В Пасху мы пойдем вокруг дома со свечечками. Ну, не все, человек пять-шесть, чтобы не было особенно заметно. Я частенько там бывала. Правда, побаивалась ночевать. Ведь окна низкие, напротив парк, густые деревья, и ни души! А Вера не боялась: “Матерь Божия нас охраняет!” У нее была Тихвинская икона, она ей осталась от свекрови. Большая, старая икона, но лик плохо был виден. Свекровь сказала: “Вот умру, ты ее возьми, Вера”. А Вера вроде как бы и не хотела брать — икона без киота, полотенцем покрыта, лик темный. Не хотела... И вдруг во сне видит эту икону, и Матерь Божия сбрасывает полотенце, — мол, тебе не нравится, можешь снять. Тогда Вера сразу икону взяла и говорила, что эта икона охраняет. И, действительно, на других улицах, где

пустые дома, воры все время. А тут вообще один дом! И все спокойно — никогда, никто и ничего!..

На праздник Воздвижения 1988 года мы молились, нас порядочно собралось. И вот слышим ночью — стучит в окно Верин муж, Александр Михайлович Сазонов, кричит: “Лидия Павловна!” Приехал за мной. У нас была договоренность — умрет батюшка Михаил, пока еще никого не будет, я буду читать псалтырь. Ему позвонили с Луги, он нанял машину и ночью за мной приехал. И я с ним поехала в Лугу».

Отец Михаил Рождественский

«Мы приехали — батюшка уже был убран. Я читала. Тут как поехали со всех городов: с Воронежа, Харькова, Москвы, Тулы, Тамбова, Гомеля, и не знаю, еще откуда... Сменили меня, круглосуточно читали. Много народу. Я так там и была все три дня. Умер он 26 сентября, уже почти в ночь на 27, хоронили 29 или 30. Помню, Александр Михайлович все: “Ой-ой, как мы будем петь, как будем петь?” А я ему: “Да чего там, как будем петь-то. Все знают эти молитвы!” И пели все, и хорошо пели. Все всё знают, дома-то читают и поют. На дворе пели, день был хороший. Семнадцатую кафизму читали накануне.

Исповедь он свою перед этим написал, и ее должна была передать Анна Степановна из Рязска. Она имела связь с отцом Виктором Потаповым, он в Москву часто ездил. Помните, как владыка Филарет-то ему пишет — что-то ты часто стал ездить? Анна Степановна у кого-то с ним встречалась, он сказал, что передаст. Она хотела в Синод, там, где Виталий, а попала якобы к Лазарю. Не знаю... Потом говорили, что все-таки отпевали его в Америке».

Действительно, протоиерей Константин Федоров подтвердил, что он по поручению митрополита Виталия совершил заочно службу погребения отца Михаила Рождественского. И даже была сделана аудиозапись этой службы.

О Русской Зарубежной Церкви отец Михаил узнал еще в семидесятых годах и с тех пор поминал на

службах ее первоиерарха митрополита Филарета (Вознесенского), а потом с 1986 года — митрополита Виталия (Устинова).

«Как узнали про Русскую Зарубежную, так обрадовались. И мы поминали... Я приемник купила, это, наверное, было, когда я пошла на пенсию в семидесятом году. И все ловила на нем обедню, очень даже хорошо было слышно, передавали ее полностью из храма отца Виктора Потапова.

А Лазаря отец Михаил избегал. Сначала-то он много узнавал от него, что за рубежом, а потом, когда тот стал священником, стал его остерегаться».

Из катакомбных священников, по словам Лидии Павловны, признавал отец Михаил, кроме упомянутого отца Александра Никольского: отца Тимофея на Кавказе, отца Ростислава из Рыбинска, отца Виссариона из Тамбовской области, отца Илариона из Тульской области, отца Владимира из Киева, отца Игнатия и, конечно, питерского иеромонаха Тихона (Зорина)³⁶³. Но к середине 1980-х годов они все уже отошли ко Господу, и он оставался один.

«Да, жизнь его была тяжелая. Переживал за семью, за детей, сестер. Паства какая у него была огромная... И служил он до последнего, и посещал всех. Помню его слова: “Ох, какая немощь!” Тогда я не понимала, о чем это он? А вот сейчас, когда и встать-то порой нет сил, понимаю. А он ведь сколько ездил и служил, когда ему уже и за восемьдесят было! И ведь сколько он перенес: и тюрьмы, и лагеря. И болезни какие, и операции. Это он чудом жил, ради нас».

О жизни отца Михаила Лидия Павловна знала в общих чертах, редко когда ей удавалось побеседовать с ним.

«С отцом Михаилом нам некогда было говорить. А то бывало и сядем за стол после службы, так некоторые начинают... Я одному говорю: “Ну, дайте отцу Михаилу говорить! Я его хочу слушать, а Вы свои рассуждения”. А то вместо

³⁶³ О нем подробнее в воспоминаниях В. Ф. Сазоновой.

батюшки он нам наставления говорит! Отец Михаил скромный был, к людям очень осторожно подходил. Помню, как в Рождественском посту сами миряне утверждали, что рыбку можно есть все время, мол, это легкий пост. А отец Михаил так тихонечко, но твердо говорит: «Рождественский пост тоже имеет свою строгость, когда можно, когда нельзя». А миряне вспоминали, как было раньше. А я им: «Вот, вспомнили, когда вообще постов не соблюдали!» Или еще одна: «Я все равно рыбу в среду и пятницу ем. А в календаре что написано, это для монахов». Отец Михаил ничего не говорил строго, а просто сказал, что есть строгость и в Рождественском посту. Он не настаивал и не требовал, сказал, а дальше мы уж сами должны были прислушиваться.

В восьмидесятом году он освятил нашу квартиру. Съехались мы тогда с братом и сестрой, сменялись: две комнаты на квартирку, — хоть и далеко, но зато тишина, никакого шума. Петровским постом отца Михаила я пригласила, собрались многие, заодно и исповедались. Отец Михаил освятил, все ему очень понравилось, удивлялся еще: «О, плита-то четырехконфорочная!»»

Об отце Михаиле Лидия Павловна еще добавила в ответах на вопросы:

— А что вам отец Михаил говорил в последние годы?

— Ничего почти и не спрашивали, но только он говорил: «Умру я, разбредутся кто куда». А так и что бы не спросить? И правильно сказал, так кто куда и пошел...

— А он был строг?

— Нет, не очень. Где надо, конечно, строгость соблюдал.

— Веселый, серьезный?

— Какое тут может быть веселие? Конечно, серьезный.

— Поститься требовал?

— Ну, как же, конечно! Все посты. Перед причастием пост обязательный три дня был. Да обычно и причащались постами.

— А как исповедовал?

— Исповедь сначала была общая, то есть он читал общий чин, потом каждый подходил и уже исповедовал свое. Кто как, кто вставал на колени. Он накрывает епитрахилью, потом целуешь крест и Евангелие. Во время исповеди не накрывает, стоишь и беседуешь с ним свободно.

— А что по поводу телевизора и радио говорил?

— Ничего не говорил. А у нас ни у кого телевизора и не было.

— Он надеялся, что падет безбожная власть и будет возрождение России, или ожидал, что все идет к концу?

— Не знаю, ничего не говорил.

Архимандрит Серафим Проценко³⁶⁴

Еще об одном пастыре, архимандрите Серафиме, вспоминает Лидия Павловна как о старце высокой духовной жизни. Она о нем узнала еще до знакомства с отцом Михаилом и возвращения к иосифлянам. Хо-

³⁶⁴ Серафим, в миру Стефан Владимирович Проценко, родился в 1874 в селе Карповка Изюмовского уезда Харьковской губ. Служил рядовым в лейб-гвардии Семеновском полку в Санкт-Петербурге. По совету св. прав. Иоанна Кронштадтского ушел в монастырь. С 1895 по 1917 подвизался в монастырях Олонецкой епархии. Пострижен в мантию и рукоположен в иеромонаха в Кирилло-Челмогорском монастыре близ Каргополя. В 1917 по благословению Петроградского митрополита Вениамина открыл в Петрограде подворье Челмогорского монастыря и построил при нем храм. Назначен его настоятелем, возведен в сан архимандрита. После закрытия подворья служил в церкви Пекинского подворья. В апреле 1932 арестован по групповому делу истинно-православных и приговорен к 5 годам концлагеря. В 1937 после освобождения из лагеря поселился в Вырице в доме Василия Петровича и Пелагеи Дмитриевны Сидоровых, совершал там тайные богослужения. Во время войны организовал монастырь. В 1945 арестован в Пскове, приговорен к 20 годам каторжных работ и отправлен в лагерь. В середине 1950-х освобожден из лагеря.

тя и недолгое время довелось с ним общаться, но его духовные наставления очень ей помогли. Формально к иосифлянам архимандрит Серафим не принадлежал, но, очевидно, и к официальной Церкви отношения уже не имел. Он много лет провел в тюрьмах, вышел уже в середине пятидесятых. Рассказывали, что он обличал многих священников в церквях, что неправильно служат и так далее, за это его даже били, а потом сдали в психиатрическую больницу.

«Мы о нем узнали от отца Бориса Николаевского, который после войны служил в Троицкой церкви в Лесном. Он нам сказал, что так и так — вот появился такой-то старец. И вот мы в Сочельник поехали навестить отца Серафима. Он был как раз в психушке. Вывели его к нам, он так посмотрел пронизательно, ко мне обратился: “Как тебя звать?”

Из больницы его быстро выпустили, сказали, что нормальный. Потом мы к нему ездили в Вырицу, он там жил у одной монахини, слепой Евфимии. Были там и другие монахини, всегда радушно принимали, угощали всех, кто приехал, чай сразу ставили. Помню, как-то отец Серафим одной монахине как стукнет по голове! За дело... Она ничего, смиренно приняла. Видно, мысли были не те, прозорливый был старец. Он очень много мне всего говорил.

А как-то у меня очень серьезно горло болело, я все лечилась. Мне предлагали операцию, решила — поеду к отцу Серафиму за благословением. А он уже не говорил, юродствовал, перестал людям прямо говорить, так как его преследовали. Спрашиваю: “Что мне делать, батюшка? Благословите на операцию”. Он молчит. Вдруг приходит женщина, приносит бидон с молоком. А холодно, февраль или март месяца... Я все пила только тепленькое. Тут все ахнули: “Сейчас тебя, наверное, начнет поить”. Одна монахиня ему: “Ей нельзя, нельзя...” А он первым долгом — указывает, мол, давайте на стол. Разлил и мне налил. А моя приятельница: “Лидка, все, тебе — беда!” Он и другим наливал, а мне — больше всех. Так ничего и не сказал, а вот поил молоком... Едем обратно. Пока глотаю, ничего, а утром встала, как подтянуло мои гланды, хоть бы что. Все прошло совершенно...

Он многих исцелял. И бесноватых... Изгонял темную силу. Недолго прожил, болел. Умер 28 декабря 1960 года. Его могилка на Большеохтинском кладбище, сразу за церковью. Посещается его почитателями».

Храм Воскресения Христова

Посещение могилок питерских святых и подвижников благочестия было в обыкновении у верующих и доставляло им большую радость. Они шли к святым со своими печальями и радостями, молились у их святых гробниц, получая великое благодатное утешение и духовную силу. Эти «поклонные», святые питерские места были своего рода светлыми огоньками во мраке беспросветного советского безбожия, покрывающего несчастную русскую землю. Одним из таких мест был и сам храм Воскресения на Крови, закрытый безбожниками в ноябре 1930 года.

«К храму Воскресения на Крови ходили, как только свободная минутка, так все норовили там пробежать. Прикладывались к кресту с распятием, которое было снаружи. Потом все закрыли лесами, забором, и мы не смогли подходить. Сейчас к тому кресту тоже не подойдешь».

Храм Воскресения на Крови был символом иосифлянства. Он напоминал и о прежнем времени, и о богослужениях в нем пастырей-мучеников и исповедников, митрополита Иосифа (Петровых)³⁶⁵, архиепископа Димитрия (Любимова), епископа Сергия (Дружинина) и многих священников, репрессированных в 1930-х годах и замученных безбожной властью. Иосифляне

³⁶⁵ Хотя митрополиту Иосифу не довелось там служить в качестве митрополита, но в 1924–1926 годах, бывая проездом в Питере, он неоднократно служил в храме Воскресения по приглашению настоятеля Василия Верюжского.

почитали их святыми и обращались к их молитвенному предстательству.

Над мощами и гробницами древних христианских мучеников воздвигались первые христианские храмы. Места захоронения новомучеников российских были неизвестны³⁶⁶, и потому храм Воскресения для иосифлян становился своего рода памятником новомученикам, символическим местом их упокоения. Кроме того, в самом своем названии «Воскресение на Крови» он приобретал значение как символ воскресения Церкви на крови мучеников³⁶⁷.

Могилы протоиерея Феодора Андреева и матушки Марии Гатчинской

Но все же были в Питере и две реальные могилы иосифлянских исповедников: могила протоиерея Феодора Андреева³⁶⁸ на братском кладбище Александро-

³⁶⁶ Впрочем, они остаются неизвестны и до сих пор.

³⁶⁷ Чекисты это чувствовали, только придавали этому чисто политический характер. В «Обвинительном заключении» по первому групповому делу иосифлян 1929–1930 годов храм именовался «резиденцией центра» организации иосифлян, который руководители организации символизировали как «Воскресение монархии на крови». В качестве иллюстрации была помещена фотография обнаруженной в храме при обыске «контрреволюционной» картины, «тайно сохраняемой и скрытой от гражданских властей, как священная реликвия, а именно, большой картины “Освящение храма в присутствии царя Николая II”».

³⁶⁸ Феодор Константинович Андреев, родился в 1897 в Санкт-Петербурге, в купеческой семье. В 1905 окончил реальное училище, затем три курса Института гражданских инженеров, в 1909 оставил его и окончил экстерном Московскую духовную семинарию, в 1913 — Московскую духовную академию. Оставлен там доцентом на кафедре систематической философии и логики. После революции принял решение посвятить себя церкви, занимался преподавательской и просветительской деятельностью в Петрограде. В 1922 принял священный сан, служил в Казанском соборе, за-

Невской лавры и могила монахини Марии Гатчинской на Смоленском.

Протоиерей Феодор — замечательный пастырь и блестящий богослов, был ближайшим помощником архиепископа Димитрия (Любимова) и одним из инициаторов протестного движения против политики митрополита Сергия. Недаром чекисты называли его «идеологом иосифлянства». С детства страдавший от порока сердца, отец Феодор после освобождения из тюрьмы умер в мае 1929 года³⁶⁹. Его похороны собрали огромные толпы народа, пришедшего проститься с усопшим, — это было, вероятно, последнее столь многолюдное православное погребение.

«Об отце Феодоре Андрееве одна бабушка, которая ходила к нему еще в церковь Сергия Радонежского на Литейном, вспоминала: “Какой был батюшка! Проповедник какой, как св. Иоанн Златоуст!” На кладбище его гроб несли на руках. Потом в его могилу была зарыта земля с заочного отпевания архиепископа Димитрия Гдовского».

Умершую в тюрьме матушку Марию Гатчинскую³⁷⁰, также весьма почитаемую верующими, хоронили в ап-

тем — в Сергиевском всей Артиллерии. В 1927 возведен в сан протоиерея, с 1927 по 1929 состоял в клире собора Воскресения Христова.

³⁶⁹ Скончался от эндокардита, осложнившегося воспалением легких.

³⁷⁰ Монахиня Мария, в миру Лидия Александровна Лелянова, родилась в 1874 в Санкт-Петербурге, в известной купеческой семье. В шестнадцать лет перенесла энцефалит, последствием которого стала болезнь Паркинсона, и к 1912 была полностью обездвижена. Переносила с кротостью и смирением тяжелый недуг, через молитву и самоуглубление приобрела высокие духовные дары. В 1922 приняла монашеский постриг с именем Мария. Имела великий дар утешения скорбящих, к ней в Гатчину за духовным советом приходили и приезжали не только из Петербурга, но и из других городов и сел страны от крестьян до архиереев. В 1927 не приняла Декларации митрополита Сергия, была единомышленна с иосифлянами. В феврале 1932 арестована. По свидетельству

реле 1932 года уже тихо, «без особой огласки». Только на этом условии тело усопшей страдальницы выдали из тюремной больницы ее двоюродной сестре и позволили похоронить. Однако могилка матушки Марии на Смоленском кладбище сразу же стала местом поклонения и всегда посещалась богомольцами.

«Я, когда в Питер приехала, слыхала о матушке Марии, но к ней не успела съездить. Я приехала в январе 1932, а ее уже вскоре арестовали, в апреле она умерла. И мы на ее могилку ходили, на Смоленском кладбище молились у блаженной Ксении и потом обязательно шли к ее могиле.

Часовня блаженной Ксении до войны была открыта, и в ней панихиды служили. Потом закрыли, обнесли даже забором, досками, якобы там какая-то мастерская. Ничего там не было, все было запущено. Но мы продолжали ходить, вокруг досок ходили. Народ там бывал постоянно, и даже ночью из Финляндии приезжали. Молились снаружи, каждый о своем. Записки мы, конечно, не писали, это все студенты, всю жизнь пихают записки. А мы просто молились...»

Св. праведный Иоанн Кронштадтский

Задолго до официального прославления иосифляне почитали как св. блаженную Ксению, так и св. праведного Иоанна Кронштадтского.

«Почитали Иоанна Кронштадтского святым. Все время ездили на Карповку, там какое-то предприятие было. Молились, как могли, ходили вокруг и знали окошечко, вто-

очевидцев, двое чекистов бесцеремонно волокли обездвиженную матушку по полу, несмотря на ее крики (в последние годы малейшее прикосновение вызывало у страдальцы невероятные боли). Была брошена в промерзший кузов и увезена в ДПЗ на Шпалерку. 17 апреля 1932 скончалась в тюремной больнице.

рое или третье от входа, там, где его гробница. Крестик там был, как бы углублен, под окошечком, тут и прикладывались. Крестились и прикладывались к нему, не боялись».

Портреты или фотографии отца Иоанна верующие держали в своих молитвенных уголках рядом с иконами и постоянно к нему обращались в молитвах. А когда получили известие о том, что состоялось прославление «батюшки дорогого», как они всегда его ласково называли, радости их не было предела...

Прославление св. праведного Иоанна Кронштадтского состоялось в октябре 1964 года в Нью-Йорке в Синодальном Соборе Русской Зарубежной Церкви. Это было великое торжество, при участии двух митрополитов, Блаженнейшего Анастасия (Грибановского), почетного председателя Архиерейского Собора, его преемника, митрополита Филарета (Вознесенского), и целого сонма духовенства. Этому великому церковному событию в жизни зарубежья предшествовало напряженное десятилетнее ожидание и подготовка.

Инициатором прославления св. праведного Иоанна Кронштадтского выступил граф А. А. Соллогуб еще в 1950 году. С благословения архиепископа Виталия (Максименко) он написал прошение на имя Архиерейского Собора РПЦЗ, которое владыка Виталий представил на Соборе. Призывая архиереев канонизировать праведного Иоанна Кронштадтского, известного и при жизни Великого Угодника Божия и Чудотворца и по смерти прославившегося тысячами чудес, совершающихся по молитвам к нему, граф А. А. Соллогуб умолял архиереев не медлить и не откладывать³⁷¹:

³⁷¹ Он справедливо указывал на невозможность решения этого вопроса Поместным Собором, который многие надеялись собрать после падения безбожной власти. Так как, во-первых, гонения нарастали и падения безбожной власти не предвиделось, а во-вторых,

«Прославление св. Иоанна необходимо как великое духовное укрепление страждущего русского народа. Русский народ и в России, и в рассеянии устал и изнемог до крайности. Канонизация великого праведника, так почитаемого всеми, явится поддержкой в дни этих тяжелых непосильных переживаний и гонений, даст силу и послужит символом освобождения Православной Церкви и России от безбожных гонителей.

Быстро разнесется весть о прославлении о. Иоанна Кронштадтского по всем уголкам подъяремной России. Забитый, несчастный люд увидит в этом символ своего спасения, символ воскресения Руси, восстановления Русской Православной Церкви, а одновременно и силу Ея свободной части за границей. Это подкрепит, поддержит русский народ по молитвам о. Иоанна с верою претерпеть до конца и достойно затем встретить избавление от безбожного ига»³⁷².

Так и было. Единственно, что весть разнеслась отнюдь не быстро, только в начале или даже в середине 1970-х годов питерцы узнали о прославлении, а текст службы святому получили через внучку одной иосифлянки, Дарьи Савельевны Саковой³⁷³. Та вышла замуж за семинариста, и какой-то его знакомый привез из Америки службу и акафист св. праведному Иоанну Кронштадтскому. Эту службу сразу размножили, кто переписывал, кто перепечатал на машинке.

«Вот по ней служили всегда. В день кончины батюшки 20 декабря и в день его ангела 19 октября (по старому стилю)³⁷⁴.

«если даже Господь поможет избавиться от безбожной власти, то неизвестно, в каких условиях, после испытанных гонений и мучений, окажется наша Православная Церковь».

³⁷² Русская Православная Церковь За границей. 1918–1968. Т. 1. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 376.

³⁷³ О ней подробнее в воспоминаниях В. Ф. Сазионовой.

³⁷⁴ Текст службы отдельной брошюрой был издан в 1963 году графом А. А. Соллогубом вместе с акафистом св. прав. Иоанну по изданию И. К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский», 2 т. Белград,

А в день кончины батюшки, 2 января по новому стилю, на Карповке народу было всегда полно. Не разгоняли... Там еще был дубок, им посаженный, — это в самом конце, за церковью, около речки. Люди все от него отщипывали...

Одно время кто-то пустил слух, что мощи отца Иоанна на Богословском кладбище зарыли, — стали туда ходить. Но потом узнали, что ничего подобного нет. Всякое бывало, кому-то что-то приснилось, и пошел слух. Сказали местечко, мы ходили — был крест, но без надписи. И вот как-то приходим — все, никакой могилы, ни креста! Все снесено до основания. Это до 1970 года было».

О св. мощах праведного Иоанна Кронштадтского иосифляне не имели точных сведений. В гробнице ли его святые мощи или нет? Одна из иосифлянок, Екатерина Николаевна Розанова (инокиня Пантелеймона) рассказывала, что еще до войны как-то ее сосед по квартире, милиционер, пришел и сказал на кухне: «Сегодня страшное дело сделали. Ночью увезли мощи Иоанна Кронштадтского и в воду опустили где-то». Ничего более он не сказал, и в дальнейшем никаких подробностей узнать не удалось.

Могила инока Владимира

По милости Божией, словно в утешение иосифлянам и всем верующим, были открыты св. мощи нового петроградского святого, блаженного инока Влади-

1938–1941. Служба была составлена одним известным епископом-исповедником Русской Церкви в 1933 году ко дню 25-летия со дня кончины отца Иоанна и была доставлена из России в Нарву (Эстония), где ее впервые и напечатали отдельной брошюрой в 1938 году в книгоиздательстве «За Церковь». Акафист был составлен иеросхимонахом Пахомием из Вознесенской келлии на Афоне. Акафист без изменения, а служба лишь немного дополненная были взяты для прославления и с тех пор совершались повсеместно в РПЦЗ в дни памяти святого.

мира, могилка которого на Богословском кладбище также стала местом их постоянного паломничества.

Инок Владимир, в миру Владимир Алексеевич Алексеев, родился в 1862 году в Луге в обеспеченной семье. С двадцати лет паломничал по святым местам в России, на Святой Земле, в 1903 году принял монашеский постриг в Важеозерской обители. После закрытия обители в 1919 году вновь странствовал, посещал своих духовных чад. Скончался 8 февраля 1927 года. Похоронили его на Спасо-Преображенском кладбище в районе Шемиловки. Он предсказал свою кончину и на вопрос духовных чад: «А как же мы?» — ответил: «Будете приходить ко мне на могилку». Стали ходить, молиться, как при жизни получать духовное утешение и ответы на свои вопросы.

Разные случаи из жизни инока стали записывать, позднее было составлено житие, которое потом ходило по рукам среди иосифлян и питерских верующих. Составил его Владимир Владимирович Орловский, внук Марии Андреевны Николаевой, давней почитательницы инока Владимира, рождение его, кстати, было предсказано в свое время иноком Владимиром.

«Инок Владимир в 1926 году предсказал, что через десять лет у них сын родится, назовут Владимиром, а потом начнется страшная война.

Житие инока-то у меня тоже было перепечатанное на машинке, попало ко мне от одной приятельницы. А узнали об иноке от отца Бориса Николаевского, он был дружен с ним, когда еще служил в Парголово. У инока много было почитателей, а особенно одна семья, у которых он жил. Они всегда молились и его спрашивали. Панихидку пропоют, записочки на могилку положат и потом начинают вытаскивать. Так было, когда дочке предложение сделал кавалер. Они поехали, вытаскивают записочку — нет, не выходить замуж. Второй раз помолилась, опять — нет. Третий. Так отказали... А потом другому сразу выпало — выходи, и второй раз — выходи. Так они всегда во всем обращались к успешному иноку».

Речь идет именно о семье Николаевых, а в данном случае о младшей дочери упомянутой Марии Андреевны, Александре. Этот случай, наряду со многими другими, подробно описан в изданной в 2007 году небольшой книжечке с жизнеописанием блаженного инока Владимира³⁷⁵. Там же описан случай с внучкой Марии Андреевны, Евгенией. В 1944 году, когда война уже шла к концу, ей предстояло решить, куда пойти учиться, — выбор был между стоматологическим институтом и педагогическим. По обыкновению они поехали на могилку к инок, зажгли лампадку, положили две записочки, на коленях прочитали все молитвы, какие только знали. Выпал стоматологический, однако как-то девушке совсем туда не хотелось, впрочем и в педагоги она тоже не стремилась. В это время к ним пришла Екатерина Николаевна Розанова, давно дружившая с Марией Андреевной, она и предложила отправить Евгению учиться в биологический, где истопницей в котельной работала ее знакомая, филолог-«англичанка».

«Сразу несколько “за” перевесили только что выпавший жребий. Во-первых, стоматологический находился на опасной при артобстрелах стороне Невского, а они продолжались после снятия блокады; во-вторых, учеба в Биологическом институте предусматривала полевые работы, что, как надеялись родители, укрепит здоровье Жени. И девушка избрала профессию биолога... Но не одно десятилетие ее преследовала мысль о том, что таким образом она не исполнила слово инока Владимира.

Правда, сожаление уравновешивалось чувством правильного выбора, подтвержденного итогами многолетнего труда. В 2005 году Евгении Владимировне исполнилось семьдесят лет, из них пятьдесят пять были отданы микро-

³⁷⁵ Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца. — СПб.; М.: Общество памяти игуменьи Таисии в Санкт-Петербурге и издательство «Русский Хронограф», 2007.

биологии. За это время она не только защитила диссертацию, но и совершила ряд открытий, разработала методики, оказавшие существенное влияние на состояние науки, сельскохозяйственной практики, садоводства, лесного хозяйства во всем мире. И все это — без Воли Божией?

Конечно, нет, — “у вас и волосы на голове все сочтены” (Лк. 12, 7). Значит, был Промысел в отказе от жребия на могиле инока Владимира. И только теперь, спустя шестьдесят лет, стало ей понятно, что слово его она не нарушила, а... исполнила. Поставив себя в условия ограниченного выбора, ни мама, ни дочка в ту минуту не подумали, что Промысел Божий всегда шире наших представлений о благе и богаче наших желаний. Не мог инок Владимир им крикнуть из могилы: “Что вы делаете?! Напишите хотя бы еще одну записку, с Биологическим институтом”. Вместо этого он послал Екатерину Николаевну к Марии Андреевне с предложением поступать Евгении туда. Окончательно утвердилась Евгения Владимировна в этой мысли после того, как вспомнила, что “англичанка” тоже была почитательницей инока Владимира.

На ту же чашу весов опустился и другой аргумент. Как выяснилось позднее, Екатерина Николаевна была тайной монахиней, довелось ей пострадать за Христа: не раз была арестована и отбывала срок в местах лишения свободы. Впрочем, свобода для христиан в советской России все равно оставалась условной, и монашество свое она хранила в тайне, поэтому мало кто знал другое ее имя. Будучи врачом в миру, она и в постриге звалась Пантелеймоной, так что инокиня Пантелеймона сохраняла более тесную молитвенную связь с блаженным иноком Владимиром и была проводником Воли Божией³⁷⁶.

Инокиня Пантелеймона, в миру Екатерина Николаевна Розанова³⁷⁷ — замечательная питерская испо-

³⁷⁶ Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца. С. 80–82.

³⁷⁷ Родилась в 1901 в Царицыне, в семье врача. Закончила гимназию, с 1918 работала медсестрой. Окончила Первый медицинский институт, работала врачом в больницах Ленинграда. В 1935 приняла тайный монашеский постриг. Ваграждена медалями «За

ведница. Врач по профессии и тайная инокиня, на протяжении десятилетий она лечила людей, занимая порой ответственные должности в медицинских учреждениях, и в то же время хранила иноческие обеты, неукоснительно исполняла молитвенное правило, посещала тайные богослужения и бесстрашно исповедовала свою веру. Когда в 1951 году Екатерина Николаевна была арестована по обвинению «в антисоветской агитации и пропаганде», ей среди прочего вменяли «вовлечение в организацию новых членов, хранение церковных рукописей и антисоветской литературы». Вместе со своим духовником иеромонахом Тихоном (Зориним) и еще двумя монахинями Екатерина Николаевна была приговорена к 25 годам концлагеря³⁷⁸. Промыслом Божиим именно этой самоотверженной женщине, а через нее и всем питерским верующим было уготовано обрести нетленные мощи нового питерского святого, инока Владимира. В 1945 году, когда пошел слух, что Преображенское кладбище будет закрыто, почитатели инока решили перезахоронить его останки, и Екатерина Николаевна получила на это разрешение, назвавшись родственницей инока. Перезахоронение происходило в октябре 1945 года.

«День выдался холодный, ветреный, и многие замерзли, наблюдая за работой могильщиков. Большинство не дотерпели до конца, побежали греться, и у открытой могилы кроме могильщиков остались только четверо: Мария Андреевна Николаева с дочерью Ольгой и сыном Борисом и Екатерина Николаевна Розанова. Они-то и были свидетелями того, как крышка гроба, с трудом извлеченного, сдвинулась и открыла им нетленные мощи инока. Сохранились даже ряса и покрывало. Естественно, в документах

оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После войны жила в Латвии, в 1948 вернулась в Ленинград, работала заведующей отделением детской больницы им. Филатова.

³⁷⁸ Об этом подробнее ниже, в воспоминаниях В. Ф. Сазоновой.

того времени этот факт не мог быть отражен даже косвенно — все присутствующие это понимали. “Товарищу Розановой”, как врачу, было предложено подписать акт о “перезахоронении Алексева В. А.”³⁷⁹.

Перезахоронили св. мощи инока Владимира на Богословском кладбище, и от Екатерины Николаевны все иосифляне узнали о нетленности его св. мощей. Лидия Павловна вспоминала:

«Мы к нему часто ходили. Недалеко от могилки моих, мои на Смоленской дорожке (мама, папа, сестра, брат), а его могилка — нужно идти по Канавной почти до конца, потом вправо. И там большой красивый крест деревянный. Там так хорошо — свечечки зажжешь, помолишься. Так хорошо всегда на сердце... И с такой легкой душой уходишь...»

³⁷⁹ Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца. С. 77–78.

ГЛАВА II

Из воспоминаний Веры Федоровны Сазоновой

Родилась Вера Федоровна в 1928 году в деревне Ожогоино Волосовского района Петербургской губернии³⁸⁰, в крестьянской семье. Отец, Федор Ильич Харламов³⁸¹, был арестован в 1938 году, по обвинению «в антисоветской агитации» приговорен к восьми годам концлагеря и отправлен в лагерь. В конце войны его освободили из лагеря и отправили на фронт. О дальнейшей его судьбе до сих пор неизвестно. Мать, Анна Михайловна³⁸², после ареста мужа осталась с пятью малолетними детьми (лишь старшая дочь была уже замужем). Они пережили страшную нужду и

³⁸⁰ Конечно, этой губернии уже давно не существовало, но Вера Федоровна и в прежние-то время неизменно произносила «Петербург», «Петроград», «Питер», «питерский», так и теперь довелось от нее услышать строгий выговор за произнесение названия улицы или метро «Ленинский проспект». «Лидия Евгеньевна! — негодующе сказала она. — Чтобы я этого больше не слышала! «Проспект героев!»»

³⁸¹ Он родился в 1892 году.

³⁸² Она родилась в 1893 году.

унижения, немецкую оккупацию и принудительные работы в Эстонии и Германии, затем возвращение к родному пепелищу и голодные послевоенные годы. Но наряду с этими трудностями и скорбями в эти неимоверно тяжелые годы Господь послал им великое духовное утешение. Обо всем этом подробно и ярко рассказывает сама Вера Федоровна. Ее воспоминания приводятся ниже полностью, необходимые комментарии даны в сносках.

Отец Георгий

Церковь была в трех километрах от нашей деревни, в селе Волгово. Меня там крестил иеромонах Иоанна. Он был иосифлянин, недолго прослужил, вскоре заболел и умер в Питере. Похоронен на Серафимовском кладбище. Я ухаживаю за его могилкой. Потом прислали к нам отца Георгия, вероятно, в 1929 или весной 1930. Моего младшего брата в 1930 году уже он крестил. Служил он до 1935 года.

Отец Георгий был исключительный. Он знал отца Иоанна Кронштадтского, еще когда служил в Питере. Не зря одна бесноватая из нашей деревни кричала: «Отросток Иоанна Кронштадтского». Страшно было, как она билась! Не управиться было мужчинам, все разлетались от нее. Как начнет кричать, когда батюшка выйдет с крестом или с Чашей: «Горю, горю! Страшно!» Отец Георгий раньше еще служил и на островке под Новгородом. Там было огромное болото — конца нет, утонешь. Озеро, островок, неподалеку еще монастырь Преп. Евфимия. Батюшка отец Иоанн там бывал у отца Георгия и на лодочке катался³⁸³.

³⁸³ Вера Федоровна, к сожалению, не помнит точного местоположения этого островка, она бывала там в середине 1950-х. Возможно, это было неподалеку от Вяжищского Николаевского монастыря,

Отец Георгий не был монахом, но мяса не ел. Наварит картошки с луком и лавровым листом, это ему и первое, и второе. Первую неделю Великого поста до четверга ничего не вкушал, в Страстную седмицу тоже. Но служил, и как служил! Недаром «отросток отца Иоанна!»

Поселился он в бане, первый домик при входе в нашу деревню. Там сад был, яблонь много. Бывало, бегаем с ребятами по улице, его увидим: «Батюшка, благословите». А он благословит и зовет: «Идемте со мной». Идем. Он заберется на крышу, наберет яблочек: «Ну, держите подолишки». Набросает нам яблочек: «Идите, гуляйте». А еще грибами всех наделял. Помню, заходит он к нам в избу в рясе черной с широкими рукавами. Я тогда испугалась, маленькая была еще, и под кровать забилась. Он подает маме банку (такие были старинные, сверху покрывались пергаментом). Мама ему: «Батюшка, у нас и так много грибов». Действительно, она такие бочки солила, но не мариновала. А он сам собирал рыжечки и ма-

который находился в двенадцати верстах от Новгорода, в очень болотистом месте. Монастырь могли называть Евфимиевским по имени архиепископа новгородского Евфимия II. Он много сделал для благоустройства обители, и его св. мощи почивали в одном из храмов монастыря. Правда, до революции этот монастырь был мужским, а Вера Федоровна рассказывала, что на острове после революции поселились монахини закрытого монастыря: «Они сделали себе дорожку через болота из длинных палок и потихонечку туда пробирались. Много в руки не возьмешь, а то провалишься. В одном домике там были наши старушки-иосифлянки, они окормлялись у отца Тихона, а в другом старушки, которые в церковь ходили. С этого островка хотели этих старушек вывезти и немцы, и Советы. Но лошади вязли и тонули, и их оставили в покое. Были там матушки Елена, Агафья и Анисия, продукты им передавала Клавдия, она жила на полустанке. Кто приезжал и привозил, у нее оставлял, и она потихонечку переносила на островок. Пока были в силах, ездили к отцу Тихону. Называли этот островок “земля обетованная”. Комаров уйма, спать невозможно. Летом на дворе готовили, отгоняли комаров дымом».

риновал. «Анна Михайловна, а таких у вас нет». Благословил... Так мне в память это врезалось, вижу его. Это, наверное, самое первое воспоминание о нем, как сейчас его ясно вижу...

Все его очень любили и почитали. Купят ему сапоги, а он поедет в Питер — возвращается босой. «Ну, батюшка опять кого-то прибул». Опять ему купят... А был такой случай, крестная рассказывала. Шел отец Георгий по-за ригам (за огородами), повернул к моей крестной, а там матушка Мария картошку копат. У нее спина очень болела, вот она все ёжилась. Батюшка подходит потихоньку и как оттянет ее своей тросточкой. Она как закричит! А он: «Что ты ёжишься, давай копай!» Она выпрямилась, и все — спина перестала болеть!

Когда отец Георгий к нам только прибыл, увидел — деревушка маленькая. «Я тут не просуществую». А дядя Александр Ильич, папин брат, говорит ему: «Батюшка, да я один Вас прокормлю, только оставайтесь ради Бога». Дядя был старостой в церкви, помню, всегда, когда причащались, он стоял в церкви и плат держал у Чаши. Любила я его... Он был постарше папы, их одиннадцать детей в семье было, братьев и сестер Харламовых, а еще и двоюродные. И папа в семье был младшим, а самый старший — дядя Вася. Помню, каждый вечер к нам приходил, и мы играли: кучу спичек высыпает на стол, и нужно осторожно вынимать. Если пошевелятся, то щелчки по лбу получали³⁸⁴.

Однажды дядя Александр нагрузил воз сена и хотел везти в другую деревню к своей сестре, а отец Георгий остановил его:

- Саня, ты куда?
- Повезу сено Володе (мужу сестры).
- А у Федора сена хватит корове?

³⁸⁴ Игра в бирюльки.

— Да они любят на широкую ногу.

— Вот поворачивай лошадь и вези к Федору. У него шесть человек детей. А у Володи одна дочь.

Убедил. Дядя привез сено нам, сгрузил.

В 1935 году дядю Александра арестовали вместе с отцом Георгием прямо в церкви. Дядя просил свою дочь Дуню, мою крестную³⁸⁵: «Скажи Федору, что ему тюрьмы не миновать». А отец мой: «Дуня, верой и правдой живи, вовек в тюрьму не попадешь». Она обиделась: «А что, наш папа не так жил? Он как раз верой и правдой жил». Умер Александр Ильич в тюрьме на Шпалерной — чудом похоронили его. Родные стали просить сторожа и за деньги договорились, чтобы он отдал им тело. Тот спросил:

— Как же я его найду?

— Он с крестом.

— С крестом здесь много.

— Опухший.

— Опухших тоже много.

Ну, уж они расписывали-расписывали, он и нашел... И как-то сумели даже сфотографировать, в тюрьме что ли подкупили, то ли как. Ночью так и везли на катафалке на кладбище, похоронили в Обухово, так что могила сохранилась.

Забирали их с отцом Георгием прямо во время службы. И всех, кто был в церкви, тоже, и даже тех, кто шел еще на службу, прямо на дороге хватали. Отцу Георгию дали восемь лет. Помню, как пришла крестная, рассказывала, и все плакали. Когда его вели, он их увидел и показал пальцем вверх. Они поняли и в бане, где он прежде жил, под крышей в соломе нашли пачку писем, говорили потом, что там было много писем от митрополита Иосифа. Отец Георгий его знал и переписывался с ним через доверенных людей.

³⁸⁵ Евдокия Александровна Харламова, двоюродная сестра и крестная Веры Федоровны, дочь Александра Ильича (1910–1990).

Конечно, они побоялись это хранить и все сожгли, кроме одного письма, его потом переписывали³⁸⁶.

А о кончине отца Георгия рассказывали вот что. В ссылке (или в лагере) он стерег лошадей. Замерзал, одежда на нем вся обветшала. И вот, чтобы немножко согреться, начал вот так бегать, а охрана подумала, что он убегает, и спустила собак. Собаки его разорвали. Еще св. Иоанн Кронштадтский ему предсказывал: «Положишь головушку в кустах». А он: «Батюшка, только бы за Христа!» — «Это без сомнения...»

У крестной от отца Георгия осталась палица св. Иоанна Кронштадтского и четки митрополита Иосифа³⁸⁷.

Одни

После отца Георгия церковь закрыли. И все... Ни вере, ни молитвам никто нас не учил, только перед едой крестились. Папа читал «Отче наш», но мы никто не умели... Потом, когда пришли немцы, кто-то пустил слух, что паспорт дадут только тому, кто выучит «Отче наш». Тут сразу все забегали...

Но хотя мало что знали, и некому было наставлять, но безбожие и все его организации не принимали твердо. В школу я пошла, и вот к нам в класс как-то приходят: «Кто желает в пионеры?» А я с подружкой, две дурочки: «Я желаю, я желаю!» Сидели на первой парте и просто шепотом сказали, — нас и записали. Мы потом в слезы, а они — «ваше слово». Мы пришли домой. Подружку тетя Шура домой не пускает, а меня мама гонит: «Вон отсюда. Ты теперь

³⁸⁶ Текст этого письма опубликован в книге «Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды». Сост. Сахаров М. С., Сикорская Л. Е. — СПб., 2006. С. 202–203.

³⁸⁷ В начале 1990-х Вера Федоровна передала их священнику РПЦЗ, отцу Алексею Макринову.

не наша. Иди в свои пионеры». Мы реветь, а матери нам: «Идите выписывайтесь. Пока не выпишетесь, порог не переступите». Я иду к подружке, а она уже ко мне бежит³⁸⁸. Но нас ни в какую не выписывают, тут уже бабки все вступились: «Да что вы мучаете девчонки?! Их же не пустят домой матери! И Шура не пустит, и Нюся. Ну, пошутили, пошутили. Не пустят, будут ночевать на улице». Потом мы радостные бежим, кричим на всю деревню: «Мы не октябрята, мы не пионеры».

Папа в колхоз сначала тоже не соглашался вступать. К нему пришли, а он не соглашается, ни в какую. Они говорят: «Вот мы сейчас выходим. Подрезаем вам землю у самого дома, никакой земли вы не увидите». Папа твердо: «Не имеете права». — «Как это мы не имеем? Имеем. Все имеем: и в тюрьму посадить, и все, что угодно». Мама плакать: «Федя, соглашайся. Ну что, будем умирать с голоду?» Он и пошел, избрали его председателем. Осенью собрали урожай, и он всех наделил щедро, от старого до малого, да и обул всех, купил резиновую обувь — ведь как дожди, у нас грязь невозможная. И накладки всем купил, чтобы в поле не мокли. Все шло хорошо, еще и государству хватило.

А в соседней деревне Котино колхоз провалился в яму. Там был счетоводом папин друг Емельян, коммунист, ему стало завидно. Он и решил на папу наговорить — будто ехали они в санях и папа сказал, что «папанинцев» встречали с букетами, а с нас — три шкуры драли. А папа этого не говорил. И еще сказал, что папа был в Белой армии и имеет оружие.

Приехал «черный ворон» в ночь на 5 ноября 1938 года. Пошли с обыском: и на чердак, и в подпол, везде. Забрали папу. Я сквозь сон слышу, как папа говорит: «Нюша, закрой за мной двери». Он еще разре-

³⁸⁸ Она жила в соседней деревне Котино.

шения спросил: «Можно с женой попрощаться?» Попрощался. Я уснула, потом просыпаюсь, Оля встала, спрашивает: «Мама, что ты плачешь?» Она: «Папу забрали». Тут я вылетаю с печки, и мы вместе ходим по избе и плачем, мама с полотенцем, слезы вытирает. Вот так увезли его...

В Волосове устраивали очную ставку. Емельян взял в свидетели комсомолку, чтобы подтвердить, что папа говорил такие слова. Про оружие, правда, не вспоминали, не нашли. Комсомолка сначала говорит: «Дядя Емеля, дядя Федя так не говорил». Вышли в коридор, Емеля ей пригрозил: «Если так будешь говорить, его выпустят, а нам с тобой дадут по десять лет». После этого она стоит, голову опустила, нервничает, кисти платка перебирает, сама потная, мокрая, и произносит: «Дядя Федя, ты так говорил». Увезли папу в Кресты. Там он был несколько месяцев. Его колотушкой били по голове, требовали: «Подписывай, и все». Он долго не соглашался. Мама ездила на свидания, редко, но давали, и он маме сказал: «Нюша, я согласился. Подписал. А то дураком оставят, по голове все колотят». Дали ему восемь лет по пятьдесят восьмой статье. А ведь все семь человек, которые ехали с ним в санях, все написали, что он ничего не говорил. Писали еще, какой он человек, что поднял колхоз на ноги, что такой председатель, каких уж нет. Все подписались, но вера была коммунисту и комсомолке.

Письма папе мы постоянно писали, от него тоже приходили, но редко. Когда война началась, он просился на фронт, писал Ворошилову, что хороший снайпер. Не брали, только под самый конец войны... Один рассказывал, что взяли в последний бой, как бы рукопашный, и из всей роты в живых осталось всего четыре человека. А другой рассказывал, что после войны папу видели, он якобы пришел с войны и зашел в сельсовет. А там сидел Емельян, который его посадил, тот и сказал папе: «Тебе здесь нельзя, не

пропишут. Пойдем со мной в Волосово». И ушли... А когда рассказчика спросили, что дальше, последовал ответ: «Военная тайна». Или они его убили, или Емельян ему сказал, скрывайся... Не знаем... Так и не знаем, где его косточки... Отец Тихон потом отпевал папу заочно...

Отец Тихон

Иеромонах Тихон, в миру Василий Никандрович Зорин. Где родился и еще чего о нем, не знаю³⁸⁹, знаю только, что его к нам в войну привезли, и с тех пор до самой его смерти в 1976 году мы были с ним. Когда война началась, он скрывался в Володарке и там служил³⁹⁰. Весной 1942 года послал Анну Филиппову: «Иди в деревню Ожогоино, узнай, живы ли дочери Александра Ильича». Отец Тихон хорошо знал дядюшку, когда отец Георгий у нас был, он к нему приезжал и они служили вместе в церкви. И вот эта Анна Филиппова приходит, нашла крестную и Маню³⁹¹. Они-то в городе работали, но летом крестная Дуня приехала в отпуск к матери, тете Фене, и так с ней и осталась. А Маню послали окопы рыть, и когда немцы поперли, она тоже оказалась в деревне. Только Анна сказала им — они санки в руки и побежали³⁹². Трое саночек, их трое — привезли отца Тихона на саночках и Екатерину Шаврову, его помощницу. Она

³⁸⁹ См. о нем выше — в Части II.

³⁹⁰ В доме Феодосии Тимофеевны Рудневой, позднее расстрелянной немцами по подозрению в укрывательстве партизан. Потом, с разрешения коменданта, в привокзальной часовне Всех Скорбящих Радосте (закрытый в 1932 году иосифлянский храм Преп. Андрея Критского открыть не разрешили).

³⁹¹ Мария Александровна Харламова, двоюродная сестра Веры Федоровны, родилась в 1905 году.

³⁹² От Ожогоино до Володарки не менее пятидесяти километров.

службу всю знала и пела хорошо раньше у отца Анатолия Согласнова в хоре церкви в Лесном. А перед войной ее Лигор³⁹³ сдал, и она три года отсидела. Потом, после освобождения, она нашла отца Тихона и помогала ему. Привезли с отцом Тихоном и всю утварь церковную, и даже плащаницу. Большая была, а какая!..

Отец Тихон поселился в доме у крестной и Мани. Они ему отвели комнатку поменьше, а сами жили в большой. Хорошо, что их дом сохранился! Половина-то деревни была сожжена в 1941, так и наш дом сгорел. Когда отступали наши, то подожгли, а мы все бежали в леса, прятались... И чего тогда старикам взбрело в голову прятаться от немцев в лесу? «Немцы придут, надо в лес!» Как будто они в лес не придут? Вырыли тогда землянку и сидели там. Но крестная оставалась в своем доме и сосед ее тоже, они-то и увидели, как солдаты сунули зажигалку и помчались прочь. Тогда они сразу схватили ведра и смогли затушить, потому-то сгорела только одна сторона деревни, а их сторона — нет.

Сначала отец Тихон служил прямо в доме, потом немцы уступили школу. Сделали там люди ремонт, принесли иконы, отец Тихон оборудовал церковь, сделал Престол и все, что нужно. Даже чугуночку сделали, чтобы угольки готовить для кадила. Окна там были и с одной, и с другой стороны, — свету хватало. Первая служба, помню, на Вербное воскресенье была. Потом Страстная неделя, вынос плащаницы — я как подошла, сразу залилась слезами. Господь как живой, только глазки закрыты. Я так плакала...

Прошла Страстная неделя, Пасха. Хорошо!.. Только звона не было. Так прошло несколько месяцев, потом позволили храм открыть в Клопицах. Там уж на-

³⁹³ Иеромонах Павел (Лигор) — о нем подробнее выше, в воспоминаниях Л. П. Семеновой.

стоящий храм, святых Апостолов Петра и Павла. Там и звон, и алтарь, и все... Отремонтировали и весь иконостас восстановили, верующие смогли сохранить все иконы, когда церковь закрывали, — так весь иконостас там и сделали. Неделю батюшка у нас служит, неделю — в Клопицах. Потом еще в Дятлицах открыли домовую церковь, и вот — неделю у нас, неделю в Клопицах, неделю в Дятлицах служил. А ту нашу церковь в Волгово, где отец Георгий служил, так и не открыли. Не нашлось людей, там ведь все больше жили финны, чухонцы. Когда ее закрыли, там был клуб, потом немцы ее заняли, настелили соломы на пол и спали там. Она цела до сих пор, но так и не ремонтируется...

Когда батюшка служил в церкви в Клопицах, мы ходили туда. Десять километров в любую вьюгу бегали на службу — а ведь не было ни валенок, ни сапог. Мы очень бедно жили, еще когда с папой, то он обувку нам сам делал из свиной кожи, такие «улиги» шил. А уж без папы нам совсем было тяжело, — когда беженцы ходили и меняли вещи, я помню, что свой кусочек хлеба, который мама отрезала на день, я выменивала на сандалики, потом на платице кашемировое. А сама суп или картошку уж без хлеба как-нибудь поем. И всю зиму бегала в резиновых ботинках, совсем дырявых, потом брат наклеил красных заплаток, нашел где-то камеру от колеса красную, вырезал и заклеил дырки.

Ходила в церковь по снегу, по сугробам, все равно ходила. Однажды такая вьюга была, а сестры двоюродные, Маня и крестная Дуня, шли обычно и стучали мне в окошко. Мама меня будила пораньше, чтобы я была уже одета, когда они постучат, чтобы сразу выскочить. Ну вот, в тот раз мама меня не разбудила, посмотрела, что делается на улице, как метет. Вьюга! В трубе печки такой вой стоял, как будто там хоронили кого-то. Они прошли, стукнули в окно, а я еще

в постели. Соскочила: «Мама, почему ты меня не разбудила?» Она мне: «Посмотри в окно, что делается!»

Сугробов намело чуть не до самого окна. А я маленькая была, это я после войны еще подросла, а так совсем маленькая, за партой в школе меня не видно было. Мама: «Куда ты пойдешь? Не смей одеваться, не смей! Тебе их не догнать. Они мчатся, как лошади, а тебя где-нибудь занесет, нам потом тебя не найти». И начала причитать: «Батюшка какие проповеди говорит! Ты что, не слышишь? Дети родителей должны слушаться, а ты что?» А я говорю: «Мама, если бы я на танцы от тебя бежала, а здесь я иду молиться. Я иду в церковь». Так ее еще упрекнула и помчалась. Полные ботики снега, в лицо мне дуло. Догнала их уже только у церкви в Клопицах — а ведь и лесом надо было бежать, десять километров. Ох! Какая была вера! Если бы у меня сейчас была такая вера, как тогда... Господи, я готова была сразу туда улететь, чтобы не видеть ничего земного!..

Следующая Пасха была в 1943 году. Страстная неделя... Я на всю неделю попала в церковь в Клопицах. Отец Тихон в сторожке церковной жил, там комната одна, а в прихожей комнатке доски положили — на них певчие и я ненадолго ложились спать после службы. Служба целый день... На столе — чугунок картошки и миска капусты, — это люди приносили молящимся. Так и сидели, с чугуна картошку брали руками, чистили, ели, так же и капусту брали руками — батюшке только отдельная тарелка и вилка. Потом Пасха... Я стояла на клиросе, читали, пели, а я еще не умела. Потом пошли крестным ходом, после него сестра Надежда через клирос протянула мне ватрушку: «Вера, ешь, а то ведь умрешь. Уже пропели Христос Воскресе». Я ей: «Иди ты со своей ватрушкой!..»

Я жила как на небе, когда батюшка служил... Каждый день, каждый вечер, когда он служил, смотрю,

когда какие поклоны делать и так далее. Помню, как во время литургии на «Херувимской» все на коленях — и на «Тебе поем»³⁹⁴. Мы ведь ничего не знали. До семи лет, пока отец Георгий служил, меня возили в церковь, причащали, а потом все... Отец Тихон еще воскресную школу организовал или курсы — там одна учительница и он сам занятия вели. Но она так учила, что я перестала ходить, а вот когда бабушка — другое дело...

Отец Тихон такой был молитвенник! Так служил, что сам весь в поту, и облачение насквозь мокрое было. Проповедь станет говорить, слезы без конца вытирает... Всегда проповедь скажет на службах — проповеди хорошие, особенно о св. Николае. Он ему так молился в тюрьме!..

А крестил сколько! Все же остались и некрещеные, и невенчаные, как забрали отца Георгия. Помню, такой был круг вокруг купели! Он еще крестил одного эстонца, тот женился на нашей родственнице. Сначала отец Тихон его на дому оглашал, помню, тот на коленях стоял, а бабушка ему все читала... Прежде чем крестить, он все вложил ему в душу, чтобы тот уверовал... И крестил в церкви, которая в школе была в нашей деревне: бочку большую там поставили, к ней как бы маленькие ступенечки, как лесенку; эстонец по ним забирался, раздевшись, в одних трусах; и бабушка его с головой окунала (детей-то крестил в купели).

Еще венчал одну эстонку, которую тоже сначала крестил, но перед крестинами он ее тоже наставлял... Ее мать-эстонка была недовольна, что крестили дочь, потом немцы расстреляли и ее, и мужа — у них партизаны были, а немцы за это сразу расстреливали.

³⁹⁴ «Так и у отца Тихона, а потом и у отца Михаила было... А вот сейчас этого нет, ни у кого из молодых бабюшек этого нет», — удивлялась Вера Федоровна, когда посещала службы в питерских приходах Русской Зарубежной Церкви в 1990-х.

Или если заметят, что комсомольцы или коммунисты, девушкам даже груди вырезали вместе с удостоверением³⁹⁵ в кармане, — я слышала об этом, сама-то не видела... В нашей деревне расстреляли у одного сына и дочь, а дочь вместе с Емельяном была свидетельницей против моего папы. Комсомолка, и брат ее тоже был комсомолец...

А еще такое случилось. Двое парнишек украли два мешка ржи — немцы заставляли нас жать для себя, а нам оставляли только колоски подбирать. И вот парнишки лет по пятнадцать-шестнадцать взяли эти мешки... Немцы им сразу — виселица! Уже приготовили в конце деревни виселицу, чурбаки поставили, всех собрали, поблизости еще одна деревня была, так собрали с обеих деревень. Все плачут, рыдают, — и дети, и взрослые. Тут подходит отец Тихон, на колени бросается перед немцами, руки к небу поднимает: «Побойтесь Бога! Побойтесь Бога!» За ноги их хватает, чуть ли не целует: «Побойтесь Бога!»...Все! Отпустили ребят, его молитвами. А так ведь, были бы повешены...

После войны, когда отца Тихона арестовали, допрашивали свекровь старшей сестры:

— Молилась с ним за немцев?

— Я за свои грехи молилась.

— Отец Тихон бандит.

— Сами вы бандиты. Он немцев на коленях молил, чтобы не вешали ребят, которые взяли с полей два мешка ржи.

На чужбине

5 октября 1943 года увезли нас немцы в телячьих вагонах, — меня, маму, старшую сестру Шуру с ребенком, младшую Надю и младшего брата Мишу. По-

³⁹⁵ Имеется в виду комсомольский билет.

сле нас через день или два увезли отца Тихона, Екатерину Степановну, крестную Дуню, Маню и Нину. Тетя Феня (Феодосия), мать крестной и Мани, уже умерла, как раз на Рождество в тот год. Помню, мы с Маней были на службе, отец Тихон тогда в Клопицах служил. Крестная оставалась дома с мамой, она сама только что тиф перенесла. После службы Маня звала меня к ним разговляться, я сказала ей, что разговюсь с мамой, а потом приду к ним. Подхожу, слышу там крик, плач. Вхожу, а Маня мне: «Беги за тетей Фимой, надо отходную читать». Побежала я в соседнюю деревню Котино, а когда пришли мы, тетя Феня уже преставилась.

Крестная говорила, что с утра тетя Феня собралась читать акафист иконе Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте», — она каждое утро его читала. Крестная ей: «Мама, но ведь Рождество Христово, и ты плохо себя чувствуешь. Ляг ты, ляг». А тетя Феня: «Если не прочитаю, меня Царица Небесная не встретит». Прочитала весь акафист, дождалась Маню со службы, разговелась, съела щей со сметанкой, ватрушечку, чашечку кофе³⁹⁶ выпила, и все... Улетела... Послали за отцом Тихоном в Клопицы.

Еще, когда умирала, сказала крестной: «Нину вы никуда не отправляйте, держите у себя, она вам пригодится». Нина была сиротой и жила у них: маму ее забрали вместе с отцом Георгием в 1935 году, и через три дня она в тюрьме умерла. Монахиня Павла из Кикеринского монастыря, в миру Нина Александровна Алексеева, в монастырь ушла после смерти мужа, и малышка Нина с ней жила, с четырех лет там была. Вспоминала потом, как играла там с молодыми послушницами в пятнашки. Как-то владыка Димитрий приехал, она и с ним играть, за рясу его тянет: «Вла-

³⁹⁶ Как рассказывала Вера Федоровна, «кофе» делали из овса, ржи и корней цикория: промывали их, нарезали, прожаривали в печке на листах до черноты и потом мололи.

дыка, ты пятна!» Когда маму в тюрьму забрали, Нина осталась с бабушкой в Клопицах. Во время войны бабушка умерла, и Нина пришла к моим сестрам. Она всю службу знала, вела, все читала.

Вот повезли их всех в Латвию, а нас высадили в Эстонии — это нам в наказание устроил дядя Абрам. Он еще при отце Георгии был помощником в церкви, его не арестовали, он сумел убежать и потом постоянно прятался. Все о нем знали, но молчали... А когда немцы пришли, он вышел: «Ну, теперь я вам покажу». За что? Что мы тебя скрывали? Ведь обе деревни знали, что ты здесь... Правда, он все-таки ничего не сделал, но когда пошли беженцы с Володарки и Стрельны менять свои вещички на хлебушек и картошку, он как полицейский ходил по домам, проверял и выгонял беженцев на улицу... А зима, 41 градус мороза...

Идет, стучит к нам, сестра старшая³⁹⁷ выходит, спрашивает:

— Кто?

— Я! Проверять.

— Иди в своей избе проверяй. У тебя там полно напущено за золотые перстни и за сигареты. Иди у себя выгони.

— Сейчас стекла буду бить.

— А у меня топор в руках — голова твоя будет пополам. Пусть меня немцы расстреляют, но и тебя не будет.

Уходит... И вот за это он нас высадил в Эстонии в лагерь, а всех остальных, и батюшку с крестной и другими, повезли в Латвию. Мы позднее разыскали друг друга через газеты и стали переписываться.

Как-то в лагере девушки прибежали: «Вера, пойдём на танцы». Я им: «Вы что, с ума сошли?» А мама им: «Если бы вы сказали, вот там церковь есть, она

³⁹⁷ Она на девять лет была старше Веры.

бы побежала вперед вас». И вдруг через какое-то время они прибегают: «Вот там церковь!» Мы с мамой пошли. Я же ничего не знала; как забрали отца Георгия, мы никуда больше не ходили. Была церковь в Волосове, в Кикерине, но мама не ходила, так как они были уже «красные». Так вот, пришли мы в церковь, я еще подошла поближе к алтарю, на ступенечку встала. Священник вышел, Евангелие прочитал по-русски и по-эстонски, ну, увидел, что я молюсь усердно, положил мне руку на голову. Так помолилась я, исповедалась и причастилась. А когда разыскали мы отца Тихона и крестную, я им написала. Крестная мне ответила: «Верочка, я очень рада, что ты стремишься к Богу, что ты пошла в церковь. Но больше этого не делай! Ты знаешь, сейчас нет таких батюшек, как наш, не ходи, будь внимательнее». Я к маме: «Что такое?» Она объяснила: так и так, там, где не поминают митрополита Петра и митрополита Иосифа, к таким батюшкам ходить не надо. Есть белые священники, а есть «красные» — вот эти «красные».

В лагере в Эстонии мы пробыли зиму, потом, когда немцы стали отступать, повезли нас дальше. Выгрузили где-то на границе Эстонии и Латвии, там мы пробыли две недели, в лагере для наших военнопленных. Их морили голодом, не знаю уж, по какой причине, а мы были рядом в бараке. Принесут в барак баланду, кишки там, копыта сварены. Воньца, фу!.. Мама нам из своей мучички что-то варила, а мы эту баланду относили к колючей проволоке. Они, бедные, все набрасывались, а немец ходил там и по рукам бил прикладом. Они котелок хватают, друг у друга вырывают, на землю разольют все и грызут эту землю после той баланды...

Потом привезли нас в Литву, там было большое имение: управляющий немец, переводчица, наверное, наша эмигрантка, уж так чисто по-русски говорила,

полевой и овощевой бригадиры. Мы там работали все на овощах... Брат Митя нас нашел, его и сестру Ольгу с нами не отправили, оставили на месте работать. Но потом, когда немцы отступали, то его с другом тоже повезли. Они уже знали, что нас сгрузили в Эстонии, нашли лагерь, подошли, а там охрана. Спросили — вот так и так, Харламовы... Их и направили к нам... Подошел к нам немец: «Харр-ламовы, Митья, Витья». Мы с мамой как пустимся бежать к воротам! Стоят два скелета. Боже мой! Мама давай их откармливать, у нее была мука в мешке, что крестница дала, и обед с кухни, конечно, брали... Были с нами еще двое ребят, Витя и Павел из Ропши, они еще в Эстонии попросили маму записать их на свою фамилию, как ее детей, иначе, как одиноких, их отправили бы в Германию. Немцы особо не проверяли и семьи не разъединяли, посылая работать в одно место.

Стали отступать немцы дальше. Мы думали, может, нас оставят, — нет! Погнали дальше... Понаехали конные, заставили собраться в пять минут, — мы волов запрягли, вещички собрали, свинью зарезали, два мешка огурцов погрузили. Дошли так до Пруссии... Там нас опять в лагерь! А та переводчица обещала нас пристроить и прислала за нами адъютанта. Повез он нас через Берлин в имение: огромный огород, помидоры красные-красные... Но там нужны были только ребята, а мы не захотели расставаться. Тогда он повез нас к себе, там был добротный дом, его разбомбили, но остался большой подвал — много комнат. В каждой строго по два человека, две кровати, как нары в два этажа, чтобы спать по одному. Два брата расположились в одной комнате, сестра старшая с сыном пятилетним в другой, а мы с мамой и Надей в третьей. Мы настояли, чтобы нам троим жить, не хотели с мамой разлучаться. Ну, работали там, какая работа находилась. Станция Истервек, метро, а Шуру возили в Мариендорф, там они работали. Один раз они не по-

ехали, здесь им дали другую работу, и в тот день там все разбомбили...

Теперь, когда мы находились в Берлине, две девочки из Белоруссии, одна моих лет, а другая на четыре года старше, позвали меня в храм Воскресения Христова, — кажется, это в 1944 году было. Я сказала маме: «Пошли, мама, послушаем, кого будут поминать». Стали поминать митрополита Петра³⁹⁸ и какого-то еще митрополита Германского. Ввели старенького епископа, посреди церкви его облачали — он старый, седой-седой, весь беленький. Служили двенадцать священников — мне интересно было, все в новинку, я еще такого не видела. Но на службе мы только стояли, даже к кресту не подходили. Под конец спустилась восьмиконечная звезда с иконой Матери Божией. Встали все на колени и запели: «Под твою милость». Я потом отцу Тихону обо всем рассказала, а он мне: «Глупенькая ты, глупенькая. В Эстонии ты пошла в церковь, а там, где православие, не пошла». Наверное, это была Русская Зарубежная Церковь...

Берлин уже бомбили день и ночь. Сестра Надя определяла, куда летят бомбы: «Вот эти летят через нас!» И правда, они попали в лагерь, который был за нами. Потом опять самолет летит, а мы только что из подвала вылезли, стоим на ступенечках. А Надя сказала: «А эти прямо на нас». Мы обратно в подвал спустились, сели у стеночки, мама посередине, а мы с Надей под руки ее, руки сложили — ждали смерти. Потом услышали: раз потряслось, второй раз, а третий не услышали. Передали отбой, мы вышли и увидели: одна бомба лежала по одну сторону подвала, а другая — прямо у нашего окна. А где же третья? Весь барак кругом обошли, потом только чуть подальше,

³⁹⁸ Возможно, здесь ошибка. К тому времени о кончине митрополита Петра было известно, и Русская Зарубежная Церковь поминала в качестве Местоблюстителя митрополита Кирилла Казанского.

на картофельном поле увидели — такую воронку! Бомба ушла настолько глубоко, что ее было не достать. Неделью целую привозили бумагу, жгли и не могли до нее добраться... Саперы были наши, русские, откормленные, потом их заставили рыть, так еще неделю рыли лопатами, потом дорылись, погрузили на машину и увезли ее. А нас на это время увозили на другую станцию. Так что и у наших были вредители, как у немцев, — не взорвались ведь бомбы...

Наконец стрельба уже шла через линию железнодорожную... И немцы вдруг сказали нам: «Через полчаса ждите своих». И ушли... А я так боялась, думала, как кинут к нам сейчас гранату или еще что-нибудь! Залезли мы в канализацию, дышим там еле-еле... Да еще голодные... Я и сказала: «Ребята, пойдите хоть картошки принесите, у меня там сварено». Брат выглянул: «Танки стоят у нашего подвала и поставили на нас дуло». Я сказала: «Выходите скорей и помашите шапками». Митя вышел, Миша тоже, махали им. Танкисты прибежали: «Вы что?! Мы же чуть не дали по вам снарядом. Что ж вы показываетесь и прячетесь. Мы думали, немцы. Забирайте все свое и дуйте сейчас же из Берлина — здесь будут еще большие бои». Пошли мы из Берлина пешком. Шли-шли-шли, тут машина нас догнала, там офицеры наши.

— Куда путь держите?

— Мы из Питера.

— Через два дня будем в Питере.

Мы сели с ними. Едем, вечером остановились у какого-то поместья — сверху слышна музыка, танцы, пляски. Ввел нас офицер — комната огромная, стол, на нем питье, яства, чего там только нет. Я сразу почувствовала неладное... Сестра старшая покормила мальчика своего, брат старший сразу на диван лег, а мы с мамой на одном кресле, Надя — на другом, а младший брат у окна в кресле. С нами была еще одна

девочка из Белоруссии, сирота, она стала кушать, выпила, танцевать пошла. Потом она вырвалась от офицера — и к старшему брату, а офицер подошел к дивану: «Вставай!» Брат ему: «Если она тебе нужна, бери ее, а я вперед тебя здесь лег». Офицер разделся совершенно, на стол положил одежду и брата согнал все-таки. Мама еще сказала ему: «Ребятки-ребятки, как мы вас ждали!» А он на маму пистолет навел: «Молчи, старая. Такая-сякая». Я уж за маму держусь, вся дрожу. Ну, вот он мучил, мучил эту девочку, она, правда, не поддалась... Я, наконец, вскочила, штору подняла, он: «Опусти штору». Я: «Белый день, долго мы будем здесь сидеть?» Выбежала я в сад, девочка потом прибежала, я ей: «Что, дотанцевалась, допелась?» Вошла в дом, офицер уже оделся: «Сейчас поедем». Я: «Спасибо, мы уже с вами приехали в Питер. Пешком дойдем».

Пошли мы, уже одни: брата Митю сразу забрали, винтовку в руки — и на передовую отправили, а младший Миша упал с яблони, сломал ногу и руку, так что остался в госпитале. Потом остановили сестру Надю и эту белорусочку: «Берите свои узелочки и идите в то здание. Погоните коров». Мы с мамой проводили их, идем, плачем. Стоит на том же месте уже другой военный: «Чего вы плачете?» Мама: «Да как же, одна чахоточная, другая только из больницы». Он: «Берите узелочки, их забирайте и бегом отсюда». А мама сестру благословила образом Св. Николая, когда прощались. И вот — тут как тут помощь... Убежали...

Дали нам лошадку с телегой, мы закрыли вещичками и Надю, и эту девочку. Останавливают опять, теперь уже меня.

— Какого года?

— Двадцать восьмого. Семнадцать лет.

— Бери узелок, оставайся.

— С мамой останусь, без мамы нет.

— Ты вперед мамы будешь дома, скот погонишь.

— С мамой останусь, я уже вам сказала. Без мамы нет.

Вытащил пистолет: «Стрелять буду. Останься!» Мама со старшей сестрой Шурой плачут: «Вера, останься, ведь правда застрелит». Я им: «Пусть застрелит, зароете меня в канаве. И знайте, что ни одна собака меня не тронула!» Если бы я не видела, что они вытворяют над девушками... «Пусть стреляет!» — и повернулась вот так, сложила руки, прижала к груди икону Матери Божией³⁹⁹. И говорю: «Стреляй в спину». А сама молюсь: «Матерь Божия, спаси и сохрани!» А у меня была еще Библия, ее маме с папой дали в школе за хорошую учебу, еще до революции, — она у меня на груди была, в кушачке за платьцем. Опустил он пистолет: «Ну и характер у вашей дочки! Ладно, идите».

Это нас Матерь Божия и батюшкины молитвы спасли... Как отец Тихон-то молился! Сначала же Латвию освободили. И там приставали и к моей крестной, и к Мане. Так они с батюшкой там молились! «Уж если к нам пристают, то как уцелеют наши цветочки Наденька и Верочка?!» Слава Богу, уцелели батюшкиным благословением и батюшкиными молитвами... И брат с фронта вернулся — все Харламовы уцелели, все пришли живыми и невредимыми...

На родине и в Латвии

Приехали мы к разбитому корыту... Освободили нас еще в апреле 1945 года, но несколько месяцев держали в карантине — власти проверяли, врачи проверяли. Потом составами отправляли, много ведь бы-

³⁹⁹ Казанскую, которой батюшка Тихон благословил перед отправкой в Германию.

ло людей. Только 25 августа мы вернулись. Привезли нас, как и увозили, в телячьих вагонах. Документов никаких, и я ходила до Волосово полгода каждый день, чтобы паспорт получить, — у меня уже мозоли кровавые были. Метрические данные все восстанавливали, да еще штраф с меня взяли сто рублей.

А каково жить было? Дом-то сожгли еще в 1941 году при отступлении наши, в войну мы жили в маленьком домике папиного брата, который погиб еще в Первую мировую. Дочка его в городе устроилась, в домик этот приезжала лишь на лето — он совсем был маленький. Мы там и поселились во время войны, а когда из Германии вернулись, то и этот домик почти весь был сожжен. Поселились мы сначала к Шуриной свекрови, потом в амбаре устроились, потолка там не было, лишь крыша. Сделали потолок, печь, мама прорубила окно, сложила из дощечек стол, скамейку. Была лишь одна кровать, двое спали на ней и двое-трое — на печи. Ни огорода у нас, ничего — жили милостью Божией!

Наши-то деревенские, кто из Латвии раньше вернулись, у них все было. Их латыши наградили за работу, кого коровой, кого лошадкой, а у нас — ничего. В поле работали, я там как-то подобрала морковку и стала стеклышком скоблить, чтобы съесть. А бабы наши, не хочу даже женщинами называть: «Вот мы копали, сажали, а они приехали на готовое». Я чуть не подавилась этой морковкой, плачу... Свои же люди деревенские, Господи, прости и помяни их!

Как приехали, сестра Оля стала работать в Волгове на ферме молочной, этим мы и спасались. Я в обед к ней три километра пробегу, она мне зачерпнет бидончик молока и кусок дуранды⁴⁰⁰. А так бы вообще... Я опухла здорово, ходила на работу, не смотрела на себя — ведь ни зеркала, ничего... Леля, подружка,

⁴⁰⁰ Корм для коров — очистки от семечек, прессованные в плитки.

как-то: «Вера, что с тобой?» Подала мне зеркало, я сказала: «Что ты хочешь? У меня три дня ни одной крошки во рту не было!» Она вытащила из кармана кусочек хлеба и морковку — тоже не сладко, но все-таки... У них и коровушка была. «Сядь, — говорит, — и съешь». Ну, я села и ела это все со слезами, от радости, конечно. Спасибо-спасибо... А уж лесозаготовки — страшно вспомнить... Зимой я на них работала — одну буханку хлеба давали в неделю, если норму выполнишь. Зиму я отработала, и вот на второй год меня опять туда направляют! А я все молилась... Молодежь придет, вытащат меня на танцы, хочешь-не хочешь! Вернусь, брошусь поперек кровати, ноги на полу. И к Матери Божьей Казанской, которой отец Тихон благословил... И еще к иконе св. Николая... Молюсь: «Мать Божия! Св. Николай! Вытащите меня из этого омута. Простите меня!» Плачу...

Вдруг приехала крестная: «Давай собирайся! По-едем». Они же с батюшкой Тихоном оставались в Латвии. А отпустит ли меня председатель? Как раз Емеля был, который папу посадил. Пошла, просила его: «Дядя Емеля, отпусти меня с крестной недельки на две». Отпустил в декабре. Поехали с крестной в Латвию.

Помню, как приехали мы накануне праздника Св. Николая, батюшка готовил лампадочки... Когда вошли, батюшка благословил нас. Потом всенощная началась... Пробыла я там весь пост до Рождества. Жили на хуторе в Ислицкой волости Бауского уезда: отец Тихон, келейница Екатерина Шаврова, она была регентом, сестра батюшкина Евдокия, крестная, Маня, Нина и я, седьмая. А домик — это баня была, с одним окошечком. В левом углу батюшкина кровать стояла, занавесочка была, если кто придет, закрывалась. Там был престол в правом углу, доска престольная у него всегда была с собой — куда он едет, всегда с собой ее брал. Печечка там с теплой стенкой, кро-

вать Екатерины, за теплой стенкой нары были сделаны. Мы с крестной на них, Маня с Ниной на полу. Потом менялись местами.

Пробыла я там и весь Великий пост. Помню, батюшка достал Постную Триодь и сказал: «Вот, Вера, как кончится эта книга, и будет Пасха». Ой-ой-ой, думаю, сколько тут! Какая толстая книга! Но такое было счастье, Господи, как было хорошо... И причащались часто. Через два-три дня праздник, все равно причащаемся. На исповедь звал: «Может, что-нибудь еще припомнишь, может, что-нибудь еще припомнишь?» И я припоминала...

В апреле крестная отвела меня устраивать на работу в Заготскот — там принимали от латышей скот, быков, коров, телят, кур, гусей. Полный сарай, до шестидесяти голов. Помню, как-то убежал теленок, я за ним по жатве, по картофельнику — была в калошах больших, так сняла их и босиком. Ноги все исколола и всё молюсь: «Святитель Николай, помоги, останови его!» А он мчится как стрела, бессмысленный. Я уже в изнеможении остановилась и как заорала: «Святитель Николай, да неужели ты меня не слышишь?!» Теленок — бух в канаву. Я сняла с себя кушак, привязала его за шею, потянула, а другой рукой за хвост — вытягиваю. Латыши мимо едут, смеются.

Один раз погнали стадо, до Риги было шестьдесят километров. Ночью гнали, а я босиком, в темноте налетела на колючую проволоку и распоролла обе ступни. Пока до бойни дошли, совсем слегла. Привезли в больницу, я сознание потеряла. Операцию сделали. Маня пришла в Заготскот узнать, почему я на выходные к ним не пришла, а директор сказал, что я в больнице. Она поехала в больницу, ей там сказали, что нужно мне масло сливочное. А у нее как раз с собой, они же держали корову и должны были государству сдавать норму, вот у нее после сдачи как раз ос-

талось двести грамм. Вылечилась я и продолжала работать, маме даже стала помогать. Но на службы к батюшке уже только по выходным могла попасть, каждое воскресенье и в праздники ходила за восемь километров.

С другого хутора приходили еще инокиня Антония и Вера Михайловна. Отец Тихон потом постригал их — Антонию в монашество с именем Мария, а Веру Михайловну — в инокини, он ей оставил имя Вера. А накануне пошутил, напугав ее. Она его спросила: «Батюшка, как ты меня назовешь? Я бы хотела Верой остаться». А он: «Я назову тебя Перепетуя». Она испугалась: «Ой, батюшка, не надо. Не надо так, батюшка, оставь меня Верой». Я была на их постриге... Матушка Иоанна из Питера приехала и покрывала Антонию своей мантией, как восприемница. Косу ей расплели, в дом вводили, пели «Объятия Отчи...» У меня слезы прямо лились, не знаю, откуда брались... Вопросы: «Отрекаешься?» — «Отрекаюсь». Потом они трое суток сидели у образов и все читали. Нина-сирота, которая была с крестной, тоже сидела, батюшка ее постриг в инокини, оставив ей то же имя — Нина⁴⁰¹. Монахиня Мария и инокиня Вера потом пошли к себе «в скит», две «скитянки», как мы называли их. У них — скит, а здесь — монастырь...

Все это было так трогательно. Да, когда была в Латвии у батюшки, я была в раю! Как будто я была на небе... Так мне хорошо там было, но недолго пришлось там пожить. Анна Филиппова, не знаю, что уж с ней случилось, стала ездить в церковь. Потом приезжает: «Батюшка, я была у ранней в Риге, прости». Прощал, прощал, потом уже не мог простить: «Все, не прощаю». Она ползла на коленях — прости, прости. А литургия шла... Вывели ее на улицу, она стала

⁴⁰¹ Позднее, уже в Окуловке, он постригал ее в монахини с именем Георгия. Она так с крестной и жила потом в Тайцах, там и похоронена.

там прямо бесноваться. Потом уже приходила на литургию, пела, плясала, накутает на себя, на голову незнамо что и поет, и пляшет перед окном на улице.

Еще ходил Никанор с церкви в Риге, приезжал, стучал, садился на скамеечку против окна. Литургия шла, а он сидел — приходилось шепотом служить... Потом с Москвы приехал какой-то, назвался батюшкой, ему якобы надо было сына повенчать. Дескать, у вас здесь есть батюшка. А крестная сказала ему:

— Во-первых, у нас здесь нет никакого батюшки. А потом, почему Вы не можете повенчать, если Вы сам батюшка?

— Не могу я своего сына. А батюшка у вас есть.

— Ну, пожалуйста, ищите у нас батюшку.

Отодвинула занавесочку, а отец Тихон надел на себя платок, лег на кровать, лицо скорезжил, слюни распустил. Тот посмотрел-посмотрел — да, не похож. А где искать-то? Там за банькой только туалет был. Ушел... Но чувствовали мы, долго здесь не жить. Пока в тюрьму не попал, да и мы все... Батюшка Тихон надумал вот что: «Давайте помолимся Царице Небесной, прочитаем трижды акафист». Написал записочки, как Матерь Божия благословит: уезжать или нет. Прочитали мы трижды акафист, все на коленочках, и он тоже. И вытащил записочку — уезжать.

Сестра батюшки, Евдокия Никандровна, которая приехала раньше меня, к тому времени умерла. Когда я приехала, она мне еще успела пальто сшить, портнихой была. Мне тетушка дала шинель, сказала: «Окрась ее в черный цвет». И вот Евдокия Никандровна на руках пошила осеннее пальто из этой шинели. Красивое такое! Умерла она от рака. Помню, как батюшка ее напутствовал на смерть: «Ты знаешь, Евдокиюшка, страшно умирать-то будет. Ведь бесы будут подступать, будут к тебе приступать, чего только ни будут говорить, грехи твои все вспоминать. Не устрашайся. Они могут даже говорить — вот он та-

кой, она такая, чтобы ты возненавидела человека. Сейчас ты ее любишь, а они могут тебе ее такой показать, чтобы ты ее тут же возненавидела. И будешь умирать со злобой на нее. Не вздумай, миленькая, не вздумай». Так еще ласково ей: «Сестрица, сестрица, гони их всех сразу от себя, крестись, пока рука подымается, и молись. Говори: “Нет, она хорошая, он хороший”». Вот так он напутствовал, причащал ее.

И вот она скончалась, мы с крестной вдвоем пошли копать могилу, а земля была такой замерзшей, никак ее лопатой не взять. Там на кладбище мужчины оказались, мы попросили их пробить нам верхний слой. Они пробили, и мы пошли дальше копать, а там один песочек, такой мелкий, чистый, белый песочек — так мы в два метра срыли могилу. Привезли ее, похоронили, а отпевал батюшка дома, на кладбище не мог, ему же нельзя было никуда пойти. Выходил он из домика только подышать на воздух. Помню, сядет на скамеечку, а петух к нему на колени запрыгивал — так всех клевал, а батюшку почитал...

В Питере

Весной 1948 года уехал сначала батюшка с крестной, она устроилась на работу в больницу у Балтийского вокзала. Потом она написала мне — приезжай, и после меня приехали уже все: Нина, Екатерина Шаврова, монахиня Мария, инокиня Вера. Со мной отправили икону Тихвинскую в багаже, большую-большую. Была такая Евдокия Михайловна, на нее и было адресовано. Я приехала, она меня встретила, и мы пошли с ней багаж получать. Батюшка находился то у нее, то у Александры Еремеевны, то у Ксении Петровны — там же и служил, и до ареста, до 1951 года, так и переходил с места на место. Сосуды с собой возил, доска престольная всегда у него была, и

где приходилось ему служить, он ставил ее в угол, антиминос раскладывал и служил. Потом и у нас в Тайцах он служил, и в Мариенбурге — у тетушки, папиной сестры.

На службы собиралось и по сорок человек, иногда даже и по шестьдесят. Вот у Ксении Петровны, монахини Алексии⁴⁰², и ее сестры Марии Петровны⁴⁰³ большая была комната, Иверская икона у нее какая была! Я запомнила, как пели тропарь, негромко пели, но могли и в голос петь — там толстые стены были, не то что в новых домах, как бумага. Дом их стоял неподалеку от храма Воскресения на Крови, от Невского по левой стороне канала⁴⁰⁴, длинный-длинный коридор, много комнат в квартире было. Там же у их сестры Александры Петровны была тоже комната, поменьше, но вход прямо с кухни, а у Ксении Петровны — с другой стороны. Отец Тихон, чтобы в туалет выйти, надевал большой платок и, наклонив голову, так шел. Все соседи думали, что у Ксении Петровны старенькая больная родственница живет.

Служили там по полному чину, с вечера всенощную — потом кто уходил, а кто оставался. Меня обычно оставляли ночевать, на полу под столом. Кроватька для батюшки была за шкафом. Отец Тихон рано вставал, на проскомидию у него уходило несколько часов. Тетрадка у него толстая была с именами, всех поминал, так и в Латвии было. Он вставал часа в четыре утра, проскомидию служил, потом нас будил. «Вста-вай-те!» — тихонько-тихонько говорил. —

⁴⁰² Ксения Петровна Савельева, монахиня Алексия, родилась в 1890 в Петербурге, в семье служащего придворного оркестра. С декабря 1927 молилась с иосифлянами.

⁴⁰³ Мария Петровна Савельева, родилась в 1893 в Петербурге, в семье служащего придворного оркестра. С 1936 молилась с иосифлянами.

⁴⁰⁴ Точного адреса Вера Федоровна не помнит, ходила по памяти, но, очевидно, это была улица Перовская, дом 4/2, квартира 32.

«Вста-вай-те!» Дальше уже, как полагается, часы читали, и начиналась Божественная литургия. Служил часто... Как оказалось потом, следили за нами. И даже с крыш соседнего дома, сидели там и фотографировали. И все потом было преподнесено...

Я работала лифтером в институте, потом подсобницей, жила сначала в Мариенбурге, потом — в Тайцах у крестной. Они с Маней и инокиней Ниной после Латвии приехали сначала в Мариенбург к тете, а потом в пятьдесят втором году перевезли свой дом, дом нашего прадеда из Ожогоино, в Тайцы — там уже стали мы жить... Так до конца пятидесятых я жила там и ездила на работу на поезде, электрички позднее появились. В шестидесятом году мне дали от института комнату на 8-й Рождественской улице, комнатка в полуподвале была, восемь метров: вмещались лишь столик с иконами, буфет, этажерка и кухонный стол в нише. Батюшка Тихон ночевал тут, освятил и мою комнату, и всю квартиру, как раз соседей не было в тот момент.

А на новоселье ко мне пришли наши: сначала «высокопоставленные», а потом уже на другой день родственники, шестнадцать человек. Так первыми шли Ксения Петровна с Марией Петровной, и они забыли мою просфору на день Ангела, которую отец Тихон мне прислал, — он сам нам пек. И Ксения Петровна сказала: «Мариюшка, ты посиди здесь, ведь я забыла Верочке просфору». Тем временем пришла ко мне Марфа Александровна, послушница, и принесла мне Иверскую икону — вот так, Матерь Божия сначала должна была ко мне войти, а потом уже пришли с просфорой. На новоселье я вареньем из морошки угощала, очень понравилось всем, но не могли понять, что это. Я сказала: «Болотный мед». Какой мед на болоте, там же нет цветов? Очень удивлялись, думали, что мед положила в это варенье. Я хоть и в городе жила и работала, но в лес постоянно ездила, со-

бирала ягоды, грибочки. Грибы мы всегда любили и с детства собирали, как снег сойдет, порой уже и в марте сморчки находили. Так что потом всем возила гостинцы...

Аресты, угрозы, слезка и «подсадка»

В январе 1951 года отца Тихона арестовали. Незадолго до этого умерла моя мама и перед смертью благословила иконой Преп. Серафима, которую из Германии привезла. И в самый день ее кончины послали ей со мной частицу Запасных Святых Даров, причастила я маму, и ночью без четверти двенадцать мама скончалась, 1 января, в Новый год по-старому. А через несколько дней, под Крещение, увидала я сон: мама стояла в гробу у окна, на столе лежал большой крест отца Тихона, а за маминой головой — его тросточка; все подходили, целовали крест, потом с мамой прощались. И я тоже последняя подошла, приложилась к кресту, поцеловала, как положено, у нее иконочку на груди и повернулась отходить, и вдруг услышала: «Доченька!» — «Ой, мамочка, ты живая!» А она подала мне записку в руки и тросточку: «Вот тебе тросточка и записочка. Отнеси тете Фиме (Евфимии)». Она была двоюродной сестрой дядюшки Александра и, как он, была очень благочестивая, читала и пела в церкви у отца Георгия.

Я проснулась. Думаю, что такое? И вдруг почтальонша приносит мне письмо от сестры из Мариенбурга, и та пишет: «Старая Нина очень заболела и, наверное, умрет». У нас пароль такой был, называли отца Тихона «старой Ниной». Значит, забрали его и, наверное, расстреляют. Но что делать? Я поехала домой, сначала я с этим письмом пошла к тете Фиме: «Вот так и так, забрали». Почитали, поплакали, все, больше не будет у нас батюшки... И сороковой день

уже не пришлось служить по маме отходную, все читала мирским чином тетя Фима, я тогда еще не умела читать по-славянски.

С отцом Тихоном забрали Ксению Петровну Савельеву, в тайном постриге монахиню Александрию, ее сестру Марию Петровну, Екатерину Николаевну Розанову (инокиню Пантелеймону), инокиню Магдалину, в монашестве Марию⁴⁰⁵, монахиню Иоанну⁴⁰⁶, Анну Петровну Мяндину. Отца Тихона, монахиню Магдалину, Ксению Петровну и Екатерину Николаевну приговорили к двадцати пяти годам лагерей, остальных — к десяти годам. Не знаю, в одном ли лагере они были, знаю, что посылки им отправляли, а письма — не помню. Я работала в городе, приезжала к ночи, утром рано уезжала опять. Денежки давала, как получку получала, крестная распорядилась и собирала посылки. В благодарность всем, кто отправлял им в лагерь посылки, инокиня Пантелеймона вышивала салфеточки левой рукой, правая у нее была серьезно повреждена (после войны, когда жила в Латвии, она пострадала в загоревшемся автобусе: спасала людей, тушила на них огонь руками; ей пересадку кожи сделали, вся кисть была сожжена до костей). Правая

⁴⁰⁵ Мария Гавриловна Петрова, родилась в 1904 в деревне Ратчино Ямбургского уезда Петербургской губ., в крестьянской семье. С 1922 по 1926 пребывала в Кикеринском монастыре до его закрытия. В 1929 — прихожанка храма Воскресения на Крови. В 1931 арестована по групповому делу ИПЦ, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. В 1938 после освобождения вернулась в Ленинград, позднее жила в Красном Селе.

⁴⁰⁶ Меланья Ивановна Чаенкова, родилась в 1899 в деревне Фефелово Новосokolьнического уезда Псковской губ., в крестьянской семье. С 1916 пребывала в Воронцовском монастыре, с 1922 — в Воронцовском подворье, с 1924 работала домработницей. С 1930 — прихожанка Свято-Троицкого храма в Лесном, с 1935 посещала тайные богослужения отца Тихона, позднее — отца Клавдия (Савинского). С 1941 работала санитаркой в больнице, после войны вязала жакеты дома, ездила в Латвию к отцу Тихону.

рука у нее не действовала, она писала левой, так мне и переписала Акафист святым мученицам Вере, Надежде, Любви и матери их Софии.

В 1956 году все вернулись: первой отпустили Марию Петровну, она болела там и все время лежала; потом ее сестру, Ксению Петровну (монахиню Александрию). Я помню, когда она вернулась и пришла к Аннушкам, в то время у них был иеромонах Сергей, старенький и больной. Говорили, что он сам писал брошюры церковные, его и взяли с этими брошюрами, да так били, что он оглох, бедный, — не знаю, откуда его привезла Мария Николаевна, наверное, он тоже был тогда освобожден. Помню, как одна верующая, Зинаида Емельяновна, задала отцу Сергию вопрос. Он сидел на диване, она на коленочки встала и к нему: «Батюшка, а можно евреев ненавидеть?» А он ей: «Никого нельзя ненавидеть. Все люди, все Божьи создания. По стопам их ходить не надо, а ненавидеть никого нельзя».

Отец Сергей еще послужил, и даже соборовал. Помню, Марина Николаевна сказала: «Девочки, у нас завтра будет свадьба». А какая «свадьба»? Соборование. А крестная Дуня мне: «Ты если собираешься замуж, то не соборуйся». После соборования якобы нельзя замуж, деревенские ведь были, толком ничего не знали... Отслужил отец Сергей, а потом совсем слег — если вставал, то падал. Нужен был человек, который бы за ним следил, вот я две недели за ним и ухаживала. В это время как раз и приехала Ксения Петровна. Помню, подношу ему ложку, а он в дверях ее увидел, глаза закатил в потолок — и так рыдал, так рыдал! «Батюшка, тихо, слышат все наверху». Оборачиваюсь — Ксения Петровна стоит. Что он провидел, не знаю, но мне, когда при прощании я подошла к нему, получила благословение и приложила к его руке, он сказал: «Верочка, дай мне твою головку». Встала на колени, а он как сжал ее и зарыдал, зарыдал...

Потом его увезли в Невель, два брата несли на руках. Он вскоре там умер. Все ждал меня в отпуск, да так и не дождался, последние его слова были: «Так Верочка и не приехала. Но приедет, ухаживайте за ней, как она за мной». Закрыв глаза — и все... Перед самым отъездом отец Сергей выкопал из меня грехи, о которых я позабыла: видно, он был прозорливый. Он мне всю душу вывернул наружу, сколько каялась, сколько причащалась, а тут столько открылось... Он говорил: «Одна дивчинка не прошла мытарства». И называет... Потом его увезли. А я только тогда поняла, что он про меня говорил это, все говорил мое, все с самого детства выкладывал... Потом я написала отцу Тихону все, что выкопал из меня отец Сергей, спросила Ксению Петровну, как писать, а она: «Пиши, как грешила. Так и пиши». Ну, я и написала целую тетрадь... Отец Тихон потом разрешил грехи, а когда приехал в Питер, сказал мне: «Уж ты и исповедь мне написала!..»

В пятьдесят шестом отца Тихона выпустили. Его взяла на поруки инокиня Вера, в миру Вера Михайловна Гурилева, он постригал ее в Латвии. После освобождения ему было запрещено жить в Питере, только на сто первом километре, и он поселился в Окуловке. Однако постоянно ездил и служил в разных местах: в Питере, в Тайцах у крестной, в Красном Селе у монахини Магдалины. Мы его обычно провожали, но однажды прямо на вокзале его взяли — это было уже в шестидесятых. Приехал он в Питер и у Зои Васильевны отслужил одну литургию. Я его провожала к Наталье Сергеевне, жившей на Каменноостровском, недалеко от Карповки, на Петроградской стороне. Вошли — а там Ксения Петровна, Матрена Ивановна с Васильевского и еще одна. Я ее увидела и сразу почувствовала — предательница! Я была впереди, батюшка шел позади с палочкой, прихрамывал. Что делать? Назад повернуть — уже поздно... Она

давно пробиралась, все хотела встретиться с отцом Тихоном и Ксенией Петровной. Я еще ничего не знала, просто почувствовала — и все...

Матрена Ивановна предложила ему рубашечку, сказала: «Батюшка, Вам нужно рубашечку поменять». А он весь мокрый, потел сильно. У Зои Васильевны ванну-то принял, и белье мы ему поменяли, а рубашечку-то не догадались постирать, она на батарее и высохла бы за ночь. А я-то с бабушкой Зоей, две дурочки, не сообразили. Вот отсюда за батюшкой и пошли уже по пятам. Он поехал с Ксенией Петровной в Тайцы, а на обратном пути его забрали, и как это произошло, Ксения Петровна даже не заметила. Она провожала его и не увидела, батюшка вдруг исчез — и все... А через три дня к ней явился, схватился за голову: «Ой, Зоя, ой, Иван!» Думал на них, он же у них был, отслужил там одну литургию, хотел еще вторую, а бабушка Зоя его отправила — надо к Наталье Сергеевне и потом в Тайцы... Три дня держали его в Большом доме, предупредили его:

— Ты что? Тебе мало было? Еще попадешь, опять там будешь.

— Ну что я особенного сделал? Ну, двух-трех старушек напутствовал к смерти.

— Да? А Вера Харламова тоже старушка? У нее и ночевал, и ванну принял, у нее и белье поменял, только рубашки не нашлось. В Тайцы поехал, кашошу потерял, в магазин заходил, маленькую купил⁴⁰⁷.

Все ему выложили... Потом отпустили его, но пригрозили: «Хоть лоб себе разбей, но чтоб никуда. И к тебе чтоб никто». Я-то сразу поняла, что это не Зоя, не Иван виноваты, а та предательница. И сказала Наталье Сергеевне: «Вот кого вы приняли». А та: «Да что ты, Верочка, она такие деньги получает». Я ей: «Вот неужели вы не понимаете, что все, что здесь бы-

⁴⁰⁷ Он водкой натирался, пить не пил.

ло сказано, она все это вынесла туда. Его и забрали». Потом были именины у Натальи Сергеевны, и помню, я приехала с лесной земляникой. Застолица, я пошла по кругу здороваться. И опять сидит эта Ольга Васильевна и с ней подруга, все тянутся здороваться со мной, а она отвернулась... После этого она исчезла и не появлялась больше нигде.

Тогда же вызывали в Большой дом и крестную с Маней, и бабушку Зою, ко мне приходили, но меня дома не оказалось. Была одна соседка, Мария Александровна, где она жила, я не вспомню, сюда приехала к сыну, здесь сын ее с женой и девочкой жили. Она-то мне сказала потом: «Вера, две недели назад приходили НКВДэшники. Спрашивали, кто здесь живет? Я всех перечислила, а как сказала “Вера Харламова”, они: “Вот-вот, скажите, кто к ней ходит?” Я говорю: “У нее много родных и знакомых”. Они: “А как она их называет?” — “А я ни разу не слышала, как она их называет”». Она-то сразу поняла, в чем дело, там, где она жила, бывало много матушек. Потом спросили у нее: «У вас, кроме этого хода, есть ход?» — «Да, на заднем дворе». Они вышли и стояли там, ждали, не пройду ли я. Долго стояли, но потом ушли. Я-то в то время находилась у бабушки Зои на Кондратьевском проспекте, две недели уже прошло, когда она рассказала мне.

После этого отец Тихон не ездил, раз еще попытался, пошел, купил уже билет. Вдруг подошел к нему молодой человек и сказал: «Дедушка, верните билет обратно, если хотите жить на воле». Так и пришлось ему остаться, уже мы сами ездили к нему. Но особо не позволяли ездить другим, чтоб не привлечь подозрение. Постоянно ездила Ксения Петровна, потом Алексей Петрович Соловьев⁴⁰⁸.

⁴⁰⁸ Алексей Петрович Соловьев (1910–1998), родился в семье ярославского купца, хорошо знавшего патриарха Тихона и праведного Иоанна Кронштадтского. Вместе с отцом и старшими сестрами

* * *

Вот что вспоминал об отце Тихоне Алексей Петрович:

«Когда я его встретил, он все еще скитался по домам и квартирам верующих людей. Это было ему уже очень тяжело и опасно, ведь последний раз его за это и судили. Да и потом у него не было разрешения жить в Питере. Вскоре мы все собрались и приняли решение собрать деньги и купить ему домик. Выбрали такой на станции Окуловка Новгородской области. С тех пор и поселился отец Тихон в Окуловке, на улице Чайковского, в доме № 5, то есть в самом конце деревни, откуда до станции надо было топать три километра...

Я часто бывал у отца Тихона, два-три раза в месяц. Дом его был под неусыпной “стражей” соседки. Она, видимо, была назначена “органами” следить за ним, а также за всеми, кто приезжал. Но меня эта “охранница” считала почему-то племянником. И все же не хотелось лишней раз ей на глаза попадаться, потому я старался зайти в дом отца Тихона не с улицы, а со двора.

В доме о. Тихон сразу устроил маленькую катакомбную церковку: вся площадь церкви составляла шесть-семь квадратных метров, умещалось не более четырех молящихся. Тут же и кровать о. Тихона стояла. Прислуживала ему неизменно Вера Михайловна, ныне уже покойная.

Жилось им очень трудно. Воду носить нужно было от колонки, которая в полукилометре от дома. До бани —

Алексей в юности был прихожанином храма Воскресения на Крови. Его отец, Петр Дмитриевич Соловьев (скончавшийся в первой половине 1942 года в блокадном Ленинграде), и сестра, Мария Петровна Соловьева, упоминались в материалах следственного дела 1942 года среди паствы архимандрита Клавдия (Савинского). У Марии Петровны архимандрит Клавдий проживал на квартире еще в 1927–1930 годах, до первого ареста. Потом в тюрьму она отправляла отцу Клавдию посылки и навещала в лагере. Позднее сестры привели Алексея Петровича к отцу Михаилу Рождественскому, а в шестидесятых годах познакомили его с иеромонахом Тихоном (Зориным).

три с половиной километра. Дрова надо самим и пилить, и колоть, и складывать. А они — два немощных старика, да у отца Тихона нога больная. Без “племянника” им было бы не обойтись.

Сколько писем ему шло! И редко в каком конверте была только одна исповедь. В иные дни о. Тихон и не выходил вовсе из своей церковки: чтение исповедей, разрешение их занимало все время. Просфоры он тоже делал сам. Потом каждую аккуратно заворачивал, завязывал, надписывал, кому предназначена. У него была толстенная тетрадь, где были поименно записаны все его прихожане... Больше всего мы боялись за эту тетрадь: не дай Бог в чужие руки попадет. Господь и тут помог.

Вот слово-то я сказал: прихожане. А ведь больше десятка человек в той церковке никогда и не было, но сотни в прихожанах числились. Все — заочно. Когда-то свел их Господь с батюшкой, так и были вместе с ним до гроба его, хотя никогда к нему не приезжали, а лишь в письмах исповеди посылали. В Окуловке все друг друга хорошо знали. Появление любого незнакомого человека — это целое событие и для всего села. И если бы духовные чада батюшки стали к нему регулярно ездить, то об этом стало бы известно в особых кабинетах почти мгновенно. Потому отец Тихон прочил к нему приезжать только с благословения. Да и вскоре стало ясно, что лучше всего это делать мне, так как за мной закрепилось звание “племянника”.

Первые годы жизни в Окуловке он еще совершал поездки в Питер. Это было редко и секретно. Но власти постоянно к нам подсылали провокаторов. Притворившись жажущими духовного окормления православными христианами, эти иуды все вынюхивали, а потом за копейки предавали батюшку. Однажды так просилась к нам женщина, слезами прямо изошла, батюшке ноги бросилась целовать. А на проверку вышло — провокаторша. Даже про торт, что батюшке принесла, в КГБ донесла...

С 1970 года отец Тихон перестал бывать в городе. Безвыездно жил в Окуловке. Здоровье его стало заметно ухудшаться. Да и откуда ему быть хорошим: тюрьмы, ссылки, служение в холодных квартирах и на чердаках (в Коломьягах), скитания по чужим квартирам под страхом

ареста — все это телесного здоровья не прибавляет. Болел телом, но духом не падал.

Последнее письмо я получил от него в начале декабря 1975 года: “Земная храмина моя разрушается, — писал он, — а небесной я себе не приготовил...” Эти тихие его слова перевернули мне сердце. Я знал, что просто так он не напишет. Уже на другой день я приехал в Окуловку.

Отец Тихон был уже при смерти. Около его постели был монах Серафим (откуда-то с юга, больше мы о нем ничего не знали), Вера Михайловна, потом подъехал отец Михаил Рождественский. С о. Михаилом наш батюшка паству не делили, вместе окормляли православных»⁴⁰⁹.

* * *

Алексей Петрович и Ксения Петровна возили отцу Тихону исповеди, от него привозили просфоры — батюшка сам пек, очень хорошо пек и для именинника всегда большую, как булочку. Помню, в Латвии мы с крестной тесто для просфор крутое-крутое ставили, потом катали его, катали руками — у Нины-послушницы до крови были стерты руки — раскатывали, потом опять складывали, опять катали долго-долго, чтобы они были плотные, чтоб никаких трещинок, ничего...

И вот — каждому просфору. На проскомидии всех помянет, ему не надо было записки подавать, он всех записывал к себе в тетрадь, так по тетрадочке и поминал. А как-то, помню, мне к именинам прислал тропарь мученице Вере, написанный своей рукой⁴¹⁰. А как крест на престольный отец Тихон чистил! Мелко накрошит ножичком кирпич и чистит. Блестел как жар. Как-то его кто-то спросил: «Чем же Вы чистите?» Он: «Костями». — «Какими?!» — «Своими». Приложить руки нужно, крест просто сиял.

⁴⁰⁹ А. П. Соловьев. В моей жизни героического ничего не было... / Возвращение. 1999. № 12/13. С. 75–76.

⁴¹⁰ См. фотографии на вклейке 3.

Как-то я у отца Тихона на службе в Окуловке читала и решила на память псалом пятидесятый, да запнулась. Отец Тихон мне: «Вера, наизусть только вороны летают». Он общительный был, умел пошутить. Как расскажет, засмеется, все вокруг смеются, хоть сорок человек, хоть шестьдесят, а мне его жалко — знаю, что он смеется на нервной почве. Три раза в тюрьмах был... Я его раз везла мимо тюрьмы, так он весь побелел, как полотно, когда увидел красный забор.

Жил он в Окуловке в доме у инокини Веры (Гурилевой), там он постриг ее в монахини. Сначала после лагеря батюшка не постригал, но как-то очень тяжело заболел воспалением легких. Когда болел, дал обет: «Если поправлюсь, буду постригать в монашество». После этого стал постригать... Зоя Васильевна, у которой я жила, просила отца Тихона: «Батюшка, постригите нас, меня и Веру». Она-то была пострижена этим «подсадкой» Феодосием, который появился года через два после того, как отца Тихона и наших забрали. Это было большое искушение... В тюрьме этот Феодосий сказался епископом, и отец Тихон как-то доверился ему. И вот он явился с записочкой от отца Тихона: «Примите его, как меня. Он — епископ Феодосий». И сразу к Александре Еремеевне его направил. Вот и пошло: «Владыка, владыка...»

Многие попали туда, мои таицкие — нет. Помню, Екатерина Шаврова, которая служила отцу Тихону, приехала ко мне на работу, я работала на лифте в институте: «Верочка, поезжай в Тайцы и скажи своим, чтобы не попали они в эту ловушку». Я ей: «Да мы уже слышали, не пойдет туда никто». Как узнали, не знаю, но стали люди понимать по его поведению. Вдруг кого-то в иеромонахи, кого в монахини, прямо в угол подведет и сразу: «Ты Зосима, ты Сергия, ты такая-то...» Ну, обрежет волосы немножко, без службы... Потом он ушел в церковь служить и куда-то

пропал. Как отец Тихон доверился? Потом снимал со всех...

Вот и Зоя Васильевна была так «пострижена», но она не стала признавать свой постриг и просила отца Тихона постричь ее в инокини. Он сказал ей: «Веру в инокини, а тебя в монахини. Год даю вам на размышление». А я на это ответила: «Послушницей хотя бы, а то инокиней в миру, да на такой работе. Нет».

Отец Михаил Рождественский

С отцом Михаилом мы впервые встретились в Кировске через Алексея Петровича Соловьева. Отец Михаил приезжал в Кировск и служил в доме одной семьи верующих. А жил он в то время в Новозыбкове: из лагеря его выпустили в середине пятидесятых, сын забрал на поруки, он как раз работал в тех местах под Воркутой водителем. Отец Михаил в лагере был уже в списке умирающих, совсем доходил. И вот стали там хлопотать, чтобы его отпустили, сын подал заявление, а ему сказали: «Мы Вас снимем с работы». А он: «Снимайте, я работой не дорожу, найду другую. Не водителем, так подметать буду. Но отец для меня дороже всего». Все боялись брать, а он взял, и жена его поддержала, сказала: «Как же так, отца не взять?!» Вот взяли его на поруки, и отец Михаил у них жил. А потом уже его прихожанка и помощница Александра Федоровна перевезла его в Новозыбков, нашли там хорошее местечко, а сын переехал в Лугу. Отец Михаил стал приезжать и в Питер, и в Стрельну, и в Кировск, и в другие места — исповедовал, причащал, соборовал, крестил, венчал.

В 1965 году венчал меня с Александром Михайловичем Сазоновым. Отец Тихон нас не хотел венчать. Сначала Александр Михайлович написал письмо отцу Тихону, и я написала. Отец Тихон ответил мне:

«Прошлый год я от тебя другое слышал». Но он не от меня слышал, а от Зои Васильевны, у которой я жила в то время. Но венчать нас он все равно не хотел, так как сам был иеромонахом и уже знал, что в Питер в то время приезжал отец Михаил Рождественский. Так мы с отцом Михаилом познакомились, и он нас обвенчал. До этого о нем мы только слышали, но не видели.

Венчал нас отец Михаил в Кировске, венцы спи-тые⁴¹¹ на голову надевали, Алексей Петрович Соловьев был у нас посаженным отцом, благословлял нас иконой Святой Мученицы Веры и Св. Благоверного Князя Александра. В дальнейшем отец Михаил крестил наших детей, Мишу и Любу, в ванночке специальной: Мишу крестил через семнадцать дней после рождения на квартире у инокини Марины на Мойке; Любу крестили у нас, пришлось покупать новую ванночку. Сразу не успели окрестить, потом он приехал, ей уже четыре месяца было, и она как кубышка. Отец Михаил спросил: «Вера, почему вы так дотянули? Я большой, силы уже не те, она тяжелая». Я объяснила, что я даже выписалась под расписку, хотя мне надо было лежать, что посылала к нему Александра Михайловича, а Александра Федоровна сказала, что уже куплены билеты и через день они уезжают. Он ей: «Шура, а билеты нельзя было сдать? Такое дело! Вот как я теперь буду крестить, смогу ли я?» Конечно, ей попало. Но, Слава Богу, окрестил...

Причащал он обычно Запасными Дарами, литургию служил у себя дома. В последние годы, если ему не удавалось приехать Великим постом, он благословлял нас причащаться Запасными Дарами: ему отвозили исповеди, а оттуда везли Запасные Дары во флакончиках. В Великую среду на Страстной седмице с

⁴¹¹ В середине венчика была картонка, лента атласная, образочки, наверху крестик.

восьми часов вечера он читал исповеди, а нам говорил, чтобы мы читали или исповедь вот эту по тетрадке⁴¹², или службы. Главное, чтобы мы были на молитве. Он в это время читал разрешительную молитву. Утром, после молитв, мы уже могли причащаться. От отца Тихона, когда принимали, открывали Евангелие и на слова «Примите, сие есть Тело Мое» из специальной банки аккуратненько частички опускали, и потом вот так брали с Евангелия. А отец Михаил сказал: «Нет, так не надо. Поклон, приложились ко Кресту и Евангелию, потом в левую руку флакончик и правой подерживаем». Тут уже запивка приготовлена и антидор, один принимает, остальные поют «Тело Христово».

С отцом Тихоном они были одного духа, но однажды у них вышла такая история из-за этого Лазаря⁴¹³. Приезжал тот как-то к отцу Михаилу, еще молодой был, мирское имя было Федор. Отец Михаил попросил нас приютить его на несколько ночей, мы — пожалуйста. Федя тогда фотографии показывал — митрополита Анастасия, Филарета, и Александр Михайлович обрадовался, что мы теперь будем поминать их на молитве. Ночевал Федя у нас четыре ночи, помню, гладил свои брюки и научил меня, как отпаривать: «Намыльте тряпку и через нее гладьте, никаких пятен не останется». Показывал еще, как прикидывался дурачком, когда был забран, — такую физиономию скорчил, что-то страшное прямо. Побыл и все, уехал, а потом уже

⁴¹² Переписанная от руки, вероятно, с брошюры дореволюционного издания Св. Пантелеимоновского монастыря на Афоне, под заглавием «Плач о грехах».

⁴¹³ Федор Иосифович Журбенко, в монашестве Лазарь, родился в 1931. Воспитывался среди катакомбников. В 1951 арестован, отправлен в Карлаг. После досрочного освобождения проживал в Глинской пустыни, позднее вернулся на Кубань в катакомбные общины. В январе 1971 рукоположен во диакона, затем во иерея в Московской патриархии. Позднее вернулся к тайному служению, однако многими катакомбниками не принимался. В 2005 — скончался.

слышим: он священник, потом епископ⁴¹⁴. Отец Михаил, когда узнал, что он священник, стал сторониться: тот пошлет старушек предупредить, чтоб с ним встретиться, а отец Михаил уезжал, чтобы не встречаться. После кончины отца Михаила женщины на Кавказе стали говорить, что он якобы с ним сослужил, а я говорю: «Неправда, не сочиняйте, не служил он. Как только узнавал, что тот хочет с ним в Питере встречаться, он сразу же из Питера убирался».

И вот тогда какие-то старухи, кавказские матушки, сообщили отцу Тихону, что отец Михаил сослужил с Федей. В это время отец Михаил с Александрой Федоровной ехали из Москвы и заехали в Окуловку к отцу Тихону. Постучались, Вера открыла им, пустила в дом и ушла, сказав: «Шура, ставь чайник, пейте чай». Они сели в недоумении: «Что такое?» Никто не вышел, а были там и Ксения Петровна, и московский Александр Иванович — то есть вообще не приняли. Так они сидели-сидели и уехали ни с чем. Вызвали меня: «Вера, приди». Я пришла, отец Михаил сидит на диване, голову повесил: «Вера, ты не знаешь, что случилось с отцом Тихоном?» Так и так, рассказали все, а я: «Ничего не знаю, ни от кого ничего не слышала». Он спрашивает: «Может, матушка Магдалина Красносельская знает? Не съездишь ли к ней?»

А у меня дочка Люба совсем малюсенькая, и Мише еще три годика было. Прошу Екатерину Алексеевну Вознесенскую: так и так, просит батюшка съездить. А погода была — слякоть, снег и дождь, грязь. Она сказала: «С Любочкой останусь, а Мишу бери с

⁴¹⁴ В мае 1982 тайно рукоположен в архиерейский сан епископом Русской Православной Церкви за границей, Варнавой (Прокофьевым), прибывшим в СССР под видом туриста. Епископ Варнава архиереями РПЦЗ Антонием Женевским и Марком Берлинским был тайно рукоположен специально для этой миссии. В 1990 Синод РПЦЗ подтвердил факт данной хиротонии, совершенной единолично, и дополнил ее.

собой. Мне с ним не справиться». Хорошо, взяла Мишу, приезжаю к матушке, а она тоже ничего не знает, ничего не слышала. Отец Михаил написал письмо: «Мы остались вдвоем с братом. И что получилось, раскол?» Потом узнали, что это из-за Феди, то есть Лазаря. Отец Михаил написал тогда: «Я с ним ничего общего не имел, видеть его видел, но не служил с ним». Послали письмо, отец Тихон ответил, просил прощения. И вскоре он заболел, отец Михаил поехал, исповедал его, потом отпел — умер отец Тихон 18 января 1976 года (по старому стилю) и был похоронен в Окуловке. Вера Михайловна умерла позднее и была похоронена рядом — кресты на их могилах мы ставили с отцом Павлом три-четыре года назад. Домик отца Тихона остался у Коленьки (он был откуда-то с юга, из-под Сухуми, его батюшка постриг в монашество с именем Серафим⁴¹⁵), потом он продал его, а недавно домик сгорел...

Отец Михаил сильно заболел в семидесятом году, оперировать его не хотели, боялись из-за его слабого сердца, но врач Коган сказал: «Будем делать под местным наркозом. Соглашайтесь на операцию, он ведь все равно умрет. И под ножом может умереть, а вдруг какое чудо совершится!» Александр Михайлович бежал всех, у кого не было телефона: «Молитесь все, у батюшки операция!» И мы все встали на молитву. Как мы молились!.. Александр Михайлович прочитал тысячу раз «Живый в помощи Вышнего» с поклонами — восемнадцать часов без перерыва... Была такая традиция, нам о ней отец Тихон рассказывал...⁴¹⁶ А я не могла сразу, Миша был маленький, и читала ночами — за две ночи все прочитала.

⁴¹⁵ Ныне епископ Российской Православной Автономной Церкви Серафим.

⁴¹⁶ Так вымолил три года жизни безнадежно больной жене Алексей Петрович Соловьев. Она должна была вот-вот умереть, но прожила еще ровно три года — больше он не дерзнул просить.

Операция прошла успешно, и отец Михаил служил еще почти два десятилетия, продолжал ездить, всех посещать. Сколько же он перенес! И тюрьмы, и переживания, за детей все переживал, и вообще, за всю родню — за всех молился... Так, у одной родственницы грудь болела, признали рак, грудь отрезали, а рака никакого не нашли, — может и был, но отец Михаил замолил, наверное: день и ночь у него свеча горела, уж так молился за нее, так молился... Сестру свою отпевал Ольгу, муж ее, священник отец Рафаил, был расстрелян в тридцать седьмом, как и отец Измаил. Ольга потом приняла тайно монашество, и когда умерла в восемьдесят седьмом году, отец Михаил у гроба сидел, читал кафизмы, молился, панихиды служил. Похоронил ее тоже в Луге. И тогда он сильно простыл, так и не выздоровел после этого...

Да еще Чернобыль⁴¹⁷ на него сильно подействовал, и он стал заметно сдавать. Переехали они с Александрой Федоровной из Белоруссии в Кировск, еще перестраивали домик, и помогали им племянницы Александры Федоровны да Надя, она с ними там жила, готовила, вела хозяйство. Отец Михаил и Александра Федоровна больше молились, каждый день вычитывали службы, каноны, все правила. Как-то наняли плотников, сделали те сарай огромной длины. Он пошел, посмотрел, потом спрашивает: «Шура, ты видела, как плотники делали сарай?» Та: «Видела». Он ей: «Плохой ты архитектор. Ты посмотри, какие длинные доски». И действительно, идешь, и они кажутся. Но что делать?..

Просить плотников опять делать, а они придут, сядут и курят, курят. Батюшка нервничает, а они поработают немножко, опять сядут и курят, курят. А как уходить — подайте деньги! И так тянули-тянули эту стройку. Я и предложила: «Батюшка, бла-

⁴¹⁷ Взрыв на Чернобыльской АЭС в мае 1986 года.

гословите, мы с Надей сделаем». Он мне: «А как? Ты сумеешь?» — «Думаю, что сумею, благословите». И мы с Надей оторвали эти доски, вытащили на улицу, гвозди из них вытащили. Потом натаскали древушечки, он нам показал, какие взять. Он еще сам спустился, взял топорик, а я ему: «Батюшка, Вам же нельзя. Я все сделаю, я понимаю как. Не надо помогать, уходите отсюда». Он уже очень больной был. Сделали мы пол, и отец Михаил: «Шура, ты знаешь, что Вера делала плотницкую работу? Знаешь, сколько это стоит? Двести рублей выложи ей». Это было в восемьдесят седьмом, за год до его смерти.

Потом он заболел и лежал у сына в Луге. Но все-таки вставал и даже косу у меня взял и показал, как надо косить, в лагере ведь он косил, сам отбивал и направлял косу, все заключенные просили, чтобы он им отбивал. Стало ему плохо, уже гроб заказали, обили гроб белым атласом. И крест он просил, чтобы дубовым был и белым был окрашен. Маша-невестка бегала по Луге, нашла — сделали дубовый и белым покрасили. Но поднялся... Опять приехал в Кировск и служил, последняя служба была на Преображение, а потом на Успение уже не смог служить. Служил Пречистому Образу на следующий день, попросил свезти на могилки родителей, они похоронены на родине, в Перегино, а из машины в Луге его уже выносили на руках...

Слег совсем, сначала еще сам вставал, потом стал падать. Почти ничего уже не ел, лежал меньше месяца... Но как же он хотел служить на Воздвижение! Просил внука: «Леша, свези меня в Кировск. Я должен служить на Воздвижение». Тот ему: «Свезу, дедушка, ты только поправляйся». У него все болело, еще в Кировске звал: «Шура, ты оставила, наверное, складку, знаешь, как больно спине». Она смотрела: «Отец Михаил, никаких складок». Разгладила все, только села, опять: «Шура...» Все болело... Когда

вставал еще, вышел как-то на улицу, нагнулся обмести мусор с валенок, я взялась ему помочь, слегка держалась за валенок, а он: «Ой, Вера, как ты мне больно сделала, ой как больно...»

В последние дни был в сознании, просил врача: «Я не простой смертный, скажите мне правду». Они не хотели ему говорить, а ведь ему надо было распорядиться Св. Дары употребить и так далее. Я ему сказала: «Батюшка, Вы должны причащаться каждый день». А он: «Верочка, вот отхаркнусь хорошенько и тогда буду причащаться». Ему все казалось, что он может отхаркнуться, а я ему: «Батюшка, у Вас то, что велели сказать Петру Ивановичу⁴¹⁸, поэтому нужно причащаться каждый день». Последнее время метался: лоб раскаленный, как железо, а руки и ноги холодные, как лед. Я руку приложу к голове — ему легче, просит намочить тряпку святой водой, только положу — сразу становится горячей...

Скончался батюшка накануне Воздвижения, поздно вечером 13/26 сентября. Я уже там два дня была, говорила Александре Федоровне: «Ложитесь к стенке, а я — с краю, если что надо, я подойду. Вы же все время на ногах». А она: «Нет-нет, я только с краю». Ну и что, как только он зашевелится, я через нее вылезала, но и она, конечно, соскакивала — так вдвоем и подходили. А потом уже, на третью ночь, я увидела, что у него голова как огонь, ноги как огонь, а руки как лед. Сердце билось — одеяло вот так ходило, пульс до ста, нисколько не меньше. Метаться стал. Мы ему: «Батюшка, на кого Вы нас оставляете?» А он по слогам еле-еле шепотом: «Яко возвеличишася дела Твоя Господи, вся премудростью сотворил еси...»

В тот же день принесли телеграмму: «Письмо получили. Все сделано». От кого была телеграмма, непонятно, отец Михаил перед этим написал исповедь,

⁴¹⁸ У Петра Ивановича был рак, об этом рассказ ниже.

ее передали через Анну Ряжскую, она должна была в Синод отправить с отцом Виктором Потаповым. Но неизвестно, отправили или все-таки она к Лазарю попала. Прочитали телеграмму, он молчит, нисколько не шевелится. Александра Федоровна мне: «Наверное, он не понял». И вдруг он еле-еле на выдохе: «Я... все... по-нял...» И больше никакого звука не было — это были его последние слова.

И вот в одиннадцать вечера часы бьют, а мне кажется трезвон такой где-то, — я аж рот открыла, прямо кругом трезвон и трезвон колокольный. Взяла его за пульс, и уже — тик-тик... Я подошла к Александре Федоровне: «Кокочка, кажется, все». Она как соскочила: «Что же ты раньше не сказала?!» А еще раньше, как спать ложиться, Маша-невестка все мне: «Да ложись ты, ложись». Я сказала: «Мария Алексеевна, простите, но сегодня я не лягу. Я вот здесь сяду в кресле против его кровати». Она пошла в свою комнату, у нее очень спина болела, три дня она мучилась. Александра Федоровна тоже прилегла — и сразу как провалилась, устала очень...

Я встала на коленочки и прочитала тропарь, кондак и молитву о болящих, молитвы на сон грядущим, шепотом, конечно. Потом решила присесть, только подхожу, смотрю, одеяло перестало двигаться, он так спокойненько лежит... Маша вылетает: «Вот ты многих хоронила, ты знала, чувствовала, а мы же не знали...» Все забегали. Сережа стал читать отходную, потом поехали в Скорую, им сказали, утром пойдете к врачу, получите справку. Вернулись, Сережа два раза прочитал канон. Одевать? Отец Михаил просил: «Как умру, сразу сообщите Александру Михайловичу, чтобы он меня одел». Но пока мы сообщим, да пока он доедет до Луги — пришлось Сереже, сыну его, одевать. Народу потом приехало много, читали у гроба день и ночь.

С тех пор каждый год мы приезжаем 26 сентября в Лугу, и невестка Маша нас принимает. В его комна-

ту пойдем, там его угол остался, помолимся — там иконки, свечки. Потом на могилку идем, там молимся, поминаем.

Марфинька

Когда с отцом Михаилом впервые встретились, на исповедь я подошла, он спросил: «А где ты живешь?» Я сказала, что там-то и там, а жила в Тайцах. А он: «А я слышал, что вы, таицкие, — предатели». — «Батюшка, не слушайте». Это кто-то пустил про нас слух. Так бывало, что начинали подозревать друг друга, когда одних забирали, а другие оставались на свободе. Почему нас взяли, а их нет? Так и Ксения Петровна, матушка Алексия: «Шаврову Катю не принимайте». Ведь когда их с бабушкой в пятьдесят первом забрали, то Екатерину Степановну не тронули, также и Маню с крестной. Но одни думали на одних, иные на других.

Подобная история произошла с Марфой Фоминичной Богдановой. Она была сироткой и воспитанницей Иоанновского монастыря на Карповке, до революции при монастыре жила. После революции, когда монастырь закрыли, всех монахинь выгнали, а сироток, как не монашествующих, оставили. Сестра моя двоюродная Маня в это время работала в городе на чулочной фабрике, жить было негде, и Марфинька ее пустила. На первом этаже была их комната (под аркой входишь во двор и слева). Отец Клавдий (Савинский) часто служил здесь, и они у него исповедовались, причащались. Во время войны Марфинька оставалась в городе, бывала у отца Клавдия на богослужениях. Когда его арестовали, почему-то решили, что она его предала, — не знаю почему. Ее все стали сторониться, никто не принимал, и она, бедная, долго скиталась еще во время войны, а потом и после.

И вот приходит Марфинька к двум сестрам Елене Владимировне и Анне Владимировне Прусак на Большой Кировский, она бывала у них уже, и они ее не принимали. Но в тот день она почему-то решила еще раз попробовать: «Будь что будет, пойду попрошусь». Они сидят, обе сестры, вот так круглый стол посреди комнаты, как раз против двери, портьера перед входом. Вдруг дверь открывается, они обе это видят — портьера раздвигается, и заходит Марфа, а за ней отец Клавдий, как бы подталкивает Марфу, голову ее наклонив: «Вот вам!» Марфа-то это не чувствовала, она как вошла, вся съевшись, голову опустив — примут или не примут, ведь не принимали. Ее отец Клавдий подталкивал, а она и не понимала, просто ее тянуло что-то прийти, да и все тут. Они как вскочили обе, ее отталкивают: «Куда отец Клавдий пошел?» И вот одна сестра побежала по черному ходу по лестнице, другая по белому, на улицу выскочили — никого... Возвращаются и к Марфиньке: «Где отец Клавдий?» Она робко-робко спрашивает: «Какой отец Клавдий?» Они: «Ну как же, он тебя привел, с тобой вошел и толкнул тебя за голову». Она изумленно: «Не было никакого отца Клавдия». — «Да как же так, мы же обе его видели?!» И оставили они Марфиньку у себя, так она до смерти и жила у них.

А оговорила ее Анна Степановна Абрамова, она была арестована вместе с отцом Клавдием. Ее посадили, позднее освободили, жила она сначала где-то в деревне, а потом, когда была амнистия, Маня моя таицкая поехала за ней, распорядилась хозяйством. Анна держала козу, козлятки были — козлят зарубили, в кадушке мясо насолили и повезли. Привезла ее Маня в город, выхлопотала ей комнату. Она была уже старенькая. Похоронена была на Охте, отпевал ее отец Михаил, он уважал ее. В тридцатых годах она была в ссылке, там и отец Георгий был — она и рассказала всем о его кончине, что его собаки растерзали.

Как-то встретила я ее в Питере в трамвае, а она от меня отвернулась. Я подошла и спросила: «Вы не на Карповку едете?» Она пригласила к себе, показала мне комнатку свою и сказала тогда, что она к Прусак не ходит, потому что там Марфа-предательница, она предала отца Клавдия. Приехала я к Елене Владимировне и рассказываю, что так и так, встретила Анну Степановну и та сказала: «Марфа — предательница». Марфа Фоминична, вечная ей память, встала перед иконами и сказала: «Господи, если я хоть немножко виновата в этом, пусть у меня руки и ноги отнимутся сейчас же!»

Маня, моя сестра, кстати, никогда не считала Марфиньку предательницей. Так и мы с Александром Михайловичем очень сдружились с Марфой Фоминичной и с Еленой Владимировной. Жили они на Петроградской, в последнем доме пред самой Невой: у них окно, балкон, внизу сад, а за ним Нева. Дом был старинный, высоченные потолки, комната двадцать четыре метра, коридор, умывальница и туалет отдельно. С соседями жили мирно, все были как свои, родные...

Когда разоряли храм Воскресения на Крови, иконы и книги бросали в большой костер. С икон только снимали ризы позолоченные, венчики, а образа бросали в огонь. Так Елена Владимировна ходила пешком с Петроградской, собирала иконы и книги и относила домой, сколько могла... Когда ее потом к нам привезли, у нее было два мешка книг и сорок пять икон, из них большая часть — из храма Воскресения на Крови. И сколько еще она раздала...

Мы часто у них бывали на службах. Марфинька всю службу знала, никакой ошибочки нигде, голос у нее был хороший, поправляла меня, указывала, где ударение, и так далее. После службы читали Жития святых, у Елены Владимировны все двенадцать томов Житий святых были на славянском. Марфинька сразу

книгу открывала и читала, мы сидели, слушали — это было каждый раз.

Марфинька от рака крови умерла, она работала с вредными веществами в лаборатории института, где на крысах испытывали всякие препараты, и получила заражение крови. Все «хоронила» Елену Владимировну, та была очень болезненная, а умерла раньше ее — сколько таких примеров, когда ухаживающие умирали раньше болящих. Может, от переживаний?

Елена Владимировна как-то попала в Александровскую больницу, ей операцию делал врач-еврей, и медсестра сказала: «У нее крест на шее, надо его снять». А он: «Зачем, мне он не мешает, а больную утешает». Сделали операцию, кисту вырезали. Рака, по счастью, не было, еще долго прожила и последнее время у нас была, осталась одна. Перенесла легкий паралич, нужен был уход. Звала меня «зайкой». «Зайка уже прискакал, — говорила, когда я заходила. — Купи мне кефирчика, пожалуйста». Потом у нее еще была водянка, дважды из нее по 12,5 литров воды выкачивали. Умерла она в Тайцах в возрасте семидесяти пяти лет — 20 декабря 1974 года.

Сестра ее Анна Владимировна Прусак полненькая была и так ходила, что называли ее «Утя». Приехала в Тайцы на три дня отдохнуть, а отдохнула три недели и... умерла. С сердцем было плохо, в первую же ночь случился у нее инфаркт, а в комнате, где она лежала, никого не было. В прихожей была монахиня Георгия (Нина), но она плохо слышала. Маня в летней комнате спала, а крестная уезжала в пустыньку, где было два домика, «земля обетованная». Вот Анна Владимировна закричала, а кот, который всегда спал у матушки Георгии, вскочил, как бы дал ей знать. Она ему дверь открыла, думала, что он гулять просится, а он не идет на улицу. «Ну, не хошь — как хошь». Она легла, а он опять на нее прыгнул, кричал, мяукал. Она ему опять дверь открыла... На третий раз

он прыгнул на нее и сразу в комнату пошел, тогда-то она вошла и увидела, и услышала. Разбудила Маню, та побежала за врачом, он близко жил. Пришел, поставил диагноз — инфаркт, я привезла с Петербурга подушку кислородную.

И так Анна Владимировна пролежала три недели. Исповедь написала, Маня дала ей частицу Запасных Даров, она причастилась. Да, когда она кричала, видела, как ангел как будто бы в окно влетал, к ней подходил и обратно вылетел... После этого писала исповедь, и Маня ее причастила. Потом она все беспокоилась — причаститься-то причастилась, а исповедь-то неразрешена. «Как же так, Мария Александровна, исповедь-то моя не разрешается?» И вот ей было такое видение. Подошел к ней преп. Евгений и сказал: «Я давно тут хожу, но никто мне дверь не открывал, наконец открыли. Ты беспокоишься об исповеди. Я тебе ее давно разрешил». И скрылся. Вот так. Когда увидела его, так вспомнила икону, которая у них была. И она послала сестру: «Аленушка, привези мне икону преп. Евгения, это он мне разрешил исповедь». А в самый день смерти она попросила: «Мария Александровна, прочитайте мне акафист “Иисусе, Боже, сердце моего, приди и соедини мя с Тобою навеки”». Такой акафист перед Причащением Святых Христовых Таин читается, и Маня ей читала. И вот на тринадцатом иконе она спокойненько закрыла глаза, и все... Вот такая была ее кончина...

Матушка Анастасия Куликова

Я ее впервые увидела у свекра Михаила Ивановича на именинах, тогда она специально приехала его поздравить — это было в Печатниках в шестидесятом году. Она, Дарья Савельевна и Михаил Иванович были неразлучные друзья, еще была Лиля — вот они все

сдружились. Потом эта Лиля нашла какого-то священника, привезла просвирочки, якобы постриг приняла у него, а матушка Анастасия сказала: «Сама ешь эти просвирочки!» Строго ей сказала: «Тоже мне, Евфросиния нашлась...» Та приедет, исповеди собирает, но никто, конечно, не хочет, доверия к ней не было — все знали, какая она стала вертушка. Так вот, помню, тогда на именинах Михаила Ивановича матушка в застолье не участвовала, сидела на краю кровати и читала.

Строгая была, по вере строгая. С ней даже владыка Дмитрий советовался, она в ссылке была с ним в начале двадцатых. Рассказывала много о владыке и об отце Иоанне Кронштадтском, на службах всегда поминала: когда служба заканчивалась, она сначала поминала батюшку дорогого Иоанна, потом владыку Иосифа, владыку Дмитрия: «Молитвами протоиерея Иоанна Кронштадтского, митрополита Иосифа, архиепископа Дмитрия...» После лагеря и ссылки матушка была сначала в Окуловке, поскольку в Питере не разрешалось. Она туда определилась, потому что у инокини Валентины⁴¹⁹ в Окуловке сестра Елена жила. Потом уже, в середине пятидесятых, Петр Михайлович Сазонов после лагеря и ссылки сначала в Питер приехал, прописки нет, поехал в Окуловку, устроился дворником в больнице. Там дом был двухэтажный, как барак, все такие же бывшие ссыльные жили на втором этаже, потихоньку молились. У них были две комнатки, одна как чуланчик, где матушка спала, а в большой молились. Исповедовались у отца Тихона и отца Михаила.

Как-то я с пятилетним Мишей приехала, привезла просфору и гостинцы — как раз батюшка послал, сверху была просфора, а снизу конфеты. Когда матушка узнала, что мы приехали, сказала: «Скажите

⁴¹⁹ В миру Валентина Александровна Красноленская.

им, что я очень больна, встать не могу и выходить не буду»⁴²⁰. А Миша влетел туда к ней: «Бабушка-матушка, вот вам гостинцы!» Она спустила ноги, а он — в угол, увидел у нее столько икон, образа. И давай отбивать поклоны, три земных поклона, а поклоны он так, не на коленочки, а прямо со всего роста, лбом пол доставал. Матушка: «Ах вот он какой!» Спустила ноги, встала, вышла. Потом за стол сели, молитву она сама начала читать, а Миша и здесь тоже в угол, в этой комнате, поклоны также отбивает, да на скамейку полез и давай иконы все целовать. А когда поклоны он клал, она все удивлялась: «О, акробат, акробат!» Потом сели все за стол, она заговорила...

Последнее время она болела-болела и больше лежала. За стол придет, конечно, посудку перемоеет и опять в свою конуру. Посуду мыла так: нальет в блюдечко водички, пальчиком протрет и эту же воду в другую тарелку⁴²¹. Если суп остался, сварит свежий и старый с ним соединит. Не знаю, почему так строго она хозяйство вела... Когда была помоложе, то она и огород держала, Петр Михайлович работал в нем, да и курочки были. Как-то матушка прислала нам петуха, а я много лет не ела мяса. Мне говорили, раз вышла замуж, должна есть мясо, даже отца Михаила просили заставить меня есть мясо. Он спросил меня: «Сколько лет ты не ешь мясо?» Я сказала, что сорок, он им тогда: «Как же я могу заставить?!» А матушка заставила: велела Пете зарезать петуха, прислать мне — и чтобы я ела обязательно... Когда Петра Ми-

⁴²⁰ Матушка Анастасия родилась в 1880 году, значит, к моменту знакомства с ней Веры Федоровны ей было уже восемьдесят лет. А когда та была у нее с сыном, ей было уже как минимум девяносто два — девяносто три года!

⁴²¹ Возможно, это желание экономить воду у нее осталось от времен ссылки в Казахстане, куда она поехала в начале двадцатых с владыкой Димитрием (Любимовым).

хайловича там парализовало, Катерина, питерская иосифлянка, поехала и там за ними обоими ухаживала, возила им все из города. Потом Катя и Петр Михайлович повенчались. И когда матушка уже одна осталась, ее в Новгород забрали две сестры, Мария и Валентина, ухаживали за ней и потом схоронили, а отец Михаил отпевал.

Дарья Савельевна Сакова

Вообще, правильно ее отчество Саввишна, отец у нее — Савва, но ее называли «Саввишна — не вчерашняя, давешняя», и она стала Савельевной. Подруга матушки Анастасии и свекра, была «овечкой» отца Иоанна Кронштадтского. Она в молодости с подружкой пришла к батюшке Иоанну: та просилась в монастырь, а Дарья Савельевна — замуж. А он их наоборот благословил — ту замуж, а Дарью Савельевну в монастырь. Но она послушание это не выполнила, вышла замуж, но муж быстро умер, сын потом женился на татарке, а та с ней плохо обращалась... Когда умер батюшка дорогой, как называли отца Иоанна, было прощание, вереница людей. И она тоже встала, решила: «Если я не приложусь, значит, не простил. Вот горе!» Подошла предпоследней — успела! «Знаете, он меня простил», — вздохнула...

Почти одна семья с Сазоновыми была, Александр Михайлович к ней как к родной относился. Дети мои очень ее любили, мы частенько брали ее к себе и на дачу на все лето увозили. Читала детям, рассказывала, память хорошая у нее была, все пересказывала Библейские рассказы, вспоминала про царя, про батюшку дорогого — помню, как сидит, рассказывает и платице все щиплет-щиплет. Ходила она в Покровскую церковь, жила поблизости, на Садовой, всех знала: и владыку Димитрия, и многих. Вот она бы

рассказала столько всего! Ездил и в Москву, там был такой отец Иоанн Московский. Умерла в середине семидесятых.

Зоя Васильевна Киреева

Бабушка Зоя, у которой я жила в Питере до того, как мне дали комнатку. Ее знали мои двоюродные сестры, она часто ездила к ним в Тайцы. Она еще ходила в церковь Воскресения на Крови до ее закрытия, затем в Троицкую церковь в Лесном, а потом перестала ходить, когда поняли, что Павел Лигор предатель. Венчавший ее с мужем еще до войны Филофей Поляков тоже оказался предателем.

Когда отца Тихона забрали на вокзале, Зою Васильевну вызывали в Большой дом и всякие вопросы задавали. Как вы там собираетесь? И то, и се... Да почему Петр Иванович не женится? Это был крестный моих детей. Она им сказала: «Так вы бы его самого спросили, у него, может, столько ребятишек спичками на улице торгует». Они ей: «Нет, Петр Иванович не из таких, он не женат, какие у него могут быть дети?» Тогда она: «Так что же вы у меня спрашиваете?» Тогда они ей предложили: «Зоя Васильевна, знаете что, поработайте на нас. Вот где Вы бываете, послушайте, что там говорят». Она ответила: «Вот настольно на вас не поработаю». И показала кончик мизинчика. «Хотите поджарьте, хотите расстреляйте, что хотите делайте. Вот настольно на вас не буду работать!»

А когда ей перечислили, что Вы там и там бываете, у Ксении Петровны, у других, она спросила: «Откуда вы это знаете?» Они: «Зоя Васильевна, среди ваших есть и наши». Она им в ответ: «Какая у вас ужасная работа!» Тогда следователи посмотрели друг на друга, мол, проговорились... Зоя Васильевна дога-

далась: «Какая ужасная эта Ксения Николаевна». Она была с ее работы, с завода, ее так не хотели все, а Зоя Васильевна считала, что она верующая и очень хочет причаститься. И тут поняла, какая она «верующая»...

Работала Зоя Васильевна кассиром на заводе на Кондратьевском проспекте, раздавала деньги. И был такой случай. Хотели ее убить ее же рабочие, которых она знала прекрасно, ограбить хотели. Деньги она получала на весь завод и не брала с собой понятых. И как-то уголовный розыск подслушал разговор троих рабочих, как они подговаривались ее убить. А ее еще раньше спрашивали: «Зоя Васильевна, как Вы не боитесь. Почему Вы не берете охрану?» А она: «Миленький, если Господь не допустит, свинья не съест». У одного рабочего был браунинг, а у другого — крыло от скульптуры ангела. Вот они караулили ее там, где она получала деньги, но у нее были такие тубельки, что, когда она прошла мимо, они даже не слышали.

Их схватили, а денег-то у них нет. Звонят на завод: «Киреева убита, а денег нет». Все расстроились... А она, не торопясь, села на лошадку, добралась. Охрана глаза вытаращила: «Зоя Васильевна, а Вы живы?» Она: «А что такое?» Они ей: «Идите к директору». Она удивилась: «Зачем? Я деньги должна раздавать». Они твердят: «Идите к директору». А сами бледные стоят, все глаза таращат, а она понять не может — что такое? Пришла к директору, там сидят из уголовного розыска: «Рассказывайте». А она ничего не знала, что там была засада и прочее. В общем, получили по заслугам эти «убийцы», которые не убили.

А мать ее чувствовала, когда на нее готовили нападение, она в тот день места себе не находила, молилась и все читала Евангелие. Она была монахиней, матушка Серафима, отец Тихон постриг ее еще до войны. А Зою Васильевну постриг в инокини с име-

нем Сергия уже после войны, в Окуловке. Последнее время Зоя Васильевна жила у нас, упала здесь лицом в пол, так лицо все было темное-темное, бордовое. Вызвали хирурга, он определил сотрясение, взяли ее в больницу. Люба там как раз уже работала, ухаживала за ней — было тогда Зое Васильевне восемьдесят восемь лет. Умерла она 5 июля 1991 года, в один год с Александром Михайловичем, и похоронена через четыре могилы от него в Ковалево.

Петр Иванович Митюхин

О нем Зою Васильевну спрашивали на допросе, это крестный моего сына Миши. Он был прихожанином храма Воскресения на Крови, и Зоя Васильевна его еще с той поры знала, она с его сестрой Ольгой Ивановной там пела. Они на хорах смотрели вниз, а он стоял во время службы, как свеча, не шелохнется, никуда и ни разу не повернет головы. Вот так и здесь во время молитвы стоял как вкопанный, и только рука к груди, когда надо перекреститься, перекрестится. И опять стоит как вкопанный...

Петр Иванович знал отца Клавдия (Савинского), потом окормлялся у отца Тихона и у отца Михаила. Сам он был человек неземной, для себя не жил. У него была комнатка в коммунальной квартире, как чуланчик, там стоял драненький диванчик, один стульчик, стол, никакой люстры, просто одна лампочка. Он жил для людей, всем помогал. Когда Миша появился, Петр Иванович все сюда, помогал нам. У меня часто грудница, температура сорок, ни пеленки стирать, ни руки поднять. Вот он и говорил: «Куплю рулон ситцу на пеленки, только надо придумать, как его раскручивать». Я уж ему: «Ну, а дальше? Целую кучу накопить, а стирать?» Сын Миша его очень любил, называл его Кокой, а когда был совсем маленький, то про-

износил это как «кака». Когда самолет видел в небе, кричал: «Кака, кака!» Петр Иванович часто летал в командировки, был инженером в институте «Гипро-никель».

Умер он в восемьдесят седьмом году, болел сильно, рак печени, и когда уже при смерти был, батюшка дал частицу Запасных Даров и велел ему причаститься. На шее в пузырьке привезли к нему, написала я ему молитву перед причастием, а он по слогам едва произнес: «Как так мож-но без при-го-тов-ле-ни-я?» А я ему написала: «Кока, так велено батюшкой. У Вас рак печени, нужно причаститься». В палате Александр Михайлович распахнул пиджак, закрыл его, ему дали пузырек с Запасными Дарами в руки, и он причастился. Потом перевели его в отдельную палату, и я с ним осталась. В двенадцать ночи читала ему отходную громким шепотом, у него все слеза текла. Потом икота началась, слышна была в конце коридора — и вдруг прекратилась. Я в палату и читать отходную опять. На пятом икосе он широко открыл рот, как будто причастился, и все слезит-слезит. И отошел спокойно... Я дочитала отходную, святой водой ему помыла лицо. Отпевал отец Михаил его заочно.

Дядя Володя

Дядя Володя, муж моей родной тети, папиной сестры, умирал на Пасху в больнице. Ночью дочка услышала звон колокольный, крестный ход пошел, церковь там недалеко была. Сказала: «Папа, уже поют “Христос Воскресе!”» Он: «Господи, возьми меня. Ты же воскрес!» Страдал он сильно, долго твердил, а потом стал просить вина. Тетя Зина, его жена, сказала: «Читайте “Да воскреснет Бог”. Ведь всю жизнь не пил, а тут вина просит. Это бесы заставляют просить». А дочка сказала: «Надо читать “Святый Бо-

жий”». И вот они спорят, а он нервничает, ежится, рот открывает, они ему святой водички, а он отворачивается и только произносит протяжно: «Вина, вина надо!» Больше уже ничего не мог сказать.

Мы ночью помолились в Тайцах, утром встали, и Маня сказала, что надо бы навестить дядю Володю. Я ей: «Я поеду». Приехала, поздоровалась, он открыл рот, а тетя Зина мне: «Дай ему святой водички». Я взяла ложечку, он отворачивается, просит: «Вина надо!» Тетя Зина: «Вера, читай “Да воскреснет Бог”. Читай!» Я подумала-подумала: «Тетя Зина, он ведь, наверное, не вина просит, может, он причаститься хочет? Просто не может сказать». Она: «Ой, Вера, спроси его». Я ему: «Дядя Володя, может, ты причаститься хочешь?»

— Ай, ай, ай!!! — обрадовался, что наконец-то дошло.

— Дядя Володя, я поеду, и Маня привезет тебе причастие.

— Скорей, скорей, скорей! С Богом!

И крестит меня. Не говорил, не мог, а тут заговорил. У него два ребра были выпилены и правая рука отнялась, и он крестил меня вдгонку левой. «Скорей, скорей, скорей! С Богом!» — кричит на всю палату. Я помчалась на электричку бегом, далеко ведь было, в Тайцах тоже бегом. Пока Маня собралась, крестная вперед помчалась, успела прочитать отходную. И Маня привезла причастие, в руку ему положили, и он причастился, как положено, все подставлял стопочку, чтобы хорошенько выполоскать святой водичкой, и запивал. А прежде чем причаститься, сказал: «Мать, прости меня». Так жену звал. «Доча, прости меня». Также и у Мани, и у крестной просил прощения, потом в сторону: «Сестра, прости меня». Он не ладил с сестрой тети Зины. Все — причастился, глаза закрыл и спокойно умер сразу, в самый день Пасхи...

Сазоновы

Муж мой, Александр Михайлович Сазонов, родился в 1914 году. Закончил в четырнадцать лет школу и пошел работать на фабрику «Красный Октябрь», потом после войны работал где-то на железной дороге, затем опять на фабрике — и так до седых волос, до пенсии. Хорошо пел и любил петь и играть, все мечтал о фортепиано, когда работал на фабрике, где делал деку для фортепиано, потом приобрел на фабрике пианино. Писал ноты даже, написал мелодию «Благообразный Иосиф». В страстную седмицу попросил свою тетрадь, сказал: «Надо подготовиться». Я ему: «Мы не сможем петь по нотам». Он удивился: «Как же пели в прошлый год?» — «Но ты был здоров, а мы с Любой как будем?» Он сел в постели и все пел, пел, все перепел за четверг, за пятницу и за субботу. В ночь на Великий четверг, 4 апреля 1991 года, в ноль часов двадцать минут скончался...

Их семья была с иосифлянами с самого начала, ходили они в храм Воскресения на Крови. Александр Михайлович многих иосифлян знал, сколько бы он мог рассказать! Старший его брат, Петр Михайлович Сазонов, был иподьяконом у владыки Димитрия (Любимова) — он есть на фотографии иосифлян у храма. В тридцатом его арестовали и отправили в лагерь, он отсидел пять лет, вернулся. Потом поехал в ссылку к митрополиту Иосифу (Петровых) в Казахстан, повез цитру, которую Александр Михайлович со своим другом ему сделали. У митрополита Иосифа служили в подвале... И вот там, в Казахстане, вместе с митрополитом был арестован, отсидел в лагере, потом был в ссылке и вернулся в середине пятидесятых, когда все возвращались, жил еще какое-то время в Окуловке. Александр Михайлович еще писал ему: «Петенька, я нашел девушку-ангела». А тот отвечал: «Шуренька, не забывай, что все девушки ангелы. Откуда только

берутся жены?» Ласкали друг друга братики. Так старший братик двадцать пять лет провел в лагерях и ссылках, умер уже в Питере в семьдесят втором или семьдесят третьем году.

Отец их, Михаил Иванович Сазонов, работал наборщиком в типографии и был в «двадцатке» храма Воскресения на Крови. Арестовали его, наверное, в конце двадцать девятого, сколько дали, не знаю, потом он вернулся⁴²². Жили они в Старо-Паново, это почти Лигово. В их доме служил тайно иосифлянский иеромонах Мелетий. Во время войны их угнали в Германию, отца Мелетия тоже, работали они там на заводе. Я еще застала Михаила Ивановича⁴²³, в последний год в его именины за столом сидели — это в Печатниках было. Мы пришли с Зоей Васильевной просто в гости к Александру Михайловичу, не знали, что празднуют. Многие тогда пришли его поздравить, и матушка Анастасия Куликова приехала, помню, я тогда ее впервые увидела. Михаил Иванович много поздравлений получил из Москвы, из Киева⁴²⁴ и отовсюду.

⁴²² Из следственного дела 1929–1930 годов: «Сазонов Михаил Иванович, наборщик в типографии, председатель “двадцатки” церкви Воскресения на Крови, приговорен к трем годам ссылки в Северный край». Вероятно, сыграло роль «пролетарское происхождение», хотя чекистам была известна его активная деятельность в «иосифлянской организации», в том числе и участие в «контрреволюционных собраниях центра организации» (как называли чекисты церковные собрания у архиепископа Димитрия и настоятеля храма Василия Верюжского). Да и на допросах Михаил Иванович не скрывал своей активности.

⁴²³ Маму их, супругу Михаила Ивановича, Феodosию Ивановну, я не видела, она в сороковом умерла. Снилось мне накануне венчания: «Верочка, не обижай Шурика». У нас же была целая трагедия. Он на коленях: «Верочка, не гоните меня!» Я перед ним: «Александр Михайлович, оставьте меня». Я ведь не хотела замуж выходить, все представляла, что буду в Тайцах доживать и за всеми ухаживать. Но он меня победил.

⁴²⁴ В Киеве был истинный священник отец Владимир.

Александр Михайлович помчался в магазин, купил коробку конфет и торт, как бы от нас. Принесли нам два стула. На другой день Александр Михайлович спросил: «Папа, ты знаешь, кто это принес? Зоя Васильевна с Верочкой». А на коробке конфет Пушкин изображен. Михаил Иванович сказал ему: «Да-да, Зоя Васильевна с Пушкиным принесли Верочку». Он был шутник... Сказал еще тогда, что это его последние именины. Так и было, вскорости умер, 20 декабря 1960 года — было ему тогда восемьдесят один год.

Отец Алексей Вознесенский

Он был иосифлянин⁴²⁵, с женой приехал в Питер из Плюссы. Исповедовал и причащал свою паству, многих посещал. И вот был такой случай. У Александра Михайловича был друг, Александр Кушин. Их так и звали: Александр первый и Александр второй. Тот тоже любил петь и играть, и они вместе собирали цитру для митрополита Иосифа в тридцатых годах, а Петр Михайлович Сазонов ее отвез в Казахстан. Иеромонах Александр (Никольский) из Вятки, когда приехал к митрополиту, слышал звуки цитры и думал, что это фисгармония.

⁴²⁵ Иерей Вознесенский Алексей Константинович, родился в 1879 в деревне Поречье Шлиссельбургского уезда Петербургской губ. В 1920-е служил настоятелем церкви в селе Посолодино Лужского уезда. К 1931 переехал в Стрельну, где служил тайно. 12 июня 1931 арестован по групповому делу иосифлян. В материалах дела охарактеризован как «человек реакционных, контрреволюционных воззрений», отмечалось также, что он «агитировал за “истинное православие” в деревне и в местном округе», рассказывал «о скором пришествии антихриста, о гибели власти и возвращении “доброе старое время”», кроме того «устраивал тайные богослужения, вел контрреволюционную агитацию». 18 ноября приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в СЛАГ ОГПУ (Кемь). 22 июля 1933 года досрочно освобожден, поселился в Новгороде.

Во время войны Александр Кушин не съедал свою пайку хлеба, а менял ее на деньги, так и купил пианино. Умер он от истощения и туберкулеза. Как рассказывала Катя Кушина, накануне договорились они с отцом Алексием, что тот зайдет завтра. Отец Алексей направлялся к другой своей духовной дочери, и вдруг, как будто его кто-то толкнул, он решил: «Зайду-ка я сейчас к Саше». Зашел, а тот: «Отец Алексей, причастите меня сегодня. Я чувствую, что не доживу до завтра. Только исповедуйте меня, пожалуйста, хорошенько по Требнику». Исповедал он его по Требнику и причастил, и после этого Александр при нем и умер. Отец Алексей встал перед образами: «За всю мою практику священническую первый такой христианин умирает». На Смоленском кладбище его похоронили.

Отца Алексия арестовали в феврале сорок пятого, вместе с ним и его дочь Екатерину, и держали в Крестах. В тюрьме они были в разных камерах, но в одном коридоре. Все знали, что он сидит, и носили передачи, но про то, что дочка сидит, не знали. Когда он умер, уборщица сказала, что там, в такой-то камере, его дочка, отдайте ей передачу. Так дочь узнала, что отца не стало, — 5 июля 1945 года (по старому стилю)⁴²⁶. Потом она нашла отца Михаила и у него окормлялась. Отец Алексей говорил ей раньше, что идти надо только к отцу Михаилу, он его хорошо знал.

Екатерина Алексеевна была крестной моей дочери Любы. До последнего дня сама все делала. В больнице пролежала недолго, умирала у меня на этом диване, сначала Александр Михайлович, а через три недели она, около пяти утра 25 апреля 1991 года. До последнего была в сознании. Еще днем она сказала мне: «Верочка, принесите мое похоронное белье, там чемоданчик». Все сложено и два креста, она просила положить в гроб два креста: для себя и для отца. Он

⁴²⁶ Умер он от сердечной недостаточности.

ведь в тюрьме умер, и хоронили его явно без креста, в общей яме.

Аннушки

Аннушки — Анна Михайловна и Анна Арсеньевна, — всю жизнь жили на Садовой, на Покровской площади, были прихожанками Покровской церкви. Простые люди... Владыка Димитрий подарил им как-то свой портрет большой в рамке, одна из них сказала ему: «Владыко, как же Вы даете нам один портрет на двоих. А вдруг мы будем разъезжаться». А он ей: «А кто из вас задумает разъезжаться, тому портрета моего не будет». Так они и дожили вместе до кончины.

Службу они всю знали, частенько мы у них с мужем бывали, когда поженились. У них была квартира, и с ними жила соседка, она в церковь ходила, но жили они дружно. Соседка всех нас знала, здоровалась, очень была милая женщина, занимала она большую комнату. А у Аннушек были две маленькие комнатки, как чулочки. К ним приходила молиться Наталья Ивановна, жившая рядом в доме и даже в квартире владыки Димитрия⁴²⁷. Они все вычитывали: всенощную, часы и обедницу. Анна Арсеньевна умерла при отце Тихоне, Анна Михайловна причащалась у отца Михаила заочно.

О бывших иосифлянах

Отец Петр Белавский⁴²⁸ вместе с матушкой Анастасией (Куликовой) был в Тайцах, когда служил там.

⁴²⁷ Улица Канонерская, дом 29, квартира 13.

⁴²⁸ Белавский Петр Иоаннович, родился в 1892. Учился в духовной семинарии в Петербурге, затем служил псаломщиком. В 1921 рукоположен во иерея, с 1922 — настоятель Алексиевской церкви в

Они владыке Димитрию помогли и вместе с ним были арестованы в двадцать девятом. Он на Соловках был в лагере, после освобождения изменил, пошел служить в Московскую патриархию. Так-то он был неплохой, принимал людей из Питера, но у него и Алексей был, и Пимен, все эти «вышки»⁴²⁹, награждали его... Когда мы с мужем с ним встретились, он спросил: «Хотите фотографию владыки Димитрия? Если будете приезжать молиться, дам. Можете не причащаться, но приезжайте молиться». Мы ответили: «Простите, мы можем и дома». Он нас расспрашивал и про матушку Анастасию, и про других иосифлян.

Еще был отец Александр⁴³⁰. Таицкие его очень уважали и называли «столп Православия». У него была матушка Таисия и три сына, а после его ареста они коров пасли, матушка-то, как жена священника, была враг народа — над ней издевались. После войны один из мальчиков нашел снаряд в поле и взорвался. Когда отца Александра освобождали, матушка с ребятами не захотели его взять на поруки, если он будет тайно служить. Сказали ему: «Иди в церковь». Она сама уже в церкви пела и руководила хором. И он пошел, служил в церкви в Мариенбурге, так как Таицкая церковь была закрыта⁴³¹. Он в Мариенбурге с отцом Петром к

поселке Тайцы. С 1928 — помощник владыки Димитрия. 29 ноября 1929 арестован вместе с владыкой, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 освобожден, поселился в Новгороде. В 1938 арестован по делу «контрреволюционной организации», в мае 1939 освобожден, дело прекращено. Проживал с семьей в пос. Пестово, работал бухгалтером. В сентябре 1945 назначен вторым священником Павловского собора в Гатчине, с 1949 — его настоятель, с 1955 — настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе близ Гатчины, с 1976 — за штатом. В 1983 скончался.

⁴²⁹ Имеются в виду иерархи Московской патриархии.

⁴³⁰ Вероятно, речь идет о протоиерее Александре Васильеве, в 1932 году он был арестован и выслан.

⁴³¹ Потом его перевели в Псковскую епархию — там и умер.

папиной сестре, тете Зине, еще приходили, увещевали ее, а она им твердо: «Не приходите!»

К нам в Тайцы он приезжал еще и потому, что были сильные перебои с мукой и сахаром. А моя крестная работала в булочной в Питере и доставала им, он заказывал, а матушка или он сам приезжали. Ну, мы ему так поклонимся — и все... Потом матушка к нам пришла, плакала: «Отец Александр помолодел, нашел другую...» Да, пошел бы тайно служить, как отец Тихон и отец Михаил, может, этого бы и не случилось. Это все матушка его: «Мы не проживем». Он был бухгалтером, мог бы пойти работать и свое дело делать... Прожили бы!

Разные истории

Крест

Когда я Мишу родила, в палату в роддоме пришла заведующая. Рубашку мою подняла:

— А это что?

— Крест.

— Снять!

— Я его не вешала. Кто повесил, тот пусть и снимет. А его уже нет в живых.

— Это что такое?! Пятьдесят лет советской власти! Сто лет исполняется нашему дорогому... «пархатому, плешивому» (последнее Вера Федоровна добавляет скороговоркой и, не останавливаясь, продолжает). А тут кто с крестом, кто с хвостом!

Еще что-то сказала и помчалась по коридору. Ворвалась в приемное:

— Кого принимали, с чем принимали?

— Вот ее цепочка с золотым крестом.

— А как у нее на шее крест?

— А это уж не знаем как...

А я крест приколола в носовой платочек, а в душ повели, я в карман халата платочек и положила. Это было в шестьдесят девятом году.

О могиле отца Феодора Андреева

Отца Феодора почитали и к могилке на кладбище в Александро-Невской лавре постоянно ходили. Так, когда мы с Александром Михайловичем зарегистрировались, сразу пошли туда. Увидели там Марину Николаевну Граббе, она обрадовалась, нас увидев. Пропели, помянули отца Феодора, владыку Димитрия, и она нас повела к Валентине Александровне, та в стороне сидела. «Вот, хоть завтра вези их к отцу Владимиру в Киев венчать» — они знали истинного священника там. Она еще показала могилу отца своего, там постамент гранитный, крест такой. Ну, поговорили еще и домой разошлись.

А в могиле отца Феодора Андреева похоронена земля с отпевания владыки Димитрия. Мой муж знал точно, и знал, кто отпевал, конечно заочно, а я вот забыла кто. Землю с отпевания владыки Димитрия захоронили так же, как и землю с отпевания отца Измаила захоронили в могилу протоиерея Михаила Кедрова в Стрельне.

Искушение на «земле обетованной»

Когда отец Тихон был в лагере, монахини Агафья и Анисия с островка в Новгородских болотах, с «земли обетованной», нашли батюшку. Как-то меня отправили сестры к ним, и я попала на службу к этому священнику. Записки все написали ему, а он говорил: «Я ведь почему так тайно служу? Я уже слаб и в церкви не могу». Я подумала, он это специально говорит, чтобы я не выдала. И вдруг, когда на службе с Чашей выходит,

поминает Алексия. Я смутилась, но все-таки причастилась, пошла домой и почувствовала, что заболеваю. Матушку Анисию спрашиваю:

— Вы слышали, когда он поминал?

— Кого?

— Алексия.

— Как?

— А вот так!

Пришли на островок, она: «Агаша, Вера-то заболела. Да, батюшка-то Алексия поминает». А я их спросила перед этим: «Батюшка-то истинный?» Они: «Иди-иди, еще будешь разбираться». Да как же не разбираться! Вот сами-то не разобрались, решили, что если дома тайно служит, то все в порядке. Они перестали ходить, потом и его прислужница от него ушла и к ним пришла, и их хоронила. Они все у отца Тихона потом окормлялись...

Духовные стихи

Духовные стихи мы всегда пели. Когда именины у кого, собираемся, застолица у нас, именинник (именинница) угощает. Акафист иногда читали, а потом за столом в основном духовные стихи пели. Так и после службы: трапеза, потом со стола уберем все и открываем стихотворения, что от руки написано, что по книжечкам — и поем. Так и у отца Тихона было по праздникам и воскресеньям, так потом, когда уже и в Тайцах жили. Так у нас весь день и проходил: после службы отдохнем немного, обед, конечно, надо было приготовить, посуду помыть, а так никуда и ничего. Вот так время праздничное проводили.

* * *

Вера Федоровна, как и Лидия Павловна, и сейчас помнит и поет много духовных стихов, некоторые из

них они пропели вместе во время наших встреч. Большая часть духовных стихов старинные, печатались еще в дореволюционных сборниках, так называемых Богогласниках, но есть и написанные в двадцатом веке. В советское безбожное время они переписывались от руки и распространялись среди православных христиан, и эта замечательная православная традиция, уходящая корнями в глубь веков⁴³², не умирала и во время жестоких богоборческих гонений. О ней свидетельствуют пожелтевшие странички с записями духовных стихов в простых ученических тетрадках и записных книжечках, хранившихся в каждой катакомбной общине и у многих христиан. Ниже приведены несколько духовных стихов из одной тетрадочки Лидии Павловны.

⁴³² «Духовными стихами в русской народной словесности называются песни, чаще всего эпические, на религиозные сюжеты, исполняемые обыкновенно бродячими певцами (преимущественно слепцами) на ярмарках, базарных площадях или у ворот монастырских церквей. Многие из этих стихов с XVII века уже записывались в песенные сборники, дошедшие до нас в большом числе... Большинство записей стихов относится к последнему столетию (XIX). П. В. Киреевскому принадлежит почин собирания и изучения этой отрасли народного творчества. Но в XIX веке научное исследование застает духовный стих, как и все отрасли фольклора, в процессе постепенного выветривания и отмирания. Все же по сравнению с былинным эпосом духовный стих проявляет большую жизненность и бытует не только в северной глуши, но почти на всем протяжении русской земли...

Федотов Г. П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). — М., 1991. С. 13–14.

Приложение I

Следственное дело № 2916-1932 года

«О к.-р. церковно-монархических группировках “Истинно-православная церковь”»

Осенью 1932 года против последних оставшихся на свободе иосифлянских клириков и активных мирян еще действующих петроградских храмов, а также тайных монашеских общин было возбуждено очередное групповое дело. По нему проходило 139 человек, в качестве обвиняемых было привлечено 130, из них арестовано 125 человек.

Предъявленные по печально известной 58 статье⁴³³ УК РСФСР обвинения повторяли прежние, по которым уже были осуждены в 1930–1931 годах иосифлянские архиереи и большая часть клириков, — *«антисоветская и погромная агитация, создание к.-р. ячеек истинно-православных церковников, воспитание в антисоветском духе молодежи, систематическая агитация против политики и мероприятий Со-*

⁴³³ Пункты 58-10 и 58-11.

ветской власти, насаждение тайного монашества как особого метода создания антисоветских и церковных кадров, распространение религиозно-монархических произведений»⁴³⁴.

Прибавились и новые обвинения: «<...> формирование тайных церквей в частных квартирах верующих, укрывательство беглого из мест заключения духовенства, а также организация систематической материальной помощи духовенству и церковникам, репрессированным Соввластью за к.-р. деятельность». Но в отличие от прошлых лет отсутствовали одиозные обвинения в «повстанчестве» и «подготовке к свержению Совласти и реставрации монархии», а вместо этого была применена более обтекаемая формулировка обвинения: «<...> широкая вербовка всех тяготеющих к религии антисоветски настроенных людей, с целью создания мощного общественного движения против Советской власти».

В «Обвинительном заключении» отмечалось, что в октябре 1932 года были «выявлены и оперативно ликвидированы существовавшие в г. Ленинграде и его пригородах девять законспирированных к.-р. церковных группировок, последователей “Истинно-Православной Церкви”». К этим «группировкам» чекисты отнесли:

- Свято-Троицкий храм в Лесном,
- Сретенский в Полюстрово,
- Моисеевский на Пороховых,
- монашескую обитель бывшего подворья Афонского Свято-Андреевского скита,
- тайные церкви и монашеские общины, устроенные на квартирах.

Руководителями группировок следствием были названы протопресвитер Александр Флеров, священни-

⁴³⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-80743. Т. 7. Л. 3. Далее, кроме отмеченных особо, цитаты из данного дела.

ки Александр Советов, Алексей Согласнов, Алексей Западалов и Михаил Словцев, архимандрит Макарий (Реутов), иеромонахи Митрофан (Михайлов) и Серафим (Иванов).

«Ориентируясь на наиболее реакционные и темные церковные элементы и оставаясь на почве решений Всероссийского Поместного Собора 1917 года, т. е. беспощадной борьбы с Советской властью и организации открытых к.-р. выступлений, руководители группировок при помощи своих последователей захватили в гор. Ленинграде и его пригородах (Детское Село, Тайцы, Стрельна) шесть церквей⁴³⁵, повели широкую систематическую антисоветскую и погромную агитацию, вербуя в свои группировки все новых и новых лиц».

«Установив тесную нелегальную связь с осужденным коллегией ОГПУ идеологом “Истинно-Православной Церкви” митрополитом Иосифом Петровых, действуя по его директивам, ставили себе целью объединение “истинно-православного церковного” актива и возрождение ликвидированной органами ОГПУ в начале 1931 года Всесоюзной к.-р. монархической организации церковников “Истинно-Православная Церковь”».

«Инициативу в деле оформления этих группировок проявили протопресвитер Флеров Александр Кириллович и священник Советов Александр Евгеньевич, личные друзья митрополита Иосифа Петровых, командировавшие к нему для получения инструкций монахиню Димитрию и гр-ку Дементьеву Прасковью Николаевну⁴³⁶.

⁴³⁵ Кроме трех названных храмов в городе, имеются в виду собор Федоровской иконы Божией Матери в Царском Селе (с 1918 по 1937 — Детское Село), храм Святителя Алексия в Тайцах и Свято-Преображенский в Стрельне.

⁴³⁶ Прасковья Николаевна Дементьева, родилась в 1880 в Тверской губернии, в крестьянской семье. Замужняя, в семье было двое детей, домохозяйка. Прихожанка Сретенского храма. По окончании следствия приговорена к 3 годам ИТЛ.

Последняя была также арестована и на допросе дала показания о своих поездках к митрополиту Иосифу, заявив при этом, что, став прихожанкой Средненской церкви в Полюстрово, она сама вызвалась *«навещать и держать связь с з/к митрополитом Иосифом Петровых, находящимся в с. Ленинское около Чимкента»*. Сбором писем и посылок занималась другая прихожанка храма, Анна Андреевна Федорова. В январе 1932 года Прасковья Дементьева побывала у митрополита Иосифа и передала ему письма и посылки, при этом, судя по ее показаниям, *«поручений письменных и словесных к Иосифу не передавали»*. 28 июня того же года Прасковья вновь выехала к владыке с посылками и запиской от священника Филофея Полякова, по дороге была задержана, но успела уничтожить эту записку. После проверки документов ее отпустили, и она на том же поезде поехала дальше:

«Приехала я к митрополиту Иосифу, рассказала ему о своем аресте в поезде и передала посылки. Сказала ему, что переданную записку от Филофея Полякова для него уничтожила. Иосиф предупредил об осторожности поездок и передачи писем и записок. Побывав у него часа три, я уехала в Ташкент к знакомой Евдокии Евдокимовне».

Через несколько дней после этого митрополит Иосиф был арестован в селе Ленинское, где он проживал в ссылке. 9 июля 1932 года после произведенного обыска в доме митрополит был допрошен уполномоченным Каратасского районного отделения ОГПУ, а затем отправлен в Чимкент для дальнейшего следствия. Владыка Иосиф очень осторожно вел себя на допросах, отрицал какие-либо письменные или словесные поручения, переданные с малознакомой посетительницей, которая лишь привезла посылки от его почитателей и родных со столь необходимыми ему лекарствами и

продуктами. Подчеркивал чисто бытовой характер своей переписки с адресатами из его записной книжки, о которых принужден был давать подробные показания, а также и в отношении найденных в печке писем — владыка сказал, что все они касались только вопросов его здоровья и посылок, а сжигал он их за неимением мусорной корзины. Митрополит утверждал, что ни он, ни его знакомые в переписке никаких политических церковных вопросов не касались:

«С самого дня моего ареста перед последней ссылкой (12 сентября 1930 г.) я твердо и окончательно решил взять себя в руки и не давать совершенно малейшего повода и основания обвинять меня в церковной (как называют) контрреволюции. Если прежде я действительно позволял себе в этом отношении некоторые неосторожности, касаясь в письмах (посылаемых иногда и не почтою) чисто церковных дел и вопросов, то теперь ни в одном письме не найдется строки, могущей послужить мне обвинением. И мои знакомые, посылающие мне посылки и письма (без посылок я вообще существовать бы не мог, не имея никакого заработка и не имея возможности приобретать необходимые продукты), зная, за что я так много страдал, научились быть осторожнее и, щадя меня, не касаются совершенно опасных в моем положении вопросов. И вся наша переписка состоит исключительно из сообщений о посылках, просьбах о молитвах и благословений, справок о здоровье и т. п., с одной стороны, и в моих ответах о получении посылок, о новых просьбах то одного, то другого, необходимого в жизни предмета, и т. п., с моей стороны».

Неизвестно, насколько объяснения митрополита удовлетворили чекистов, но из-под стражи он был освобожден и оставлен на оставшийся срок в Чимкенте⁴³⁷.

⁴³⁷ В конце 1933 года арестован и конвоирован в Аулиэ-Ата, откуда должен был быть направлен в Нижний Талас, глухую степь, населенную враждебно настроенными, не говорящими по-русски казахами. По ходатайству Е. П. Пешковой владыка был оставлен в

Протоколы его допросов были приобщены к ленинградскому делу⁴³⁸. Очевидно, что, несмотря на все заявления митрополита, он рассматривался властями по-прежнему как глава иосифлян, что и подчеркивалось в «Обвинительном заключении» по указанному делу:

«Все существовавшие в г. Ленинграде группировки “Истинно-Православной Церкви” ориентировались исключительно на идеолога “ИПЦ”, высланного из Ленинграда митрополита Иосифа Петровых, остававшегося до последнего времени единственным авторитетом во всей их деятельности, как в политическом, так и в церковном отношении».

«В феврале 1931 года вновь выявившиеся перечисленные выше лидеры ленинградских “иосифлян” по совету митрополита Петровых приняли решение, из соображений конспирации, единой организации пока не создавать, а насаждать идеи “ИПЦ” в церквях, главным образом в приходах “иосифлянской” ориентации (Свято-Троицкая церковь, Сретенская церковь и Моисеевская церковь на Пороховых), образуя из последователей “ИПЦ” самостоятельные, не связанные между собой подпольные группировки».

* * *

«Группировка протопресвитера ФЛЕРОВА А. К. (Сретенская церковь)»⁴³⁹

Протопресвитер Флеров Александр Кириллович был одним из старейших по хиротонии священников

Аулиэ-Ата. В июне 1937 года арестован, 20 ноября расстрелян в Чимкентской тюрьме.

⁴³⁸ Они приводятся в полном объеме в Приложении 2.

⁴³⁹ Храм Сретения Господня находился в Полюстрово по адресу: Александровская улица, 9. Закрыт в 1933 году, передан под общежитие, позднее разобран, в настоящее время на его месте построены учебные заведения.

Петроградской епархии⁴⁴⁰ (в момент ареста ему шел семьдесят третий год). До революции он служил в тюремной церкви Дома предварительного заключения Окружного суда, затем в церкви Свв. Петра и Павла около Путиловского завода. После его выступления в защиту рабочих, из-за инцидента с администрацией завода, был запрещен в священнослужении на один год митрополитом Антонием (Вадковским). Как показал на следствии отец Александр: *«Обидевшись за это на Антония, я в 1914 году вышел совсем в отставку. С 1914 по 1919 год занимался частными уроками, с 1919 по 1923 год служил в Губстатотделе в отделе демографии»*.

В 1924 году отец Александр был вызван Патриархом Тихоном и назначен протопресвитером бывшего придворного ведомства вместо умершего Александра Дернава, духовником которого он являлся. К тому времени в его ведении оставалось всего две церкви — Спасо-Преображенская в Стрельне и Покровская на станции Мариенбург, но вскоре и Покровская перешла в епархиальное управление. Так что, как показал отец Александр на допросе: *«Фактически я никакого протопресвитерства не имел и занимал положение как бы административного лица в оставшихся церквях “ИПЦ”, и пользовался некоторым авторитетом только потому, что имею большой опыт священнослужения, полученный в течение 48 лет»*.

В «Обвинительном заключении» протопресвитер Александр Флеров назван одним из наиболее видных лидеров ИПЦ:

«Флеров совместно с профессором богословия Федором Андреевым (умер) работал над идейным обоснованием “ИПЦ”, изготовлял и распространял агитационно-пропагандистские и к.-р. документы (письма, воз-

⁴⁴⁰ В анкете арестованного указано, что он священник с 1884 года, а на допросе он показал, что священство принял в 1890-е годы.

звания, листовки, обращения к верующим и т. д.). После оперативной ликвидации в 1931 году органами ОГПУ к.-р. церковно-монархической организации церковников “ИПЦ”, фактически заменил митрополита Иосифа Петровых, вновь создал нелегальные группировки “ИПЦ”, стремясь возродить ликвидированную организацию».

«Флеров наряду с Советовым был одним из наиболее видных лидеров “ИПЦ”, оставаясь в Ленинграде после высылки митрополита Иосифа Петровых — его заместителем».

«По инициативе Флерова в 1931 году была налажена нелегальная связь (через оказию) с митрополитом Иосифом и другими руководителями “ИПЦ”: епископом Сергием Дружининым, протоиереем Сергием Никольским, священником Экало⁴⁴¹».

«Группировка под руководством Флерова А. К. (бывший протопресвитер дворцового и военного духовенства), захватившая Сретенскую церковь, состояла из крайне фанатически настроенных верующих».

«Актив группировки по директивам Флерова практиковал особо частые причащения, соборования, поминовения “убиенных и замученных” Соввластью и создавал атмосферу приближения “Страшного Суда” и “торжества истинного православия”».

Из «группировки Флерова» было привлечено к следствию 47 священнослужителей и активных прихожан Сретенского и других храмов:

— Григорий Васильевич Михайлин, диакон Сретенской церкви⁴⁴²,

⁴⁴¹ Сергей Никольский, настоятель Сретенского храма в 1929–1930 годах, и служивший там в то же время иерей Иоанн Экало были арестованы в конце декабря 1930 года по одному делу с епископом Сергием (Дружининым), приговорены к пяти годам концлагеря.

⁴⁴² Родился в 1876. Работал на монетном дворе и в других местах. В 1921 — рукоположен, в свободное время служил в Сретенском храме и в других иосифлянских церквях.

— Иоанн Суворов⁴⁴³, диакон Сретенской церкви, с сентября 1932 года служил в Федоровском соборе в Детском Селе,

— иеромонах Леонид, в миру Диомид Семенович Семенов⁴⁴⁴, иеродиакон Сретенского храма,

— Михаил Валентинович Кедров⁴⁴⁵, диакон Сретенской церкви, в последнее время совершал домашние богослужения,

— Иван Михайлович Паинцев, бывший подполковник царской армии, активнейший прихожанин Сретенской церкви. По версии следствия, он *«являлся одним из руководителей к.-р. ячейки при Сретенской церкви»*, *«в своей квартире устраивал богослужения и нелегальные заседания духовенства»*⁴⁴⁶,

— Василий Лукич Денисов⁴⁴⁷, прихожанин Сретенской церкви, активно распространял среди последователей *«к.-р. воззвания, листовки, рукописи и стихотворения»*, причем был автором многих антисоветских стихотворений, копировал фотокарточки архиереев и священников и распространял их среди верующих,

— Василий Васильевич Колупаев, член «двадцатки» Сретенской церкви,

⁴⁴³ Родился в 1905. Служил диаконом церкви в Рыбинске. В сентябре 1929 арестован по групповому делу *«к./р. организации епископов Варлаама Ряшенцева, Николая Голубева»*. В 1930 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Темлаг, откуда в июле 1931 бежал, тайно прибыл в Ленинград к брату. Служил в храме Михаила Архангела, затем в Сретенской церкви.

⁴⁴⁴ Родился в 1898. С 1922 — подвизался в подпольном монашеском скиту Забудужская пустынь в Боровичском уезде. В ноябре 1931 после разгрома скита скрылся, тайно проживал у брата в Ленинграде, служил в Сретенской церкви.

⁴⁴⁵ Родился в 1875. До 1917 служил в приходских храмах Гдовского уезда, в 1917 — в Сретенской церкви в Петрограде, после 1918 — в Гдовском районе, с 1927 — в Ленинграде.

⁴⁴⁶ *«Имел регулярную письменную связь с заключенным в концлагерь духовенством (Измаил Рождественский, Василий Верюжский и др.)»*.

⁴⁴⁷ Работал кассиром-счетчиком при Главной кассе Госбанка.

— Анна Андреевна Федорова, прихожанка Сретенского храма, давняя знакомая митрополита Иосифа по Ростову Великому, постоянно отправляла посылки владыке и другим заключенным,

— Парасковья Николаевна Дементьева, по версии следствия, *«была связисткой с изолированным за к.-р. деятельность духовенством, делая специальные поездки в ссылку к митрополиту Иосифу Петровых и другим руководителям “ИПЦ”»*,

— Матрена Дмитриевна Кунцевич постоянно поддерживала связь с епископом Нектарием (Трезвинским), которому посылала продукты и деньги, а от него получала письма и поручения *«о проведении разъяснительной работы среди населения, за что духовенство сейчас гонимо и высылается за свою веру»*,

— Ольга Эдуардовна Вейерт, регент церковного хора, почитательница матушки Марии Гатчинской, с которой была знакома с 1921 года, по версии следствия *«организаторша культа “Марии Гатчинской”»*⁴⁴⁸,

— Георгий Константинович Плешаев, псаломщик, по версии следствия, *«являлся одним из руководителей Сретенской к.-р. ячейки, занимался систематической а./с. агитацией»*,

— Александр Николаевич Матюшкин, председатель «двадцатки», по версии следствия, *«принимал активное участие в а/с деятельности Сретенской к.-р. ячейки; собирал средства в пользу репрессированного духовенства»*.

Подобные обвинения были предъявлены и нижеприведенным членам «двадцатки» и активным прихожанам Сретенского храма:

- Мария Ивановна Степанова,
- Анастасия Николаевна Павлова,
- Наталия Тимофеевна Кругликова,

⁴⁴⁸ Активно оказывала помощь деньгами и продуктами заключенному и высланному духовенству.

- Мария Ермиловна Платошина,
- Николай Александрович Квасников,
- Мария Константиновна Ремиз,
- Анна Петровна Ульянова,
- Ольга Николаевна Савельева,
- Римма Николаевна Савельева,
- Анна Васильевна Минеева,
- Ульяна Ивановна Кочеткова,
- Елена Филатовна Брызгалова,
- Ольга Гавриловна Калиш,
- Александра Матвеевна Суслова,
- Яков Иванович Рябов,
- Анна Васильевна Мельникова,
- Александра Васильевна Вавилова.

Среди прихожан и членов «двадцатки» Сретенского храма были и монахини закрытых к тому времени монастырей. Все они также были осуждены как *«активные участницы Сретенской к./р. группы, занимавшиеся антисоветской деятельностью»*:

— монахиня Сусанна, в миру Мария Григорьевна Кузнецова⁴⁴⁹, исполняла обязанности алтарницы при Сретенской церкви, по версии следствия *«принимала активное участие по связи с изолированным за к.-р. деятельность духовенством»*,

— монахиня Дария, в миру Людмила Филатовна Брызгалова,

— монахиня Варвара, тайно пострижена архимандритом Серафимом (Проценко), в миру Вера Владимировна Коржавина,

— монахиня Анна, в миру Аполлония Афанасьевна Иванова,

— монахиня Доминика, в миру Попова Дарья Дмитриевна,

— монахиня Сусанна, в миру Ксения Андреевна Воробьева,

⁴⁴⁹ Пребывала в монашестве 23 года.

- монахиня Матрена Николаевна Лебедева,
- монахиня Рудакова Анна Матвеевна,
- монахиня Вера Федоровна Мехедова,
- монахиня Зинаида Федоровна Мехедова⁴⁵⁰,
- послушница Варвара Ивановна Клементьева⁴⁵¹.

Приведем показания некоторых из этих обвиняемых:

«Перед нами, активными приверженцами "ИПЦ", ставилась задача максимального использования легального существования церквей и приходов "иосифлянской" ориентации, в целях а/с обработки прихожан, привлечения новых и т. п.

От ареста мне и некоторым другим членам организации удалось скрыться. Мои убеждения и а/с взгляды толкали на путь сознательной решительной борьбы с Соввластью, иного пути я не видел» (из показаний М. В. Кедрова).

«По своим убеждениям не согласен с политикой власти, которая сейчас ведет борьбу и устраивает гонение на духовенство... Как бы власть ни преследовала религию — все равно она существовать будет» (из показаний И. М. Паинцева).

«Благодаря тому, что в "двадцатке" были такие, как я, Сретенскую церковь удалось в 1927 году сделать достоянием "истинно-православной" ориентации, возглавляемой митрополитом Иосифом, и сохранить приход в этой церкви твердым и преданным истинному православию до самого последнего времени.

После ареста духовенства — протоиереев Сергия Никольского и Иоанна Экало — активом прихожан, под моим непосредственным влиянием, собирались денежные

⁴⁵⁰ В 1928 с сестрой Верой переехала к А. К. Сусловой.

⁴⁵¹ С 1908 — послушница в Иоанновском женском монастыре на Карповке. В 1924 выслана с другими монахинями в Среднюю Азию, после освобождения из ссылки — в Сретенской церкви.

средства для осужденных»⁴⁵² (из показаний В. В. Колупаева).

«Мы поддерживали тесную связь с ссыльными и заключенными в концлагерях: духовенством, монашеством и церковниками, — получали от них те или иные советы, указания, помогали им, чем могли».

«Помощь заключенным в концлагеря и ссыльным производилась организованным порядком: производились сборы в церквях и по частным квартирам у верующих».

«В Детском Селе организовали культ почитания “болящей” Ольги, с целью привлечения на ее квартиру фанатически настроенных верующих, и воздействовали на них “словом и делом”, убеждали их, что страдаем мы все при теперешней власти так же, как страдает от болезни мученица Ольга.

С полгода тому назад у нас был культ почитания Марии Гатчинской. После смерти Марии Гатчинской культ ее продолжает существовать» (из показаний А. А. Федоровой).

«С момента нашего приезда (на Кировную 18, кв. 25) в ней организовалась “общинка”, возглавляемая Флеровым. Квартира была нелегальной церковью, т. к. в ней устраивались тайные богослужения и проводились беседы, обсуждения злободневных вопросов политики Сов. власти... Мы ставили своей задачей... борьбу с безбожием, вырабатывали методы воздействия на верующих для нейтрализации их от советского влияния. Эти задачи заключались в распространении листовок, воззваний и т. п., а также в содействии организации тайных монашеских общежитий, домашних церквей и тайного монашества» (из показаний Веры Мехедовой).

«В нашей квартире устраивались систематические тайные богослужения. В этих богослужениях участвовали: епископ Сергей, священник Флеров, протоиерей

⁴⁵² «Высылалось ежемесячно НИКОЛЬСКОМУ — 100 руб. и ЭКАЛО — 80 руб.».

Леушинского подворья <Гронский>, иеромонах Афонского подворья Гликерий, мой духовник священник Спасо-Преображенской церкви <Ерин>, духовник моей сестры Веры, священник Рождественской церкви Окунев и другие, а также много монашек разных подворий и странствующие богомольцы» (из показаний Зинаиды Мехедовой).

* * *

«Группировка прот. СОВЕТОВА А. Е. (Свято-Троицкая церковь)»⁴⁵³

Из причта и прихожан Свято-Троицкой церкви в Лесном к следствию было привлечено двадцать человек во главе с протоиереем Александром Советовым⁴⁵⁴, личным другом митрополита Иосифа (Петровых). Эта группа, по версии следствия, была *«одной из центральных группировок, причем состояла главным образом из реакционно настроенной интеллигенции, бывших торговцев и монашества»*⁴⁵⁵. Отец Александр показал на следствии: *«В настоящее время имею Свято-Троицкий приход. Полагаю, что су-*

⁴⁵³ Деревянный храм Пресвятой Троицы в Лесном подворья Лютикова Св.-Троицкого монастыря Калужской епархии. До 1943 оставался иосифлянским, в 1967 разрушен в связи «с расширением проспекта».

⁴⁵⁴ Александр Евгеньевич Советов, родился в 1892 в Петербурге. В 1914 окончил юридический лицей, в октябре 1914 — кавалерийские курсы, с 1915 — поручик лейб-гвардии Конного полка, с 1918 — инструктор в РККА, с 1919 — служащий в Тотьме. В 1920 рукоположен во иерея, служил в Вологодской епархии, с 1923 — в Петрограде, с 1924 — в Тихвине, с 1925 — настоятель Софийского собора в Новгороде, с 1929 — в Свято-Троицкой церкви в Лесном.

⁴⁵⁵ *«Здание церкви использовалось как база для сборов денег, продуктов и вещей в пользу семей расстрелянного и заключенного за к.-р. деятельность духовенства».*

ществую и сохраняю этот приход только потому, что опираюсь на настоящих последователей “иосифлянской” ориентации»⁴⁵⁶; «Благодаря им мне удалось оказывать систематическую помощь заключенным в концлагеря и ссыльным (митрополит Иосиф Петровых и др.)».

На допросе 25 мая 1931 года протоиерей Александр показал, что «к Соввласти относится доброжелательно» и «сочувственно», но все же оговорился, «за исключением ее антирелигиозной политики, с которой не согласен». Он также не отрицал своей принадлежности к «руководящему составу “ИПЦ”» и был довольно откровенен в своих показаниях на допросе, но, несмотря на это, не был арестован⁴⁵⁷. В следственном деле 1932 года имеется протокол единственного допроса отца Александра от 20 ноября, в конце рукой его написано: «Мне объявлено, что следствие по делу 2916-32 в отношении меня окончено», приобщены также протоколы допросов 1930 и 1931 годов. Вероятно, как и ранее, он не был привлечен к следствию и в 1932 году по причине болезненного состояния.

Матушка протоиерея Александра, Татьяна Карловна Советова, тоже к следствию не привлекалась, хотя была допрошена и назвала прихожан-иосифлян, проявляющих, судя по ее показаниям, «известного рода активность в той деятельности, которая сводится к сохранению и укреплению “иосифлянства”»: Татьяну Сергеевну Фицнер, Веру Эдуардовну Блюм, Анну Митрофановну Максимова, Анну Николаевну Николаеву, Александру Владимировну Максакову, Михаила Васильевича Волкова,

⁴⁵⁶ Далее он называет участников: Марию Васильевну Васильеву, жену судебного пристава, Наталью Митрофановну Крумгольд, жену офицера царской армии, ее сестру Анну Митрофановну Максимова, Михаила Васильевича Волкова.

⁴⁵⁷ Он не значится ни среди арестованных, ни среди обвиняемых.

Михаила Ивановича Кротова и Елену Каркизовну Лебедеву. При этом Татьяна Карловна подтвердила: *«Тесная связь существует у нас с митрополитом Иосифом Петровых, от которого мы часто получали письма, писали ему ответные, посылали деньги, продукты и различные предметы бытового обихода».*

Из привлеченных к следствию по групповому делу из причта и прихожан Свято-Троицкой церкви следует назвать следующих лиц:

— иеромонах Анатолий⁴⁵⁸, посвященный в сан архиепископом Димитрием (Любимовым), в миру Алексей Иванович Согласнов, по версии следствия, *«вместе с протоиереем Александром Советовым возглавлял Свято-Троицкую к.р. ячейку и с 1928 года до самого последнего времени руководил а.с. деятельностью членов этой ячейки»*,

— Михаил Васильевич Волков, председатель «двадцатки» Свято-Троицкой церкви, заведовал нелегальным денежным и продуктовым фондом помощи ссыльным и заключенным⁴⁵⁹, *«оказывал приют скрывающимся от арестов черному и белому духовенству»*, снабжая их деньгами и продуктами,

— Василий Павлович Андреев, сторож-келейник при Свято-Троицкой церкви,

— Николай Васильевич Маркин, сторож при Свято-Троицкой церкви, который *«способствовал скрываться черному духовенству от ареста»*,

— Вера Эдуардовна Блюм, дворянка, жена бывшего офицера царской армии, по версии следствия *«активная участница а/с деятельности Свято-Троицкой ячейки»*,

⁴⁵⁸ Более подробные сведения о иеромонахе Анатолии приведены в воспоминаниях Л. П. Семеновой.

⁴⁵⁹ Для митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Димитрия (Любимова), епископа Сергея (Дружинина), протоиерея Василия Верюжского и других.

— Татьяна Сергеевна Фицнер, научный работник, член «двадцатки» Свято-Троицкой церкви, постоянно *«оказывала материальную поддержку Советову»*,

— Александра Владимировна Максакова, член «двадцатки» Свято-Троицкой церкви,

— Анна Митрофановна Максимова, жена бывшего офицера царской армии и секретарь «двадцатки» Свято-Троицкой церкви,

— Мария Ивановна Волкова, супруга председателя «двадцатки» Свято-Троицкой церкви,

— Анна Николаевна Николаева-Борисова, председатель ревизионной комиссии «двадцатки» Свято-Троицкой церкви,

— Иван Алексеевич Кокурин, член «двадцатки» Свято-Троицкой церкви,

— Михаил Иванович Кротов, церковный староста Свято-Троицкой церкви.

Также были привлечены к следствию прихожане Свято-Троицкой церкви, обвиняемые в ведении *«активной антисоветской деятельности»*:

— Елена Наркизовна Лебедева,

— Мария Матвеевна Васильева,

— Наталья Митрофановна Крумгольц,

— Мария Андреевна Тихомирова и Юлия Андреевна Тихомирова, сестры расстрелянного священника Сергия Тихомирова и заключенного Александра Тихомирова.

Приведем выдержки из показаний на следствии некоторых обвиняемых:

«В убеждениях я своих тверд и неподкупен, на какие угодно пойду страдания, но сатанинской власти не продамся» (из показаний В. П. Андреева).

«Повел отшельнический монашеский образ жизни, проживая в церкви, принимал активное участие в а/с деятельности к.-р. ячейки при Свято-Троицкой церкви»; «Я без всякого сожаления покинул мирскую жизнь, ушел

в пределы церковной жизни» (из показаний Н. В. Маркина).

«Производила сборы, пожертвования в пользу ссыльного и заключенного в к/л духовенства, распространяла провокационные слухи, к.-р. стихи и церковно-монархическую литературу» (из показаний В. Э. Блюм).

«На квартире Жураковского я встречала много его почитателей и приверженцев, имела с ними связь, хорошо их знала и знаю, но говорить о них следствию и называть их отказываюсь» (из показаний Т. С. Фицнер).

* * *

«Группировка протоиерея ЗАПАДАЛОВА А. И. (Моисеевская церковь на Пороховых)⁴⁶⁰

Из *«группировки Моисеевская церковь на Пороховых»* к следствию было привлечено тридцать человек из причта и прихожан церкви во главе с митрофорным протоиереем Алексием Западаловым...⁴⁶¹ Отец Алексей присоединился к иосифлянам в конце 1929 года, позднее объяснив это так: *«Я убедился, что “сер-*

⁴⁶⁰ Храм Св. Моисея Новгородского при подворье Сковородского Михайловского монастыря Новгородской епархии — Колтушское шоссе (ул. Коммуны), 58. 25 января 1933 закрыт. Здание не сохранилось.

⁴⁶¹ Алексей Иосифович Западалов, родился в 1870. Окончил Московскую Духовную академию, служил в канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода. В 1900 рукоположен во иерея, с 1904 служил в Павловском соборе в Гатчине, с 1911 — в Покровской церкви в Петербурге, с 1917 — в церкви Смоленской иконы Божией Матери, с 1919 — ее настоятель, а также храмов Пресвятой Троицы и Воскресения Христова. 10 августа 1921 — отпевал в последнем поэта А. Блока. Уклонялся в обновленческий раскол, но в сентябре 1923 вернулся к Патриарху Тихону и вел борьбу с обновленцами. В середине 1920-х годов он был изгнан обновленцами из Смоленской церкви и стал служить требы на Смоленском кладбище и проводить тайные богослужения на квартирах верующих.

гиевцы” являются служителями существующей Соввласти, и примкнул к “иосифлянской” ориентации — ориентации “ИПЦ”». Далее он подтвердил, что после массовых арестов 1930–1931 годов стал активнейшим сторонником иосифлян:

«Будучи защитником “ИПЦ”, я везде и всюду вел а/с агитацию, убеждая верующих твердо стоять на защите нашей православной веры. Я выступал с а/с проповедями, призывая православных защищать свои храмы, и доказывал, что в настоящее время со стороны Соввласти идет сильное стеснение и что нам, верующим, необходимо объединиться. Такие же проповеди говорил в Полюстрове и на Смоленском кладбище.»

«Я ставил себе целью возродить “иосифлянскую” ориентацию, написал по этому поводу письмо митрополиту Иосифу Петровых, которое было ему отвезено “оказией” в 1931 году архимандритом Макарием. Я должен был получить от митр. Иосифа соответствующие директивы через этого же Макария, но он был в пути арестован.»

В августе 1932 года именно отец Алексей написал прошение в ЦИК о возвращении верующим закрытого собора Воскресения на Крови. Второе его прошение с требованием пересмотреть дела заключенных в тюрьмы и концлагеря иосифлянских священнослужителей планировалось передать в Москву через П. И. Цагарелли, земляка Сталина и бывшего прихожанина церкви Михаила Архангела в Малой Коломне, однако сделать это не удалось.

Из привлеченных к следствию, отнесенных к «группировке протоиерея Западалова», следует назвать следующих участников:

— Василий Федорович Словцев⁴⁶², протоиерей, в 1929 году епископом Димитрием (Любимовым) назна-

⁴⁶² Родился в 1872. В 1899 рукоположен во иерея, служил полковым священником. Участник Русско-японской войны (награжден за

чен священником Свято-Троицкой церкви в селе Щеглово Ленинградской области, в 1931 году, после ареста иеромонаха Серапиона, по просьбе председателя церковного совета Моисеевской церкви и от имени ее «двадцатки» принял место священника, чтобы удержать власти от закрытия церкви, а по версии следствия, *«захватив в свои руки Моисеевскую церковь, группировка использовала ее как легальную возможность и развернула широкую к.-р. и церковную (в духе “ИПЦ”) агитацию»*. Протоиерей Василий подтвердил на допросе, что как настоятель этой церкви *«активно защищал интересы нашей иосифлянской ориентации»*, и не отрицал также, что под его руководством *«активом нашей церкви производились сборы денежных средств в пользу высланного духовенства как в здании церкви, так и по квартирам верующих»*,

— Михаил Кириллович Власов⁴⁶³, в 1928 году епископом Димитрием (Любимовым) в храме Воскресения на Крови пострижен в монашество, возведен в иерейский сан и направлен служить в Вятскую область, с апреля 1932 года — в Моисеевской церкви,

— Василий Федорович Киселев⁴⁶⁴, тайный монах, отбывший трехлетний срок на Соловках, с весны 1932 года служил в Моисеевской церкви,

храбрость орденами Св. Анны III и II степени с мечами и наперсным крестом на георгиевской ленте). В 1914 — полковой священник в 1-м финляндском стрелковом полку (награжден орденом Св. Владимира и саном протоиерея). После революции служил в приходах Белоруссии.

⁴⁶³ Родился в 1877. В 1920 рукоположен во диакона, служил в Вятской губ. В 1928 прибыл в Ленинград, после посвящения во иерея служил в селе Рябиново Вятской губ., с 1932 — в Ленинграде.

⁴⁶⁴ Родился в 1900. Тайно пострижен в мантию. В марте 1932 после освобождения из лагеря прибыл в Самару. Не найдя там последователей «ИПЦ», выехал в Ленинград, служил в Моисеевской церкви.

— Федор Иванович Зудкин, псаломщик-регент Моисеевской церкви⁴⁶⁵,

— Агриппина Изофатовна Романова, тайная монахиня, член президиума «двадцатки» Моисеевской церкви,

— Анна Васильевна Теленкова, секретарь «двадцатки» Моисеевской церкви,

— монахиня Александра, тайно постриженная архимандритом Серафимом (Проценко), в миру Акулина Ивановна Богданова,

— Николай Степанович Степанов, прихожанин церкви,

— Анна Моисеевна Печенкина, прихожанка церкви,

— Павел Иванович Цагарелли, прихожанин церкви,

— Александр Александрович Соколов, прихожанин церкви,

— Ксения Васильевна Соколова, прихожанка церкви.

Кроме стандартных обвинений, арестованным этой группы было предъявлено следствием еще одно обвинение:

«Особенностью этой группировки была популяризация различных культов и прославление могил “блаженных”, “старцев”, “чудотворных” икон и т. д. После смерти члена этой группировки, бывшего городского Петра Андреевича Богомолова, последний был прославлен как “блаженный”. Похороны Богомолова вылились во внушительную а /с демонстрацию, длившуюся целый день. В похоронах приняли участие последователи “ИПЦ” гор. Ленинграда и области (г. Псков, Новгород, Солыцы, Старая Русса и др.)».

* * *

⁴⁶⁵ Скрываясь от ареста, приобрел документ на чужое имя: Ванчина Никиты Леонтьевича.

«Группировка ИВАНОВА Ф. П. (тайно-монашеская община)»

К следствию было привлечено двенадцать участников *«тайно-монашеской общины»*, которую возглавлял иеромонах Серафим (Иванов)⁴⁶⁶, пользовавшийся широкой популярностью среди верующих, по версии следствия, как *«якобы обладающий “чудодетственной” силой»*. Двадцать лет он провел в Саровской пустыни, после ее закрытия пребывал в Ленинграде и окрестностях, епископом Сергием (Дружининым) был рукоположен в иеромонаха.

«С начала организации “ИПЦ” являюсь приверженцем главы этой церковной организации митр. Иосифа Петровых, и вся моя деятельность основывалась на политической платформе “ИПЦ”»; «Стремюсь укреплять институт тайного монашества, я совершал тайные постриги».

Действительно, под его влиянием многие верующие приняли тайное монашество⁴⁶⁷. Сначала с прихожанами проводились беседы *«о будущей жизни, положении “истинной” Церкви в настоящее время, о ее преследованиях со стороны власти и гонениях на духовенство»*. При постригах присутствовали обычно иеромонах Анатолий (Согласнов) и монах Михаил (Жирюшкин). Все тайно постриженные в монашество входили в нелегальную общину отца Серафима. По его убеждению, *«обителью для них должно служить мирское общежитие, т. е. частная квартира, и, находясь в миру, они должны нести монашеский обет нелегально»*.

⁴⁶⁶ Монах Серафим, в миру Филипп Павлович Иванов, родился в 1880. В 1908 пострижен в мантию с именем Серафим.

⁴⁶⁷ На следствии он перечисляет их тайные монашеские имена: Аняния, Анатолий, Домна, Нинона, Пантелеймона.

Из привлеченных к следствию, отнесенных к *«тайно-монашеской общине»*, следует назвать следующих участников:

— тайный монах Анатолий, в миру Иван Трофимович Брынев⁴⁶⁸,

— Иван Степанович Коноплянников, всегда сопровождал старца Серафима, и, по версии следствия, *«способствовал в его к.-р. деятельности по насаждению монашества и нелегальных монашеских домашних церквей»*,

— монахиня Антонина, в миру Параскева Андреевна Булатова, духовная дочь епископа Виктора Вятского, с 1926 года стала прихожанкой храма Воскресения на Крови, после его закрытия перешла в Благовещенскую церковь в Александро-Невской лавре, постоянно оказывала материальную помощь своему духовнику Алексею (Терешихину) и другим заключенным,

— Виктор Варфоломеевич Киркилевский, ближайший сподвижник иеромонаха Серафима (Иванова), его помощник в тайных пострижениях верующих, подтвердил на следствии, что *«иеромонах Серафим часто у нас скрывался»*,

— Анна Филипповна Киркилевская, духовная дочь Иоанна Кронштадтского, как *«убежденная последовательница его пастырского учения»*, устраивала поучительные беседы и прославляла отца Иоанна,

— Михаил Иванович Кирюшкин, *«ближайший сподвижник старца иеромонаха Серафима»*,

— монахиня Ольга, затем схимонахиня Ирина, *«бродячая странница»*, в миру Надежда Федосеевна Кубарева⁴⁶⁹. По версии следствия, именно она *«рас-*

⁴⁶⁸ Родился в 1883. В июле 1932 пострижен в тайное монашество иеромонахом Серафимом, служившим в Федоровском соборе Детского Села.

⁴⁶⁹ Родилась в 1870. В монашестве провела сорок два года, с 1890 находилась в Топловском монастыре под Феодосией, в 1929 после

пространяла провокационные слухи о кончине мира и падении Соввласти»,

- Елена Николаевна Грузнева,
- Татьяна Яковлевна Антонова,
- Парасковья Филипповна Пересветова,
- Мавра Федоровна Шумякова,
- Параскева Филипповна Бойкова скрывала на своей квартире старца Серафима в течение шести месяцев.

Приведем выдержки из показаний на следствии некоторых обвиняемых:

«Признаем и примыкаем к церковно-монархической группировке “Истинно-Православная церковь” и в ее деятельности принимали активное участие» (из показаний П. Ф. Бойковой).

«Я являюсь участницей к.-р. организации “Истинно-православная церковь”, т. к. она одна не продалась Соввласти, т. е. антихристу» (из показаний Н. Ф. Кубаревой).

«Наличие в нашей комнате большого количества икон и особенно изображений отца Иоанна Кронштадтского — есть признак того, что мы всецело сосредоточены на том, чтобы оградить себя от существующих греховных порядков власти».

«Могилу “Марии болящей” на Смоленском кладбище мы превратили в место сосредоточения членов нашей группировки, почитая и прославляя эту могилу, как благодатное и святое место» (из показаний В. В. Киркилевского).

«Мы устраивали беседы, на которых обсуждали то, что в настоящее время происходит последнее время, т. к. теперешняя власть есть последняя власть сатаны-антихриста, которая перед Страшным Судом

его закрытия и ареста священнослужителей выехала к брату в Ленинград.

Господним нагнетает гонение на христиан, чтобы заставить их преклониться перед сатаной» (из показаний М. И. Кирюшкина).

«Отец Иоанн Кронштадтский творил великие чудеса, исцелял больных и вылечивал бесноватых, возвращал к жизни множество людей, спасая их от неминуемой смерти своей великой благодатью. Я это говорила всем везде и всюду, буду говорить и прославлять отца Иоанна Кронштадтского».

«Мы читаем и разбираем церковные книги, заблудшим людям делаем нравоучительные наставления, чтобы они перестали поддерживать нынешние бесовские порядки; чтим и прославляем болящих и страдающих; изготавливаем всякие священные средства (землицу, песочек и т. п.), благодаря которым сохраняется великая благодать, направленная против сатаны и его козней» (из показаний А. Ф. Киркилевской).

* * *

«Группировка МИХАЙЛОВА Н. М. (“тайнослуженцы”)

Из группы «*тайнослуженцев*» было привлечено к следствию восемь участников, возглавлял группу иеромонах Митрофан Оптинский, в миру Николай Михайлович Михайлов⁴⁷⁰. Он служил в Свято-Троицкой церкви в Лесном, но с октября 1930 года, после регистрации “двадцаток” храмов в исполкомах, оставил служение в церквях, «*тайно совершал богослужения*

⁴⁷⁰ Родился в 1876. Монашествовал тридцать четыре года, из них двадцать семь лет в Макарьевском монастыре и семь лет в миру. С 1925 служил в храме при Никифоровском подворье за Невской заставой, потом с протоиереем Филофеем Поляковым — в церкви Михаила Архангела и затем — в Свято-Троицкой церкви в Лесном.

на частных квартирах у верующих и жил нелегально у них же в течение семи лет».

Во время следствия, на первом же допросе следователем с его слов в графе «партийность и политические убеждения» было внесено: «К Советской власти отношусь отрицательно. Не уступал и не уступлю ей ни в чем»; а в графе «сведения об общественной и революционной работе» — «Согласно заветам Апостола Павла анафематствовал (проклинал) существующую власть, как антихристову». А на допросе 19 октября 1932 года отец Митрофан заявил:

«Исповедую имя Бога моего Господа Иисуса Христа, пришедшего для искупления рода человеческого страданиями своими, и державу и власть и силу Отца и Сына и Святого Духа. Пред безбожною, богоборною, лживою, богохульною Советской властью — удивляюсь дерзостью ее, како восстала тварь против Творца.

Как иеромонах, эту Советскую власть, всех безбожников, где бы они ни были, и не верующих в Бога, обличаю и порицаю, т. к. Советская власть есть сатанинская, дьявольская власть»⁴⁷¹.

«Власть земная без помазанника Божьего, без царя, не может быть законной. У власти должен быть монарх, только при царе-помазаннике Божьем в союзе с Церковью на земле может быть порядок».

«Христос есть сила жиздительная (подающая всем жизнь в порядке). Сатанинская же власть есть истребительная и мучительная — порядка дать не может. Под влиянием этой сатанинской власти, как силы, все люди находятся во тьме, в злобе и в озверении; создают самим себе погибель, потому что без веры во

⁴⁷¹ «У власти Советской нет главы, она, эта глава, скрыта, т. к. антихрист еще не объявился. Антихрист есть губитель рода человеческого. Предтеча антихриста есть Ленин. Он внес учение лживое и оболыстил этим учением весь мир. Русский человек подпал под влияние евреев, стал мочалкой этого еврейства. Сейчас у нас власть тьмы (сатаны) по делам ее беззакония».

Христе и без царя жизни быть не может, ибо "сердце царево в руке Божией", а советская власть есть слепое орудие сатаны».

На допросе 29 ноября 1932 года иеромонах Митрофан заявил:

«Я, иеромонах Митрофан, считаю за счастье предстать перед сатанинской Советской властью за честь и славу, державу великого Бога, Отца и Сына и Святого Духа. Я исповедую имя Господа Иисуса Христа, являюсь обличителем богопротивных дел безумной, лживой Советской власти.

Проповедовал на воле, высказывал речи и теперь говорю, находясь в заключении: слугители сатаны, власть имущие, опомнитесь, безумцы, прекратите разрушение Церкви, прекратите кровавые расправы с православными, убойтесь Страшного Суда Господа Иисуса Христа, задушившие царя-батюшку — помазанника Божия».

Далее он подтвердил, что после регистрации храмов перешел на нелегальное положение, *«создал движение тайнослужащих истинно-православных христиан, возглавил это движение и в устраиваемых подпольных церквях на квартирах у истинно-православных обличал сатанинские дела власти»*, подробно изложив по пунктам, о чем говорил своим приверженцам в проповедях и проводимых им беседах.

«1. Разрушительная и губительная сила демонизма и сатанизма заключается в правительстве нынешней власти, в его дьявольских учреждениях, в Красной армии, в которой могут служить только отверженные от Бога бесовские воины.

2. Разрушительные и губительные формы Сов. власти с внешней стороны проявляются в построении совхозов, колхозов; в воздвижении всяких "Днепростроев", "Волховстроев" и тому подобных бесовских сооружениях.

Вместо храмов Божиих строятся свинарники, вместо храмов Божиих воздвигаются конюшни и вертепы бесовские — дома культуры и театры.

С нами Бог, разумеете все языцы, говорил я и говорю, кодексы Советской власти есть лживое и губительное предписание сатаны.

Я плевал и плюю, топтал и топчу, порицаю и отрицаю все советские законы. Перед Сов. властью не считаю себя виновным, ибо она не царская, которая судила пастырей, сняв с них сан, ежели они преступники, а Сов. власть судит и расстреливает пастырей в санах, даже архиереев.

Это все произошло от заразы, от идола, от Ленина. Он заразил своим учением весь мир и обратил великое множество православных в плен сатаны.

«Уничтожив меня, власть убьет мое тело, но не убьет во мне воинствующий дух, направленный против демонизма и сатанизма».

Из привлеченных к следствию, отнесенных к «тайнослужащим», следует назвать следующих участников:

— иеромонах Филарет, в миру Филипп Ефимович Карзанов⁴⁷², с сентября 1931 года служил тайно по домам верующих, причем во время следствия заявил, что о том, «у кого я служил по квартирам, говорить отказываюсь, т. к. не хочу быть Иудой и предателем»,

— Елена Андреевна Перова свою квартиру «превратила в подпольную домашнюю церковь и в убежище для тайнослужащего черного духовенства»,

— тайная монахиня Мария Николаевна Чистякова⁴⁷³, в своей квартире оказывала приют скрываю-

⁴⁷² Родился в 1888. В 1913 поступил в Тихвинский монастырь, с 1914 на военной службе, в 1917 вернулся в монастырь, в 1923 пострижен в монахи. В 1924 за агитацию против обновленцев арестован, приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Устюжну. С 1926 служил диаконом в храме Воскресения на Крови. Рукоположен в иеромонаха. После закрытия храма служил в церкви Св. Пантелеимона на Пискаревке, потом уехал на родину.

⁴⁷³ Родилась в 1899. В 1926 приняла тайное монашество.

щимся единомышленникам, *«устраивала нелегальные беседы на религиозно-политические темы, прославляла культ Марии Гатчинской с целью сплочения последователей “ИПЦ”»*,

— тайная монахиня Феофания, постриженная игуменом Сергием из Александро-Невской лавры в 1927 году, в миру Анна Дмитриева Шевченко,

— монахиня Любовь Ивановна Ямковская⁴⁷⁴,

— монахиня Мария Федотовна Анипкина,

— монахини Мария Васильевна и ее сестра Елизавета Васильевна Щукины⁴⁷⁵ организовали в своей квартире подпольную домашнюю церковь и *«устраивали в ней нелегальные богослужения и религиозно-поучительные беседы»*.

В «Обвинительном заключении» относительно самих участников группировки отмечалось, что все они были уверены: *«При Соввласти Церковь вообще легально существовать не может»*, поэтому сам факт регистрации *«храмов Божиих»* в советских учреждениях признавался ими *«актом принципиально недопустимым, равносильным пребыванию в “списках антихристовых”*». Да и сами участники категорически отказывались получать советские документы, считая, что принять такой документ — это значит *«принять печать антихриста»*. Относительно главной цели участников следствием утверждалось, что *«группировка была тщательно законспирирована и ставила себе целью подготовку и оборудование церквей (в частных квартирах) для проведения тайных богослужений»*.

* * *

⁴⁷⁴ Родилась в 1883. С 1905 — в Вауловском Успенском скиту Иоанновского монастыря, в 1919 поступила в Иоанновский монастырь в Петрограде, в 1922 после передачи его обновленцам перешла жить на квартиру к группе монахинь, где сохранялись монастырские порядки.

⁴⁷⁵ Они ранее монашествовали в течение пятнадцати лет.

**«Группировка РЕУТОВА М. Т.
(Монашеская обитель
“Старо-Афонского подворья”)»**

Из группы «монашеской обители Старо-Афонского подворья» были привлечены к следствию несколько монашествующих во главе с архимандритом Макарием⁴⁷⁶, настоятелем Благовещенской церкви в Старо-Афонском подворье. В 1929 году монашествующие были выселены из подворья, они выехали в поселок Петрославянка под Ленинградом и в двух квартирах устроили новую обитель. Позднее на следствии архимандрит Макарий показал:

«Несмотря на фактическую ликвидацию подворья⁴⁷⁷ и невзирая на декрет Правительства Соввласти о ликвидации всех монастырей и подворий, наша обитель, как я считаю, продолжала существовать до самых последних дней, т. к. мы поддерживали монастырский образ жизни во всех условиях, которые нам пришлось испытывать».

«Обитель наша — Старо-Афонское подворье, т. е. все возглавляемые мною иеромонахи, игумены и монахи — являлись сторонниками церковно-монархической ориентации, называемой “Истинной Православной Церковью”, и не признавали для себя законными церковные ориентации, как “Сергиевскую”, так и “обновленческую”».

В феврале 1932 года были арестованы «за контрреволюционную деятельность» восемь монашеств-

⁴⁷⁶ В миру — Матвей Тимофеевич Реутов. Родился в 1875. С 1898 — в Свято-Андреевском скиту на Афоне, затем служил настоятелем Благовещенской церкви в Петербургском подворье, в 1921 митрополитом Вениамином возведен в сан архимандрита.

⁴⁷⁷ В 1923 году Благовещенский храм стал приходским, но «двадцатку» прихода составляли верные христиане.

вующих из обители, по окончании следствия некоторые из них отправлены в лагерь, некоторые высланы. Оставшиеся на свободе монашествующие вместе с архимандритом Макарием покинули поселок, переехали в Ленинград и определились там по разным квартирам, систематически оказывая денежную и материальную помощь своим братьям, отправленным в лагерь и в ссылки. Осенью того же года по инициативе архимандрита Макария начались переговоры между его обителью и греческим посланником о переходе всех монахов в греческое подданство и объявлении Старо-Афонской церкви в Ленинграде государственным имуществом Греции и посольской церковью.

4 октября 1932 года архимандрит Макарий (Ретуев) и десять монашествующих были арестованы и привлечены к следствию:

- иеромонах Иосиф, в миру Илья Иванович Мраморный,
- иеромонах Рафаил, в миру Роман Акимович Животов,
- иеромонах Дорофей, в миру Дмитрий Афанасьевич Гутынин,
- иеромонах Гликерий, в миру Гавриил Анисимович Сорокин,
- иеромонах Дамиан, в миру Дмитрий Дмитриевич Стриганьев,
- иеромонах Хрисанф, в миру Ефим Иванович Мальцев,
- иеродиакон Иасон, в миру Иван Иванович Басов,
- иеродиакон Гермоген, в миру Георгий Васильевич Крылов,
- иеродиакон Иларион, в миру Владимир Гаврилович Колчин,
- монах Виссарион, в миру Иван Андреевич Андреев.

Их образ жизни и тайные богослужения на квартирах впоследствии будут представлены в материалах «Обвинительного заключения» в стандартном чекистском стиле:

«На систематических нелегальных собраниях, устраивавшихся в обители, на которых присутствовал церковный актив “Старо-Афонского подворья”, читались антисоветские и антиколхозные проповеди; предсказывались сроки падения Соввласти и иностранной интервенции».

После ареста архимандрита Макария и монашествующих член «двадцатки» Благовещенской церкви Петр Иванович Архипов⁴⁷⁸ вторично ездил к греческому посланнику в Москву, позднее дав на следствии подробные показания о беседе с ним и своих предложениях и просьбах в отношении всех арестованных и ранее осужденных:

«1) узаконить права собственности на подворье Старо-Афонского монастыря, дабы обеспечить существование закрытого церковно-монархического очага, изолировав его от советских законов;

2) освободить архимандрита Макария Реутова и всех монахов подворья от подданства СССР и перевести их в подданство греческого государства, как доверенных и уполномоченных лиц Старо-Афонского монастыря, находящегося в Греции;

3) выселить всех проживающих ныне в здании Старо-Афонского подворья рабочих;

4) добиться освобождения из концлагеря и ссылки семи монахов».

⁴⁷⁸ «Несмотря на официальную ликвидацию названного (Старо-Афонского) подворья в 1923 году, фактически благодаря активности прихожан “двадцатки” и личному пребыванию моему в “двадцатке” это подворье сохранялось до 1929 года», — показал П. И. Архипов.

Далее он показал, что просил посланника *«принять меры или к освобождению монахов из-под ареста, или назначить нам в церковь духовенство из имеющих у них греческих подданных; посланник обещал принять меры»*. Далее Петр Иванович подтвердил, что *«под руководством актива прихожан в здании церкви производятся сборы материальных средств в пользу арестованного черного духовенства»*⁴⁷⁹.

Позднее к следствию были привлечены также и другие прихожане Благовещенской церкви Старо-Афонского подворья:

— Андрей Иванович Фаддеев,
— Василиса Игнатьевна Викторова,
— Анна Георгиевна Смирнова,
— монахиня Вера, в миру Анна Семеновна Богданова,

— Иулита Михайловна Волкова, свою квартиру превратила *«в домашнюю церковь, в которой устраивала беседы на религиозно-политические темы»*,

— Ефросинья Яковлевна Кухарская ранее постоянно посещала Старо-Афонское подворье, принимала активное участие в делах Благовещенской церкви, а затем, по версии следствия, *«превратила свою квартиру в убежище скрывающихся от арестов монашеских элементов»*, оказывая им материальную поддержку. На допросе она показала: *«Я была знакома с архимандритом Макарием Реутовым, к нам он часто ходил на квартиру и наставлял нас в духе поддержания православной веры, я была его духовной дочерью»*.

* * *

⁴⁷⁹ *«Мы используем здание церкви в антисоветских и контрреволюционных целях, в чем я себя и признаю виновным»*, — признал П. И. Архипов.

**«Тайные церкви в квартирах
ВИНОГРАДОВОЙ А. А.
и ЛАПИЦКОЙ М. Т.»**

По благословиению протопресвитера Александра Флерова и священника Александра Советова в квартирах монахини Анастасии Виноградской и верующей Марии Лапицкой были оборудованы домашние церкви, в которых проводились нелегальные богослужения. По версии следствия, именно эти церкви *«посещались “тайнослуженцами”-антисоветчиками»* и обычно после каждого богослужения они с верующими *«устраивали беседы на текущие политические и церковные темы, причем все события освещались в антисоветском духе»*. К следствию были привлечены:

— монахиня Анастасия Ананьевна Виноградова⁴⁸⁰, возглавила нелегальное монашеское общежитие на своей квартире⁴⁸¹. Под ее руководством поддерживалась связь и оказывалась материальная поддержка отправленным в лагеря священникам-иосифлянам: Никифору Стрельникову⁴⁸², Иоанну Никитину⁴⁸³, Сергию Батышеву⁴⁸⁴, монахине Марии Майоровой, и, по

⁴⁸⁰ Родилась в 1874. В монашестве пребывала двадцать один год.

⁴⁸¹ По адресу: ул. Веселая, дом 19, квартира 3.

⁴⁸² Протоиерей Никифор Стрельников, ключарь храма Воскресения на Крови. В декабре 1930 арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

⁴⁸³ Протоиерей Иоанн Никитин, с конца 1927 служил в храме Воскресения на Крови. В ноябре 1929 арестован по одному делу с архиепископом Димитрием Гдовским, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

⁴⁸⁴ Протоиерей Сергей Батышев, бывший настоятель храма Святого Алексия Человека Божия при подворье Новодевичьего Алексеевского монастыря в Арзамасе. С апреля 1930 после закрытия храма служил тайно на квартирах и окормлял группу монахинь во главе с монахиней Серафимой (Голубевой) из бывшего Иоаннов-

ее словам, *«средства для оказания этой помощи мы собирали по квартирам верующих»*,

— монахиня Евфросиния Алексеевна Вольницына⁴⁸⁵,

— монахиня Поликсения Петровна Ильина⁴⁸⁶,

— Иосиф Викентьевич Шуман⁴⁸⁷, тайнослужащий священник, рукоположенный в 1927 году епископом Леонидом Залесским в Переяславле. Позднее на следствии подтвердил, что именно по его инициативе и с участием монаха Ивана Самосватова квартира Марии Лапицкой была *«превращена в нелегальную домашнюю обитель»*. Далее он показал, что в ней *«было сосредоточено значительное количество религиозной литературы, разных икон и церковной утвари»* и что все эти предметы были вывезены из Сергиевской пустыни,

— Мария Трофимовна Лапицкая, уборщица, оборудовала свою квартиру в подпольную домашнюю церковь, *«устраивала в ней тайные богослужения и беседы на религиозно-поучительные темы»*,

— монах Иван Фомич Самосватов⁴⁸⁸, знакомый И. В. Шумана по Троице-Сергиевой пустыни.

Приведем выдержки из показаний на следствии некоторых обвиняемых:

«С приходившими к нам верующими мы устраивали душевспасительные беседы для поддержания веры, читали им и раздавали акафисты, выписки отдельных текстов из священных сочинений и т. д.» (из показаний А. А. Виноградовой).

ского монастыря. В октябре 1931 арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

⁴⁸⁵ Родилась в 1873. В монашестве пребывала двадцать лет.

⁴⁸⁶ Родилась в 1864. В монашестве пребывала тридцать девять лет.

⁴⁸⁷ Родился в 1881. С 1905 по 1912 пребывал в Троице-Сергиевой пустыни. В 1927 рукоположен во иерея, служил тайно в подпольных домашних церквях.

⁴⁸⁸ Родился в 1876. С 1900 по 1914 пребывал в Троице-Сергиевой пустыни.

«Не разделяя политики Соввласти, мы всем своим существом противодействовали, как могли, разразившимся гонениям на Православную Церковь и верующих. С этой целью мы обходили квартиры верующих и распространяли портреты репрессированных Соввластью священнослужителей, рассказывали о тяжелом положении ссыльных страдальцев за дело Православной Церкви» (из показаний П. П. Ильиной).

«С могилوک блаженных мы брали песочек, камешки и другие предметы, имеющие священное и целебное свойство от всех болезней, неприятностей и прочее. Раздавая эти реликвии верующим, мы всюду способствовали созданию культов почитания Божьих угодников — блаженных и юродивых (из показаний Е. А. Вольницыной).

* * *

Среди арестованных осенью 1932 года также были привлечены к следствию девять человек, которые не вошли в отдельно выделенные группы:

— Иван Васильевич Соколин⁴⁸⁹, священник-нелегал, *«в последнее время бродяжничал по кладбищам бывшего Новодевичьего монастыря и по Смоленскому, прославлял блаженных и юродивых»*, по версии следствия, *«вел агитацию против политики и мероприятий Сов. власти»*,

— Иван Андреевич Крылов, диакон, проводил тайные богослужения на квартирах верующих,

— Федор Дмитриевич Кулаков, иподиакон у епископа Василия (Докторова), в последнее время странствовал, по версии следствия, *«ходил по к.р. ячейкам "ИПЦ" и занимался систематической а/с агитацией»*,

⁴⁸⁹ Родился в 1868. В 1893 рукоположен во иерея, с 1909 находился за штатом, с 1922 служил на Афонском подворье и в других церквях. С началом массовых арестов перешел на нелегальное положение.

— Александр Степанович Смирнов, странник. По версии следствия, именно он *«устанавливал контакт в а/с. деятельности к.р. ячеек “ИПЦ” периферии с к.р. ячейками в Ленинграде»*,

— Федор Григорьевич Григорьев, странник-*«прозорливец»*. Позднее на следствии он подтвердил: *«Хожу я по Ленинграду уже три года и призываю народ к покаянию от грехов, чтобы они оградил себя от суровой кары Господней и от вечных адских мучений»*.

К следствию были также привлечены и почитатели блаженного Матфея Татомира⁴⁹⁰:

— Александр Михайлович Латышев⁴⁹¹, до революции староста Исидоровской церкви в Александро-Невской лавре. Именно он, по версии следствия, являлся *«организатором культа блаженного Матфея Татомира, скрывал в его склепе ценности, брал с его могилы всякие реликвии в виде песочка, лампадного масла, землицы»*,

— Екатерина Александровна Малыгина, дочь А. М. Латышева, его помощница *«в организации культа блаженного Матфея Татомира»*. Позднее она показала на следствии, что ее родители были тесно связаны с настоящими *«организаторами культа блаженного Матфея Татомира»*, иеромонахом Матвеем Челюсткиным⁴⁹² и Любовью Лимонштайн⁴⁹³, ныне умершей:

⁴⁹⁰ Матфей Татомир, в документах следствия — Татомир, родился в 1848 в Подольской губернии, в семье священника. Окончил духовную семинарию. Много лет паломничал по святым местам, последние семь лет жизни провел в затворе в Петербурге и почитался как молитвенник и блаженный. В 1904 скончался, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, над могилой возведен склеп-часовня.

⁴⁹¹ Родился в 1864. До революции был купцом 1-й гильдии.

⁴⁹² Иеромонах Матвей, в миру Михаил Николаевич Челюсткин, родился в 1892. Офицер царской армии. В 1926 — пострижен в мантию епископом Григорием (Лебедевым). Осенью 1931 аресто-

«Эти люди постоянно к нам приходили на квартиру, и мы (лично я, отец, муж и мать) у них бывали; прославляли вместе с ними Матфея Татимира, как целителя и избавителя от всяких напастей. Брели с его могилы песочек, деревянное маслице, огарки восковых свечек и т. п. Делалось это по примеру и для примера других»,

— Малыгин Александр Александрович, ранее состоял в Братстве по защите Александро-Невской лавры. По версии следствия, *«организатор культа блаженного Матфея Татимира»,*

— Анна Павловна Ларина, по версии следствия, *«являясь организаторшей культа Матфея Татимира, его могилу превратила в место сосредоточения последователей “ИПЦ”, вела агитацию против мероприятий и политики Соввласти».* На допросе она подтвердила:

«Многие могилы и святые места кощунственно уничтожены богоненавистниками, но они сохранили свою чудотворную силу и святость поныне. Поэтому я их всячески прославляла, организуя паломничество верующих с одной могилы на другую, из одного святого места в другое».

* * *

К декабрю 1932 года было составлено «Обвинительное заключение». В отношении девяти арестованных дело было прекращено, а в отношении 130 — материалы переданы для внесудебного рассмотрения вы-

ван, в декабре приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1934 освобожден и выслан в Калинин. В 1937 арестован по делу епископа Григория (Лебедева), приговорен к ВМН и расстрелян.

⁴⁹³ Любовь Тимофеевна Лимонштайн, родилась в 1839. Под влиянием старца Матфея Татомира перешла из лютеранства в православие. В 1929 скончалась.

ездной сессии Коллегии ОГПУ, которая уже 8 декабря 1932 года вынесла приговор:

— пять человек были приговорены к высшей мере наказания, с заменой на 10 лет концлагеря: протопресвитер Александр Флеров, иеромонахи Митрофан (Михайлов), Филарет (Карзанов), Серафим (Иванов) и диакон Михаил Кедров,

— пять человек были приговорены к 10 годам концлагеря: архимандрит Макарий (Реутов), протоиерей Алексей Западалов, иеромонах Анатолий (Согласнов), диакон Иоанн Суворов, Иван Михайлович Паницев и Петр Иванович Архипов.

— несколько десятков обвиняемых были приговорены к трем-пяти годам концлагеря, остальные — к высылке в Северный край.

Дальнейшая судьба большинства арестованных неизвестна, лишь по данным «Книги памяти» установлено, что в 1937 году были расстреляны протопресвитер Александр Флеров (25 декабря) и протоиерей Василий Словец (17 сентября), а в 1938 году — протоиерей Алексей Западалов (10 июля).

Только о последних годах жизни иеромонахов Митрофана (Михайлова) и Филарета (Карзанова) есть информация в материалах следственного дела. После вынесения приговора оба иеромонаха были отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения, и, согласно записи в учетной карточке, отец Митрофан «*прибыл в лагерь*» 26 мая 1933 года. Очевидно, с тем же этапом и отец Филарет. Содержались они на главном Соловецком острове в Кремле и здесь, в лагере, продолжали свое молитвенное и пастырское служение, что, понятно, не могло не обеспокоить местных чекистов. Так, в спецдонесении от 20 мая 1934 года сообщалось об «*антисоветской деятельности*» заключенного Михайлова и его единомышленников на основании доносов секретных осведомителей:

«Начиная с января 1934 года з/к Михайлов проявляет себя как наиболее активный из среды к.-р. настроенного бывшего православного духовенства, группирует вокруг себя активно к.-р. настроенных з/к, фанатиков-религиозников и возглавляет группу бывших попов Иосифлянского толка.

В большинстве, оставшаяся на Соловках часть бывшего духовенства принадлежит к последователям епископа Иосифа — к иосифлянам, причем к этой части духовенства примыкает и часть религиозников-фанатиков (мирян), еще по воле связанных с духовенством.

Наиболее авторитетной личностью на п. Кремль является з/к Михайлов Николай Михайлович, в прошлом иеромонах Митрофан, пользующийся большой популярностью среди лагерной массы религиозников-фанатиков (мирян)»⁴⁹⁴.

«Бывший иеромонах Митрофан, работая на водокачке Водоливом, в предпраздничные дни по старому стилю совершает богослужения, в которых принимают участие з/к Буй Алексей Васильевич, в прошлом Воронежский епископ (58-11, срок 10 лет, конец срока в 1940 г.); бывший иеромонах Карзанов Филарет Тимофеевич (58-10, срок 10 лет), религиозник-фанатик, з/к Коншин Николай Николаевич (58-10, срок 10 лет, в прошлом сын фабриканта).

Помимо облачений у з/к Михайлова имеются церковные книги, которые он хранит в секретном ящике тумбочки»⁴⁹⁵.

Далее в спецдонесении докладывается о последующих действиях лагерного оперуполномоченного на последнее сообщение: *«Произведенным обыском книги были изъяты, и фигуранты разбросаны по разным командировкам».*

⁴⁹⁴ Донесение секретного осведомителя *Торопова* от 1 января 1934 года.

⁴⁹⁵ Донесение секретного осведомителя *Торопова* от 18 января 1934 года.

23 февраля 1934 года другой секретный осведомитель, по кличке *Омельчук*, сообщал:

«З/к Михайлов устроил своего рода чудо. У водокачки у крана замерзла вода и образовала вид сложенной ладони с пальцами — з/к Михайлов через своих поклонников распустил по Кремлю слух, что это рука, благословляющая верующих. К водокачке началось паломничество. Так как это совпало с началом поста — то з/к Коншин Н. Н., поклонник Митрофана, начал производить вербовку верующих в целях говения и исповедания у иеромонаха Митрофана. Причем 25/II в 6 часов было назначено причащение сухими дарами. Из предметов священного культа у Митрофана находятся: антиминс, напрестольный крест деревянный с мощами Савватия, Евангелие и сухие дары.»

Далее в спецдонесении докладывается о последующих действиях лагерного оперуполномоченного на это сообщение: *«Произведенным обыском все предметы священного культа были изъяты. З/к Михайлов переброшен на п. Муксольма»*, а также отмечается, что вся деятельность иеромонаха Митрофана среди лагерников *«сводится к распространению всевозможного рода провокационных слухов, в частности о близкой гибели Соввласти, к всевозможным предсказаниям о судьбах заключенных и т. д.»*

В апреле 1934 года тот же секретный осведомитель доносил следующее:

«В начале апреля з/к Михайлов был вновь перемещен в п. Кремль, как инвалид, в инвалидную команду. И тотчас же налаживает связи с религиозниками и продолжает вести свою а/с. работу.»

Прибывший на п. Кремль бывший иеромонах Митрофан посетил з/к Коншина, принес ему книгу "Трить"⁴⁹⁶ цветная", предупредив, что она очень ценная. З/к Кон-

⁴⁹⁶ «Триодь».

шин эту книгу спрятал в библиотеке СОПа среди научных книг.

З/к Михайлов усиленно готовится к встрече Пасхи. В субботу думает приобщаться и рано утром в воскресенье совершить богослужение во главе с епископом Алексием, з/к Буюм Алексием Васильевичем. Вместе с ними готовятся к Пасхе з/к Коншин, Конев, Воинов и Суходольский».

Далее, как обычно, в спецдонесении докладывается о последующих действиях лагерного оперуполномоченного на это сообщение: *«Нами был произведен обыск: отобраны сухие дары в виде кусочков просфоры, Евангелие и книги духовного содержания. По оперативным соображениям “Триодь Цветная” не была изъята, т. к. спрятана у з/к Гедеонова (58-6, срок 10 лет), зав<едующего> метеорологической станцией СОПа, который прорабатывается группой ОО⁴⁹⁷ в части шпионской группировки. З/к Воинов и Буй были разбросаны по командировкам». Очень важна следующая приписка в спецдонесении о том, что заключенный Михайлов, то есть иеромонах Митрофан, поддерживает связи в лагере «только с бывшими попами иосифлянского толка и с заключенными религиозными фанатиками, крайне реакционно настроенными, большей частью из прослойки бывшего кулачества». Нижеследующая информация относится к доносу секретного осведомителя Омельчука от 5 мая 1934 года:*

«Вокруг бывш. иеромонаха з/к Михайлова группируются:

з/к Белявский Федор Леонтьевич, осужд. КОГПУ по ст. 58-10, срок 10 лет, второй срок в лагере, быв. протоиерей, в последнее время проживавший в г. Серпухове.

з/к Карзанов Филарет Ефимович, 58-10, срок 10 лет, в прошлом иеромонах.

⁴⁹⁷ Особого отдела.

з/к Воинов Михаил Иванович, осужд. КОГПУ по ст. 58-10, 11, срок 10 лет, конец срока 42 год, в прошлом земский начальник, затем странствующий монах.

з/к Коншин Николай Николаевич, 58-6, срок 10 лет, сын фабриканта г. Серпухова, принадлежит к правой церковной ориентации — иосифлянам.

з/к Суходольский Денис Иванович, 59-3, срок 10 лет, в прошлом кулак.

з/к Конев Егор Андреевич, 58-10, 11, срок 10 лет, в прошлом кулак.

Все эти лица посещают з/к Михайлова или же последний в свою очередь посещает их. Кроме этого з/к Михайлов часто навещает братьев Крауфманов, работающих на мельнице в Кремле — последние настроены крайне реакционно, в прошлом имели крупное хозяйство. Они материально мукой и продуктами поддерживают з/к Михайлова.

Более близким к з/к Коншину стоит быв. Воронежский епископ з/к Буй Алексей Васильевич, который с момента вывоза на материк быв. епископа Цедрика Дамаскина остался наиболее авторитетной фигурой на острове. Маскируя свою деятельность, з/к Буй опирается на авторитет з/к Михайлова, на самом же деле являясь идеологическим вдохновителем всей этой группы. После отъезда з/к Буй на п. Муксольма группу верующих, как попов, так и мирян, возглавляет з/к Михайлов».

Далее в спецдонесении докладывается о последующих действиях лагерного оперуполномоченного на это сообщение: *«Бывшего иеромонаха з/к Карзанова перебросили на п. Исакова, з/к Воинова — на п. Анзер. Остальные фигуранты находятся на п. Кремль».* В дальнейшем «разработка» заключенного иеромонаха Митрофана (Михайлова) и других иосифлян продолжалась.

7 ноября 1935 года отец Митрофан был арестован сразу же после того, как поступил донос о том, что около 15 часов в присутствии заключенных Кононова

и Платонова *«работающие сторожами в лесхозе з/к Михайлов Николай Михайлович и Семилетов Иван Ефимович, проходя по коридору мимо висевшего портрета тов. Ленина, начали ругаться нецензурной бранью, а з/к Михайлов плюнул на портрет»*.

2 июня 1936 года на открытом судебном заседании выездной сессии Спецколлегии и Главсуда АКССР иеромонах Митрофан (Михайлов) был приговорен к трем годам лишения свободы дополнительно к неотбытому сроку, считая общий срок девять лет и три месяца и один день, с началом срока отбывания — 2 июня 1936 года. Отец Митрофан был оставлен на Соловках, но, вероятно, содержался под более строгим надзором и был изолирован от остальных заключенных, не имея связи с отцом Филаретом и другими иосифлянами, за которыми наблюдение секретных осведомителей продолжалось. Об этом говорит следующее донесение:

«В субботу 24 июля 1937 года заключенные Карзанов Ф. Е. и Орлов А. В. (оба служители культа) вздумали друг у друга исповедоваться. С этой целью они добились у дворника коммунальной части заключенного Ведереникова Ис. Сем. открытия паперти Преображенского собора, на что, впрочем, Ведерников согласился моментально, и проделали исповедь на паперти у левых решетчатых дверей собора.

Узнав об этом з/к Серебрянников М. Н. (единоверческий архимандрит) страшно возмущился и стал ругать Орлова за то, что он, будучи православным, связался в молитвенном отношении с еретиком-иосифлянином Карзановым, и прекратил с Орловым знакомство».

«Если Карзанов и Орлов сочли нужным взаимно исповедоваться, то ясно, что они на другой день, т. е. в воскресенье 25-го июля, причащались».

На этом донесении лагерным оперуполномоченным была наложена 31 июля следующая резолюция: *«Кар-*

занова снять с работ посыльного и заключить в лагерь без права выхода». В отношении же отца Митрофана в деле имеется донесение от 12 марта 1937 года о том, что «инвалид, бывший поп Михайлов во время работы рассказывал, что в настоящее время не стало газет, значит, что-нибудь у нашего правительства опять неладно, опять, должно быть, стреляют». Далее отмечалось, что он «критиковал по адресу вождей, но лично кого, не указал, а лишь только тихой насмешкой, и в дополнение сказал, что весной нас всех отсюда вывезут».

Не всех, но многих, в том числе и иеромонахов Митрофана и Филарета, действительно вывезли, хотя и не весной. 8 декабря 1937 года они были расстреляны. В следственном деле имеются копии Актов о приведении в исполнение приговоров Тройки Управления НКВД по Ленинградской области: № 134 от 10 ноября 1937 года в отношении Карзанова Филиппа Ефимовича и № 198 от 25 ноября 1937 года в отношении Михайлова Николая Михайловича.

Приложение II

1. Письма митрополита Иосифа (Петровых). Из следственного дела 1930—1931 годов

1. Письма, адресованные протоиерею Александру Советову

«+

Дорогой Отче!

Насчет митры скажу вот что: там, где предлагали о. Мудролюбову, не нашел ничего. А в Гостином у Мартынцева есть много, от 50 р. и выше. Не так чтобы очень хороши, но все же ничего. А главное, надо написать Вам вот что: поскорее скажите Сергею Васильеву: мне посчастливилось выпросить на ремонт отопления в Соборе до 2000 р. Часть (500) могу привезти к Пасхе для начала работ. Узнайте, сколько потребуется всего. Если на эту сумму (2000 р.) ремонт можно сделать, тогда можно Собор оставить за собой.

Это более верно, чем собрали бы обновленцы. Можно будет, значит, базироваться на возможности нам самим исправить, что надо в Соборе, и таким образом сохранить его для себя и бороться за него всеми силами.

Сообщите мне поскорее в Р.⁴⁹⁸ более или менее точную цифру, какая нужна для поправки отопления. Я думаю, что если даже 3000 р. будет стоить, мы найдем и эту сумму. Ведь не вся сразу она потребуется, а частями. И пока идет работа, думаю — мы наберем и еще, что будет надо.

Вот бы хорошо было, если бы натянуть нос обновленцам. Похлопочите там всеми силами.

Здесь уже Алексей преосвященный⁴⁹⁹. Служил в воскресенье у Воскресения на Крови. Слышал я, что многие из духовенства встретили его появление и служение с большим ропотом, осуждая его за разрешение Введенскому и Красницкому⁵⁰⁰. Говорили ему в глаза очень резкие вещи, на что и он вспылил порядком.

Сегодня ждут Преосв. Николая⁵⁰¹.

Матушкам Ангелине и Евфросинии поклон передал. Они Вам шлют тоже привет. Хотят приехать на Страстной.

Если выяснится, что Собор останется у нас, скажите, чтобы столяр Семен Семенович начал делать пока хоть помост (в 2 ступеньки) 3 x 2 аршина верхняя часть и 3 ар<шина> 12 в<ершков> x 2 ар<шина> 12 в<ершков> нижняя. А столбики и пр. можно и после.

Ну, пока до свидания.

Привет Вашим и всем.

М I»⁵⁰².

⁴⁹⁸ Имеется в виду Ростов Ярославской области.

⁴⁹⁹ Епископ Ямбургский Алексей (Симанский).

⁵⁰⁰ Протоиерей Александр Введенский и протопресвитер Владимир Красницкий.

⁵⁰¹ Епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

⁵⁰² Письмо без даты, очевидно написано весной 1926 года из Петрограда в Новгород.

* * *

«+»

Суб. 22 III/ 6 IV 1929.

Дорогой Отче!

Письмецо Ваше получил. Но перевода пока еще не было. Разве сейчас привезет ли брат, коего жду. Спасибо за книжки.

О Японии интересно. Только это, кажется, нынешнего «Заместителя», ведь если так, то буду читать с неприятным чувством.

Новгородские вести чересчур печальны. В связи с другими, также грустными вестями установилось длительно-тяжелое настроение, с которым никак не могу справиться. И много не могу сделать, что бы надо было сделать.

Надо бы, как Вы и ожидаете, быть другим источником бодрости и силы, а тут — «Боже мой!.. Вскую оставил мя еси?!..»

Вот оно: врачу! Исцелися сам! Ну, что же: если есть болезнь самовнушения, то должно быть и самоисцеление. Вот возьму да и исцелюсь. Побегу к Господу, ухвачусь за край пальчика — крепко, крепко.

Чувствую, как тащат от Него всей силой — тысячи бесов-грехов... Но нет!.. Врешь, не оторвешь... Ведь за Него держусь — а значит, Он терпит. Значит, хоть весь ад на подмогу своим соплякам, Его не пересилишь.

Итак, Отче — я здоров.

На радостях ставлю точку и бегу благодарить Его к аналойчику. Интересно, как Он (Господь) сказал дьяволу, жаловавшемуся, что Он отнимает тех, кто уходит от Него к нему (т. е. дьяволу).

Если ты, дьявол, не отказываешься принимать к себе тех, кто бежит от Меня к тебе, как же ты можешь ждать, что Я буду отказывать проходящим ко мне. Ты забываешь, что ты — зол, а Я — добр!

Вот богатая тема для проповеди:

Мы изменяем не только Господу, но и диаволу, как, например, во время поста и покаяния отбегая от него к Господу. Правда — ведь он (диавол), казалось бы, должен обижаться на нас и не принимать к себе опять, когда мы опять изменяем Господу и бежим к нему (диаволу). Однако он своих изменников принимает вновь и вновь тысячи раз, не теряя надежды за-кабалить навсегда.

Неужели Господь в самом деле менее добр и терпелив, чем сатанинское отродье? И прибегающих к Нему от диавола будет отгонять — без надежды когда-либо удержать за собой? Нет. Милосердие и долготерпение Господа неужели мы унизим и сочтем меньшими, чем диавольская терпеливость.

Ну, довольно.

Привет матушке.

Надеюсь, Господь все устроит Вам в благополучный исход.

М I».

* * *

«+

Дорогой Отче!

Спасибо Вам за все. Привет с праздником Рождества Христова!

Господь Милосердый да осветит наш путь к Нему Своею яркою звездой! Да примет и наши дары Ему — веру, яко злато, надежду и любовь, яко ливан и смирену!..

Вопрос об единоверцах:

Эти указания и многие по сему делу только подробно изложены Влад<ыке> Димитрию⁵⁰³. Предложено дать практическое осуществление с общего совета бра-

⁵⁰³ Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов).

тии. Осведомитесь о сем у Владыки и, конечно, Ваш совет будет для него иметь весьма важное значение.

Отталкивать единоверцев, конечно, никто не дерзает, но некоторая договоренность нужна во многом.

Вы пишете: и (об о<тце> Н. Громцеве) «боюсь, его бы не испугало временное запрещение, которое теперь практикует Влад<ыка> Д<имитрий>». Вот выходит, мы требуем снисхождения и почти беспредельной терпимости к единоверцам, а к ближе стоящим своим православным, при их иногда не столь великом заблуждении, применяем такие отталкивающие строгости. Я не хочу сказать что-то в упрек Вам или единоверцам, но так сопоставляю факты и констатирую маленькую непоследовательность и увлечение карами и прещениями. Побольше снисхождения ко всем, и чужим, и своим, особенно тем, которые не были злостными вредителями нашими.

Дорогой Матушке Т. К.⁵⁰⁴ огромное спасибо за приветствие со днем рождения и пожелания.

У меня тоже не проходит дня, чтобы я не переносился мыслями в наш тихий город, впечатления от которого не заменились впечатлениями Питера, в котором я промелькнул столь кратковременным метеором. А в Новгороде — столько пережито! И так тихи и мирны воспоминания, за редкими исключениями, обо всем окружавшем там нашу совместную с Вами жизнь (службу).

Как было бы радостно повторить или хотя освежить совместным воспоминанием наиболее светлые деньки той жизни!

Матушке М. А.⁵⁰⁵ прошу также передать мой привет и благословение. Да укрепит ее и всех Ваших Господь и да утешит сладкими минутами (*вставлено*: часами, днями) молитв и праздничных утешений!

⁵⁰⁴ Татьяна Карловна, супруга протоиерея Александра Советова.

⁵⁰⁵ Вероятно, Мария Александровна Советова, мать протоиерея Александра.

Наверное, она еще в Од<ессе>.
 Интересно, что там новенького.
 М I.

“Приятели” пустили новый слух обо мне, якобы я приношу покаяние Сергию и получаю “хозяйство” умершего Агаф<ангела>⁵⁰⁶. Что за чушь? Кем только придумана эта нелепица? А она уже дошла до Могилева и смутила моего сотоварища по изгнанию (Серафима Угл<ичского>)⁵⁰⁷.

Кто-то из Питера “плюнул” ему туда этой харкотинной.

М I.

При случае передайте мой привет и благословение м<атушке> Екатерине (Новгородской). При капризах, какие приходилось переживать в возне с больными душами, надо быть спокойнее и поравнодушнее. А то больные пользуются всякою подмеченною слабостью. Твердо и спокойно надо обращаться с ними.

Также привет Евгении Николаевне Михайловой. Ответить на ее длинное письмо внимательно сейчас не имею возможности».

* * *

«+

Д. О.!

Письмецо получил. Простите за огорчение (II Кор. II, 2).

Все мои думы, заботы и чувства — о узниках о Господе!

Да укрепит их Господь.
 Воля Божия да будет».

⁵⁰⁶ Митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), скончавшийся 16 октября 1928 года.

⁵⁰⁷ Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).

* * *

«Дорогой о. Протоиерей!⁵⁰⁸

Спешу поздравить Вашу Матушку со днем Ангела и пожелать Вам непрерывных милостей Божиих в наступивший Новый год.

О себе сказать нечего. Сильно пугают слухами о предстоящих мне переселениях (изменениях). Ожидание их, как известно, мучительнее самой действительности, и я — непокоен.

Помолитесь о моем укреплении на предстоящие страдания новых гонений.

Передайте Вл<адыке> Д<имитрию> мой глубокий поклон. Письмо его получил и проч. Каждую минуту думаю, что-то там, в родном Ленинграде?

Привет всем.

М I».

* * *

«+

Дорогой Отченька!

Что-то это Вас так мучает пакостник плоти? Или опять силе Божией надо в немощи совершиться? В таком случае терпите это посещение Господне, смиряющее наши возносящиеся помыслы и ярче отменяющее дела силы Божией!

Да укрепит Вас Господь и облегчит Ваши страдания! Когда я однажды в подобных страданиях (души) прибег к утешению о<тца> Варнавы (старца Гефсим<анского> скита), он поставил меня пред иконами, сам стал рядом и говорит: “Давай помолимся,

⁵⁰⁸ Вероятно, письмо было адресовано протоиерею Василию Вержскому.

сию же минуту Господь снимет с тебя, но только знай, венца не получишь!..» Эти последние слова и устыдили меня в моем малодушии и нетерпении, и несказанно ободрили и оживили. Я почувствовал, что для будущего никаких страданий не много. И что, напротив, здешний покой и благоденствие ничего не стоят по сравнению с одним мгновением вечности (“Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явитесь в нас”, как писано у Апостола) (Римл. 8, 18).

Не то же ли приложимо и к Вашим телесным страданиям? Итак, бодритесь, терпите “нынешняя” мужественно, “веселяся будущими”...

Вспомните еще, где-то в Прологе пишется про одного иерея, который мучился помыслами при крещении взрослых женщин и молил Бога избавить его от этих помыслов и от борьбы с ними. Явившийся ему во сне Предтеча избавил его, но добавил, что он свободен и от венца, даруемого за борьбу борющимся с помыслами и победу над ними.

Вот опять Вам побуждение к бодрости духа и терпению!

Теперь немного о себе.

То, что Вы написали мне о моих “покушениях” на жизнь, и посмешило меня, и возмутило до глубины души. Да уж, вот действительно “шедевр” клеветы и гнусной лжи. И в мыслях пока еще не бывало ничего подобного, не только в действительности. То же самое и о моем якобы “покаянии”, подчинении и прочих глупостях. Ну, пусть себе утешаются, подбадривают себя хотя этими глупостями...

Никакого Петра Крестовоздвиженского у меня за все время не бывало. И это ложь. А что касается “очевидцев”, то вот уж где приложима острота, кем-то пущенная в мир про нынешних: “Врет, как очевидец”.

Ну, Господь с ними!

Телеграмму Вашу от 30-го получил дня через три. Большое спасибо всем, меня вспомнившим в этот незабвенный день!

М<атушке> Екатерине (Кирилловской) при случае передайте мой привет и благословите. Просьбу ее о карточке исполню, когда получу их из Устюжны. Сейчас у меня нет ни одной.

Привет и благословение матушкам и всей братии о Христе.

М I.

И о мне помолитесь».

* * *

Письма, адресованные⁵⁰⁹ Александре Владимировне Сакулиной⁵¹⁰

« +

Сердечно приветствую Вас, Досточтимая Александра Владимировна⁵¹¹, и всю Вашу малую общинку с Вашим храмовым праздником Тихвинской ик<оны> Божией Матери!

Да хранит Вас Царица Небесная Своим Покровом и благодатию!

Как, быть может, некогда проносилась Она над тем местом, где ныне Ваш храм, шествуя к своему Тихвинскому пристанищу, так ныне да остановится

⁵⁰⁹ На адрес: Ленинград, Проспект 25-го Октября, дом 170, квартира 17.

⁵¹⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 285-287, 290-295, 297-300.

⁵¹¹ Александра Владимировна Сакулина, родилась в 1872. Председатель Приходского совета Тихвинской церкви Александро-Невской лавры. 7 декабря 1930 арестована по групповому «делу ИПЦ». 13 апреля 1931 приговорена к ВМН и расстреляна. Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-77463.

над Вами Своею Милостью и Материнским благословением, озарив Вас лучами небесной жизни и радости!

В сей достоблаженный день я всей душою и мыслию с Вами, преклоняю и свою многоскорбную голову под благословение и осенение Владычицы Милостивой о нас пред Богом Заступницы, убажжаемой Вашими песнопениями.

Не может быть, чтобы Она была далека в этот день от Вас. Как сладко должно быть от этой мысли, от этого чувства Ея близости несомненной, столь ощутимой.

Слава и благодарение Тебе Владычице, не оставляющая Своих птенцов, но всегда пребывающая с нами до скончания века.

Посылочка получена.

Сердечно благодарю.

М I.

Игумена Филиппа вполне согласен наградить, но чем? Необходимо сказать, что он имеет и чего нет? Ваше ходатайство необходимо, также и относительно других.

Относительно прикрепления к храму его или другого священнослужителя — Вам на месте виднее, кто больше подойдет. О<тец> Дим<итрий> умеет привлечь народ, а Вы сумеете привлечь достойных работников на ниве Христовой.

Да поможет Вам Господь!

М I».

* * *

«+

Глубокоуважаемая Александра Владимировна!

Спасибо за посылочку и письмецо.

Письма заинтересовали и сведениями о лавре и пр.

Да, Суд Божий каждого судит делами его.

Ваша заботливость обо мне премного трогает.

Здесь весьма чувствуется голодовка и недостаток важнейших товаров. Но такие продукты, как молоко, масло, яйца — достать легко, хотя цены на все выше даже городских и столичных. Чем это объяснить, не знаю. Вероятно, озлобленностью крестьян на то, что нужного для них не достать.

Жалею и я, что не удалось побывать в лавре. Но и за то, что удалось, попало...

В общем, за все благодарю Бога.

В Москве был полдня на вокзале. Никуда не ходил и никого не видал.

Да хранит Вас Господь.

Привет и благословение всем труженикам и богомольцам Вашей общинки.

Да осенит Ее Владычица Своим Покровом и благоволением.

М I».

* * *

«+

Досточтимая Александра Владимировна!

Ваши труды по возвращению лавры на истинный путь уже получили верный знак благословения Божия, что видимо должно достаточно поощрить Вас на дальнейшие труды ко благу Св. Церкви, вверженной политиканами в пучину волнений.

Не будем превозноситься достигаемыми успехами. Духовные победы не то, что земные — достигаются не излишним задором, шумом и бряцанием оружий, а тишиною и спокойствием духа, смирением и кротостью, и терпеливым трудом по исполнению своего долга достойными христианина средствами. Преосв<ященно> Гри-

гория⁵¹² не столько виню, сколько жалею. Как бы надо ему не отходить от всего, нами переживаемого, в сторону, а наоборот, — личным примером и авторитетным словом быть впереди борющихся — отнюдь не за личное уязвленное самолюбие и властолюбие, а за поруганную свободу и достоинство Св. Церкви!

Призываю всю силу благословения Божия на Вас, Ваши дальнейшие труды и на всех, познавших истину и вместе с Вами трудящихся.

М I.

Прошу принять и передать всем мой душевный привет с праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Да внесет Господь на нашу землю и в наши души утерянный нами мир!

М I.

В качестве маленького гостинца прилагаю немного ноток для исполнения из Акафиста Тихвинской Божией Матери собственной работы. Пусть это служит хотя маленьким напоминанием о присутствии и участии моей души в Ваших молитвах к Царице Небесной!»

* * *

«+

Глубокочтимая Александра Владимировна!

Прежде всего спешу поздравить Вас и единомысленных нам с праздником Благоверного Покровителя нашего. Пример Его твердости в вере и трудов по охране ея чистоты и святости да воодушевит всех нас и ободрит в нашем крестоношении.

⁵¹² Епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев).

Занька Академика Мухомикки - Тойей Мамгук.

Музыкальная запись песни "Занька Академика Мухомикки - Тойей Мамгук".

Музыка: G major, 2/4 time.

Система 1:
 РА - АУА - ся Вла - АЫ - чк - це Мк - ло - стн - ва - я

Система 2:
 РА - АУА - ся Вла - АЫ - чк - це Мк - ло - стн - ва - я

Система 3:
 о насъ преа' Бо - гомъ За - стн - ни - це!

Система 4:
 о насъ преа' Бо - гомъ За - стн - ни - це.

Тройное послепредметно-контрапунктное

Ал-мн-у-и-а, ал-мн-у-и-а, ал-мн-у-и-а

Ал-мн-у-и-а, ал-мн-у-и-а, ал-мн-у-и-а

Сложно, влито проясня, контрапунктно оформлено, так как оригинальное не совсем по-чуждому.

Сложно такое уфоновое построение гитарное и мексиканское. I мексиканский гитарный, а второй гитарный в мексиканском. Но так, чтобы первые гитарные не замучивались и не вставали I мексиканским.

Откуда слух о моем уходе? Полагаю, что нет сейчас власти нашей, которая бы могла исполнить мое желание ухода так, чтобы спокойно можно принять “отставку”. А сами себя “уходить” мы не имеем ни малейшего права. Стоя на часах, мы лишены “разводящих”. Поэтому приходится стоять, хотя бы смерть угрожала и громы и молнии бешено неистовствовали над самыми головами, пока не вернется законный “разводящий”.

Итак, будем готовы на всякое страдание. Это лучше, чем малодушно бежать в кусты.

Вл<адыке> Гр<игорию> я затрудняюсь что-либо написать. Ведь он опять посмеется надо мной, и только. Если бы он имел желание быть с нами, сделал бы это давно и по собственной своей инициативе, а не по нашему подказу и подтягиванию.

Да подкрепит и утешит нас Господь! Ваши сетования о наших нестроениях вполне разделяю. Знаю все, но ничего не могу предпринять, по условиям моего положения. Да будет на все воля Божия! Сила Божия яснее при немощах человеческих!

М I».

* * *

«+

Глубокоуважаемая Александра Владимировна!

Ваша посылочка и все письма дошли до меня благополучно. Благодарю Вас за все. Простите за мое невяшливое умедление ответом, внушаемое, быть может, излишнею скромностию и боязнию повредить Вам и себе.

На Ваши вопросы отвечаю: хлопоты обо мне безнадежны. Как я полагаю, ввиду того, что являюсь

3-м Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и поэтому особенно вредный с точки зрения власти человек.

2) В порядке регистрации Вашей общины не усматриваю ничего неправильного.

3) В отношении Влад<ыки> Григория не имею никаких недоразумений, кроме одного: он (и Вы) неправильно поняли мое обращение к нему “продолжать служить в лавре в звании ея единомысленного со мною наместника”. Это вовсе не было новым назначением его с моей стороны на этот пост, которого я не только у него не оспаривал, но и сам при первом своем появлении в лавре подтвердил и передал от имени Вл<адыки> Димитрия ему после его возвращения из ссылки. Мне просто непостижимо, почему Влад<ыка> Григорий мог обидеться и увидеть в этой фразе какую-то наглость, т. е. что я назначаю его, когда он и без того был назначен на этот пост Святейшим Патриархом.

Как всегда, так и сейчас этого недоразумения я не ставлю никаким препятствием к восстановлению между нами мирных отношений. Только думаю, что Влад<ыка> Гр<игорий> все равно не пойдет за мной и со мной, потому что видит силу не на нашей стороне — О, если бы Вы убедили его, что не в силе Бог, а в правде.

Много бы надо еще добавить. Но спешит оказия и торопит меня. Простите же. Кончаю несколько неряшливо.

Да хранит и благословит Вас Господь Милосердый.

Призываю благословение Страждущего Господа на всю общинку и всех вместе с Вами в ней трудящихся. Да сподобит Вас Господь радостно встретить и Его Св. Воскресение!

М I».

«+»

Дорогая Александра Владимировна!

Посылочку Вашу получил. Сердечно благодарю Вас и всех милующих меня. Сегодня праздник Св. Покровителя нашей Обители! Да утешит Он всех Своею небесною радостью. Владыку Василия можете приглашать послужить в лавре.

Простите за краткость письма. Недописанное почувствуйте сердцем.

Время начать всенощную.

М Г.

1930».

* * *

**Письма по поводу церковных нестроений
епископу Сергию (Дружинину),
протоиерею Викторину Добронравову и др.⁵¹³**

«+»

Дорогой Владыка!

Не буду высказывать Вам никаких огорчений и обид и никаких недоразумений между Вами и мною. Не придам значения и никаким наговорам и подозрениям на Вас. Думаю, что все между Вами и недовольными Вами уладится, если Вы просто, смиренно и послушно исполните следующие спасительные для Вас заповеди:

⁵¹³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 303, 307, 312–313.

1). Не управляйте епархией и не создавайте никакого в ней управления.

2). Только служите и молитесь, а сверх сего — ничесоже.

3). Не грозите никому запрещениями, поклонами и т. п. репрессиями.

4). Не бранитесь вслух в храме Божиим.

5). Не оскорбляйте достоинства пастырей в глазах верующих громкими криками и распоряжениями, предусматривая все заранее.

6). Не отказывайтесь служить там, куда Вас зовут, и не навязывайтесь служить там, где этого не просят сами и не желают.

7). Никого не награждайте не вовремя (срок между наградами не менее трех лет) и не по заслугам (перескакивая через 2-3 награды сразу на высшую).

8). Не давайте за других никаких обязательств, обещаний, уверений, заявлений и тому под.

9). Будьте ко всем равно снисходительны, ласковы, уважительны, примирившись со всеми и забыв все прошлое.

10). Если будут обращаться к Вам благословить то или другое намерение, решение духовенства или верующих, благословляйте не как управитель, а как Святитель и молитвенник о спасении всех — пастырей и верующих.

В этих 10 заповедях висят Ваши покой, мир, и мир и покой разбушевавшейся нашей паствы.

Простите меня за все Христа ради.

Не перестаньте молиться о мне грешном.

М I».

«+»

Дорогой Батюшка О<тец> Викторин!

Письмецо Ваше и пр. получил. Сердечно благодарю за все. Скорбь Ваша — скорбь и моя. А разделенная скорбь — уже половинная скорбь.

Некоторое врачевство других скорбей посылается с о<тцом> Фотием. Да поможет всем нам Господь! Он Хозяин, а мы слуги Его. Не с нами борьба идет, а с Ним. Могут ли Его победить: и может ли наше поражение быть Его поражением. Нет! Смерть мучеников трактуется Церковью, как очевиднейшая победа над насилием, а не поражение.

М I.

Храни Вас Господь!

Всем привет и благословение».

* * *

Копия с оригинала

Ответ М. И. на вопросы А. С.

«+»

Исконный враг рода человеческого, ищущий нашей гибели, посеял среди нашего малого стада злое семя смуты и разделения

К утверждению и наставлению сомневающихся, колеблющихся и не могущих разобраться в потемках посеянного раздора, отвечая на вопросы, ко мне обращенные, сообщаю ясно и определенно:

1. Никого я не благословлял, не благословляю и не могу благословлять ни на какие раздоры и разделения, обособленные от наших храмов Богослужения.

2. Ни в малейшей степени не следует считать достойнейших моих собратий: еп<ископов> Сергия

(Нарвского) и Василия (Каргопольского) отступившими в чем-либо от чистоты православия. Я — с ними, и они — со мною. Значит: те, кто не с ними, те и не со мною.

3. Храм Воскресения на Крови и другие ему единомысленные считаю единственно достаточными и благодатно действенными для сообщения со Христом Спасителем нашим, в Котором единственная в мире сем сладость, мир, радость и утешение.

4. Горячо молю скорбною душою моею Сострадальца моего — Господа, да умирит всех под благодатным Кровом Своим, да не оскудеет вера расточенных овец пораженного пастыря, имеющего в своей разлуке с паствою одну только радость на земле: видеть своя чада во Истине ходящими. Аминь».

С подлинным верно: Ключарь Собора Воскресения Христова на Крови Протоиерей Никифор Стрельников. 1930 г<ода> 16 июля ст<арого> ст<иля>.

* * *

Приписка: Сообщите сие
о<тцу> Викторину
и о<тцу> Ник<олаю>
Ушакову ? и о<тцу> Алексею

«+

Дорогой о<тец> Протоиерей

Я написал Владыке Сергию 10 заповедей, которые, думается, послужат водворению у нас мира и тишины.

1-я из этих заповедей гласит: не управляйте епархией и не создавайте никакого в ней управления.

2. Только служите и молитесь, и сверх сего — ничего и т. д.

10. Если будут обращаться к Вам благословить то или другое намерение и решение духовенства или верующих, благословляйте не как управитель, а как святитель и молитвенник о спасении всех — пастырей и верующих.

Более подробно о других заповедях, быть может, ознакомит сам Владыка Сергей.

У меня голова пошла кругом после всего прочитанного.

Мой совет и смиреннейшая просьба ко всем Вам: после принятия Владыкой Сергием этих заповедей, прекратите всякую травлю на него. Служите и молитесь с ним, простив его погрешности, и за свои испросив у него прощения. Он <неразб.> для нас, если примет мои советы. И у нас не должно больше оставаться поводов для разрыва с ним и отхода от него.

А как быть Вам с управлением?

Заклучайте сами. Где можно — самоуправляйтесь! Где нельзя — да управляет Вами Сам Дух Божий и Зиждитель Церкви — Христос!

Я больше ничего не могу Вам дать и посоветовать!

Спасибо за все. Привет о<тцу> Димитрию Кратирову и всем. Спасибо всем за память, сочувствие, любовь и помощь.

Христос с Вами. Светло празднуйте Св. Пасху».

**Ответное письмо епископа
Сергия (Дружинина) митрополиту Иосифу⁵¹⁴**

«+»

Ваше Высокопреосвященство
Высокопреосвященнейший
Владыка Митрополит Иосиф,

Получил сегодня Ваше письмо. Подчиняюсь Вам во всем. Свой долг пред Св. Церковью исполнил до конца. Со спокойной совестью, согласно Вашего повеления и благословения, отхожу теперь в сторону от всех церковных дел....

Дай Господь, чтобы это только послужило на пользу. Если же смута Церковная не уляжется, то я пред Богом чист, а за всю разруху пред Св. Церковью и народом ответят те, кому Вы вверились.

Испрашивая Ваших святых молитв с глубоким моим Высокопочитанием, имею честь пребывать Вашего Высокопреосвященства милостивого Архипастыря низжайший послушник.

Сергий Дружинин,
Епископ Нарвский».

⁵¹⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 305–305 об.

2. Протокол допроса митрополита Иосифа Чимкентского Отдела ОГПУ⁵¹⁵

**11 июля 1932 года протокол вел начальник СПО
Южно-Казахстанского Областного Отдела ОГПУ
ЖВИГУЛЬ.**

Показания гр. Иосифа Семеновича Петровых по случаю ареста 9 июля 1932 года в селе Ленинском Каратасского района.

9 июля 1932 года начальник местного Ленинского ГПУ явился на мою квартиру для производства обыска, причем изъято было у меня некоторое количество писем и других документов, а я вслед за тем был арестован и отправлен в г. Чимкент.

Поводом к этому обыску и аресту послужило, как мне сообщили, то обстоятельство, что за несколько дней перед этим неожиданно для меня приехала из Ташкента малоизвестная мне женщина, некая Параскева Николаевна (фамилии ея точно не помню), которая, побывав у меня всего несколько часов, пока ямщик кормил лошадь, на той же лошади отправилась в Ташкент. Ко мне она заезжала потому, что мои ленинградские знакомые, узнав о ея поездке в здешние края — она ездила к своим родственникам, живущим как будто на ст. Арось — попросили ее побывать ко мне, чтобы доставить мне несколько посылок. Дело в том, что перед этим я подвергся чрезвычайно сильной болезни (начавшейся аппендицитом и дошедшей чуть ли не до воспаления брюшины, по крайней мере, уже было врачом констатировано сильное раздражение брюшины). Я едва не умер от этой болезни. Нуждаясь во многих лечебных средствах, коих

⁵¹⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д.П-80743. Т. 3. Л. 447–458.

на месте было достать невозможно, я написал некоторым моим знакомым в Ленинграде о своей болезни и о необходимых мне лекарствах (по совету врача мне надо было употреблять воду «Боржом» и легкие виноградные вина для подкрепления упавших сил: виноградный сок, портвейн, мускат-люнель и т. п.). Так как почтою подобные предметы посылать было невозможно, то эта вышеупомянутая женщина и упрощена была доставить мне эти посылки моими знакомыми. Из Ташкента, побывав у меня, она как будто собиралась поехать в Искандер, где у нея не то дочь, не то кто-то другой из родственников. При отъезде от меня этой женщины я не послал с нею ни одного письма, ни одной бумаги, ни одного документа, ни какого даже словесного поручения, кроме обычных поклонов и благодарности пославшим мне посылки, столь для меня ценные, решив письма некоторым знакомым отправить лучше почтою (что и сделал). Воздержаться от посылки писем не почтою возбудило меня как то обстоятельство, что я вообще избегаю теперь всякой конспиративной переписки, так и то, что не хотел подвергать человека излишним подозрениям и обвинениям, на возможность коих указывал рассказанный инцидент — в пути ее (Параск<еву> Ник<олаевну>) высадили с поезда и хотели арестовать за что-то, но потом освободили и позволили продолжать путь.

Столь казалось бы совершенно безобидное и безвредное обстоятельство послужило причиной моего ареста и связанных с ним дальнейших скорбей и страданий. Еще не оправившись совершенно от своей тяжелой болезни (я ходил на уколы мышьяка), я вынужден теперь прервать свое лечение и подвергаться опасности снова заболеть, и уже непоправимо, в новых и тяжелых условиях.

Я просил бы отнестись к моим заявлениям с полным доверием, как я делаю их с полной искренностью и откровенностью. С самого дня моего ареста пе-

ред последней ссылкой (12 сентября 1930 г.) я твердо и окончательно решил взять себя в руки и не давать совершенно малейшего повода и основания объявить меня в церковной (как называют) контрреволюции. Если прежде я действительно позволял себе в этом отношении некоторые неосторожности, касаясь в письмах (посылаемых иногда и не почтою) чисто, правда, церковных дел и вопросов, то теперь ни в одном моем письме не найдется строки, могущей послужить мне обвинением. И мои знакомые, посылающие мне посылки и письма (без посылок я вообще существовать бы не мог, не имея никакого заработка и не имея возможности приобретать необходимые продукты), зная, за что я так много страдал, научились быть осторожнее и, щадя меня, не касаются совершенно опасных в моем положении вопросов, и вся наша переписка состоит исключительно из сообщений о посылках, просьбах о молитве и благословении, справок о здоровье и т. п., с одной стороны, и в моих ответах о получении посылок, о новых просьбах то одного, то другого необходимого в жизни предмета и т. п., с моей стороны. Никаких щекотливых вопросов, затрагивающих так или иначе политику и революцию, мне не задается, за редкими исключениями, причем я в таких случаях совершенно ничего на такие вопросы не отвечаю, как не могу считать себя ответственным за то, что некоторыми (вырываясь, по видимому, просто по инерции) такие вопросы иногда задаются.

Сообщу — для примера и проверки — характер моей переписки по адресам моей записной книжки.

1. Клавдия Сем<еновна> ШИШУНОВА — это моя родная сестра, вдова в г. Устюжне, с нею чисто родственная переписка, чуждая всяких опасных вопросов. Она посылала в последнее время моей болезни клюкву, которой у нас на родине растет очень много в наших северных болотах. Сама она женщина (моложе

меня лет на 6) совершенно простая и чуждая всякой политики, и переписка с нею, равно как и с другими моими родственниками (братья Андрей, Александр, Петр и еще две сестры, Мария и Антонина), совершенно безупречна во всех отношениях⁵¹⁶.

2. Филофей Петрович ПОЛЯКОВ — ленинградский священник, пославший мне воду «Боржом», легких виноградных вин, кажется бутылки 2 и т. п., по моей просьбе, почти ничего в письмах не пишет. И вообще в последнее время мне многие шлют посылки, не сопровождая их никакой самой краткой хотя бы припиской. Приходится просто извещать только о получении посылок по адресам на обшивках, с простою краткою благодарностью за посланное.

3. Татьяна Карловна СОВЕТОВА. Супруга другого ленинградского священника Александра Советова, посылает продукты (крупы, печенье, консервы и т. п.), особенно осторожны оба в затрагивании церковных дел и вопросов. По словам Параск<евы> Ник<олаевны>, приезжавшей ко мне, о<тец> Ал<ександр> Советов особенно возмущался ее поездкой и бранил ее, и не давал ей благословения на поездку, говоря: «Доездите Вы до того, что опять Владыке сделаете хуже».

4. КОНОПЛЯННИКОВ Ив<ан> Степан<ович>. Все-го раз один я получил посылку с провизией к Пасхе, ответив на нее благодарностью по адресу на обшивке (письма не было).

5. СТЕПАНОВ Ник<олай> С<тепанович> — то же самое.

6. БРИНОВ Ив<ан> Троф<имович> — то же самое. Никакой переписки. Одни посылки.

⁵¹⁶ Клавдия Семеновна не только поддерживала переписку, но и не раз навещала брата в ссылке. См. на вклейке 2 ее фотографию с митрополитом в Чимкенте в 1933 году. О ней и в целом о семье Петровых более подробно в первой книге данной серии «Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский». — СПб, 2006.

7. Екатерина Вас<ильевна> ПЕТРОВЫХ — жена моего брата Петра — одни посылки, изредка с сухарями, без всяких писем, за что даже я им, как родным, не раз посылал упреки при извещениях о получении посылок.

8. ФЕДОРОВА Анна Андреевна⁵¹⁷ — жительница Ленинграда, по Ростову моя давняя знакомая и землячка, посылает посылки с крупами, мылом и пр. продуктами и редко-редко присылает письма, большей частью с извещениями о своих скорбных семейных делах (грубое обращение мужа, болезнь сына и т. п.) с просьбами о молитвах за себя и других, кои принимают, по ее приглашению, участие в ее посылках. Мои редкие ответы ей состоят в благодарности ей и другим ее участникам и соответствующих ее скорбям утешениях и советах (не унывать, молиться, не отвечать на грубости окружающих грубостями и т. п.).

9. НОМЕРОВА Люб<овь> Степ<ановна>, жившая некогда в одном из ярославских монастырей — обычная переписка монахинь с просьбами молитв и благословений и извещениями о своих личных тяготах и скорбях. Писала очень редко, таковы же были и мои ответы.

10. СОВЕТОВА Мар<ия> Ал<ексеевна> — мать вышеупомянутого свящ<енника> СОВЕТОВА, посылала раз, по поручению сына, несколько денег на мои просьбы о помощи.

11. Алекс<андра> ПЕЧНИКОВА. Совершенно неизвестная мне женщина, которой даже и отчества не знаю (из Москвы). Присылала один раз посылку и один раз имела мой ответ на нее с извещением о получении с благодарностью. Писем от нее не было.

12. БРЕМЕНКО Варв<ара> Петр<овна>. Землячка, из одного города со мной. По состраданию ко мне

⁵¹⁷ Прихожанка Сретенского храма в Полюстрово. Арестована в 1932 году. См о ней выше, в Приложении I.

посылала раз или два посылочки с небольшим количеством крупы и др. простых продуктов. Письмо от нее было всего одно с выражением сочувствия, и мой ответ был с изъявлением благодарности.

13. БЕРНИКОВА Лид<ия> Ив<ановна>. Из Москвы. Я ее вовсе не знаю, но она меня знала, когда я служил в Сергиевом Посаде в Академическом храме, где она была одной из посетительниц. Узнав обо мне случайно от сестры моей Клавдии в Москве, когда сестра приезжала ко мне на свидание перед ссылкой, эта Берникова послала мне посылочку с небольшим количеством продуктов, на что я ответил благодарностью.

14. Вера ЗАВЬЯЛОВА с сестрой Катей и их подругой Шурой — я знал их еще маленькими девочками по Ростову, где они жили и были особенно усердными посетительницами Ярославского монастыря, где я служил. Я получил от них 2 письма, где от них было обещание прислать мне посылочку с гостинцами, каковой я от них, однако, до сих пор почему-то не получал, о чем извещал их, благодаря за память и сочувствие и попутно вспомянув прежнее время, которое и они вспоминали с таким удовольствием.

15. Архим<андрит> Макарий — ссыльный из Ленинграда, сообщал о своем пребывании и прислал немного денег (25 р.), за что я благодарил его и сообщал о своем житье-бытье на новом месте.

16. АНДРЕЕВА Нат<алья> Ник<олаевна>⁵¹⁸. Ехали вместе на ссылку до Алма-Аты, где она была оставлена. Во время болезни я просил ее прислать сушеных яблок для компота, которыми славится Алма-Ата, и легкого вина из яблок (на настойки) местного

⁵¹⁸ Вдова протоиерея Феодора Андреева. Проходила с митрополитом Иосифом по делу «Всесоюзного центра «ИПЦ»», приговорена к концлагерю, с заменой высылкой. См. о ней в книге: «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский, сподвижники его и сострадалцы». — М., 2008.

производства. По получении посылки благодарил ее и взаимно сообщал о себе, о здоровье и т. п.

17. Чимкент. Неизвестный мне, но знающий меня и живущий здесь ссыльный священник о. Иоанн. Фамилии даже не знаю. Прислал однажды посылочку с небольшим количеством продуктов. Потом по моей просьбе прислал службу Канон Андрея Критского, читаемый Вел<иким> постом. Изредка присылал мне открытки, справляясь о моем здоровье и нуждах, подобные указанной. Ответы соответствовали строго ограниченными рамками, не касаясь никаких острых вопросов. Последнее ему мое письмо было послано по случаю недавней болезни и решения приехать сюда на операцию, чтобы он последил за положением моих дел по лечению и в случае какой нужды послужил мне возможною помощью и справками.

18. ВОТЧИНКИН.

19. БОРДАНЮК. Обе эти фамилии списаны мне с обшивок полученных посылок с продуктами. Писем никаких от этих лиц не было. От меня было послано по этим адресам извещение о получении с благодарностью.

20. РОЗОВА Ек<атерина> Ник<олаевна>. Заштатная бывшая учительница Ростовского уезда, хорошо знавшая меня по Ростову. Присылала по моей просьбе картофельную муку для киселей и вермишель и лук (предметы, урожаем или обилием которых славится Ростовский край). В письмах ей мне и моих ответах ей все вращалось около предметов моего питания и личных переживаний, без затрагивания опасных вопросов политики и революции.

21. СПАССКАЯ Мар<ия> Петр<овна> — недавно переехавшая из моего родного города на жительство в Новгород землячка, извещавшая меня о своем переезде и о своих семейных делах, прислала однажды 30 р. денег, компенсацию за мою некогда помощь при обу-

чении ее дочери Веры. Отвечал я ей благодарностью за память и помощь и писал о себе, как живу и как себя чувствую.

22. АФАНАСЬЕВА Люд<мила> Дм<итриевна>. Посылала посылку к Рождеству (конфет, чаю, печенья, сливочного масла). Адрес ее точный не знаю и переписки больше не веду, раз ответил на посылку по адресу на обшивке, которая затем утрачена.

23. Ташкент. Матр<ена> МАЛЫГИНА. Прислала мне белья и во время болезни — абрикосов и вишен для киселей. Письменно благодарил ее за помощь и извещал о ходе своей болезни.

24. ХАРЛАМОВ Ал<ександр> Ильич⁵¹⁹. Совершенно мне неизвестный почитатель, приславший посылку с деревенскими продуктами (лепешки, крупа и т. п.). Писем не посылал; я отвечал извещениями о получении и благодарностью.

25. ДЕМЕНТЬЕВА Пар<аскева> Ник<олаевна>. Прислала одеяло и маленький самоварчик по моей просьбе в Ленинград. Если не ошибаюсь, это та самая, которая приезжала ко мне в последнее время с посылками из Ленинграда⁵²⁰.

26. ЗАВЬЯЛОВА — см. выше под № 14.

27. ВАСИЛЬЕВА Мар<ия> Матф<еевна> — Имел от нее единственную посылку без письма, ответил ей извещением о получении и благодарностью.

28. ИВАНОВА Анаст<асия> Иван<овна>. Повидимому, новая квартирная хозяйка, упомянута в № 21 Спасской. Именем Ивановой помечен полученный перевод на 30 р. При этом было письмо от самой Спасской, помеченное квартирой Ивановой. О моем ответе сообщено в № 21.

⁵¹⁹ Харламов Александр Ильич, родной дядя Веры Федоровны Сазоновой (урожденной Харламовой), церковный староста в храме села Волгово, арестован и скончался в тюрьме. См. о нем выше, в воспоминаниях В. Ф. Сазоновой.

⁵²⁰ Так и есть. Проходила по делу 1932 года. См. в Приложении 1.

29. ШУМЯКОВА Мавра Фед<оровна>. Имел от нея одну посылку без письма с небольшим количеством продуктов. Извещал ее о получении с благодарностью.

30. Мария Иван<овна> КОРОНАТОВА⁵²¹ — моя землячка из г. Устюжна и давняя знакомая детских лет (благодаря особой близости наших родителей и родственников). Выслана в г. Томск на 3 года по одному делу, как и я, и довольно бедствует, не имея никого близких-родных знакомых, которые бы ей помогли. Уже пожилая (55 лет) и болезненная. Сообщает о своих нуждах, на что я отвечаю (иногда) посылочками, делясь с нею продуктами и др. предметами первой необходимости.

31. БОРИСЕНКО Ал-дра или Александр, мужчина или женщина — даже этого не знаю. Имел одну посылку с продуктами от этого лица, без письма. Ответил извещением о получении и благодарностью, по адресу, списанному с обшивки посылки.

32. ХОХЛОВА Мар<ия> Троф<имовна>. Имел от нея, совершенно мне неизвестной, но меня знающей, посылочку с деревенскими лепешками, без письма. Ответил извещением о получении и благодарностью.

33. ФЕДОРОВА А. А. см. выше № 8.

34. БУЛАТОВА Параск<ева> (А. или Н.) неясно на посылке, посланной без всякого письма с продуктами. Мне неизвестна. Извещал о получении и благодарил.

35. Лиговка. УЛЬВАР Александра А. Неизвестная мне особа. Посылала посылки с сухариками. Извещал о получении и благодарил ее и всех знакомых, принимавших участие в посылках ее. Два или три письма с сообщениями разного мелкого характера и с вопросами о моих нуждах имели мои соответствующие ответы.

⁵²¹ О ней см. в книге «Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский».

36. БАКМАНОВ Георг<ий> Фед<орович>. Из Ташкента, ямщик, привозивший недавнюю мою посетительницу из Ленинграда. Я записал его адрес, потому что он хвалился, что у него очень хороший сад и очень много вкусных фруктов (яблок особенно). Я имел в намерении кого-нибудь из знакомых ленинцев, едущих в Ташкент, попросить зайти к нему и привезти от него обещанных мне фруктов. Никакой переписки с ним не вел и не веду.

37. Клавд<ия> Ст<епановна> НОМЕРОВА. Родная сестра упомянутой выше (№ 9) НОМЕРОВОЙ, которая поехала к ней в гости, и так как это недалеко от моего жительства (ст. Урсатьевская), то и написала письмо с сожалением, что не может, хотя так близко, навестить меня. Я ответил ей письмом, дав весточку о своем нездоровье и т. п.

38. Алекс<андр> Сем<енович> ПЕТРОВЫХ — мой родной брат, от коего только на днях получил сведения о новом месте его жительства по выселении из собственного домика. Узнав о моей болезни, особенно о перенесенной малярии, он послал какое-то оригинальное средство для лечения малярии. Я послал ответ с изъявлением радости, что узнал, где он, благодаря за лекарство, и написал ему с женою несколько строк чисто братских и родственных.

39. Мих<аил> Вас<ильевич> ВОЛКОВ. По случаю моей болезни и, по-видимому, по поручению других лиц, без всякого письма прислал мне <неразбор.> и что-то еще из провизии, подходящей к болезни. Отвечал ему извещением о получении с благодарностью.

По поводу найденных у меня при обыске писем, частью отвеченных, а частью еще не отвеченных, брошенных мною в печку для сжигания или после ответа, или обреченных мною на совершенную безответность и уничтожение, сообщаю по чистой совести и откровенной правде следующее.

Отвеченные письма были от следующих лиц:

От брата Андрея из Устюжны.

От брата Александра из Рыбинска.

От Нат<альи> Ник<олаевны> АНДРЕЕВОЙ. В ответ на посылку сушеных яблок для компота и яблочного вина, благодарил ее за хлопоты и извещал об улучшении своего здоровья.

От Анны Ивановны ОРЛОВСКОЙ. В ответе благодарил эту очень болезненную старушку за присланные гомеопатические лекарства и семена и выразил ей пожелания самой поскорее излечиться от многочисленных недугов. Ответ задержан — при обыске.

От ЗАВЬЯЛОВЫХ Веры и ея сестры с подругой. Данное письмо, ответ на которое, впрочем, отложен до получения обещанной посылки, но еще не полученной.

Открытка от СОВЕТОВЫХ (см. № 3), присланная к празднику Рождества в прошлом (1931) году. Ответчено по содержанию письма взаимным приветом и извещением о получении посылки.

Письмо от Л. С. НОМЕРОВОЙ (№ 9 и № 37).

Письма, оставленные без ответа:

1. От некоего Ал-дра Александр. (фамилии не разобрать). Незнакомый мне совсем человек и с непонятной, какой-то странной просьбой. Письмо было брошено за неимением сорной корзины в печь для сжжения.

2. Письмо от СОВЕТОВА (№ 3). Пред его получением только что было послано мною письмо с ответами как раз насчет посылок, ввиду чего повторять уже писанное не было надобности.

3. Письмо от КОРОНАТОВОЙ (№ 30). Пред его получением только что была послана ей посылочка с отрезками белого материала (вроде полотна) для белья, простыня, немножко печенья, сухарей, сахару и др. излишков моих, в ответ на ее письмо о нужде ея в этих предметах и как мой подарок ей ко дню ангела

(9 июня по-старому). Ввиду этого, особого ответа на это письмо не требовалось и не послано.

4. Письмо от неизвестной мне монахини Антонины. Осталось неотвеченным по незнанию точного адреса. Прежде имелись от нея подобные же письма, ответ на которые кратко давался через Анну Андреевну ФЕДОРОВУ.

См. под этой же цифрой зачеркнутое в группе отвеченных писем.

5. Письмо от Дим<итрия> Петр<овича> ВАРГАНОВА⁵²², хорошо знакомого мне ростовца, живущего в Ленинграде. От него я получал бандеролью газетки, но отвечаю ему редко, потому что он большую часть времени бывает в командировках. Ответы ему обычно состоят в извещениях о получении газет, иногда деньжонок в небольшом количестве и посылок (консервы, печенье, крупа и т. п.).

6. Письмо от совершенно неизвестного мне крестьянина КУХЛИНА с просьбой, которую я не имел ни малейшего поползновения исполнять, почему и письмо было брошено в печь, откуда и было извлечено при обыске.

7. Письмо от неизвестной мне совершенно какой-то Евдокии. Ни фамилии, ни адреса ее не знаю, и просьба ее мне казалась маловажной, не подлежащей объяснениям.

8. Письмо неизвестного мне иеромонаха Варсонофия с вопросами, кои считаю почти провокационными и искусительными, почему и ответа никакого на них давать не намеревался.

9. Письмо некоего неизвестного мне человека, оставлено без ответа по неразборчивости фамилии, а следовало бы поблагодарить за присланную иконку.

⁵²² Дмитрий Петрович Варганов — петроградский купец, у него на квартире по улице Горсткой митрополит Иосиф останавливался, когда ранее бывал в Петрограде.

Из этих писем (оставленных без ответа) 4, 6, 7, 8, 9 и 10 переданы мне приезжавшей из Ленинграда Параскевой Николаевной. Не читая их при ней и не посылая с нею никакого ответа, я сказал лишь, что на эти письма, если что будет нужно ответить, отвечу почтой, через которую также не нашел нужным отвечать, и бросил их в печь, откуда они и были извлечены при обыске.

Еще раз подтверждаю и готов заверить какою угодно клятвою, что с привезшею мне эти письма и посылки Параскевой Николаевной я не посылал никому решительно ни единой строчки. Слух, будто с нею отправлена мною чуть не целая кипа писем и бумаг, — сущая клевета, быть может, вызванная тем, что в обратный путь она везла кошель с дорожными сухарями и своими дорожными принадлежностями. Я готов на какую угодно ответственность (вплоть до расстрела), если мне покажут и докажут хоть одну строчку, посланную мною с нею и где-нибудь обнаруженную при обыске.

По другим могущим возникнуть недоумениям и вопросам готов буду дать удовлетворительные искренние и правдивые объяснения.

Иосиф Семенович Петровых.

11 июля 1932 года.

Допрашивал Жвигуль
Верно: *Подпись*

Именной указатель

- Абрамова Анна Степановна 281–285, 395, 396
- Абрамова Мария Васильевна 320–322
- Абрамович-Барановский С. С. 93
- Авдей Константин, священник 313, 314
- Авраамий (Чурилин), епископ 155, 162
- Агафангел, игумен 28
- Агафангел (Преображенский), митрополит 107, 467
- Агафья, монахиня 347, 414, 415
- Акиншин Пафнутий Васильевич, священник 137
- Александр, король 51
- Александр II, император 58
- Александр III, император 30
- Александр (Пляшкевич), архимандрит 137
- Александра Иосифовна, принцесса 51
- Александрова (Рождественская) Елена Петровна 271, 273
- Алексеев Сергей 92
- Алексеева Вера Алексеевна 280
- Алексеева Нина (монахиня Георгия) 359, 360, 368, 372, 397
- Алексий (Буй), епископ 115, 140
- Алексий (Карцев), монах 150
- Алексий (Симанский), епископ, патриарх 79–85, 232, 306, 412, 415
- Алексий (Палицын), архимандрит 187
- Алексий (Терешихин), архимандрит 110, 265, 269
- Антоний (Вадковский), митрополит 423
- Амвросий (Полянский), епископ 255

- Анастасий (Александров), епископ 32
- Анастасий (Грибановский), митрополит 337
- Анастасия (Задворова), монахиня 170
- Анастасия (Куликова), схимонахиня 198, 323–326, 398–402, 411
- Анатолий (Согласнов) иеромонах 118, 294–296, 301–304, 432
- Андреев Василий Павлович 432
- Андреев Феодор Константинович, протоиерей 93, 94, 97, 103, 106, 108, 109, 126, 130, 131, 142, 145, 146, 198, 200, 334, 335, 414
- Андреева (Флоровская) Наталья Николаевна, матушка 126, 130, 199
- Андреевский Иван Михайлович 92, 225–228
- Андрей (Ухтомский), архимандрит, архиепископ 181–183, 187
- Анисия, монахиня 347, 414
- Анипкина Мария Федотовна 445
- Анна Иоанновна, императрица 20
- Анна Арсеньевна 411
- Анна Михайловна 411
- Анна (Комелина), монахиня 157, 159, 169–171
- Анна (Мишина), монахиня 197
- Анна (Ямщикова), монахиня 160, 171
- Антоний (Храповицкий), митрополит 179–181
- Антонина (Анна Шахматова) 159, 160, 170
- Антонов В. В. 285
- Антонова Татьяна Яковлевна 440
- Апланов Сергей 272
- Артемий (Ильинский), епископ 193
- Арцыбушев А. П. 158, 159
- Афанасий (Кузьмичев), архимандрит 197
- Афанасьева Людмила Дмитриевна 491
- Ахматов Иван, псаломщик 12
- Бакманов Георгий Федорович 493
- Балинов Кузьма Петрович 211
- Баташев Сергей Иосифович, протоиерей 106, 130
- Белавский Петр Иоаннович, протоиерей 103, 114, 120, 229, 230, 411
- Бельская Елена Ивановна 206
- Бельский Иоанн Яковлевич 206
- Березовская Мария Петровна 127
- Берникова Лидия Ивановна 489
- Блюм Вера Эдуардовна 431, 432, 434

- Богданова Анна Семеновна 449
- Богданова Марфа Фоминична 281, 282, 394–397
- Боголюбов Сергей Ильич, протоиерей 120, 122, 150, 264, 265
- Бойкова Параскева Филипповна 440
- Бойчук Андрей Николаевич, иерей 122
- Болдин Николай Петрович 280, 281
- Большаков Иван Евграфович 192–194
- Борданюк 490
- Борисенко А. 492
- Брынев Иван Трофимович, тайный монах 439
- Булатова Параскева Андреевна 439
- Булыгина Мария 160, 165, 171
- Быстревский Константин Алексеевич, протоиерей 265
- Вавилова Александра Васильевна 427
- Валентина, новгор. 401
- Варлаам (Высоцкий), архимандрит 20, 21
- Варлаам (Лазаренко), епископ 115
- Варганов Дмитрий Петрович 495
- Варсис (Виноградов), иеромонах 119, 137
- Варсонофий (Вихвелин), епископ 190, 191, 196, 197
- Варсонофий (Солодягин), иеромонах 197
- Варшавская Н. 196
- Василий Демьянович 266
- Василий (Докторов Владимир Иванович) епископ 114, 115, 125–127, 136, 139, 141, 150, 174, 175, 177–179, 181–183, 186–204
- Василий (Лебедев), игумен 197
- Васильев Александр, протоиерей 412, 413
- Введенский Александр Иванович 79, 250
- Вейерт Ольга Эдуардовна 426
- Венедикт (Алентов), епископ 211–213, 217
- Венедикт (Плотников), епископ 77, 78
- Вениамин (Казанский), митрополит 5, 44, 46–48, 67, 68, 71–75, 77, 79, 206
- Вера (Бахтина), монахиня 160, 170, 171
- Вера Константиновна, княгиня 52, 57, 62
- Вероника (Романенко), игуменья 198, 199
- Верюжский Василий Максимович, протоиерей 81, 91–94, 96, 97, 101–196, 108, 114, 120, 123, 129, 139, 141, 145, 146, 193, 194, 262, 300, 333

- Виктор (Островидов), епископ 71, 72, 114, 116, 225–227, 234
- Викторова Василиса Игнатьевна 449
- Виноградов А. М. 230
- Виноградов Николай, протоиерей 161
- Виноградова Анастасия Ананьевна 450
- Висконти, архитектор 297
- Виталий (Максименко), архиепископ 337
- Виталий (Устинов), митрополит 328
- Вихвелин Петр, иерей 196
- Вишневский Василий, иерей 77, 98, 99, 137
- Владимир, (дядя Володя) 405, 406
- Владимир (Алексеев), инок 340–344
- Владимир (Петров), архимандрит 184, 185
- Власов Михаил Кириллович, священник 436
- Вознесенский Алексей Константинович, иерей 122, 126, 265, 409, 410
- Вознесенская Екатерина Алексеевна 388, 410
- Войков П. Л. 86
- Волков Михаил Васильевич 431
- Волкова Иулита Михайловна 449
- Вольницына Ефросинья Алексеевна 451
- Воробьева Вера Матвеевна 326, 327
- Воробьева Ксения Андреевна 427
- Вотчинкин 490
- Всеволод Иоаннович, князь 59, 62
- Вячеслав Константинович, Вел. князь 51
- Гавриил (Воеводин), епископ 82, 88, 108
- Гавриил Константинович, Вел. князь 52–54, 56–63, 147
- Гайдай Павел, иерей 203
- Геннадий (Крылов), иеромонах 117
- Георгий, иерей 346–350, 355, 361
- Георгий Константинович, князь 52, 57, 62
- Головинкина Анна Петровна 314, 319, 320
- Городничная (Зорина) Евдокия Никандровна 269, 368, 372, 373
- Горький Максим 61
- Граббе Марина Николаевна, (инокиня Марина) 322, 377, 386, 414
- Григорий (Лебедев), епископ 78–83, 88, 96, 98, 108
- Григорий (Яцковский), архиепископ 100, 251
- Григорьев Федор Григорьевич 453
- Грузнева Елена Николаевна 440

- Губонин М. И. 189
- Гурилева Вера Михайловна, инокиня, монахиня Вера 372, 378, 381–384, 389
- Гурий (Егоров), архимандрит 232
- Дарья Ивановна 314, 319
- Двукраев Арсений, протоиерей 57
- Демаков Михаил Яковлевич 163
- Дементьева Прасковья Николаевна 419–421, 426, 485
- Денисов Василий Лукич 425
- Дмитрий Константинович, Вел. князь 35, 50, 51, 55–57, 61, 69
- Димитрий (Любимов), архиепископ 7, 78, 80–83, 88, 92–98, 102–106, 108, 109, 130–133, 113, 114, 116, 118, 120–123, 129, 137, 139–141, 144–146, 174, 194, 195, 197, 198, 200, 201, 225, 229, 258, 262, 263, 268, 296, 302, 323, 324, 333, 335, 360, 399, 414, 435, 436, 466, 468
- Дмитриева Ольга Федоровна 280–281
- Димитрия, монахиня 199
- Добронравов Викторин Михайлович, протоиерей 92, 106, 112, 126–130, 133, 137, 150, 480, 481
- Дорофей (Мусихин), иеромонах 197
- Драгунов Андрей, диакон 137
- Душкин Иаков, псаломщик 12
- Евгений (Зернов), архиепископ 223
- Евдокия (Дешкина), монахиня 276, 281–284
- Евдокия Михайловна 277
- Евдокия (Стародубцева), монахиня 170
- Евфимий II, Новгородский, свт. 346, 347
- Евфимия (тетя Фима) 375, 376
- Екатерина II, императрица 21
- Екатерина Ивановна, княжна 20
- Екатерина (Шарикова), монахиня 160, 171
- Елена, монахиня 347
- Елизавета Маврикиевна, Вел. княгиня 52, 62
- Елизавета Федоровна, Вел. княгиня 60
- Емельян 351–353, 358, 368
- Ерзина З. Х. 230
- Ермолинский Н. Н., генерал 51
- Ефимова (Поспелова) Мария Петровна 271
- Жвигуль 484, 496
- Жураковский Анатолий Евгеньевич, иерей 140, 142
- Завьялова Вера 489
- Завьялова Екатерина 489

- Замятина Любовь Ивановна 233
- Западалов Алексей Иосифович, протоиерей 419, 434, 435
- Зеленцовский Михаил, протодиакон 117
- Зосима, схиигумен 322, 323
- Зудкин Федор Иванович 437
- Иванов Кирилл, диакон 133, 137
- Иванов Хрисанф 36–38
- Иванова Апполония Афанасьевна 427
- Игнатий (Астанин), иеромонах 201
- Игнатий (Брянчанинов), свт. 21–24
- Игнатий (Малышев), архимандрит 25, 27, 28
- Игносов Александр, священник 167
- Игорь Константинович, князь 52, 59, 60
- Иерофей (Афонин), епископ Никольский 115
- Иларион (Бельский), епископ 161, 164, 165, 168, 188, 189, 205–208, 211–218, 221, 225–227, 228–244, 252–254, 257, 258
- Иларион (Троицкий), архиепископ 221, 224, 230
- Ильина Поликсения Петровна 451, 452
- Иннокентий, иеромонах 161, 163
- Иннокентий (Тихонов), архиепископ 78
- Ионафан, игумен 18–19
- Иоанн, архимандрит 195
- Иоанн Златоуст, свт. 246, 252
- Иоанн Константинович, князь 52, 57–62
- Иоанн (Кронштадтский), св. праведный 190, 200, 263, 311, 336–339, 338, 339, 346, 350
- Иоанн (Снычев), митрополит 12
- Иоанн Сперанский, священник 121
- Иоанн (Шустин), иеромонах 121
- Иоанна (Лежоева), монахиня 203
- Иоасаф (Попов), епископ 115
- Иоасаф (Сазонов), иеромонах 118, 303
- Иона, иеромонах 346
- Иосиф (Петровых), митрополит 5, 6, 81–83, 87–92, 101–103, 107–108, 110, 114, 115, 120, 122, 123–128, 130, 130–132, 139–141, 144, 145, 192, 193, 195, 268, 271, 285, 289, 292, 293, 299, 300, 302, 319, 333, 349, 350, 399, 419–422, 430, 462–484, 496
- Ирина (Зиновьева), монахиня 160, 169, 171

- Иринарх (Синеоков-Андреевский), епископ 208, 210
- Исидор (Никольский), митрополит 26
- Ия (Репина), монахиня 111, 112, 323–326
- Казак Александра Давыдовна 281
- Калиш Ольга Гавриловна 427
- Калугин Зотей Терентьевич 242
- Каменева Евгения Николаевна (Нина) 281
- Квасников Николай Александрович 427
- Кедров Михаил Валентинович, диакон 425, 428
- Кибардин Алексей Алексеевич, протоиерей 106, 129, 150, 265
- Киприан (Комаровский), епископ 186, 188
- Киреева Зоя Васильевна 280, 281, 378–380, 385, 402–404, 408
- Киреева Елизавета Ивановна 280, 281
- Кирилл (Смирнов), митрополит 6, 234, 244, 254, 257, 258, 363
- Кирилл (Сычев), игумен 209, 211
- Киркилевская Анна Филипповна 439, 441
- Киркилевский Виктор Варфоломеевич 439, 440
- Кирьянов Николай, иподиакон 188
- Кирюшкин Михаил Иванович 439
- Киселев Василий Федорович, тайный монах 436
- Киселева Екатерина 162
- Клавдий (Савинский), архимандрит 110, 111, 122, 150, 261–270, 274–285, 320–322, 376, 394, 395, 404
- Клавдия Ивановна 327
- Клавдия Николаевна 266
- Клементьева Варвара Ивановна 428
- Климочкина Александра Еремеевна 372
- Кокурин Иван Алексеевич 433
- Колесов Алексей, иерей 203
- Колобков Николай Александрович 123, 130
- Колпакова Наталия Ермолаевна 239, 240
- Колупаев Василий Васильевич 425
- Конев Егор Андреевич 458–459
- Конопляников Иван Степанович 439, 487
- Константин, король 51
- Константин (Зайцев), архимандрит 13, 14, 16, 66
- Константин Константинович, Бел. князь 50–60, 62, 79
- Константин Константинович, князь 52, 59, 60

- Константин Николаевич, Вел. князь 51, 52
- Коняев Н. 50
- Корецкая Анастасия Дементьевна 310, 311
- Корецкая Анастасия Николаевна 311, 312
- Корецкая Варвара Николаевна 311
- Корецкая Мария Николаевна 311
- Коржавина Вера Владимировна 427
- Корнев Сергей Николаевич 211, 217
- Корнева Александра Сергеевна 211
- Корнилов Иван Кириллович 162
- Коронатова Мария Ивановна 492, 494
- Кочеткова Ульяна Ивановна 427
- Костылев Василий Александрович 209, 211, 217
- Красноленская Валентина Александровна (инокия Валентина) 322, 414
- Кротов Михаил Иванович 432
- Кругликова Наталия Тимофеевна 426
- Крумгольц Наталья Митрофановна 433
- Крылов Иван Андреевич, диакон 452
- Кубарева Надежда Федосеевна 439, 440
- Кузнецова Мария Григорьевна 427
- Кулаков Дмитрий Федорович 452
- Кунцевич Матрена Дмитриевна 426
- Курилка 219–221
- Кухарская Ефросинья Яковлевна 449
- Лазарь (Журбенко Федор Иосифович), архиепископ 328, 387–389
- Лапицкая Мария Трофимовна 450, 451
- Ларина Анна Павловна 454
- Латышев Александр Михайлович 453
- Лебедев Иоанн, иерей 137
- Лебедева Елена Наркизовна 433
- Лебедева Матрена Николаевна 428
- Лев (Егоров), архимандрит 206, 207
- Леонид (Семенов), иеродиакон 425
- Лив Татьяна Федоровна 322
- Лимонштайн Любовь Тимофеевна 453, 454
- Магдалина (Большакова), игуменья 159, 160
- Мазырин Александр, иерей 107, 253, 256, 272
- Макарий, архимандрит 110, 118
- Макарий (Глухарев), архимандрит 183
- Макарий (Кармазин) 253

- Макарий (Невский), митрополит 189
- Макарий (Реутов), архимандрит 419, 446–449, 455
- Максакова Александра Владимировна 431
- Максим (Жижиленко), епископ 108, 118, 225–228
- Максимова Анна Митрофановна 431
- Малх, иеромонах 161, 162
- Малыгин Александр Александрович 454
- Малыгина Екатерина Александровна 453
- Мануил (Лемешевский), митрополит 109, 186, 189
- Мария, новгор. 401
- Мария Гатчинская (Лебянова), монахиня 334–336
- Мария (Кожевникова) 169, 171
- Мария (Портных), монахиня 160, 171
- Маркин Николай Васильевич 294, 432, 434
- Марфа Александровна, послушница 374
- Марфа Николаевна 266, 277
- Марфа (Кожевникова), 169, 171
- Матвей (Челюсткин), иеромонах 453
- Матрена Ивановна 379
- Матсон Петр 44
- Матюшкин Александр Николаевич 426
- Мейлунас А. 55
- Мелетий, иеромонах 408
- Мельников Иван, регент 117
- Мехедова Вера Федоровна 428, 429
- Мехедова Зинаида Федоровна 428, 430
- Мещерский 67
- Мидяшкин Кузьма Яковлевич 160
- Мироненко С. 55
- Мисаил, иеромонах 38
- Митрофан (Михайлов), иеромонах 7, 419, 441–444, 455–461
- Митюхин Петр Иванович 402, 404, 405
- Михаил (Горелышев), архимандрит 28–31, 68
- Михаил (Иванов), иеромонах 236, 242, 252–253
- Михайлин Григорий Васильевич, диакон 424
- Мосолов А. А., генерал 56
- Морозов, инженер 76
- Морозов Павел, иерей 123, 201
- Муравьева (Рождественская) Ольга Васильевна 274, 390
- Муравьев Рафаил Яковлевич, иерей 273, 274, 286
- Мяндина Анна Петровна 376
- Назарий (Конюхов), иеромонах 119
- Наталия (Федорова), монахиня 209, 211, 216

- Наталья Сергеевна 380
- Нектарий (Трезвинский), епископ 114, 120, 226–229, 234, 238
- Нестеров Митрофан Степанович 165
- Нестеровская А. Р., балерина 61
- Никандр, преп. 175–177
- Никанор 371
- Никитин Иоанн Григорьевич, протоиерей 94, 105, 106, 114, 120, 129, 130, 146
- Никифор (Стефанов), иеромонах 121, 137
- Никодим (Лаврешов), иеромонах 138
- Николаева Мария Андреевна 340, 341, 342
- Николаева-Борисова Александра Владимировна 433
- Николаевский Борис, священник 332, 340
- Николай I, император 21
- Николай II, император 62–64, 149
- Николай (Добронравов), архиепископ
- Николай (Ярушевич), митрополит 79–85, 87–89, 94, 96
- Никольская Алевтина, матушка 318
- Никольский Александр, протоиерей 317–319, 320, 329
- Никольский Сергей Владимирович, протоиерей 150, 428, 429
- Никон (Катанский), архимандрит 109, 119
- Никон (Рклицкий), архиепископ 180
- Никонов-Сморозин М. З. 219, 221–225
- Новинкина Дарья 197
- Новоселов Михаил Александрович 106, 140, 194
- Номерова Клавдия Степановна 493
- Номерова Любовь Степановна 494
- Олег Константинович, князь 52, 53, 57, 59, 60
- Ольга Васильевна 380
- Ольга Константиновна, Вел. княгиня, королева 51, 73
- Ордынская Екатерина Александровна 231
- Орловская Анна Ивановна 494
- Орловский Владимир Владимирович 341
- Павел, иеромонах 33, 67, 68, 73
- Павел, император 21
- Павел (Кратиров), епископ 115, 119
- Павел (Лигор) иеромонах 304–306, 354
- Павла (Алексеева), монахиня 359
- Павлова Анастасия Николаевна 426
- Паинцев Иван Михайлович 425, 428
- Палей Владимир, князь 60

- Пантелеймон (Рожновский), митрополит 311, 313
- Панюшина Александра Федоровна 316, 385, 386, 388, 390–393
- Параскева Федоровна, императрица 20
- Парфений (Брянских), епископ 257
- Пахомий, иеросхимонах 339
- Пахомий (Кедров), архиепископ 230, 231
- Пелагея (Шихалева), монахиня 171
- Пересветова Парасковья Филипповна 440
- Перова Елена Андреевна 444
- Перфильева Анна Васильевна 113
- Петр, апостол 143, 144
- Петр (Зверев), архиепископ 222–224
- Петр (Полянский), митрополит 95–97, 193, 207, 224, 236, 237, 248, 363
- Петров Осип 161
- Петрова Мария Гавриловна (инокиня Магдалина) 376
- Петровых Александр Семнович 493
- Петровых Екатерина Васильевна 488
- Пешкова Екатерина Павловна 151, 152, 155, 156, 157, 421
- Печенкина Анна Моисеевна 437
- Печникова Александра 488
- Пискановский Николай, священник 226, 227
- Платошина Мария Ермиловна 427
- Плешаев Георгий Константинович 426
- Победоносцев К. П. 185
- Пойдо Харитон Иванович, священник 159, 161, 165, 167–172, 237
- Польский Михаил, протопресвитер 97, 224, 232
- Полушин Елисей Ильич 238
- Поляков Филофей Петрович, протоиерей 106, 130, 420, 487
- Пономарев Макарий 196
- Попов Владимир, священник 161, 165
- Попова Дарья Дмитриевна 428
- Потапов Виктор, протоиерей 328, 329, 393
- Прасковья (Грязева), монахиня 171
- Преображенский Георгий Васильевич, иерей 137
- Пришвина Валерия Дмитриевна 153, 154
- Прозоров Николай Федорович, иерей 106, 114, 120, 130, 201
- Прокопий (Титов), архиепископ 253–256, 257
- Пронин Василий Михайлович, протоиерей 150

- Прусак Анна Владимировна 395–398
- Прусак Елена Владимировна 395–397
- Раиса (Синькевич), игуменья 207–212, 216, 217
- Распутин Григорий 64, 69
- Резникова И. 221
- Ремиз Мария Константиновна 427
- Рождественская Александра Ивановна 272
- Рождественская Зинаида Васильевна 271
- Рождественская Мария Алексеевна 391, 393
- Рождественская Ольга Михайловна 273
- Рождественская Серафима Васильевна 271
- Рождественский Василий Валерьянович 270, 272
- Рождественский Измаил Васильевич, протоиерей 99, 271–273, 285, 286, 315, 414
- Рождественский Михаил Васильевич, протоиерей 106, 269–274, 285, 286, 315–317, 320, 325, 328–331, 385–395, 410, 411
- Рождественский Сергей Михайлович 273, 274, 393
- Розанов И. 219, 221
- Розанова Екатерина Николаевна (инокиня Пантелеймона) 339, 341–344, 376
- Романова Агриппина Изофатовна 437
- Романюк Федор Филиппович, протоиерей 99, 150
- Ростислав, священник 329
- Ростов Алексей 229, 233
- Ругин Иван Дмитриевич 123, 130, 131
- Рудакова Анна Матвеевна 428
- Руднева Феодосия Тимофеевна 269, 353
- Рупышев Амвросий Понтиевич 315
- Рупышев Понтий, священник 309–313
- Рупышева Аглаида Понтиевна 313
- Рупышева Валентина Евгеньевна 313–315, 326
- Рыбаков Григорий 157
- Рябов Яков Иванович 427
- Савельева Александра Петровна 373
- Савельева Евдокия Ефимовна (Арсения) 281
- Савельева Ксения Петровна (монахиня Алексия) 372–374, 376–380, 383
- Савельева Мария Петровна 373, 374, 376, 377
- Савельева Ольга Николаевна 427
- Савельева Римма Николаевна 427
- Садовский Григорий Алексеевич 239, 240

- Сазонов Александр Михайлович 328, 385–387, 389, 393, 395, 401, 407–410
- Сазонов Михаил Александрович 386, 388, 399, 400, 404, 413
- Сазонов Михаил Иванович 123, 130, 131, 398, 399, 407–409
- Сазонов Петр Михайлович, иподьякон 123, 201, 399–401, 407, 408, 409
- Сазонова Вера Федоровна 8, 269, 282, 288, 338, 343, 345–347, 353–357, 360–416
- Сазонова Любовь Александровна 386, 388
- Сазонова Феодосия Ивановна 408
- Сакова Дарья Савельевна 338, 401, 402
- Сакулина Александра Владимировна 470–473, 476–478
- Сафонов Георгий Капитонович, священник 122, 150
- Сахаров М. С. 6
- Сверчков Измаил Александрович, иерей 118
- Семенов Николай Павлович 293–297
- Семенов Павел Петрович 290
- Семенова Лидия Павловна 8, 112, 288–298, 300–309, 312–323, 325–336, 344, 415, 416
- Семенова Матрена Николаевна 290–293, 301
- Семенова Таисия Павловна 293
- Серафим, иеромонах 34, 68
- Серафим (Борисов), иеродиакон 117, 118
- Серафим (Иванов), иеромонах 419, 438, 455
- Серафим (Климков), архимандрит 253, 254
- Серафим (Протопопов), архиепископ 78, 83, 88, 94, 98, 108
- Серафим (Проценко), архимандрит 331–333
- Серафим (Самойлович), архиепископ 117, 167, 230, 231, 233, 252, 257, 467
- Серафим (Себекин), игумен 210, 211, 254
- Серафим (Чичагов), митрополит
- Серафима (Голубева), монахиня 265
- Серафима (Терешихина), монахиня 265
- Сергей Михайлович, Вел. князь 60
- Сергий, иеромонах 377, 378
- Сергий (Дружинин), епископ 7, 11–16, 18, 19, 25–52, 57–60, 62–64, 66–70, 73–81, 83–86, 88, 99–100, 102–106, 108, 109, 111, 113–131, 133–136, 138–141, 144–174, 195, 197, 200, 205, 225, 243, 264, 272, 323, 438, 478, 481–483

- Сергий (Зенкевич), епископ 83
- Сергий (Петров), архимандрит, епископ 185
- Сергий Радонежский, преп. 28, 289, 290, 307
- Сергий (Страгородский), митрополит 79, 83–98, 101, 104–108, 112, 115, 116, 119, 144, 145, 192–194, 208, 224, 225, 228, 232, 244, 248–251, 254–256, 272, 278, 300, 335
- Серебряков Анатолий Эспертович 223, 224
- Серебрянников М. Н., архимандрит 460
- Сидоров Василий Петрович 331
- Сидорова Пелагея Дмитриевна 331
- Синезий (Зарубин), епископ 115
- Синицкий Григорий, протоиерей 255
- Словцев Василий Федорович, протоиерей 419, 435, 455
- Смирнов Александр Степанович 453
- Смирнов Василий, протодьякон 201
- Смирнова Анна Георгиевна 449
- Советов Александр Евгеньевич, протоиерей 106, 122–124, 268, 294, 297–302, 419, 430, 431, 462, 463
- Советова Мария Александровна 297, 466, 488
- Советова Татьяна Карловна 297, 302, 431, 432, 466
- Соколин Иван Васильевич, священник 452
- Соколов Александр Александрович 437
- Соколова Ксения Васильевна 437
- Соловьев Алексей Петрович 380–383, 385
- Соловьев Петр Дмитриевич 381
- Соловьева Мария Петровна 280, 381
- Соллогуб А. А., граф 337, 338
- Солоневич Иван 136
- Стенькин Егор Ильич 166, 168
- Степанов Иван Степанович 280, 281
- Степанов Николай Степанович 437
- Степанова Мария Ивановна 426
- Степанова Матрена Ивановна 151, 152, 156
- Степанида (Шарнина) монахиня 171
- Стефанида (Сметанина), монахиня 159, 160
- Стрельников Никифор Никифорович, протоиерей 92, 96, 104, 105, 108, 109, 116, 121–124, 127–130, 141, 150, 199, 263, 264

- Суворов Василий Павлович 203
- Суворов Иоанн, диакон 425
- Суворова Ольга Дмитриевна 203
- Суслова Александра Матвеевна 427
- Татьяна Константиновна, княгиня 52, 59, 62
- Татомир Матфей 453, 454
- Теленкова Анна Васильевна 437
- Тихомиров Александр Андреевич, протоиерей 103, 114, 433
- Тихомиров Сергей Андреевич, протоиерей 85, 86, 93, 103, 106, 113, 114, 130, 201, 433
- Тихомирова Мария Андреевна 433
- Тихомирова Юлия Андреевна 433
- Тихон (Белавин), патриарх 75, 77, 86, 100, 138, 39, 149, 187, 189, 207, 248
- Тихон (Зорин), иеромонах 261, 265, 268, 277, 279, 281, 283, 316, 317, 325, 329, 343, 353–359, 361, 368–389, 411, 414
- Топорков Феодор, священник 217
- Трифон (Пилюга), архимандрит 192, 196, 197
- Третинская (Рождественская) Мария 286
- Тулин Василий Федорович, иерей 122, 150, 264
- Тумбасов Александр, иерей 164
- Тучков Е. А. 82, 87, 102, 107, 148
- Ульянова Анна Петровна 427
- Унгур Анна 280
- Унгур Мария 280
- Унгур Наталья 280
- Устиния (Бажнина), монахиня 160
- Уткин Алексей Георгиевич 211
- Ушаков Николай Николаевич, иерей 122, 126, 129, 132, 481
- Федоров Константин, протоиерей 328
- Федорова Анна Андреевна 420, 426, 429, 492
- Федоров Сергей 92, 123, 201
- Феодор (Поздеевский), архиепископ 253, 254, 256, 257
- Федотов Г. П. 417
- Филарет (Вознесенский), митрополит 328, 329, 337
- Филарет (Карзанов), иеромонах 7, 444, 455–461
- Филарет (Синьковский), иеромонах 184
- Филиппова Анна 353, 370
- Фицнер Татьяна Сергеевна 431
- Флеров Александр Кириллович, протопресвитер 418, 419, 422–424, 430, 450, 455

- Фотий (Солодов), иеродьякон
122
- Харламов Александр Ильич
348, 349, 353, 491
- Харламова Евдокия Александровна
349, 355, 359, 361, 368, 371, 372, 377
- Харламов Василий Ильич 348
- Харламов Дмитрий Федорович
362, 365
- Харламов Михаил Федорович
358, 365
- Харламов Федор Ильич 345, 349–353
- Харламова Анна Михайловна
345, 350–353, 355, 356, 360–366, 366
- Харламова Александра Федоровна
358, 360, 362, 366, 367
- Харламова Мария Александровна
353, 355, 359, 368, 394, 395, 398, 406
- Харламова Надежда Федоровна
358, 362–365
- Харламова Ольга Федоровна
367
- Харламова Феодосия 359
- Цагарелли Павел Иванович
435, 437
- Цолингер Константин Николаевич
76
- Чавчавадзе Давид 55
- Чаенкова Меланья Ивановна, монахиня Иоанна 376
- Чельцов Михаил Павлович, протоиерей 75–85, 88, 90
- Чеснокова Евдокия 208, 210, 211, 215, 217
- Чистяков Анатолий Федорович
266–269, 276, 279, 281–284
- Чистяков Алексей Анатольевич
266
- Чистяков Евгений Анатольевич
266
- Чистяков Михаил Анатольевич
266
- Чистяков Федор Иванович
266
- Чистякова Мария Анатольевна
266
- Чистякова Ирина Анатольевна
266
- Чистякова Мария Николаевна
266, 444
- Чистякова Мария Семеновна
266
- Чистякова Юлия 266
- Чуков Николай Кириллович, протоиерей 79–83, 85
- Шаврова Екатерина Степановна
353, 368, 372, 384, 394
- Шастов Иоанн, протоиерей
255
- Шевченко Анна Дмитриевна
445
- Шеляпин Алексей, священник
147, 150, 201
- Шенец Никифор Федорович
123, 131
- Ширяев Б. Н. 222
- Шитов Алексей 209–211, 215, 217

Шишканов Василий, диакон 119	Щукина Мария Васильевна 445
Шишкин Алексей, священ- ник 109	Эйхманс 222
Шишунова Клавдия Семе- новна 486	Экало Иван Федорович, свя- щенник 428
Шкаровский М. В. 100, 115, 198	Юдин Филимон, диакон 203
Шуман Иосиф Викентьевич 451	Яковлева Варвара, инокия 61
Шумякова Мавра Федоровна 440, 492	Ямковская Любовь Ивановна 445
Щукина Елизавета Василь- евна 445	Яснопольская (Ждан) Вален- тина Николаевна 134, 135, 141, 144, 154
	Яшпатов Федор Степанович 166, 168

Содержание

Предисловие	5
<i>Часть I. Последние иосифлянские архиереи Петроградской епархии</i>	<i>9</i>
<i>Глава I. Епископ Сергей (Дружинин)</i>	<i>11</i>
Начало	11
В Троице-Сергиевой пустыни	20
Настоятель	31
Духовник Великих князей	50
Изгнанник	67
Архиерей	77
Разделение	88
В иосифлянской оппозиции	98
Во главе иосифлян	114
В тюрьме под следствием	134
Последние годы	153
<i>Глава II. Епископ Василий (Докторов)</i>	<i>174</i>
<i>Глава III. Епископ Иларион (Бельский)</i>	<i>205</i>
Жизненный путь владыки Илариона	205
1. Архиерейская хиротония и первый арест	205
2. В Соловецком лагере	218
3. В Козьмодемьянске	233

Письмо епископа Илариона митрополиту Кириллу (Смирнову)	244
<i>Часть II. Тайные служения в предвоенные и военные годы</i>	259
Архимандрит Клавдий (Савинский), иеромонах Тихон (Зорин) и священник Михаил Рождественский	261
<i>Часть III. Иосифляне последних времен. Полувековое катакомбное служение</i>	287
По воспоминаниям очевидцев. Записи 2005–2007 годов	288
<i>Глава I. Из воспоминаний Лидии Павловны Семеновой</i>	289
Мама и митрополит Иосиф	289
В Питере	293
Советовы	296
Иеромонах Анатолий Согласнов	302
Лигор и матушка Анна	304
Война и работа	306
В Троицкой церкви после войны	308
Община отца Понтия в Михново	309
Возвращение к иосифлянам	314
Отец Александр Никольский	317
Стрельна	326
Отец Михаил Рождественский	328
Архимандрит Серафим Проценко	331
Храм Воскресения Христова	333
Могилы протоиерея Феодора Андреева и матушки Марии Гатчинской	334
Св. праведный Иоанн Кронштадтский	336
Могила инока Владимира	339
<i>Глава II. Из воспоминаний Веры Федоровны Сазоновой</i>	345
Отец Георгий	346

Одни.....	350
Отец Тихон.....	353
На чужбине.....	358
На родине и в Латвии.....	366
В Питере.....	372
Аресты, угрозы, слежка и «подсадка».....	375
Отец Михаил Рождественский.....	385
Марфинька.....	394
Матушка Анастасия Куликова.....	398
Дарья Савельевна Сакова.....	401
Зоя Васильевна Киреева.....	402
Петр Иванович Митюхин.....	404
Дядя Володя.....	405
Сазоновы.....	407
Отец Алексей Вознесенский.....	409
Аннушки.....	411
О бывших иосифлянах.....	411
Разные истории.....	413
Крест.....	413
О могиле отца Феодора Андреева.....	414
Искушение на «земле обетованной».....	414
Духовные стихи.....	415
<i>Приложение I. Следственное дело № 2916-1932 года.....</i>	<i>417</i>
«О к.-р. церковно-монархических группировках “Истинно-православная церковь”».....	417
<i>Приложение II.....</i>	<i>462</i>
1. Письма митрополита Иосифа (Петровых). Из следственного дела 1930–1931 годов.....	462
1. Письма, адресованные протоиерею Александру Советову.....	462

Письма, адресованные Александре Владимировне Сакулиной	470
Письма по поводу церковных нестроений епископу Сергию (Дружинину), протоиерею Викторину Добронравову и др.	478
Ответное письмо епископа Сергия (Дружинина) митрополиту Иосифу	483
2. Протокол допроса митрополита Иосифа Чимкентского Отдела ОГПУ	484
Именной указатель	497

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ
СЕРГИЙ, ЕПИСКОП НАРВСКИЙ
ВАСИЛИЙ, ЕПИСКОП КАРГОПОЛЬСКИЙ
ИЛАРИОН, ЕПИСКОП ПОРЕЧСКИЙ**

ТАЙНОЕ СЛУЖЕНИЕ ИОСИФЛЯН

Жизнеописания и документы

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*
Корректор *О. Ю. Зорина*
Верстка *Г. В. Ревцова*
Обложка *О. С. Гушанская*

ООО «Издательство «Братонез»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 18.04.2009. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 32,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Для заметок

Для заметок
